Е. И. КАЦПРЖАК

ИСТОРИЯ ПИСЬМЕННОСТИ И КНИГИ

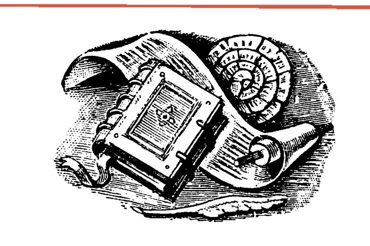

ИСТОРИЯ ПИСЬМЕННОСТИ И КНИГИ

Е. И. КАЦПРЖАК

ИСТОРИЯ ПИСЬМЕННОСТИ И КНИГИ

Государственное издательство
„ИСКУССТВО“
1955

ЕВГЕНИЯ ИВАНОВНА КАЦПРЖАК

ИСТОРИЯ ПИСЬМЕННОСТИ И КНИГИ

Редактор Е. М. Алёхина.

Переплет, титул, шмуцтитулы и буквицы художника И. Д. Кричевского (гравюры на дереве К. А. Павлова).

Художественный редактор И. Д. Сталидзан.

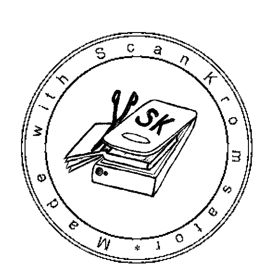
Технический редактор А. Н. Чичерин.

Корректор А. С. Суслина.

Сдано в набор 12/VIII 1954 г. Подп. к печ. 5/II 1955 г. Формат бумаги $60\times92^{1}/_{16}$. Печ. л. 22,25 (условных 22,25). Уч.-изд. л. 22,183. Тираж 10 000. Ш 06229.
«Искусство». Москва, Цветной бульвар, 25. Изд. № 18527. Зак. тип. 1726.

Образцовая тип. Латглавиздата,
г. Рига, ул. Пушкина № 12.

Цена 13 р. 10 к.

ОТ АВТОРА

Первое место в мире по количеству издаваемых книг занимает Советский Союз. Благодаря неустанной заботе Коммунистической партии и Советского правительства о развитии издательского дела и удовлетворении культурных потребностей населения уровень производства книг в нашей стране достиг большой высоты.

Советская книга — наиболее передовая в мире, проводящая в широкие массы великие идеи марксизма-ленинизма, книга, предназначенная с первых дней Великой Октябрьской социалистической революции служить народу, воспитывать трудящихся — строителей коммунизма. Книга — источник знания, свидетель растущей культуры — вошла в быт советского человека, она стала жизненно необходимой. Книги, выпускаемые огромными тиражами, о которых не могли даже и мечтать до Великой Октябрьской революции, раскупаются обычно в очень короткие сроки.

Вопросы истории книги, ее происхождения, значения в различные эпохи, место, занимаемое книгой как проводником идей в исторической жизни народа, — все это живо интересует советского читателя. Следует заметить, что литература наша в этой области крайне бедна; за последние годы вышла всего одна работа по истории издательского дела — книга А. И. Назарова «Очерк истории советского книгоиздательства». Выпуская настоящее пособие, автор надеется хотя бы отчасти заполнить этот пробел.

Книга была задумана в качестве пособия к курсу «История письменности и книги», который автор читал в течение нескольких лет слушателям Московского вечернего редакционно-издательского техникума. Применительно к программе техникума в книгу включены две такие различные по характеру и методам изучения части, как история письменности и история книги.

История письменности представлена в самом кратком виде — как часть истории культуры для читателя, имеющего среднее

образование. Более детальное изучение развития письмен при этом объеме книги оказалось невозможным. История собственно книги включает историю рукописной и печатной книги, причем автор стремился по возможности показать большую прогрессивную роль рукописной книги в России XV—XVII веков. В эту эпоху рукописная книга продолжала существовать наряду с печатной и значительно опередила последнюю в отношении разнообразия содержания и количества названий.

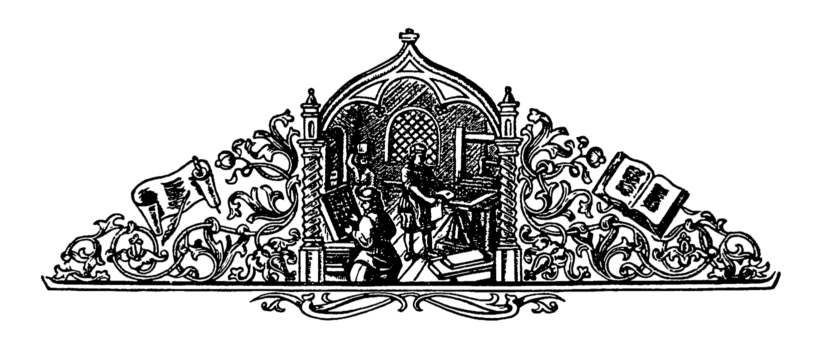
В дальнейшем изложение истории книги неизбежно должно было затронуть пограничные области, а именно: газету и журнал. В известной мере оно охватывает всю совокупность печати в разные исторические моменты, не переходя, впрочем, в специальные области истории журналистики и газетного дела.

При чрезвычайной трудности построения программ и пособий по истории книги — дисциплине, научная разработка которой не отличается обилием литературы, — необходимо было придерживаться того основного пути, по которому следовала эволюция книги. Поэтому основным стержнем изложения взято издательское дело и развитие полиграфии, понимая издательское дело шире, чем историю отдельных издательств, и включая в историю книги данные о появлении отдельных произведений особого идеологического значения. Почти вовсе не затрагивались вопросы книгораспространения (книжная торговля) и книгособирания (библиотечное дело).

История книги в СССР в соответствии с программой техникума представлена только в части русской и начального периода белорусской и украинской книги. По истории книги других республик, входящих в состав СССР, имеется мало печатных материалов. Этот серьезный пробел предстоит заполнить исследователям истории книги в будущем.

Что касается истории книги в странах Западной Европы, то в соответствии с программой техникума изложение этой части идет только по главнейшим этапам развития.

За товарищескую помощь в работе при составлении настоящего пособия приношу глубокую благодарность сотрудникам Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина А. С. Зерновой и Я. С. Рогинскому.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОБЩАЯ ИСТОРИЯ ПИСЬМЕННОСТИ И КНИГИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПИСЬМЕННОСТИ

•

§ 1. ЯЗЫК И ПИСЬМЕННОСТЬ

Язык — важнейшее орудие общения людей между собой; необходимость общения была основой для возникновения языка. Вопросы происхождения языка, его связь с развитием человеческого общества разработаны в трудах Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. В работе «Диалектика природы» Ф. Энгельс создал подлинно марксистскую теорию возникновения языка в процессе трудовой деятельности человека. И. В. Сталин в труде «Марксизм и вопросы языкознания» разработал ясное, строго научное марксистское учение о языке и о его связи с мышлением, указав, что мышление у человека может возникнуть только на основе языка, что «оголенных мыслей», не связанных с языком, быть не может[1].

Исходя из основных положений марксистского учения о языке можно по-новому подойти к изучению других областей истории человеческой культуры. Одна из таких областей — письменность, находящаяся в тесном взаимодействии с языком, его словарным составом, грамматическим строем и национальными особенностями.

П и с ь м е н н о с т ь — это система закрепления на материале (камне, папирусе, бумаге и т. д.) звуков речи и слов языка при помощи условных знаков с целью передачи их содержания от одного человека другому. Письменность появляется тогда, когда для общения уже недостаточна передача мыслей посредством языка, когда возникает потребность закрепить эти мысли на продолжительное время.

Письменность возникает почти у всех народов на ранних ступенях культурного развития. Некоторые системы закрепления мысли не были связаны с начертательными знаками. Так, напри-

---

[1] См. И. В. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1954, стр. 45.

мер, мысль передавалась при помощи узелков на шнурках или же раковин, нанизанных на веревку.

Автор данного пособия ставил своей задачей ознакомить читателей только с графическими способами закрепления мысли, так как только из этих графических способов и развилось современное письмо.

§ 2. ПИКТОГРАФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО

Возникновение письменности относится к глубокой древности — к так называемой верхней палеолитической эпохе каменного века, к периоду первобытно-общинного строя. Древнейшие памятники графических знаков, обнаруженные при раскопках, относятся к очень далекому времени — около 15 тысяч лет тому назад. Эти графические изображения, или знаки, передавали образы или мысли. Таким образом, даже в этой зачаточной форме письменности изображения были связаны с мышлением, а следовательно, и с языком.

Потребность в письме появилась очень рано; она вызывалась необходимостью вести учет, производить счет при мене, при разделе добычи на охоте и т. д. Записи производились путем зарубки на камне или посредством надрезов на дереве. В других случаях потребность пользоваться письменными знаками возникала из необходимости передать важное известие, указать дорогу, по которой следует идти, предупредить о грозящей опасности. В некоторых случаях рисунки древнего человека имели целью закрепить в памяти какое-либо событие — удачную охоту, победу над врагом. Иногда рисунки имели религиозное или магическое значение: начертанные на стене у входа в жилище, эти рисунки предохраняли обитателей от «злых духов» и т. п.

Раннее так называемое «рисуночное письмо» получило название пиктографии[1]. На поверхности скалы или на стенах пещер, служивших жилищем, рисунки процарапывались острым орудием (камнем, раковиной, костью) или раскрашивались краской. Такие пиктограммы каменного века найдены археологами в различных местах Европы и Азии (в Сибири). Большинство рисунков изображало сцены охоты; позднее появляются пиктограммы более сложные по содержанию — это были религиозные формулы, военные сообщения, любовные письма и др. В дальнейшем понятие, раскрываемое рисунком, усложнялось и в самый рисунок вводились добавочные элементы. Например, желая изобразить убитого зверя, его рисовали вверх ногами или без головы. Также пиктографически изображались моменты победы над врагом: убитых врагов рисовали без голов. Своеобразная особенность пиктографического письма состоит в том, что

[1] Пиктография — от латинского слова *пиктус* — писанный красками — и греческого слова *графо* — пишу.

оно может быть расшифровано на любом языке. В этом пиктография отличается от похожего на нее по внешнему виду ребуса, который всегда связан с каким-нибудь одним языком. Даже на одном и том же языке пиктограмма может быть истолкована поразному — различными фразами, различными словами, главным образом синонимами.

У некоторых народов пиктографическое письмо сохранялось в течение длительного времени и имело определенные формы, выработанные традицией. Индейцы Северной Америки до конца XIX века пользовались пиктографическим письмом.

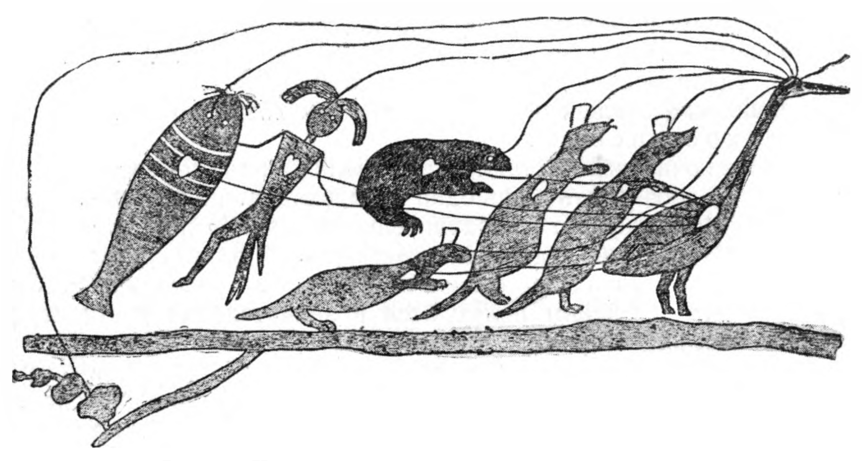

Рис. 1. Прошение североамериканских индейцев. Образец пиктографического письма

На рис. 1 изображена пиктограмма, написанная в середине XIX века. Это прошение нескольких племен североамериканских индейцев, поданное президенту США о разрешении переселиться на дальние озера, где природные условия облегчат существование людей. Звери, изображенные на рисунке, — это родовые знаки племен, линии, соединяющие головы и сердца, указывают на общность мыслей и намерений людей, кружки внизу изображают дальние озера. Рисунок крайне лаконичен, в то же время он с большой выразительностью передает положение людей, обреченных колонизаторами на вымирание.

У народов, имеющих современную письменность, сохранились пиктографические знаки в некоторых бытовых областях. В Северной Осетии пиктографическими знаками покрыты надгробные памятники: на памятнике (камне), поставленном на могиле ученого, изображена книга, на памятнике хорошему наезднику — конь или седло, на памятнике искусной швее — швейная машина.

В настоящее время в быту мы пользуемся многими пиктографическими знаками; таковы, например, многочисленные знаки,

регулирующие уличное движение транспорта; рисунок стрелы или руки, указывающей направление; изображение черепа и двух костей на аптекарских банках, содержащих ядовитые вещества; изображение этих же знаков, перечеркнутых зигзагообразными стрелами, на столбах и постройках электропередачи высокого напряжения и многие другие знаки.

§ 3. ИДЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО

Повидимому, пиктография была первоначальным способом письменного выражения мысли у всех народов. Дальнейшая эволюция письма шла в том направлении, что с известным рисунком стало связываться определенное слово. Рисунки, постепенно упрощаясь, сделались схематическими; в письмо вводились знаки, обозначающие отвлеченные понятия. Так возникло идеографическое письмо[1].

В заключительной стадии этой эволюции знак, обозначавший слово, стал обозначать лишь один звук, входивший в состав слова. Так получился алфавит из сравнительно немногих знаков. Письмо, в котором каждый отдельный графический знак соответствует звуку речи, называется фонетическим письмом[2]. Это тот вид письма, каким пользуются в значительной части стран мира в настоящее время.

Трудно указать точную грань, где кончается пиктографическое письмо и где начинается идеографическое. Прослеживая известные системы идеографического письма, можно установить те пиктографические знаки, из которых получился идеографический знак (идеограмма). У некоторых народов идеографические начертания сохранили «рисуночный» характер (Египет), у других утратили его почти совершенно (Китай). На протяжении многих тысячелетий культурного развития человечества шел процесс перехода от «рисуночного письма» к идеографическому и затем процесс укрепления, упорядочения идеографических знаков в общую систему идеографического письма. Система идеографического письма возникает и укрепляется обычно в период образования государств, когда появляется потребность вести торговлю внутри и вне государства, когда молодое государство вынуждено заключать политические и торговые соглашения с соседними странами.

В истории древних народов возникали различные системы идеографического письма; в зависимости от условий жизни у одних народов идеографическая письменность исчезала бесследно, у других она порождала новые, более совершенные системы письменности. Все идеографические системы имеют нечто общее в характере первоначальных знаков и резко различаются в даль-

---

[1] Идеография — от греческих слов *идеа* — понятие и *графо* — пишу.
[2] Фонетика — от греческого слова *фоне* — звук.

нейшем развитии соответственно грамматическому строю языков. В языках флексирующих, в которых слова изменяются по падежам, числам и лицам, характер идеографического письма всегда будет отличаться от письма тех языков, где таких изменений слов не существует. Общими для всех систем являются некоторые знаки, восходящие к пиктографии. Так, везде глагол «говорить» изображается в виде рта, глагол «глядеть» — в виде глаза, «слушать» — в виде уха и пр. Интересный случай идеографического письма был обнаружен в конце XIX века в Рязанской губернии. Неграмотная крестьянка, желая запомнить текст молитвы, записала его придуманным ею идеографическим письмом, а затем стала употреблять эти знаки для записи событий своей жизни. Любопытно, что в ее письме глаголы «глядеть», «говорить», «слышать» изображались так же, как в древних письменах; слово «ходить» обозначала нога, слова «кров», «покров» — крыша дома и т. д.

Все крупнейшие идеографические системы письма связаны с рабовладельческой общественной формацией. Вследствие того, что эта письменность была чрезвычайно трудна для усвоения, она была доступна только узкому кругу — придворной знати и жрецам.

Известны следующие системы идеографического письма, связанные с древними очагами культуры, — письмо Египта, письмо Месопотамии (Ассиро-Вавилонии) и письмо Китая. Письменные памятники этих систем, дошедшие до нашего времени, сохранили замечательные произведения литературы и материалы по истории древних народов этих стран.

§ 4. ЕГИПЕТСКОЕ ПИСЬМО

Древнейшей системой идеографической письменности является письменность народов, живших в четвертом — первом тысячелетиях до нашей эры в северо-восточной Африке, по среднему и нижнему течению реки Нила. Египетское государство, во главе которого стоял фараон, а главное участие в управлении принимали жрецы, достигло в это время блестящего расцвета; экономическое могущество его основывалось на рабском труде.

Многочисленные архитектурные сооружения гигантских размеров — храмы и пирамиды — сохранились частью в развалинах до нашего времени. Стены этих сооружений покрыты высеченными или нарисованными краской идеографическими письменами, древнейшие из которых относятся к четвертому тысячелетию до нашей эры. Эти письмена впоследствии получили название иероглифов[1]. Иероглифы рисовались и вырезывались

[1] Иероглифы — от греческого слова *иерос* — священный и *глюфо* — высекаю, вырезаю.

с большим искусством и представляли собой изящные миниатюрные изображения предметов, растений, животных и птиц. Расположение знаков шло справа налево и наоборот; нарисованная в начале текста рука показывала пальцем направление, в котором следует читать.

Обычно иероглифические надписи сопровождались художественными изображениями, исполненными с большим талантом. Надписи на стенах храмов представляли собой молитвы богам и заклинания.

Египтяне были изобретателями материала для письма, получившего широкое распространение во всех странах древнего мира. Это был так называемый папирус[1], изготовляемый из сердцевины тростникового растения папируса, который рос по берегам Нила и в дельте его образовал непроходимые заросли в 3—4 *м* высотой. О способе изготовления папируса как материала для письма римский естествоиспытатель I века Плиний рассказывает следующее: со ствола удаляли наружную оболочку (кору), сердцевину разрезали по длине на тонкие полоски, которые помещали рядами на мокрой доске; на первый слой папируса накладывали второй слой в перпендикулярном направлении, после чего его прессовали. Выдавленный сок из растения служил клеем, скреплявшим отдельные полоски. Затем при помощи лощильника из слоновой кости или из раковины устраняли на нем неровности и просушивали на солнце. Получалась своеобразная «бумага» цвета сырого песка. Отдельные листы склеивали в одну ленту, которую скатывали в свиток. Обычная длина свитка равнялась 6 *м* при ширине от 15 до 30 *см*.

Распространение папирусных свитков относится ко второму тысячелетию до нашей эры. В последующий период папирус стал общераспространенным материалом для письма в странах, прилегающих к Средиземному морю. Он вырабатывался в огромных количествах и являлся важным предметом вывоза. Изготовление и продажа папируса были монополией фараона. После завоевания Египта Римом папирус стали изготовлять и в Риме, куда Египет обязан был доставлять папирус в сыром виде. Производство папируса в Риме было также государственной монополией. Папирусные свитки сохранились до нашего времени в большом количестве, особенно много их было найдено в гробницах египетских фараонов.

В религии Египта большое место отводилось культу мертвых. Египтяне верили в загробную жизнь и думали, что после смерти человек нуждается в том, что ему было необходимо при жизни. Поэтому похороны сопровождались большим количеством различных ритуалов и обрядов. Особенно торжественно совершалось погребение фараонов, для могил которых в древнейшую эпоху строили гигантские сооружения — пирамиды, представляющие

[1] Папирус — от египтского *pa-p-iur*, что значит «растение реки».

собой памятники нечеловечески тяжелого труда египетских рабов. Труп умершего фараона бальзамировали, завертывали в полотняные ткани, клали в гроб (саркофаг) и помещали в комнате внутри пирамиды; рядом с ним ставили все те предметы, которыми покойник пользовался при жизни: мебель, посуду, драгоценности, пищу, вино и свитки из папируса. Египетские жрецы, знавшие в совершенстве письмо, посредством иероглифов покрывали надписями и рисунками предметы, находившиеся в комнате погребения фараона, а также двери, стены комнаты и смежных помещений. В комнату погребения вел запутанный коридор, в нескольких местах перегороженный крепко запертыми дверями. Перед комнатой с саркофагом находилось еще несколько комнат, также наполненных предметами обихода и отделенных от главной комнаты дверями. На дверях и над ними были сделаны надписи с предупреждением, грозившим смертью всякому, кто войдет в гробницу и нарушит покой усопшего.

На рис. 2 изображена стенная роспись из пирамиды в Фивах. Портрет фараона окружен иероглифической надписью.

Книги, найденные в пирамидах и других местах погребения, содержат богатейший материал для изучения истории, литературы, науки и экономики Египта. В каждую могилу полагалось положить свиток, содержащий текст так называемой «Книги мертвых». В нем описывался тот путь, который согласно верованиям египтян проходит душа умершего после смерти. Сопровождалось это описание молитвами и заклинаниями, текст иллюстрировался рисунками. Некоторые свитки «Книги мертвых» выполнены с большой роскошью, многими красками, другие — скромнее; то или иное оформление списка определялось имущественным положением умершего и его наследников.

Сохранившиеся египетские книги (свитки) показывают высокое состояние науки в древнем Египте. Грамотность и наука были сосредоточены в руках незначительной по численности части населения — главным образом жрецов и чиновников. Характер административного устройства в Египте требовал огромного чиновничьего аппарата. Жрецы ревниво держали науку в своих руках, не допуская к ней прочих «смертных» и пользуясь ею как одним из орудий порабощения масс. Из египетских книг можно видеть, что жрецы имели значительные познания по астрономии, умели вычислять движение небесных светил, могли предсказать солнечное и лунное затмения. Астрономией и геометрией пользовались для размежевания земель и определения величины земельных участков. На высокой ступени стояла медицина. Египтяне были искусными врачами и, в частности, умели замечательно лечить глазные болезни и производить глазные операции. Непревзойденными мастерами были они в бальзамировании трупов. Произведения художественной литературы египтян часто носили религиозный характер, однако известны повести и сказки светского содержания. Большое количество сведений в папирусных свитках

Рис. 2. Иероглифическая надпись из гробницы фараона в Фивах

и надписях о событиях, происходивших в Египте, дало возможность ученым восстановить всю многовековую историю Египта.

С течением времени в египетском письме происходят глубокие изменения, обусловленные стремлением к упрощению начертаний знаков и ускорению процесса писания. Первоначально каждый иероглифический знак обозначал целое отдельное слово (как и в китайском письме), позднее были введены знаки для отдельных слогов, вследствие чего общее количество знаков сократилось. В дальнейшем иероглиф стали употреблять для обозначения не слова и даже не слога, а одного лишь звука — именно того согласного звука, с которого это слово начиналось. Благодаря этому египетское иероглифическое письмо сделалось родоначальником буквенных алфавитов. Что касается упрощения рисунка письменных знаков, отчасти связанного с появлением нового материала для письма (папируса), оно привело к возникновению новой системы письма, получившей название иератического[1], то есть священнического письма; оно содержало около 600 знаков. Древнейший памятник иератического письма относится приблизительно к 3000 году до нашей эры. Иератическое письмо употреблялось исключительно для светских книг и переписки; религиозные тексты писались попрежнему иероглифами. Упрощенное иератическое письмо перестает быть привилегией жрецов, появляются писцы-профессионалы.

Иероглифы	Иератические знаки	Демотические знаки	Произношение
			j
			b
			n
			h
			g
			m
			ᶜ
			s
			ẖ
			ʾmn

Рис. 3. Развитие египетских идеографических знаков от иероглифического письма к демотическому

Последняя стадия египетского письма — так называемое демотическое письмо[2], или скоропись; оформилось оно приблизительно в XII веке до нашей эры путем дальнейших упрощений в начертании знаков.

На рис. 3 показан постепенный переход некоторых иероглифов в иератические и затем в демотические знаки, последние уже являются частично фонетическими знаками.

[1] Иератический — от греческого слова *иератикос* — жреческий.
[2] Демотическое — от греческого слова *демотикос* — народный.

Египетское письмо научились читать только в 20-х годах XIX века главным образом благодаря трудам французского ученого Франсуа Шамполлиона. Во время похода в Египет

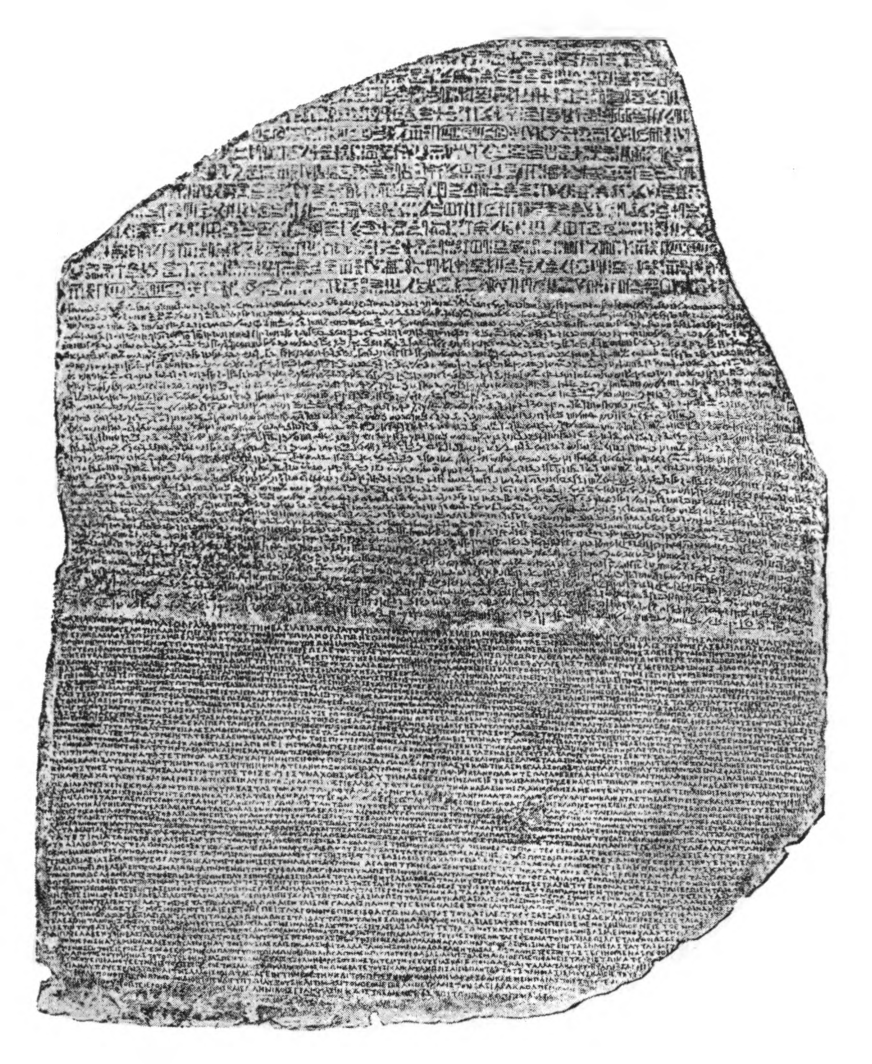

Рис. 4. Розетский камень

Наполеон I отправил из Египта во Францию множество предметов древности и среди них большую каменную плиту, покрытую надписями. Эта плита, называемая Розетским камнем (по имени места, где ее нашли), была тщательно исследована Шамполлионом. Розетский камень показан на рис. 4. На плите следовали

друг за другом три различные по форме письма надписи. Верхняя была сделана иероглифами, средняя — демотическим письмом, нижняя — греческим. Предположив, что все три надписи воспроизводят один и тот же текст, Шамполлион попытался разобрать две верхние надписи, что представляло чрезвычайные трудности, если принять во внимание, что и египетский язык был в то время неизвестен ученым. Шамполлион обнаружил, что в надписях упоминаются имена двух египетских правителей — Клеопатры и Птоломея, написанные фонетическим письмом. Исходя из этого ученый пришел к заключению, что иероглифическая надпись представляет собой письмо смешанного характера — идеографическое, слоговое и частично фонетическое. Шамполлиону удалось разобрать весь египетский текст. Розетская надпись позднего происхождения относится к I веку до нашей эры; благодаря ей появилась возможность прочитать более древние тексты и восстановить египетский язык. Своим открытием Шамполлион положил прочное основание для развития египтологии как науки.

§ 5. АССИРО-ВАВИЛОНСКАЯ КЛИНОПИСЬ

Другим древнейшим очагом письменности было Междуречье, или Месопотамия, — область, расположенная между реками Евфратом и Тигром. В своем течении с севера на юг реки Тигр и Евфрат, то сближаясь, то отдаляясь, образуют как бы гигантскую цифру 8. В северном кольце этой восьмерки во втором и в первом тысячелетиях до нашей эры находилось государство Ассирия, южном — более древнее государство Вавилония, расцвет которого относится ко второму тысячелетию. Народы обеих стран говорили на родственных языках семитской группы.

Древнейшими обитателями Междуречья были шумеры, или сумеры, говорившие на языке, родство которого с другими языками до настоящего времени не установлено. Шумеры имели письменность; развитие ее относится к четвертому тысячелетию до нашей эры. Древнейшие памятники шумерийской письменности являются чисто пиктографическими и несколько напоминают древнеегипетскую иероглифику. В дальнейшем развитии шумерийское письмо принимает форму фигур, составленных из отдельных прямых линеек, имеющих мало сходства с первоначальными пиктографическими начертаниями. В то же время в шумерийском письме, так же как и в древнеегипетском, к идеографическим знакам, обозначающим слова, стали добавляться слоговые обозначения. Материалом для письма у шумеров служила глина, из которой изготовлялись дощечки для письма. Письмо наносилось особой палочкой путем выдавливания в мягкой глине углубленных прямых линий; затем глиняную дощечку обжигали, чтобы придать ей прочность. Использование глины как материала для письма подсказано было самой природой южного Междуречья, где было мало деревьев и камня, но в почве в изобилии

содержалась глина, служившая основным материалом для построек.

В третьем тысячелетии государство Шумера было завоевано вавилонянами — семитским народом, основавшим на развалинах этого государства новое могущественное царство. Вавилоняне, разрушив Шумер, заимствовали у шумеров письменность и внесли в нее некоторые усложнения, а именно: письмо вертикальными столбцами сверху вниз они заменили горизонтальным письмом слева направо. Писали вавилоняне трехгранной палочкой, дававшей при нажиме на глину гвоздеобразный, или клинообразный,

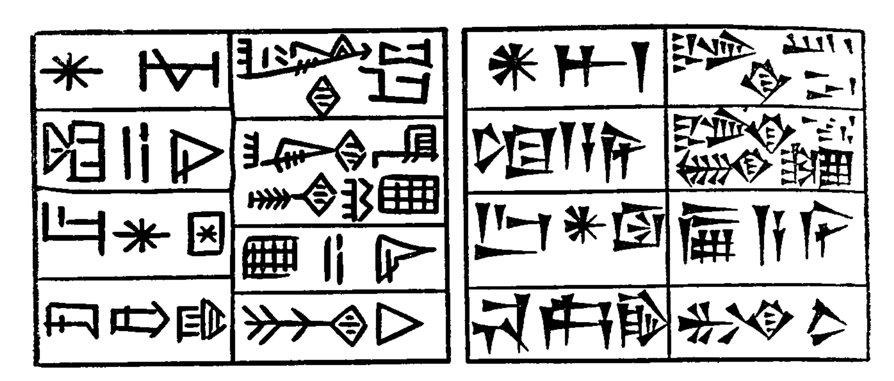

Рис. 5. Шумерийское письмо. Вавилонская клинопись

отпечаток, вследствие чего вся письменность получила впоследствии название клинописи. Из Вавилонии клинопись проникла к соседним народам и наибольшего развития достигла у северных соседей вавилонян — ассирийцев, говоривших на языке, родственном вавилонскому. Ассирия и Вавилония находились в постоянном общении, и в дальнейшем их культура рассматривается как единая — ассиро-вавилонская культура. Письменные знаки этих двух народов несколько отличаются только по начертанию (ассирийцы упростили клинопись). В основном письменность, так же как литература и наука, имеет много общего между собой. Во втором тысячелетии вавилонский язык служил международным языком дипломатии. После завоевания ново-вавилонского царства персами в 539 году до нашей эры у персов также появилось клинообразное письмо, принявшее здесь фонетическую форму. На рис. 5 показаны шумерийские идеографические знаки (слева) и те же знаки, написанные вавилонской клинописью (справа).

Европейские археологи обнаружили при раскопках древних городов Шумера и Вавилона множество памятников письменности. Это были надписи на стенах зданий на специально сделанных обелисках и на глиняных дощечках. Расшифровка этих ценнейших письменных памятников дала богатый материал для изу-

чения истории, экономики и культуры рабовладельческих государств Междуречья. Среди текстов, написанных на глиняных дощечках, оказались дипломатические документы, документы хозяйственной отчетности, коммерческие договоры (например, о продаже рабов), законодательные и судебные записи. Замечательным памятником является знаменитый «Кодекс Хаммурапи», свод законов вавилонского царя Хаммурапи, высеченный на базальтовом обелиске во втором тысячелетии до нашей эры.

При раскопках древней столицы Ассирии — Ниневии были найдены замечательные памятники — огромные архитектурные сооружения, дворцы и храмы. В одном из дворцов при раскопках обнаружили огромное количество глиняных дощечек, или табличек (до 22 тысяч штук), покрытых клинописью. Оказалось, что эти дощечки являлись листами книг из обширной библиотеки, собранной в VII веке до нашей эры ассирийским царем Ашурбанипалом. Дворец Ашурбанипала погиб в огне, сгорели и деревянные ящики, в которых хранились глиняные таблички, но таблички сохранились, только многие были разбиты при падении и перепутаны при раскопках и перевозке в Европу.

Книги, найденные в этой древнейшей библиотеке, открыли ученым целую сокровищницу знаний по истории, экономике и быту государств Ближнего Востока в далеком прошлом. После того как было прочитано большое число книг из этой библиотеки, обнаружились интересные подробности ее создания. Ассирийский царь Ашурбанипал — образованный правитель, знавший несколько языков и владевший искусством письма, — создавал свою обширную библиотеку таким образом: он посылал во все города страны писцов с поручением покупать книги; те же книги, владельцы которых не соглашались продать, он приказывал переписывать. Отсюда видно, что в древней Ассирии книги имелись не только в столице, но и в других городах; это подтверждается также тем фактом, что глиняные книги при раскопках находили в различных местностях. Видимо, книги были обязательной принадлежностью ассиро-вавилонских храмов. Все книги-таблицы из библиотеки Ашурбанипала имели наверху надпись: «Дворец Ашурбанипала, царя царей, царя Ассирии». Если текст литературного или научного сочинения не умещался на одной дощечке, его переносили на следующую, и тогда наверху второй и последующих таблиц обязательно повторялись начальные слова всего произведения. Так, например, известный эпос о Гильгамеше занимал 12 больших таблиц; наверху каждой из них стояли начальные слова «О все видевшем» и порядковый номер. По этим первым словам и удалось впоследствии разобраться в перепутанной библиотеке Ашурбанипала.

Эта библиотека содержала огромное количество научных, литературных и религиозных сочинений, книг по астрономии, математике, медицине; рецепты средств для лечения болезней; химические рецепты для изготовления красок. Большинство книг

имело религиозное содержание — молитвы и заклинания. В народном творчестве Вавилонии и Ассирии, мифах и повествованиях о богах и героях, как, например, миф о Гильгамеше, и в других литературных и религиозных произведениях в изобилии имеются красивые образы, высокие образцы поэтического языка. Наибольшее удивление ученых, работавших над чтением клинописных таблиц, вызвали найденные среди них словари ассирийского и какого-то неизвестного языка. Оказалось, что это были

Рис. 6. Обелиск царя Салманассара III (IX век до н. э.)

словари шумерийского, давно уже мертвого языка, который ассирийцы изучали подобно тому, как в наше время изучают мертвые языки античного мира — греческий и латинский. Большое количество табличек, найденных в разных местах, содержит записи экономического характера: учет товаров, денежные расписки и т. п. На многих таблицах имеется личная переписка.

Грамотность в Вавилонии и Ассирии была широко распространена, хотя она и являлась также привилегией правящего класса и жрецов, как в Египте. Школы существовали при храмах; в этих храмах до нашего времени сохранились обломки глиняных дощечек, на которых были написаны упражнения учащихся. Учителями были жрецы. Искусство писца, грамотного человека пользовалось в этих странах большим уважением. Цари обучались чтению, письму и наукам. В одной вавилонской записи о грамотном человеке сказано следующее: «Тот, кто отличается в искусстве писца, воссияет подобно солнцу».

Расшифровкой клинописного письма занимался ряд ученых в Европе. Трудности, возникшие при расшифровке клинописи, вначале казались непреодолимыми. Сначала была прочитана персидская клинопись — письмо языка известного, затем удалось прочитать и ассиро-вавилонскую клинопись. Шумерийское письмо было прочитано только на последнем этапе. Трудность расшифровки клинописи заключалась в том, что ассиро-вавилонское письмо представляло собой, как и египетское, смесь идеографических знаков со слоговым и фонетическим письмом, причем один и тот же знак мог обозначать как целое слово, так и отдельный слог. При этом для слогов сохранялись шумерийские названия идеограмм, для целых же слов — ассиро-вавилонские.

Клинопись в ее упрощенном слоговом и фонетическом виде была заимствована многими соседними народами и широко распространена в странах древнего Востока. Клинообразные надписи встречаются также на Кавказе. На рис. 6 изображена верхняя часть обелиска ассирийского царя Салманассара III, обнаруженная при раскопках дворца этого царя. Вся эта часть покрыта клинописными письменами, содержащими описание военных подвигов царя.

§ 6. КИТАЙСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

Если некоторые ученые полагают, что древнейшая шумерийская письменность заимствована у египтян, то китайское письмо по своему происхождению является самостоятельным. Древнейшие памятники китайского идеографического письма относятся к середине третьего тысячелетия до нашей эры. В то время как египетские и ассиро-вавилонские языки и письменные системы уже тысячелетия назад прекратили свое существование, китайский язык и его письменность продолжают жить до сих пор, являясь древнейшим из существующих в наше время культурных языков.

Соответственно грамматическому строю китайского языка, состоящего из отдельных односложных слов, которые не склоняются и не спрягаются, китайские письмена представляют собой изображения знаков, предназначенных для передачи отдельных слов; знаки ведут свое происхождение от пиктографического письма. На рис. 7 можно проследить происхождение китайских идеографических знаков от древних пиктографических. Однако огромное большинство современных идеографических знаков утратило связь с пиктографией. В дальнейшем развитии китайского письма число знаков в нем не сокращается, что происходит непременно при переходе на слоговое письмо; наоборот, увеличивается в результате обогащения языка. Считается, что в китайской письменности существует от 40 до 50 тысяч идеографических знаков. Для обычного чтения современному образованному человеку достаточно знать от 6 до 10 тысяч знаков; для чтения специальной литературы это число увеличится, и, наконец, для

чтения древних рукописей и книг требуется огромное количество знаков. Письмо идет вертикальными строками сверху вниз и справа налево.

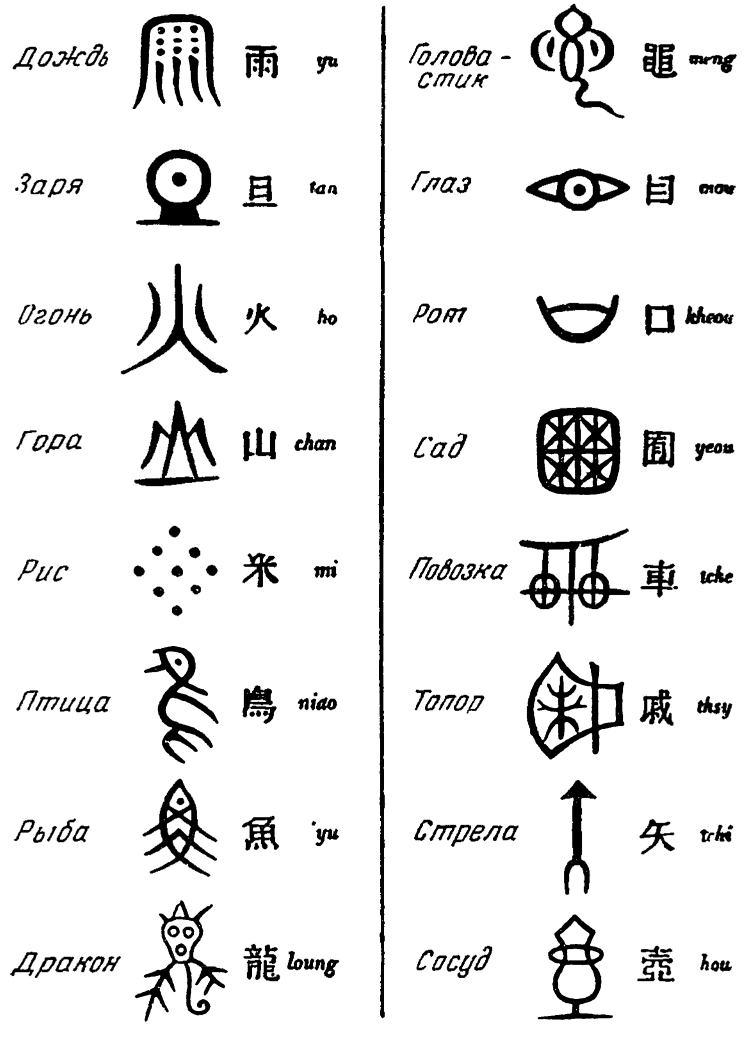

Рис. 7. Происхождение некоторых китайских идеографических знаков

Китайское письмо отличается внешним изяществом и замысловатостью, процесс письма требует большой опытности. Еще в глубокой древности в Китае процветали все графические искусства; китайцы делали замечательные гравюры на дереве, рисунки на фарфоре, резьбу на кости. В письме отразилась эта особенность их творчества; большинство китайских рукописей сделано

так искусно, что их трудно отличить от печатного текста. Отчасти это объясняется свойствами краски, так называемой китайской туши, употреблявшейся для письма и печатания. На рис. 8 показана страница из китайского учебника каллиграфии.

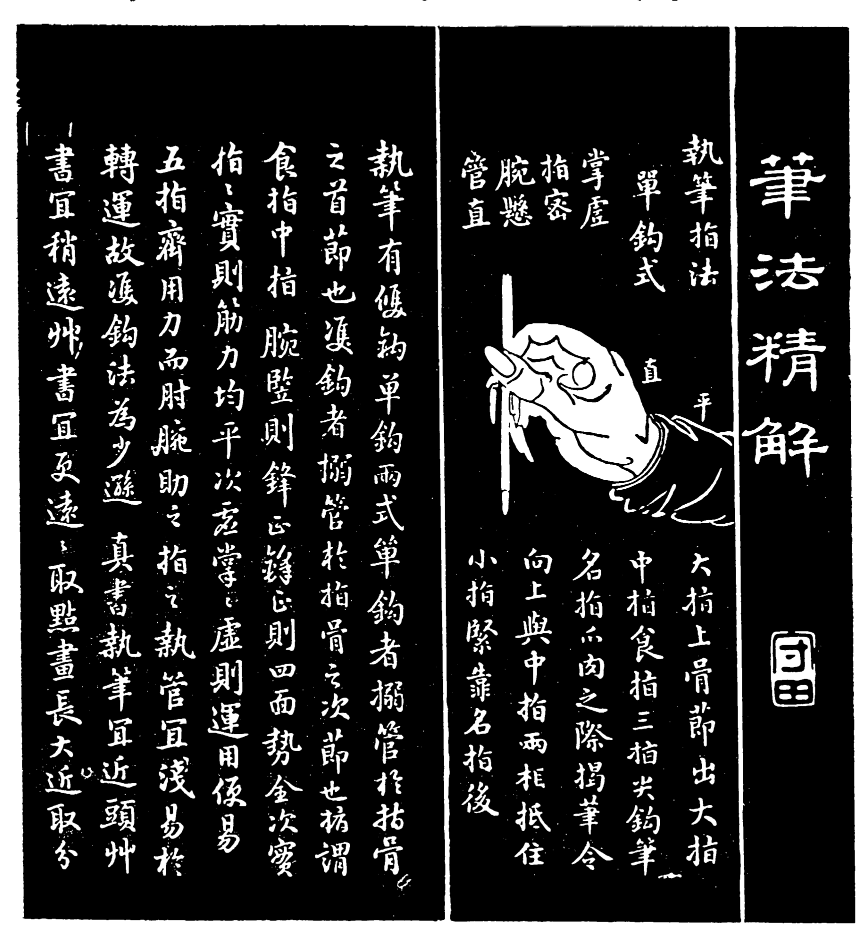

Рис. 8. Страница из китайского учебника каллиграфии

Ни у одного из народов древности не сохранилось такого множества письменных памятников, как в Китае; в большом количестве дошли до нашего времени исторические записи, свидетельствующие о жизни китайского народа. Особенно много ценных рукописей осталось от VII—IX веков, периода династии Танов. Эти рукописи представляют собой ценнейшие литературные памятники искусства, живописи, архитектуры, научных открытий. На высокой ступени стояло производство рукописей религиозного и светского содержания.

§ 7. ИЗОБРЕТЕНИЕ БУМАГИ

Древнейшие китайские надписи воспроизводились на каменных плитах, затем для письма употреблялись деревянные таблички, еще позднее — ткани, а со II века нашей эры — бумага. Китайцы являются изобретателями лучшего в мире материала для письма — бумаги. Исторически известным изобретателем бумаги считается Тзай Лун, крупный чиновник при китайском императоре. Один китайский историк подробно рассказывает в своей летописи об этом изобретении: «В древние времена писали обыкновенно на бамбуке или на кусках шелка. Но так как шелк дорого стоит, а бамбук тяжеловесен, эти два материала не были удобны. Тзай Лун придумал употреблять в дело древесную кору, коноплю, тряпье и рыболовные сети. В первый год эпохи (105 год нашей эры) он сделал доклад императору относительно процесса изготовления бумаги и удостоился похвалы за свое искусство. С этого времени бумага применяется повсеместно и называется бумагой маркиза Тзай».

В Китае бумагу выделывали в большом количестве, она была разнообразных сортов, разной окраски и различного назначения. Преобладала бумага, выделанная из тряпок; древнейшие образцы тряпичной бумаги относятся к середине III века. В последующие столетия китайцы внесли в технологию изготовления бумаги ряд улучшений: стали покрывать ее различными веществами для того, чтобы она легче воспринимала тушь, улучшили способ вымачивания волокон для большей ее прочности. До середины VIII века китайцам удалось держать в тайне способ изготовления бумаги. Но в 751 году наместник багдадского халифа в Самарканде во время военной экспедиции к границам Китая захватил в плен двух китайцев-бумагоделов; с их помощью он устроил бумажную фабрику в Самарканде. Вскоре «самаркандская бумага» получила известность во всех культурных странах Востока. Вслед за Самаркандом бумагу начали производить и в других городах арабского халифата, в первую очередь в Багдаде и Дамаске, последний сделался главным центром вывоза бумаги в Европу (в средние века бумагу называли «дамасский лист»). Из Египта, по северному берегу Африки, через Марокко, Испанию производство бумаги в XII веке проникло в страны Западной Европы.

До конца XVIII века бумагу изготовляли из хлопчатобумажного тряпья ручным способом. Тряпье, промытое и размолотое с примесью воды на особых мельницах, превращали в тестообразную массу. Эту массу черпали из чана и выливали тонким слоем на специальное сито, состоящее из железных проволок; часть бумажной массы уходила через отверстия сита, а оставшаяся бумажная масса затягивала сито сплошной пленкой. Эту тонкую пленку вытряхивали из сита, отжимали излишки воды под прессом и просушивали. В бумаге, изготовленной ручным способом,

видны на свет нити от сита, которые называются филигранями[1]. С конца XIII века в бумаге европейского производства начинают появляться так называемые водяные знаки. Сначала это были контурные рисунки, изображающие фабричные марки, позднее — имя владельца и год изготовления бумаги. Контурный рисунок, сделанный из проволоки, прикрепляли ко дну сита.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ АЛФАВИТА

§ 8. ФИНИКИЙСКИЙ АЛФАВИТ

Большинство существующих алфавитов, в том числе все европейские алфавиты, ведут свое происхождение от древнесемитского, или финикийского, алфавита. Относительно происхождения финикийского алфавита было много споров как в древнем мире, так и в новое время. Римский поэт Лукан и естествоиспытатель Плиний считали финикийцев изобретателями алфавита; напротив, Платон, Диодор и Плутарх, а также римский историк Тацит утверждали, что финикийцы заимствовали алфавит у египтян. Европейские ученые нового времени выдвигали и другие теории о происхождении алфавита.

В 1905 году на Синайском полуострове были открыты древние малахитовые рудники; в них обнаружено 16 стенных надписей, повидимому относящихся к середине второго тысячелетия до нашей эры. Эти надписи были сделаны такими знаками, которые представляют собой промежуточное звено между египетскими иероглифами и древнесемитским алфавитом; причем иероглиф служил, как и буква, для передачи того звука семитского языка, с которого начиналось слово, передаваемое иероглифом. Предполагают, что передатчиками египетских письмен семитическим народам были семиты-гиксосы; в XVI столетии до нашей эры они были изгнаны из Египта и перекочевали в Азию.

За финикийцами остаются две несомненные заслуги: они придали знакам алфавита удобную, легкую для начертания форму и распространили его среди многих народов, находившихся с ними в торговых сношениях. Последнему обстоятельству способствовала легкость, с какой происходило усвоение финикийского алфавита сравнительно с прочими письменными системами. Финикийский алфавит не имел знаков для гласных букв, он состоял из 22 знаков, предназначенных только для согласных.

От финикийцев алфавит заимствовали греки; в дальнейшем распространение алфавита в Европе идет не непосредственно от финикийцев, а через греческий алфавит. В странах Азии

[1] Филигрань — от итальянского слова *филиграна* — водяной знак на бумаге.

из финикийского алфавита возник ряд алфавитов восточных языков, среди которых наибольшее значение имеют еврейский и арабский. Древнейшие семитические надписи относятся к XIII, X и IX векам до нашей эры.

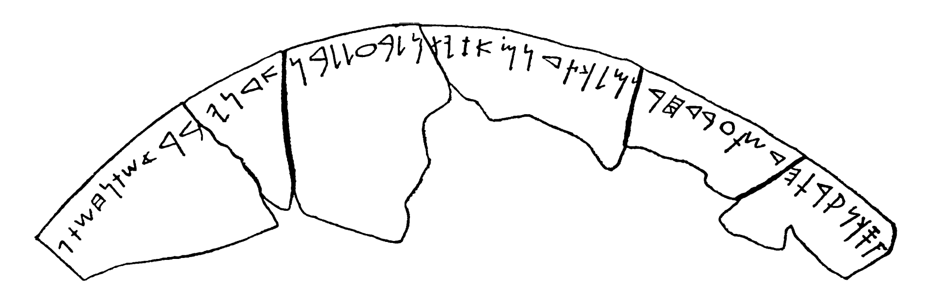

Рис. 9. Финикийская надпись на черепках разбитой чаши (X век до н. э.)

Одна из древнейших финикийских надписей, сохранившаяся на черепках разбитой чаши и относящаяся к X веку до нашей эры, показана на рис. 9.

§ 9. КНИГА В ГРЕЦИИ

Греческий алфавит в его древнейшей форме был точной копией финикийского: у греков сохранилась та же последовательность букв в алфавите, что и у финикийцев, и даже наименования букв обозначались искаженными семитическими словами. Например, греческое слово «альфа» происходит от семитского «алеф», что значит бык, причем буква «А» в первоначальном начертании напоминала голову быка с двумя рогами; греческое слово «бета» — семитское «бет» (дом); греческое слово «дельта» — семитское «далет» (дверь) и т. д. В древних греческих надписях сохранилось и семитское направление письма: знаки писали справа налево. В направлении письма у греков было переходное звено, при котором первая строка шла справа налево, вторая слева направо, третья опять справа налево и т. д.; это называлось «бустрофедон» — бычий поворот, то есть письмо, подобное ходу пашущих быков. И только в IV веке до нашей эры греки переходят на письмо слева направо.

Начало письменности в Греции относится к древнейшему периоду ее истории — к VIII и VII векам до нашей эры. В V веке в греческом алфавите появляются знаки для гласных букв (рис. 10).

Центром греческой культуры была Афинская рабовладельческая республика со столицей Афины, где жили величайшие греческие трагики Эсхил, Софокл и Еврипид, комедиограф Аристофан и знаменитые философы Сократ, Платон и Аристотель. В Афинской республике, как и в других греческих городах-госу-

дарствах, народное образование стояло на значительной высоте — дети всех граждан обучались в школе.

В Афинах существовали также и высшие школы, где юноши изучали науки под руководством учителей-философов. Наиболее известными из философских школ были две: школа Платона, основанная близ Афин в садах, посвященных памяти героя Академа[1], и школа Аристотеля. Если учение Платона было абстрактным, то преподавание Аристотеля основывалось преимущественно на наблюдении явлений природы. Он читал свои лекции во время прогулок с учениками. Некоторые взгляды и открытия Аристотеля до сих пор вызывают изумление ученых. Повидимому, некоторые из сочинений, дошедших до нашего времени под именем Аристотеля, являются записями его лекций, сделанными учениками.

Одним из высших проявлений эллинского творческого гения было театральное искусство. В период расцвета афинской культуры поэты создали замечательные трагедии и комедии, многие из них в позднейших списках дошли до наших дней.

Однако греческая культура была поставлена на службу только свободным гражданам, рабы же не обучались грамоте. Если среди рабов и встречались образованные люди и даже писатели, то это было редким исключением.

Книга того времени представляла собой папирусный свиток; папирус доставлялся в Грецию из Египта. Текст на свитке писали узкими столбцами, направление строк было параллельно длине свитка. При чтении папирусную ленту постепенно перекатывали с одной стороны на другую, так что в поле зрения находились одновременно два-три столбца, а остальная часть свитка с левой и правой стороны была скатана. Вследствие того что папирусные свитки были восприимчивы к влаге, которая разрушительно действовала на них, подлинных книг того времени не сохранилось; дошедшие до нас в большом количестве папирусы принадлежат

ΜΟΥϹΩϹΑΙΠΟΙΗ
ϹΑΙΑϹΤΙΝΤΗΒΑϹΙ
ΛΙϹϹΗΟΤΙΟΥΚΕΠΟΙ
ΗϹΕΝΤΑΥΠΟΤΟΥ
ΒΑϹΙΛΕΩϹΠΡΟϹ

ΠΟΙΗΕΝΤΗΒΑϹΙΛΕΙ
ΑΑΥΤΟΥΚΑΙΟΥΤΩϹ
ΠΑϹΑΙΑΙΓΥΝΑΙΚΕϹ
ΠΕΡΙΘΗϹΟΥϹΙΝΤΙ
ΜΗΝΤΟΙϹΑΝΔΡΑϹΙ

Рис. 10. Греческое письмо IV века до н. э.

либо эллинистическому Египту, либо городу Геркулануму, засыпанному пеплом Везувия. Египетские и греческие свитки сохранялись в течение двух-трех тысячелетий в абсолютно сухом египетском песке. Древнейший сохранившийся свиток на греческом языке — поэма Тимофея Милетского «Персы», найденная

[1] От этого собственного греческого имени происходит слово «академия».

в 1903 году, — относится к первой половине IV века до нашей эры. Большинство известных папирусов сохранилось в виде отрывков, но иногда эти отрывки значительны по объему. Сокровища греческой литературы сохранились благодаря большой любви греков к творчеству своего народа: сочинения писателей и ученых множество раз переписывались и тщательно хранились.

В Афинской республике было широко распространено искусство письма, существовали профессионалы переписчики и велась торговля книгами. В Греции, Малой Азии и особенно в Египте, при греческих правителях Лагидах, потомках Птоломея Лага, составлялись обширные библиотеки; крупнейшей из них была знаменитая библиотека в Александрии, собирание которой продолжалось в течение нескольких столетий.

Греки применили новый материал для письма. Это был пергамен, выделывавшийся из кож животных. Он был более прочен, чем папирус. Применение кож для письма началось с очень давних времен в Египте, Греции и Малой Азии, где оно получило наибольшее распространение. По преданию, в городе Пергаме (Малая Азия) приблизительно в I веке до нашей эры был изобретен новый способ получения материала для письма из кож животных — пергамена. Римский естествоиспытатель Плиний рассказывает, что пергамен был изобретен в Малой Азии вследствие того, что один из Птоломеев, боясь конкуренции малоазиатских библиотек с Александрийской библиотекой, решил уменьшить вывоз папируса из Египта. Этот рассказ является, повидимому, легендарным, так же как и предание о происхождении пергамена из города Пергама. Древнейшие кусочки пергамена с сохранившимися отрывками текстов относятся к I веку до нашей эры, но применять этот материал для книг стали только со II века нашей эры.

Для изготовления пергамена употребляли шкуры овец, коз, ослов и телят. Шкуру вымачивали в известковой воде, соскабливали с нее шерсть, натягивали на раму, высушивали, выглаживали пемзой и обрабатывали мелом. По сравнению с папирусом пергамен имел большую прочность, более гладкую и светлую поверхность, на нем можно было писать на обеих сторонах. Для особенно роскошных рукописей пергамен окрашивали в желтый, голубой, черный и другие цвета. Особенно часто применяли окраску пергамена пурпуром, на котором писали золотом или серебром. Пергамен явился серьезным конкурентом папирусу и уже в IV веке нашей эры занял преобладающее место в книжном производстве. Тысячу лет книга из пергамена господствовала в Европе, тогда как в азиатских странах совершала свой победный путь бумага. Благодаря пергамену сохранилось значительное количество рукописей эпохи раннего средневековья.

В Греции применялся еще один вид материала для письма, получивший потом широкое распространение; это были деревянные дощечки, покрытые слоем воска, на котором медной палочкой

можно было выдавливать линии и буквы. Эта палочка была заострена с одного конца, а с другого конца имела форму лопаточки, которой заглаживали написанное; называлась эта палочка «стиль». «Поворачивать стиль», то есть стирать написанное, означало отделывать красоту языка; отсюда появилось выражение «литературный стиль». Восковые дощечки употреблялись главным образом для летучих заметок и для писания писем, но иногда на них писали литературные и научные тексты. В этом случае несколько дощечек скрепляли вместе с помощью продернутого с одной стороны ремешка или шнурка, так что получалась книга, напоминающая по форме книгу нашего времени. Этот способ письма получил особенно большое распространение в Риме и оттуда проник в страны средневековой Европы. В Париже еще в XIII веке существовали мастерские для изготовления восковых дощечек.

От греческого алфавита ведут свое происхождение почти все европейские алфавиты. На западе алфавит распространялся через греческие колонии, расположенные в южной части Апеннинского полуострова. От греков алфавит был заимствован римлянами и от них распространился по всем странам Западной Европы.

Греческий алфавит продвинулся и на восток: в конце IV — начале V века он оказал значительное влияние на возникновение армянского алфавита, в VI веке возник грузинский алфавит — частью из греческого, с добавлением некоторых букв; впрочем, некоторыми грузинскими историками высказывается мнение, что грузинский народ имел свою письменность еще до принятия христианства из Византии.

§ 10. КНИГА В РИМЕ

Ранняя римская культура развивалась под влиянием греческой культуры, проникавшей в Рим через греческие колонии, расположенные на юге Апеннинского полуострова. Время начала письменности у римлян достоверно неизвестно, однако, по сообщениям позднейших римских историков, уже в V веке до нашей эры в Риме велись записи выдающихся событий общественной жизни. Греческий алфавит, заимствованный римлянами, подвергся некоторым изменениям, главным образом во внешнем характере начертания букв, и принял приблизительно во II веке до нашей эры новую, так называемую латинскую форму, графически значительно отличающуюся от греческой. Классический образец латинского шрифта представлен в надписи на колонне императора Траяна в Риме во II веке нашей эры. Латинский шрифт перешел в VIII веке в Англию и Германию, в IX веке — во Францию, в XIII — в Чехию, в XIV — в Польшу и Венгрию и в XVI веке — в Литву. На рис. 11 дана таблица, наглядно показывающая происхождение латинского алфавита от иероглифов через финикийский и древнегреческий алфавиты.

О книге древних римлян имеется много свидетельств. Эти данные почерпнуты главным образом из сохранившихся произведений римских писателей. В эпоху расцвета римской культуры впервые в истории книгоиздательское дело является самостоятельной отраслью промышленности. Поэты, историки, ораторы, ученые времен Римской республики и империи находили многочисленных почитателей и лиц, желавших приобрести их произведения. Появились люди, занимавшиеся изданием книг. Иногда в качестве издателя выступал сам автор. Он нанимал писцов, которые размножали его произведение, и затем дарил его друзьям или преподносил именитым гражданам, богатым покровителям искусства и науки. Наряду с издателями-авторами в Риме появились издатели-профессионалы, покупавшие у автора произведение и размножавшие его во многих экземплярах на продажу. Известно, что в Риме существовали мастерские по производству книг, где писцы-рабы размножали тексты литературных произведений, переписывая их на папирусные или на пергаменные листы. В Риме существовали и книжные лавки, в которых можно было приобрести сочинения поэтов Вергилия, Горация, Овидия, речи знаменитого оратора Цицерона, записки о военных походах Юлия Цезаря, «Римскую историю» Тита Ливия, а также переводы с греческого языка, пересказы греческого эпоса и многие другие произведения.

Иероглифы	Иератическое	Финикийское	Греческое: Древнее	Греческое: Новое	Латиница
			A	A	A
				B	B
				Г	G
			Δ	Δ	D
				E	E
					F
			Z	I	Z
		θ		H	H
		⊗	⊗	⊙	
				I	I
				K	K
				Λ	L
				M	M
				N	N
				Ξ	X
		O	O	O	O
				П	P
					Q
				P	R
		W		Σ	S
			T	T	T

Рис. 11. Развитие алфавита от египетских иероглифов до латинского

Значительное распространение грамотности в римском рабовладельческом обществе способствовало развитию книжного дела. Уже со II века до нашей эры известно об основании библиотек; римские полководцы захватывали в культурных странах Востока библиотеки в качестве военных трофеев и привозили их в Рим.

Устраивались также и общественные библиотеки; так, были библиотеки при общественных банях (термах). Богатые патриции и ученые собирали библиотеки в своих домах; известно, что Цицерон имел обширную библиотеку.

В этих собраниях часто хранились греческие рукописи. При раскопках засыпанных пеплом Везувия в I веке городов Геркуланума и Помпеи было обнаружено много книг в жилищах, а в Геркулануме была открыта большая библиотека, содержавшая свыше 1500 папирусных свитков с греческими текстами.

Материалом для римских книг служил папирус, который ввозили в Рим из Египта в больших количествах и уже на месте производили его обработку. Затем стали применять пергамен и особенно широко — деревянные дощечки, покрытые воском.

Приблизительно в I веке вместе с употреблением пергамена книга принимает тот вид, который имеет современная книга. Эта форма получила название кодекса[1].

Древнейшие кодексы, дошедшие до наших дней, написаны в середине IV века нашей эры. Исходя из этого некоторые ученые относили возникновение кодексов к началу IV века. Однако сохранились отрывки кодексов II века, кроме того, известна эпиграмма римского поэта Марциала конца I века с описанием книги — поэмы Вергилия; из описания видно, что эта книга имела форму не свитка, а кодекса. Все это указывает, что около 100 года нашей эры книжные кодексы уже изготовлялись наряду с папирусными свитками.

Кодекс представляет собой ряд тетрадей, сшитых вместе; каждая тетрадь состоит из определенного числа листов, которые согнуты пополам, вложены друг в друга и прошиты по сгибу. Отдельные листы из греческих кодексов относятся ко II и III векам; древнейшие цельные кодексы — к середине IV века.

С переходом от свитка к кодексу изменилась и форма оболочки, предохранявшей книгу от порчи и разрушения. Для свитков оболочками служили цилиндрические трубки из какого-либо прочного материала. Тетради, составлявшие кодекс, начали закрывать деревянными дощечками, прикрепленными шнурами к телу кодекса. Так появились первые переплеты нового типа.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОСОБЕННОСТИ РУКОПИСНОЙ КНИГИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

§ 11. ХАРАКТЕР СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ

С конца V века в истории Западной Европы началась новая эпоха — эпоха средневековья. На смену рабовладельческой общественно-экономической формации пришел феодальный строй.

[1] Кодекс — латинское слово, означающее дерево, пень, бревно, в переносном значении — книга, сделанная из деревянных дощечек, а затем вообще книга.

В жизни народов наступили новые отношения как в области экономики и политики, так и в области культуры.

На развалинах завоеванной северными народами западной Римской империи возникли германские королевства. Германские завоеватели подвергли сильнейшему разорению Римскую империю, но уничтожение древней науки и искусства происходило медленно вследствие величайшей жизненности и устойчивости ее памятников. Больше того, в эту эпоху постоянно появлялись новые продолжатели античной культуры; подвергнув разрушению одни области римской культуры, германские завоеватели не только не разрушили другие ее области, но сами восприняли их, сделав необходимыми частями своего быта, а следовательно, неотъемлемыми элементами средневековой культуры. Так германцы восприняли право и религию. Почти незатронутой завоевателями осталась христианская римская церковь, возглавляемая папой; она продолжала оказывать сильнейшее влияние на все народы в течение целого тысячелетия. В то время как в светских кругах грамотность, наука и искусство стремительно падали, церковь ценила и сохраняла грамотность и книгу, видя в них орудие своего господства. Церковь на протяжении веков оставалась единственным местом, где переписывались и хранились книги. Естественно, что книги, которые выходили из церковных кругов, по своему содержанию были преимущественно религиозного характера.

Производство книги сосредоточивалось в монастырях, где монахи переписывали главным образом богослужебные и богословские книги на латинском языке. Наряду с ними в монастырях переписывали произведения римских классиков, современные исторические сочинения и хроники, а также редкие научные сочинения.

В то же время церковь непрестанно уничтожала всякую научную мысль, возникавшую вне ее влияния. Преследовались все области науки, если они хоть в малейшей степени выходили за рамки религиозных представлений; в этих условиях не могли развиваться точные науки, основанные на изучении законов природы и жизни. Церковь прилагала все усилия к ограничению образования и сохранению его в узких кругах церковников; с этой целью упорно отстаивалась традиция, требовавшая, чтобы всякое научное и литературное произведение было написано только на латинском языке. Язык средневековых книг отличался от классической латыни как словарным составом, так и некоторыми грамматическими формами. Образовалась так называемая средневековая латынь — международный язык науки, литературы, дипломатии и религии. Наука, ограниченная религиозными догматами, получила название схоластики[1], то есть оторванных от жизни, бесплодных умствований.

---

[1] Схоластика — от греческого слова *схоле* — школа.

Упадок культуры, последовавший за вторжением германских завоевателей, сменился в IX—X веках новым подъемом просвещения, центром которого были придворные круги французских королей и германских императоров. Этот подъем культуры, известный под названием «каролингского Ренессанса» (от имени династии Каролингов), характерен расцветом рукописной книги. Некоторые рукописи того времени не имеют себе равных по красоте внешнего оформления. В эту эпоху был выработан новый рисунок латинского шрифта, красивый, удобный и простой, получивший название «каролингского минускула»[1]. Через несколько веков каролингский минускул послужил образцом для создания так называемого «гуманистического минускула», рисунок которого в свою очередь лег в основу первого печатного шрифта — «антиквы».

§ 12. КНИГОПРОИЗВОДСТВО В МОНАСТЫРЯХ

В средние века производство книг находилось в руках монастырей, где устраивались специальные мастерские — скриптории[2], в которых тексты книг переписывались монахами. В некоторых случаях это переписывание исполнялось по особому обету, в других случаях это была обычная работа грамотных монахов. Работа в скрипториях считалась в монастырях богоугодным и почетным занятием. Искусство рукописной книги в средние века достигло высокого совершенства. Многие средневековые рукописи имеют большое значение как произведения искусства письма и иллюстрирования.

Вплоть до XII века рукописи писали исключительно на пергамене; после появления бумаги стали употреблять этот новый, значительно более дешевый материал, что способствовало удешевлению книг и увеличению их производства. Однако в течение трех-четырех веков бумага не вытеснила пергамена; многие книги, особенно церковно-служебные, оформлявшиеся с особой роскошью, продолжали писать на пергамене. На бумаге писали только те книги, которые предназначались для широкого распространения и не для длительного хранения. В большинстве рукописных книг текст располагался в два столбца. Столбцы обычно обрамлялись тонкими линейками, проведенными бледной краской — розовой, голубой, серой; линейки для строк либо прочерчивались острым инструментом, либо проводились той же бледной краской. Этим приемом обрамления текста полосе придавалась особая композиционная стройность, вместе с тем две смежные страницы разворота связывались в единое целое. Большое значение придавалось постановке полосы текста на странице; ширина полей подчинялась строгим требованиям композиции всего

---

[1] Минускулы — от латинского слова *минускулус* — очень маленький, крошечный; так называли строчные буквы шрифта.

[2] Скрипторий — от латинского слова *скриптор* — писец, писарь, переписчик.

разворота. В выборе рисунка шрифта переписчики рукописей были свободны, и тут проявлялся их личный вкус и талант. Шрифты рукописных книг поражают разнообразием и выдержанностью рисунков в определенном стиле. Одни шрифты, особенно в церковных книгах, выдерживались в строгом стиле, другие шрифты, предназначенные для литературных произведений, отличались часто большой изысканностью, украшались добавочными росчерками, усиками и т. п. Чтобы ускорить процесс письма, а также сэкономить дорогостоящий материал, при переписывании производили слияние двух или трех смежных букв (эти связанные между собой буквы называются лигатурами[1]) и условное сокращение слов, наиболее часто употребляемых, так называемых аббревиатур[2].

§ 13. ОФОРМЛЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ РУКОПИСЕЙ

Каждая средневековая рукописная книга, даже самая простая, является произведением искусства. В противоположность печатным книгам, которые размножаются механически и потому одинаковы во всех экземплярах тиража, рукописная книга, создаваемая ручным путем, всегда единственна, уникальна. Дорогостоящую книгу стремились украсить. С этой целью разрисовывали заглавные буквы; на полях рисовали цветной орнамент или окружали всю страницу изящной рамкой, состоявшей из разнообразных художественных мотивов; текст или отдельные страницы рукописей украшали многоцветными иллюстрациями, называемыми миниатюрами[3]. Мастера письма и украшения рукописной книги достигли изумительного совершенства. Краски и часто золото, применяемые при украшении книг, отличаются сочностью, яркостью и способностью сохранять свежесть многие сотни лет.

Помещали иллюстрации в разных местах: над текстом, среди текста на оставленном переписчиком чистом месте (случалось, что такую четырехугольную иллюстрацию дополняли сбоку орнаментом, расходившимся по полю вверх и вниз), в центре между двумя столбцами, на нижнем поле, которое было самым широким в рукописных книгах (в этом случае иллюстрацию украшали растительным орнаментом, поднимавшимся на боковые поля и охватывавшим снизу весь текст). Очень часто иллюстрации вписывали в начальные буквы глав текста (инициалы).

Средневековые рукописи не имели отдельных заглавных листов — так называемых титулов. Название сочинения стояло на первой странице книги и обычно в более подробном виде в конце ее, где оно иногда сопровождалось сведениями о времени и месте написания и о самом переписчике.

---

[1] Лигатура — от латинского слова *лигарэ* — связывать.
[2] Аббревиатура — от латинского слова *бревис* — краткий.
[3] Миниатюра — от латинского слова *миниум* — киноварь, сурик.

Чтобы предохранить рукописные книги от порчи и разрушения, их заключали в переплеты. Переплет в собственном смысле слова возникает одновременно с книжным кодексом и является его составной частью. Крышки переплета делали первоначально из дерева, позднее — из картона. Обычно эти крышки обтягивали кожей, пергаменом, реже материей и украшали тем или иным способом. На крышках особенно роскошных книг укрепляли пластинки из резной слоновой кости, серебра или золота, пластинки покрывали чеканными изображениями и драгоценными камнями.

Выдающегося художественного совершенства достигают два способа украшения переплетов рукописных книг: резьба по коже, известная с середины VII века, и «слепое тиснение», производившееся при помощи особых штампов; возникло оно в VIII—IX веках. Позднее применяли тиснение золотом. Иногда на переплете оттискивали название книги, хотя чаще его помещали на полоске пергамена, приклеенной к передней крышке, текст названия книги писали пером; иногда на крышке посредством тиснения воспроизводили имя автора, имя переплетчика, дату переплетения книги. Крышки переплета со стороны бокового обреза обязательно имели застежки или завязки, которые предохраняли листы книги от проникновения пыли и от коробления. В некоторых средневековых библиотеках к переплету приделывали железную цепь, и книгу приковывали к полке шкафа, чтобы книгу нельзя было унести или чтобы не нарушать правильности библиотечной расстановки.

В некоторых случаях ввиду недостатка пергамена старый текст, который считали ненужным, соскабливали ножом и на том же материале писали новый текст, более отвечающий потребностям данного момента. Книги на пергамене, на котором текст был написан поверх другого, соскобленного текста, называются палимпсестами[1]. Ученые пытались прочитать соскобленный текст, который обычно имеет бо́льшую литературную ценность, чем написанное сверх него богословское сочинение. В начале XIX века восстановление старого текста производилось путем обработки пергамена химическими реактивами, но этот способ не давал хороших результатов и портил материал. В наше время первоначально написанный текст восстанавливают с помощью сложного фотографического процесса, который не оказывает вредного воздействия на древние рукописи. Благодаря этому изобретению были прочитаны многие палимпсесты, из них стали известны такие важные произведения античной литературы, как комедии Плавта, трактат Цицерона «Республика» и другие. Латинский палимпсест, представленный на рис. 12, — знаменитый трактат Цицерона «Республика». Рукопись была написана в IV веке, затем уже в VII или VIII веке текст соскоблили и написали новый.

---

[1] Палимпсест — от греческих слов *палин* — опять, вновь и *псао* — тереть, скоблить.

Рис. 12. Латинский палимпсест (VII—VIII века)

В средние века в искусстве северной Франции и западной Германии выработался особый стиль, называемый готическим. Этот стиль отражал идеологию господствующего класса периода феодализма, в нем нашло свое выражение стремление средневековой церкви увести человека от реальной жизни к небу, где его ждет награда за перенесенные на земле горести и несправедливости.

Несмотря на классовый характер готики, в ее произведениях отразились и элементы народного творчества, как это бывает в каждом подлинном искусстве; вследствие этого многие произведения готического искусства являются замечательными памятниками творчества народов и до наших дней вызывают чувство восхищения.

В архитектуре для готического стиля были характерны остроконечные формы, стрельчатые линии, уводящие вверх. Готический стиль распространился и на другие виды искусства, проник в быт, отразился на характере обстановки жилищ, костюме. В рукописной книге готический стиль проявился прежде всего в изменении характера шрифтов, а именно: гармонично закругленные формы латинского шрифта сменились в новых рисунках готического шрифта угловатыми, с резко выраженными удлиненными подсечками. В орнаментации книг, в миниатюрах и даже в рисунках переплетов появились в изобилии готические архитектурные мотивы. Однако это влияние готики на книгу не вызывало однообразия в ее оформлении. Наоборот, рукописные книги средних веков по своему внешнему оформлению поражают большим разнообразием. В каждом центре производства книги, в каждой монастырской мастерской создавался свой собственный стиль, свои своеобразные приемы оформления.

§ 14. ВИЗАНТИЙСКИЕ РУКОПИСИ

В то время как Западно-Римская империя пала под натиском германских завоевателей, на Востоке продолжала существовать Византийская империя, преемственно сохранившая большинство элементов греческой культуры.

Византийская империя, могущество которой поддерживалось правящим классом — земельной аристократией, создала своеобразные художественные формы строго церковного характера. Рукописная книга в Византии, содержавшая главным образом церковную или религиозную литературу, во внешнем оформлении выдерживает единообразный стиль, вышедший из пышного, роскошного стиля церковных украшений и иконописи. Этому ярко выраженному религиозному характеру подчинено было все искусство Византии.

В византийских рукописях преимущественно применялся геометрический и растительный орнамент. Над текстом обычно помещали прямоугольное украшение — заставку. Миниатюры

византийских рукописей отличаются высоким мастерством исполнения и принадлежат к выдающимся памятникам живописи. Это были красочные композиции, выдержанные в иконописном стиле со всеми условностями, принятыми в иконописании. Оформление византийских рукописей отличается большой роскошью: орнаменты и миниатюры разрисовывали золотом, серебром, яркими красками. Наиболее распространенный в Византии вид изобразительного искусства — мозаика — также имел влияние на книжный орнамент.

Несмотря на узкоцерковный характер византийской культуры, в ней сохранялись многие традиции искусства древней Греции. Влияние античного искусства на Византию можно проследить и на миниатюрах рукописей. Произведения древнегреческой литературы сохранялись и переписывались вплоть до падения Византийской империи; многие византийские рукописи, попав в Западную Европу, были сохранены как памятники греческой литературы.

§ 15. РУКОПИСНАЯ КНИГА В XIV—XV ВЕКАХ. ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНИЯ

Начиная с XIV века феодальный строй начинает распадаться под влиянием изменившихся общественно-экономических отношений, в недрах его зарождаются капиталистические отношения. Этот перелом влечет за собой рост городов, развитие товарного производства, ремесел и торговли и вместе с тем усиление значения нового общественного класса — буржуазии. Новый класс в пору своего рождения является прогрессивным, его идеология враждебна средневековой феодально-церковной идеологии. В противовес средневековой культуре буржуазия создает свою культуру; среди образованных людей возникает движение, получившее название гуманизма[1] и выразившееся в повышении интереса к человеку и его творческим возможностям, к человеку, раскрепощенному от пут средневекового церковного мышления.

Увеличение городского населения, развитие торговли и ремесел вызывало расширение круга образованных людей и изменение самого характера образованности. В городских школах, внешне независимых от церкви, но по характеру преподавания находившихся целиком в этой зависимости, ослабляется церковное влияние. Уже с XII века в различных центрах Европы возникают университеты, вначале находившиеся тоже под влиянием церковной идеологии.

Вместе с расширением образования растет буржуазная интеллигенция, которая предъявляет новые требования к книге: она требует принципиально новую по содержанию книгу и в значительно большем количестве.

---

[1] Гуманизм — от латинского слова *гуманус* — человечный.

Расширение образования влекло за собой увеличение производства книги. В городах возникали городские мастерские для массового производства учебной и научной литературы. В процесс производства книги вводились приемы, ускорявшие их выпуск; так, например, проводилось разделение труда, состоявшее в том, что переписчики стали писать под диктовку одного лица, специальные лица — корректоры — проверяли безошибочность текста; затем книга поступала к художникам, рисовавшим орнаментальные украшения и иллюстрации. В зависимости от назначения, от цены или от желания заказчика книгу украшали более или менее пышным орнаментом. Одни мастера оформления, так называемые рубрикаторы[1], только слегка подкрашивали текст, отмечали начала фраз красной краской; от этого процесса в языке у нас осталось выражение «красная строка». Другие, более искусные художники — иллюминаторы[2] — украшали рукопись орнаментами, рисовали замысловатые узоры на полях, врисовывали многоцветные, часто позолоченные заглавные буквы на белых местах, оставленных для этой цели переписчиками, и целые иллюстрации к тексту, миниатюры. Наконец, переплетчики заканчивали изготовление книги, покрывая ее переплетом. На рис. 13 дан снимок с французского молитвенника XV века, богато украшенного орнаментом; по совершенству выполнения шрифта, инициалов и украшений эта книга является подлинным произведением искусства.

Светское образование, которое давали своим детям горожане, а также влияние идей гуманистов направляло интересы в сторону действительной жизни. Наряду с литературой на латинском языке, понятном лишь узкому кругу высокообразованных людей, во всех странах Европы развивается литература на национальных языках; эта литература насчитывала многие тысячи произведений в стихах и прозе и была доступна широким кругам читателей. Появляются героические поэмы, любовные стихотворения, романы, новеллы, сказки, басни, политические памфлеты, сатиры, драмы, фарсы. Все эти произведения имели не церковный, а нередко прямо антицерковный характер. В Италии, где развитие буржуазных отношений шло особенно интенсивно в XIII—XIV веках, жили и создавали свои произведения великие писатели — Данте Алигьери, Франческо Петрарка и Джованни Боккаччо; произведения последнего являются блестящим образцом литературной прозы и яркой сатирой на церковнослужителей.

Отличительный признак гуманизма состоит в том, что в это время резко повышается интерес к древней греческой и римской литературе, философии, юриспруденции. Гуманисты-филологи прилагают все усилия к тому, чтобы с возможной полнотой собрать, списать, сохранить и распространить уцелевшие до их времени

[1] Рубрикатор — от латинского слова *рубер* — красный.

[2] Иллюминаторы — от латинского слова *иллюминацио* — освещение.

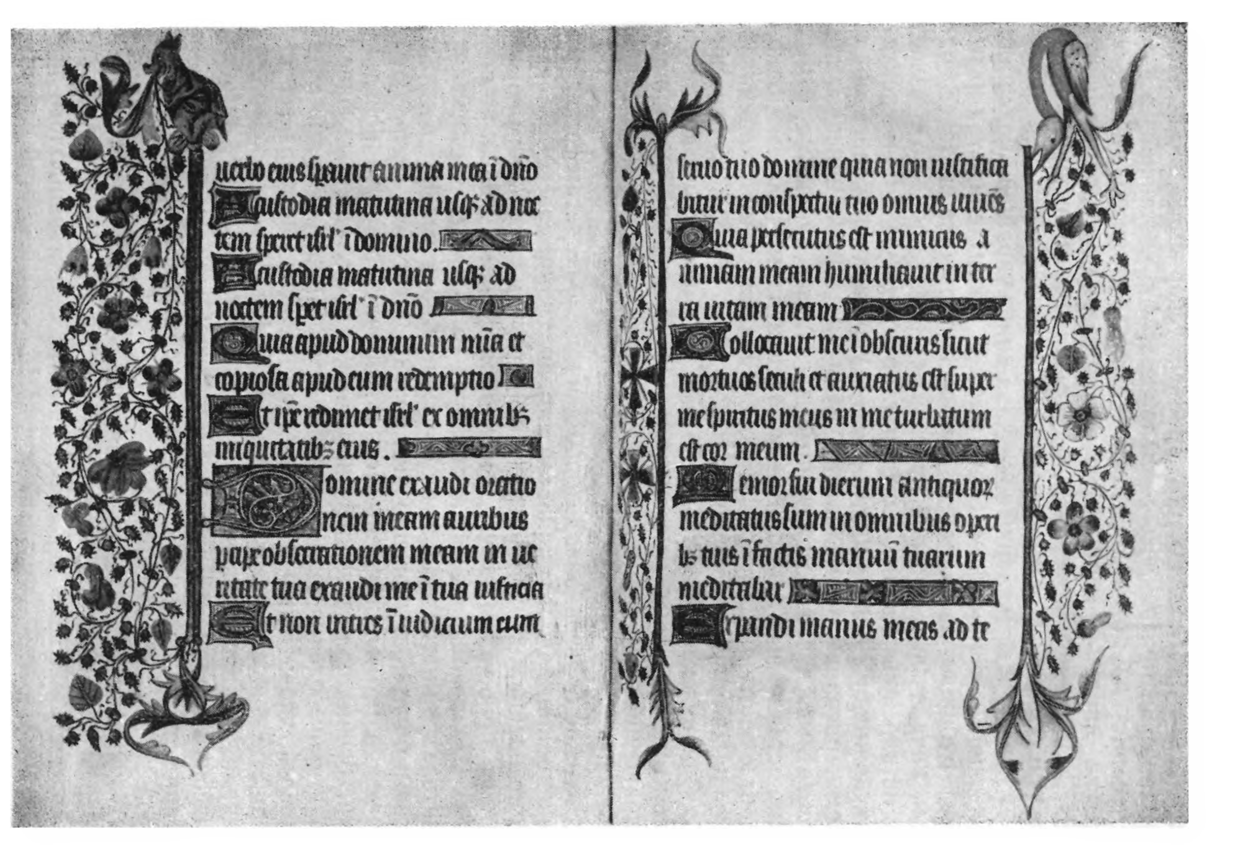

Рис. 13. Французская рукопись XV века (молитвенник)

сочинения греческих и римских писателей. Начинается усиленный приток в Италию ученых греков, а также массовый ввоз греческих рукописей из Византии с целью спасти их от вторгавшихся в Грецию турок. Это общественно-политическое и культурное движение, начавшееся в Италии в XIV веке — в период, характерный изучением памятников античной литературы, — получило название Возрождения. Рукописная книга XIV—XV веков отразила это увлечение древностью: во многих экземплярах переписывались и широко распространялись произведения римских и греческих авторов, книги снабжались обширными комментариями современных ученых.

Свойственные буржуазии захватнические стремления выразились в эту эпоху в увлечении отдаленными путешествиями. Каждый юноша стремится поездить по свету, познакомиться с природой и людьми соседних стран, научиться иностранным языкам. Еще больший интерес вызывали далекие путешествия в заморские страны. Такие путешествия чаще всего преследовали торговые интересы и экономические цели, привлекали возможностями найти новые рынки, установить новые торговые связи, совершить прямые захваты заморских земель, поработить их экономическим путем. Количество дошедших до нашего времени описаний средневековых путешествий весьма значительно. Часто эти описания снабжались рисунками, изображавшими людей и природу описываемых земель, и даже географическими картами.

Немалое число рукописей посвящалось медицинским наукам, ботанике и зоологии. В лечебных целях составлялись описания растений с рисунками, изображавшими их внешний вид. Большое место занимали книги по юридическим наукам; значительно увеличивается количество учебников. Углубление интереса к научным вопросам и стремление охватить всю сумму известных в то время знаний вызвало появление нового типа научного сочинения — энциклопедии. В тогдашнем научном обиходе они представляли собой труд одного автора и назывались: «Зеркало природы», «Зеркало истории», «О свойствах вещей» и т. п.

Чрезвычайно яркую характеристику эпохи Возрождения дал Ф. Энгельс: «Это был величайший прогрессивный переворот, пережитый до того человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страстности и характеру, по многосторонности и учености. Люди, основавшие современное господство буржуазии, были чем угодно, но только не буржуазно-ограниченными. Наоборот, они были более или менее обвеяны авантюрным характером своего времени. Тогда не было почти ни одного крупного человека, который не совершил бы далеких путешествий, не говорил бы на четырех или пяти языках, не блистал бы в нескольких областях творчества»[1].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIV, стр. 476.

Первая половина XV века — время наивысшего развития производства рукописных книг; в одном Париже работало несколько тысяч переписчиков. Все возрастающая потребность в книге заставляла искать более дешевых, более скорых, более простых, одним словом, более доступных способов ее изготовления. В середине XV века в Европе начинаются напряженные искания в этой области, которые привели к введению совершеннейшего из всех существующих способов размножения текстов — печатанию подвижными литыми литерами.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

НАЧАЛО КНИГОПЕЧАТАНИЯ В КИТАЕ

§ 16. КСИЛОГРАФИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ В КИТАЕ

Первым по времени способом механического размножения книг была ксилография[1], или обрезная гравюра на дереве. Печатную форму для ксилографической печати изготовляют таким образом: на гладкой деревянной доске наносят рисунок или ряды письменных знаков; линии рисунка обрезают ножом, оставляя их выпуклыми, а пространство между линиями углубляют, вынимая древесину. Рельефные линии на доске смазывают краской и получают оттиск-отпечаток на бумаге или на другом материале. Оттискивание с доски можно производить либо ручным способом, как это и делалось печатниками ксилографических книг, либо на типографском станке. В первом случае доску кладут на стол печатающей плоскостью кверху и накатывают краской; затем осторожно накладывают на него лист бумаги, придавливают и протирают с обратной стороны тампоном — плоской подушечкой из кожи, набитой конским волосом, соломой или тряпками и снабженной рукояткой. При печатании тампоном нельзя использовать оборотную сторону бумаги, так как контуры рисунка глубоко вдавливаются в нее.

Ксилография возникла в буддийских монастырях Китая при династии Танов (618—907). Это был период внешнеполитических успехов государства и расцвета литературы и науки. До сих пор не удалось точно определить время возникновения ксилографии, но есть предположение, что она появилась в середине VIII века. Однако древнейший дошедший до нас памятник ксилографической печати найден не в Китае, а в Японии; это буддийский талисман (заклинание), отпечатанный между 764 и 770 годами. Он представляет собой полоску бумаги размером 6×46 *см* и содержит приблизительно 30 столбцов текста по пять знаков в каждом. Очевидно, этот текст так же, как и способ печатания, был занесен в Японию китайскими миссионерами-буддистами.

[1] Ксилография — от греческих слов *ксюлон* — кусок дерева, колодка, *графо* — пишу.

Не исключена возможность, что и на территории Китая будут найдены памятники ксилографии, напечатанные ранее 764 года.

У китайских писателей можно найти несколько свидетельств о существовании в Китае в IX веке ксилографического печатания книг; эти сообщения подтверждаются и сохранившимися китайскими ксилографическими книгами. Древнейшей среди них является «Алмазная Сутра», индийское сочинение в китайском переводе (рис. 14). Эта книга имеет форму свитка 4,9 *м* длины, 30,5 *см* высоты и состоит из 7 листов бумаги, склеенных в одну ленту: 6 листов текста и 1 лист с гравюрой, изображающей Будду. В конце книги имеется послесловие, в котором сообщается, что книгу печатал 11 мая 868 года Ван Чи «для дарового всеобщего распределения, с целью в глубоком почтении увековечить память своих родителей». «Алмазная Сутра» — древнейшая известная печатная книга.

С X века ксилографическое книгопечатание в Китае быстро развивается. Ксилография сделалась в Китае основным способом размножения текстов; самый характер китайской письменности, насчитывающей тысячи и даже десятки тысяч идеографических знаков, делал ксилографию наиболее быстрым и дешевым способом печати.

В XI и XII веках ксилографическое печатание появилось в Корее, Японии и Китайском Туркестане (Турфан). Значительное количество ксилографических книг на тангутском языке, относящихся к XI веку и последующим векам, нашел русский путешественник П. К. Козлов в открытом им «мертвом городе» Хара-Хото. Известны также отрывки ксилографических книг на арабском языке, напечатанные в Египте между 900 и 1350 годами. По размерам, оформлению, характеру письма и качеству печати эти отрывки очень разнообразны, что указывает на значительное распространение этих книг. По своему содержанию все эти отрывки носят религиозный характер: на них воспроизведены тексты из корана, молитвы, заклинания. Один из древнейших отрывков относится к началу X века.

§ 17. ИЗОБРЕТЕНИЕ ПОДВИЖНЫХ ЛИТЕР В КИТАЕ

Первое известие о печатании в Китае подвижными литерами содержится в энциклопедическом сочинении государственного деятеля Шен Куо (XV век). Рассказ его о печатании приводится здесь целиком вследствие интересных технических подробностей.

«В правление Чин Ли (1041—1049) был человек в хлопчатобумажной одежде (то есть из простого народа), Пи Шен, который изобрел печатание подвижными литерами. Его способ был следующий: он брал вязкую глину и вырезывал на ней письменные знаки, тонкие, как край монеты, и для каждого знака изготовлял отдельную литеру, обжигал ее на огне, чтобы сделать ее твердой. Предварительно он приготовлял железную дощечку и покрывал

Рис. 14. «Алмазная Сутра»

ее смесью сосновой смолы, воска и бумажной золы. Намереваясь печатать, он брал железную рамку и накладывал ее на железную дощечку, затем он помещал в нее литеры, вплотную одна к другой. Когда рамка была заполнена, она образовывала единую печатную доску. Он помещал ее над огнем, чтобы несколько подогреть и размягчить клейкий состав; затем он брал совершенно гладкую доску, накладывал ее на дощечку с набором и нажимал, так что поверхность набора становилась столь ровной, как точильный камень. Если хотели отпечатать только два или три экземпляра, то эта процедура не являлась ни быстрой, ни удобной, но когда печатали десятки, сотни или тысячи экземпляров, дело шло с поразительной быстротой. Пи Шен всегда пользовался одновременно двумя дощечками; одной он печатал, а на другой производился набор литер; когда заканчивалось печатание с одной дощечки, то вторая была уже подготовлена. Он пользовался ими по очереди, и печатание шло с большой быстротой. Для каждого письменного знака он имел по нескольку литер; для таких распространенных знаков, как «ши» или «йе» и тому подобных, он имел более чем по 20 литер, чтобы располагать запасом при их повторении на одной и той же странице. Когда литеры не были в употреблении, он раскладывал их с бумажными ярлыками, по одному ярлыку на каждую литеру, и так хранил их в деревянных ящиках. Если попадались редко встречающиеся знаки, которые не были заготовлены, он тут же вырезывал их и обжигал на горящей соломе; в мгновение это было готово...

По окончании печатания литеры на железной дощечке опять держались над огнем, чтобы размягчить клейкую массу; затем он делал удар рукой, так что литеры выпадали сами собой, и вовсе не были подмочены или запачканы клеем. Когда Пи Шен умер, его литеры перешли в собственность моих приближенных; до сего времени они сохраняются здесь как драгоценное достояние».

В другом источнике имеется указание, что Пи Шен был кузнецом. Во всяком случае, из приведенного отрывка ясно, что это был подлинный изобретатель, вышедший из народа. Особенно поражает то обстоятельство, что Пи Шен, не получивший специального литературного образования, раскладывал по кассам и держал в порядке несколько тысяч литер, из которых каждая литера соответствовала отдельному слову. Рассказ об изобретении Пи Шена вряд ли может быть подвергнут сомнению, хотя он и не подкрепляется памятниками печати: до сих пор не установлено, какие книги или листы он напечатал.

§ 18. ПЕЧАТАНИЕ ЛИТЫМИ ЛИТЕРАМИ В КОРЕЕ

Интересные факты из области печатания подвижными литерами встречаются в Корее.

Как сообщает корейская летопись, в 1392 году по распоряжению царя Ыя «было учреждено книжное управление, на обя-

занности которого лежала отливка литер и печатание книг». Впрочем, к работе это управление приступило лишь через десять лет после своего основания. Об этом факте имеются заслуживающие доверия исторические свидетельства, но наибольшую ценность представляют послесловия самих книг, напечатанных металлическими литерами в 1409, 1434 и 1437 годах и сохранившихся до нашего времени. Послесловие, одинаковое по своему содержанию во всех трех книгах, составлено в конце 1403 или в начале 1404 года. Оно воспроизводит приказ царя Тай Тзунга, ближайшего преемника Ыя: «Тот, кто желает быть правителем, должен иметь широкое знакомство с законами и классиками. Тогда он будет способен поступать справедливо вовне и иметь прямодушный характер в себе, и таким образом доставлять стране мир и порядок. Наше восточное государство лежит за морями, и число книг, доходящих к нам из Китая, невелико. Книги, печатанные с деревянных досок, часто бывают неисправны, и, кроме того, трудно напечатать этим способом все существующие книги в их полноте. Поэтому я повелеваю, чтобы были изготовлены литеры из бронзы и чтобы все книги без исключения, которые я могу получить, были напечатаны с тою целью, чтобы продолжить традицию того, что эти книги содержат. Это будет на благо нам во все века. Однако расходы не должны быть взысканы с народа путем податей. Я и мое семейство и те из министров, которые пожелают, покроем расходы частным образом». Далее в послесловии сообщается, что в том же 1403 году началась отливка литер «и в продолжение немногих месяцев было отлито несколько сот тысяч литер».

В дальнейшем в словолитную технику были внесены усовершенствования. Первая отливка литер была произведена в 1403 году, за ней последовало еще несколько отливок вплоть до 1544 года, после чего произошел перерыв до 1770 года. За это время печатание медными литерами проникло из Кореи в Китай (конец XV века) и в Японию (1596 год); в Китае оно продолжалось еще в XVIII веке, в Японии оборвалось по неизвестной причине в 1629 году.

Корейское книгопечатание XIV века всесторонне документировано и подкреплено вещественными памятниками. Известия о нем имеются не только у писателей, но и в правительственных документах. Сохранилось много книг, напечатанных металлическими литерами в Корее в XV веке; большая часть этих книг — на китайском языке; иногда рядом с китайским текстом идет корейский. Книги имеют титульные листы; часто на титульном листе указывается о том, что издание печаталось подвижными литерами, а в послесловиях даются подробные сведения об отливках шрифтов. Сохранились в большом числе и древние корейские литеры, они находятся в Государственном музее в Корее и в других музейных собраниях.

ГЛАВА ПЯТАЯ

НАЧАЛО КНИГОПЕЧАТАНИЯ В ЕВРОПЕ. ПЕРВЫЕ ПЕЧАТНИКИ

§ 19. КСИЛОГРАФИЧЕСКИЕ КНИГИ В ЕВРОПЕ

Как полагают, ксилография появилась в Западной Европе около 1400 года — в последнем десятилетии XIV века или в первом десятилетии XV века. Возникла ли ксилография самостоятельно или проникла с Востока, каковы были пути этого проникновения, остается неизвестным и составляет предмет постоянных споров между учеными. Древнейшие европейские гравюры на дереве, имеющие дату, относятся к 1418 и 1423 годам; некоторые недатированные листы следует отнести и к более раннему времени. Ксилографическим способом печатали народные картинки (почти исключительно религиозного содержания), а также игральные карты, производство которых было сильно развито в первой половине XV века. Не исключена возможность, что именно игральные карты, как изобретение восточного характера, и были первыми гравюрами на дереве в Европе.

Вслед за производством ксилографическим способом картин на отдельных листах в Европе стали печатать ксилографией книги небольшого объема. Почти во всех ксилографических книгах изобразительная сторона преобладает над текстовой. Значительная часть известных нам ксилографических книг — это гравюрные сюиты, в которых текст либо отсутствует, либо представляет собой распространенные подписи под изображениями; поэтому такие издания нельзя отнести к разряду иллюстрированных книг в собственном смысле слова. Это лубочная литература, предназначенная для малообразованных и для начинающих учиться. В основном эти книги приобретали для украшения жилищ.

Техника печатания и брошировки имела свои особенности. На деревянной доске гравировали (выпуклой обрезной гравюрой) две смежные страницы листа (полосы) — лицевую и оборотную; полученный с этой доски отпечаток сгибали пополам по линии, разделяющей полосы, печатным текстом наружу, чистой стороной внутрь. Когда все листы книги (каждый из двух страниц) были отпечатаны, корешок прошивали через свободные края бумаги, а не по сгибу; у внешнего края книги, противоположного корешку, приходились все сгибы, которые не подлежат разрезке. Таким образом, каждый «лист» книги состоял из двух листов бумаги; заглянув через верхний или через нижний обрез книги внутрь каждого книжного листа, можно увидеть, что там бумага осталась чистой.

Позднее ксилографические книги стали печатать на типографском станке на обеих сторонах бумаги.

Рисунки в ксилографической книге носили примитивный характер, иногда они раскрашивались от руки. Печатная краска была обычно буровато-серого оттенка. Во многих книгах вместо связного текста имеются только краткие изречения, или цитаты из «Библии», помещались они либо на самом рисунке, либо под рисунком. В некоторых случаях нескольким рисункам предшествовало предисловие на одной-двух страницах. В тех книгах, которые имеют самостоятельный текст, он обычно помещался на правой странице разворота, а на левой — относящаяся к нему иллюстрация. Некоторые ксилографические книги (учебники латинской грамматики) состоят из одного текста без иллюстраций.

Ксилографические книги существовали в Европе очень недолго, всего каких-нибудь 50 лет (середина XV века) и на сравнительно небольшой территории (среднее и нижнее течение Рейна, то есть западная Германия и Нидерланды; одна книга напечатана в Италии). Как правило, в ксилографических книгах не имеется выходных сведений и поэтому определить место и время их изготовления бывает чрезвычайно трудно.

В результате собирательской и исследовательской работы, продолжавшейся в течение двухсот лет, стали известными 35 сочинений, размноженных в XV веке гравюрой на дереве. Те из сочинений, которые были особенно популярны, сохранились в различных изданиях и на разных языках. Почти все ксилографические книги религиозного содержания; десяток книг имеет светское содержание с религиозным уклоном.

Самая распространенная и одна из наиболее замечательных ксилографических книг — «Библия бедных». Эта книга была предназначена для бедных проповедников, малоимущих священников и монахов, которые не имели возможности приобрести дорогостоящую полную «Библию».

Среди других ксилографических книг по художественным достоинствам рисунков следует отметить такие книги, как «Песнь песней», «Антихрист и пятнадцать знамений» и «Наука смерти, или искусство благочестиво умирать». К числу светских книг относится несколько календарей, «Планетник», «Хиромантия», «Пляска мертвых», «Басня о больном льве», «Искусство борьбы». На рис. 15 представлена страница из ксилографической книги «Песнь песней». Текст помещен на «ленточках», введенных в композицию рисунка.

§ 20. ИЗОБРЕТЕНИЕ КНИГОПЕЧАТАНИЯ

Введению книгопечатания в Западной Европе придавали огромное значение К. Маркс и Ф. Энгельс.

Ф. Энгельс, перечисляя в «Диалектике природы» основные факторы, вызвавшие расцвет науки в XV—XVI веках, вместе с развитием промышленности, усилением связи между народами Западной и Центральной Европы и великими географическими

Рис. 15. Страница из ксилографической книги XV века «Песнь песней»

открытиями, называет также и печатный станок. К последним словам Ф. Энгельс делает примечание: «До сих пор хвастались лишь тем, что производство обязано науке, но наука бесконечно бóльшим обязана производству»[1]. К. Маркс считал, что книгопечатание является необходимой предпосылкой буржуазного развития[2].

Как уже указывалось, все растущее повышение спроса на книгу со стороны образованных кругов буржуазии было причиной настойчивых исканий в области техники размножения текстов в течение всей первой половины XV века. Различные способы такого размножения не развивались оторванно друг от друга; наоборот, более чем вероятно, что одна техника порождала другую. Изобретение типографской техники, искусно сочетавшее различные стороны нескольких давно известных процессов размножения текстов, явилось венцом исканий в области печатания книг.

Изобретателем книгопечатания подвижными литерами был Иоганн Генсфлейш, называемый Гутенбергом по имени наследственного подворья его отца. Сущность этого изобретения состояла в следующем: 1) Гутенберг изобрел способ изготовления печатной формы путем набора текста отдельными литыми литерами. 2) Он изобрел также ручной словолитный прибор, с помощью которого он отливал (отдельные) металлические литеры. 3) Гутенберг изобрел, наконец, печатный станок (пресс), на котором производилось оттискивание на бумагу текста с набора, составленного из отдельных литер.

Изготовление литер производилось так: сначала букву гравировали (в зеркально обращенном виде) на твердой металлической (стальной) палочке, называемой пунсоном. С пунсона рисунок буквы (в прямом виде) вдавливали в пластинку или в брусок из мягкого металла (меди), называемую матрицей. Матрицу вставляли в дно словолитного инструмента, наливали в него расплавленный металл, после охлаждения металла металлическую литеру вынимали, на очке ее буква была в зеркальном виде. Только после того как с литеры, намазанной краской, делали оттиск на бумаге, буква на нем получалась в прямом виде. Очень вероятно, что техника Гутенберга отличалась от современной, но чем именно, определить невозможно.

§ 21. ИОГАНН ГУТЕНБЕРГ

Иоганн Гутенберг родился между 1394 и 1399 годами в прирейнском городе Майнце. Сведения о жизни и деятельности Гутенберга крайне бедны; при жизни и в ближайшее время после смерти Гутенберга не было написано его биографии. Не сохра-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIV, стр. 439.
[2] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXIII, стр. 131.

нилось ни одной книги, на которой было бы отпечатано имя Гутенберга как печатника или издателя; вернее всего, он никогда не указывал своего имени на книгах, вышедших из его типографии. Те немногочисленные сведения о Гутенберге, которые мы имеем, были получены, с одной стороны, путем длительного и настойчивого изучения архивов тех городов, где протекала его деятельность, с другой стороны, таким же внимательным изучением тех немногих книг, брошюр и однолисток, которые были напечатаны в его типографии.

Рис. 16. Иоганн Гутенберг

Портрет Иоганна Гутенберга на рис. 16 не является подлинным портретом изобретателя. При жизни Гутенберга с него не было написано портрета, так как это была роскошь, доступная только богатым людям. Настоящий портрет создан во Франции в XVI веке.

О детстве и юношеских годах, воспитании и образовании Иоганна Гутенберга ничего не известно. Полагают, что еще в молодом возрасте он знал технику различных работ по металлу — резьбу печатей и штемпелей для чеканки монет, а также ювелирное искусство. Эти отрасли художественной промышленности в то время по своему развитию стояли на большой высоте. Наиболее раннее известие о Иоганне Гутенберге связано с событиями, которые происходили в Майнце в начале XV века.

В начале XV века в этом городе в результате острой классовой борьбы между городской аристократией и мелкой буржуазией власть захватила мелкая буржуазия. Не желая подчиниться правлению ремесленников, большинство аристократических фамилий покинуло город. В их числе находился и молодой Иоганн Гутенберг, но относительно времени его отъезда мнения биографов расходятся: называют 1411, 1420 и 1428 годы. 28 марта 1430 года между мелкой буржуазией и аристократией было достигнуто общее соглашение, и последняя получила разрешение возвратиться в Майнц; среди аристократов в соглашении упомянут и Иоганн Гутенберг. Однако остается невыясненным, воспользовался ли он этой возможностью. Известно, что в 1434 году Иоганн Гутенберг находился в Страсбурге, где он прожил не менее десяти лет, что засвидетельствовано многими официальными документами. В Страсбурге Гутенберг занимался ремеслом: он был

золотых дел мастером, шлифовал драгоценные камни, изготовлял зеркала. Несомненно, что Гутенберг обладал выдающимися техническими способностями и считался знатоком в своей специальности, потому что два страсбургских горожанина пожелали поступить к нему в ученье и образовать совместно с ним производственное товарищество, которое и было организовано в 1438 году.

Уже в начале пребывания в Страсбурге у Гутенберга зародилась идея гениального изобретения, и он в течение 10 лет работал над ее осуществлением. Эту работу он тщательно скрывал от всех, кроме своих ближайших компаньонов. Так, например, когда после смерти одного из компаньонов его родственники пытались проникнуть в тайну предприятия, Гутенберг предпочел уничтожить все оборудование будущей типографии, но не раскрыть сущности изобретения. В результате возник судебный процесс, длившийся целый год. Гутенберг предложил дать родственникам умершего компаньона денежную компенсацию, но принять их в дело отказался; суд в своем решении принял сторону Гутенберга. Материалы этого судебного процесса сохранились в архиве, и их изучение способствовало исследованию вопроса о начале книгопечатания.

Между 1444 и 1446 годами Гутенберг вернулся в Майнц и привез сюда уже вполне готовое изобретение. В 1447 году он приступил к регулярному выпуску печатных книг. Первые книги, вышедшие из типографии Гутенберга, представляли собой небольшие брошюры и однолистки, для более крупных работ он не имел средств. Были напечатаны календари, несколько изданий латинской грамматики Элия Доната. Одним из наиболее интересных изданий был «Турецкий календарь» 1454 года — брошюра, направленная против турок в связи с их вторжением в Европу и взятием Константинополя.

Среди изданий Гутенберга преобладали брошюры учебного и популярного характера. Такие издания не были предназначены для того, чтобы их хранили в библиотеках монастырей, университетов и частных собирателей; наоборот, такие книги легко «зачитывались» и уничтожались.

Многие издания Гутенберга дошли до нашего времени в отрывках, в отдельных листах, иногда совершенно изуродованные. Некоторые листы книг, отпечатанных Гутенбергом, были употреблены впоследствии на изготовление переплетов, их обнаружили исследователи только через несколько столетий.

Первый шрифт Гутенберга является первым шрифтом, отлитым в Европе, он обозначается в настоящее время как «шрифт 36-строчной «Библии» (B^{36}). Этот шрифт все время обновлялся, в нем производилась замена отдельных неудачных форм букв (но не всех) более совершенными по рисунку. Образцом рисунка для него послужил текстовой шрифт рукописных церковных служебников XV века.

Около 1452 года Гутенберг начал думать об осуществлении более крупного издания. Решено было печатать латинскую «Библию», выпуск которой обещал обеспеченный сбыт и высокие прибыли. Для печатания «Библии» было создано новое типографское оборудование и отлит новый, более узкий шрифт. Так возник второй шрифт Гутенберга, так называемый «шрифт 42-строчной Библии» (B^{42}). По сравнению со шрифтом B^{36} он меньше, легче, изящнее. В процессе печатания «Библии» дополнительно отливали некоторые литеры, а также увеличивали тираж и изменяли полосы набора. Все это делалось с целью создания большей экономичности издания. «Библию» набирали в два столбца, сначала по 40 строк, потом по 41, наконец, по 42; от последнего числа строк она получила название «42-строчной».

Печатали «Библию» сначала четыре наборщика; позднее к ним присоединили еще двух наборщиков. Печатали только текст; заголовки, подзаголовки, колонтитулы вписывал киноварью рубрикатор. Крупные инициалы рисовал краской с золотом иллюминатор. Запись одного из рубрикаторов, сделанная им на книге, дает возможность установить, что «Библию» закончили печатать не позднее весны 1456 года. В процессе работы над изданием «Библии» один из работников типографии — Петер Шеффер немало способствовал успешному ходу и завершению издания.

По всему оформлению 42-строчная «Библия» принадлежит к числу высочайших достижений книжного искусства. Во многих отношениях она представляет огромный шаг вперед по сравнению с предшествовавшими произведениями печати. В «Библии» впервые применены методы выключки, которые позволили выровнять концевую линию строк; но при этом переносные знаки, а иногда и точки сознательно выносили за край столбца, как это делалось в рукописных книгах. Что касается правильности латинского текста, то «Библия» Гутенберга стоит на большой высоте — в ней почти совсем нет опечаток.

Страница из 42-строчной «Библии» на рис. 17 показывает богатую ручную орнаментику, украшающую наборный текст одного из экземпляров.

Тираж 42-строчной «Библии», по нашим современным понятиям, был ничтожен и даже после его дополнительного увеличения не превышал 200—300 экземпляров на бумаге и нескольких десятков экземпляров на пергамене. Тиражи ограничивала прежде всего дороговизна печатных материалов, которые нужно было закупать в больших количествах, на что требовались огромные капиталы. Особенно дорого стоил пергамен. Представление о его стоимости может дать один факт: на каждый экземпляр «Библии» на пергамене требовалось 170 шкур телят.

В связи с подготовкой к изданию «Библии», требовавшему крупных затрат, Гутенберг вынужден был искать денег. В 1452 году он вторично занимает у майнцского адвоката Иоганна Фуста крупную сумму денег (первый заем был сделан в 1450 году).

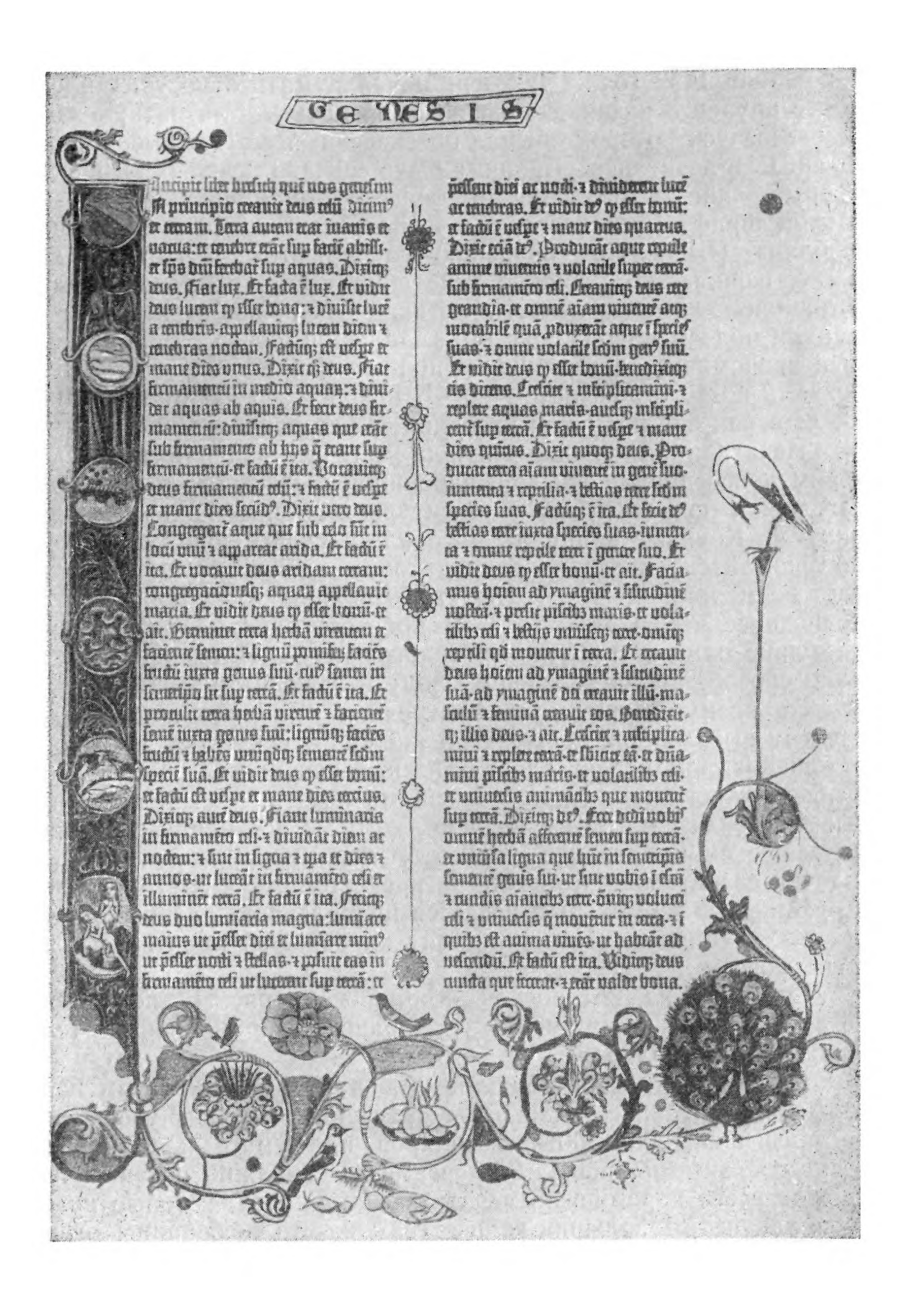

Рис. 17. Страница из 42-строчной «Библии» печати И. Гутенберга

Фуст, успевший за это время оценить изобретение Гутенберга и убедиться в его несомненной выгодности, согласился в 1452 году дать ссуду под тем условием, что он будет считаться равноправным участником предприятия и получать свою долю прибыли. Три года продолжалось печатание 42-строчной «Библии», и в конце 1455 года, когда работа была уже закончена или приближалась к окончанию, Фуст привлек Гутенберга к суду майнцского совета, требуя немедленного возврата взятых у него денег, которые вместе с процентами составляли уже значительную сумму. Конечно, Гутенберг не был в состоянии уплатить долг, потому что все деньги были затрачены на печатание «Библии». Постановления суда по иску Фуста не сохранилось, но результатом процесса было разделение типографии Гутенберга. После разделения Гутенберг сохранил ту часть инвентаря типографии, которая составляла его собственность до 1450 года, в том числе и первый типографский шрифт. В чьих руках после разделения оказался шрифт 42-строчной «Библии» — остается неизвестным. В состав полученного Фустом имущества, несомненно, входило то типографское оборудование, которое было приобретено на его деньги, а также некоторые шрифты и, по всей вероятности, часть или даже все отпечатанные листы, а может быть, и готовые экземпляры 42-строчной «Библии». Но самым существенным для Фуста было то, что, узнав секрет книгопечатания, он получил возможность эксплуатировать изобретение Гутенберга. Это нанесло наиболее тяжкий удар Гутенбергу. Он не мог выдержать конкуренции богатого соперника и, выпустив в 1456 и 1457 годах еще несколько мелких брошюр, напечатанных первым шрифтом (B^{36}), должен был прекратить дело.

Около 1458 года вышло из печати еще одно издание — 36-строчная «Библия», напечатанная первым шрифтом Гутенберга, получившим свое название от этой «Библии». Однако, по мнению исследователей, эта книга была напечатана не в Майнце, а в Бамберге, и участие в ее печатании Гутенберга подвергается сомнению.

Год 1462-й оказался роковым не только для многопретерпевшего Гутенберга, но и для всех жителей Майнца, в котором уже несколько лет шла распря церковных феодалов. В результате «епископской войны» 28/29 октября 1462 года город был взят войсками майнцского архиепископа графа Адольфа Нассауского. Значительная часть города была опустошена пожаром, дома разграблены, множество граждан было истреблено, а уцелевшие подверглись жестоким репрессиям. Какая участь постигла Иоганна Гутенберга, неизвестно, но через два года Адольф Нассауский в благодарность за какие-то услуги зачислил Гутенберга в свой придворный штат и сделал его пенсионером. Это почетное и выгодное положение великий изобретатель занимал в продолжение трех лет. Умер Гутенберг 3 февраля 1468 года.

Огромное значение нового изобретения и его неуклонно расширяющееся воздействие на все области общественной жизни

вызывали в разных странах и среди многих людей желание приписать эту славу своему народу, своему родному городу, своим предкам. Особенно настойчивым и длительным подобное стремление было в Голландии, где изобретателем книгопечатания объявили жителя города Гаарлема Лаврентия Костера, не оставившего ни одной отпечатанной книги. Эта легенда о первопечатнике Костере, так же как и другие, подобные ей, не могла выдержать критического анализа, так как не опиралась на факты и убедительные доказательства, а оперировала догадками и необоснованными предположениями.

§ 22. ТИПОГРАФИЯ ФУСТА И ШЕФФЕРА

Иоганн Фуст, будучи по наклонностям финансовым дельцом и торговцем, не мог руководить процессом типографского производства. После того как Фуст стал собственником части оборудования и шрифтов из типографии Гутенберга, он стал искать человека, на которого он мог бы положиться и которому можно было бы поручить руководство типографией. Такого человека Фуст нашел в лице Петера Шеффера.

Петер Шеффер (1420/30—1502/03) происходил из прирейнского города Гернсхейма. В конце 40-х годов XV века Шеффер жил в Париже и состоял переписчиком книг при университете. Занимаясь переписыванием, рубрицированием и иллюминированием рукописей, Шеффер, несомненно, находился в общении с парижскими мастерами письма и миниатюры и развил свой художественный вкус. Это пригодилось ему впоследствии, когда он начал оформлять и украшать печатные издания.

Затем Шеффер оказался в Майнце и поступил учеником в типографию Гутенберга. В книгопечатании Шеффер сделал поразительные успехи. Если Гутенберг был прекрасным техником, то Шеффер был гениальным оформителем. Он быстро освоил технику книгопечатания и впоследствии внес в нее существенные улучшения. После разделения типографии Шеффер перешел на работу к Фусту, а после смерти Фуста стал ее главным владельцем. Умело руководимая Шеффером и ранее процветавшая фирма была первым рационально организованным типографским предприятием. Это помогло ей просуществовать непрерывно многие десятки лет, не испытав финансового краха, что часто случалось со множеством печатников того времени.

В типографии Гутенберга Петер Шеффер проработал около 5 лет, в сообществе с Фустом — 11 лет и в качестве самостоятельного хозяина — 36 лет; всего он потрудился в типографском деле около 52 лет. За это время Шеффер оформил и выпустил приблизительно 285 книг и однолисток; среди его изданий преобладают книги большого формата и большого объема. Будучи высокосовершенными по рисункам шрифтов и печати, они оказали сильнейшее влияние на современную книжную продукцию

Dñicis dieb; post festū trinitatis · Inuitatoriū,

Regē magnū dñm venite adoremꝰ, Ps venite,
Dñicis dieb; post festū epiphie Inuitatoriū·

Adoremꝰ dñm q̄ fecit nos, Ps venite añ Seruite·

Eatus vir qui
non abiit in evovae·
consilio impiorū et in
via peccatorū nō stetit: ꝛ i
cathedra pestilētie nō se=
dit. Sed ī lege dñi vo=
lūtas eiꝰ: et in lege eius meditabit' die ac
nocte. Et erit tanq̄ lignū qd̄ plātatū est
secꝰ decursus aq̄r: qd̄ fructū suū dabit in
tpe suo. Et foliū eiꝰ nō defluet: ꝛ oīa q̄cūq;
faciet ꝓsperabūt. Nō sic impij nō sic: sed
tanq̄ puluis quē ꝓicit ventus a facie tre
Ideo nō resurgūt impij in iudicio: neq;
peccatores in ꝯsilio iustorū· Qm̄ nouit dñs
viā iustorū: ꝛ iter impiorū peribit. Gla Ps

Рис. 18. Страница из «Псалтири» печати И. Фуста и П. Шеффера (Майнц, 1457)

и сделались образцами, которым подражали многие печатники. Среди сотен книг, напечатанных Шеффером, имеется много шедевров оформления, но ни одно из них не может соперничать с тем чудесным произведением, которое было первой его работой и которое единогласно признается одной из прекраснейших книг всех времен. Речь идет о так называемой «Майнцской Псалтири». «Майнцская Псалтирь» представляет собой памятник исключительной важности для истории книгопечатания. Она является первой книгой, имеющей полные выходные данные, то есть наименование типографии и дату выхода книги в свет. В выходных данных сказано: «Настоящий кодекс псалмов, украшенный красивыми заглавными буквами и в достаточной мере разделенный рубриками, представлен так помощью искусного изобретения печати и изготовления литер, без какого-либо писания пером, и к прославлению бога трудолюбно закончен Иоганном Фустом, гражданином майнцским, и Петером Шеффером из Гернсхейма, в лето Господне 1457, накануне Успения» (то есть 14 августа).

Не напрасно в этих выходных данных на первом месте упомянуты инициалы: их красивый рисунок производит сильнейшее впечатление и на читателей наших дней; общее число их в «Псалтири» доходит до трехсот. На рис. 18 показана страница из «Псалтири» с инициалами, отпечатанными двумя красками: красной и синей.

Среди книг, напечатанных Шеффером, преобладали объемистые трактаты богословского и юридического содержания на латинском языке. Особую группу среди изданий Шеффера составляют книги богослужебные, в частности служебники, требовавшие от печатника огромного искусства и крупных денежных затрат; обычно они печатались по специальному заказу епархий.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

РАСПРОСТРАНЕНИЕ КНИГОПЕЧАТАНИЯ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

§ 23. РАСПРОСТРАНЕНИЕ КНИГОПЕЧАТАНИЯ В ГЕРМАНИИ

Книгопечатание распространилось с поразительной для того времени быстротой по странам Западной и Восточной Европы, а в дальнейшем и по всему миру. За первые 25 лет после изобретения Гутенберга книгопечатание возникло в семи городах Германии, затем оно проникло в Италию, Голландию, Чехословакию, Швейцарию и во Францию.

Страсбург был первым городом, где появилось книгопечатание после Майнца. Первым печатником в Страсбурге был Иоганн Ментелин (1410—1478), основавший типографию в 1458 году.

Тот факт, что Ментелин быстро усвоил типографское дело, заставляет предполагать, что он знал его еще ранее, в период пребывания Гутенберга в Страсбурге. Ментелин состоял в цехе живописцев, его специальностью было украшение рукописей цветным орнаментом и инициалами. Затем он получил должность нотариуса и занимал ее около 20 лет, одновременно начав и книгоиздательское дело.

Первые издания типографии Ментелина — две библии (латинская и немецкая), за ними последовали многие издания, предназначенные для церквей, затем объемистые богословские сочинения, большое церковно-юридическое руководство и произведения античных писателей — Аристотеля, Вергилия, Теренция, а также некоторое количество небольших по объему немецких книг, рассчитанных на средние слои горожан.

В 60-х годах Ментелин являлся самым крупным типографом-издателем в Европе, сумевшим подобно своему майнцскому конкуренту Шефферу придать книжному делу правильную коммерческую организацию. Издательское дело приносило Ментелину большие прибыли и неуклонно разрасталось. Типография Ментелина была хорошо оборудована, печатание шло на нескольких станках. Многие книги Ментелина искусно украшены цветным орнаментом, который был сделан либо им самим, либо под его ближайшим наблюдением. Всего Ментелин выпустил 41 издание.

Бамберг — второй город после Майнца, в котором возникла типография. Печатник Бамберга Альбрехт Пфистер начал издавать книги с 1460 года, получив неизвестно каким путем первый шрифт Гутенберга — B[36]. Пфистер имел церковное образование, был одно время секретарем при бамбергском соборе. С 1460 года он оставил службу и занялся печатанием книг.

Пфистер начал печатать книги на немецком языке, они в основном предназначались для чтения, как, например, «Драгоценный камень», собрание басен Эзопа и других баснописцев, «Четыре истории, заимствованные из Библии», новое издание «Библии бедных», «Богемский землепашец, или Разговор вдовца со смертью», диалог, который иногда ставился на сцене и считается первым печатным драматическим произведением, несколько изданий латинской грамматики Доната.

Издания Пфистера имели широкое распространение, они принесли ему известность; сами же книги вследствие своего светского назначения были «зачитаны» и сохранились в незначительном количестве экземпляров.

Альбрехт Пфистер был создателем печатной иллюстрации в книге; до него иллюстрации рисовались от руки. В начале 60-х годов XV века Пфистер выпустил несколько иллюстрированных книг народно-лубочного характера, иллюстрации в них были отпечатаны с деревянных досок. По технике выполнения гравюры в книгах Пфистера были ближе всего к ранним ксилографическим

Sexta etas mundi

Sexta etas mundi Folium CXL

ARGENTINA

Рис. 19. Разворот из «Хроники» Х. Шеделя печати А. Кобергера (Нюрнберг, 1493)

книгам, они исполнены очерком и рассчитаны на раскраску. Часто отпечатки с одной и той же печатной доски повторялись в книге по нескольку раз.

Вслед за Бамбергом открылись типографии в Кельне (1465), Эльтвиле (1467), Аугсбурге (1468) и в Нюрнберге (1470). Крупнейшая типография XV века — печатня Антона Кобергера (1473—1513) в Нюрнберге была большим предприятием, в котором на 24 печатных станках работало более 100 подмастерьев. У него, как и у Шеффера и Ментелина, преобладали издания большого формата и большого объема; много раз он печатал Библию.

В конце XV века Кобергер выпустил несколько изданий, принадлежащих к числу знаменитейших иллюстрированных книг. Особенно широко известна «Всемирная хроника» Хартмана Шеделя, вышедшая одновременно в двух изданиях — на латинском и на немецком языках. В этом огромном фолианте более 2 тысяч иллюстраций художников Михаэля Вольгемута и Вильгельма Плейденвурфа. Особенную ценность представляют в нем виды городов; иногда они помещались на развороте книги. Предполагают, что тираж этой книги был очень большим, так как даже в настоящее время она известна во многих сотнях, а может быть, в тысяче экземпляров. На рис. 19 дан разворот из «Всемирной хроники» Шеделя с изображением города Страсбурга (в латинской форме «Аргентина»). В 1498 году Кобергер напечатал одну из библейских книг «Апокалипсис» с иллюстрациями Альбрехта Дюрера. Эти иллюстрации открыли новую эпоху в иллюстрировании книг, оказав большое влияние за пределами Германии. Несмотря на прекрасное оборудование и большие размеры типографии Кобергера, она не могла справиться с печатанием всех изданий, и потому Кобергер часто отдавал заказы другим печатникам, даже за границу. Так же широко была поставлена у него и торговля книгами через отделения и агентов, находившихся в различных городах.

§ 24. НАЧАЛО КНИГОПЕЧАТАНИЯ В ИТАЛИИ

Гуманистическое движение, развившееся в Италии, способствовало росту книжного дела, и поэтому туда устремлялись наиболее способные типографы из Германии. В Италии им оказывали гостеприимство и предоставляли всевозможные льготы: давали бесплатные помещения, снабжали продовольствием, освобождали от налогов и т. п.

Скоро и итальянцы усвоили печатное искусство и начали открывать свои типографии.

Италия получила книгопечатание из Германии в 1465 году. Впервые начали печатать книги в монастыре Субиако, вблизи Рима, куда настоятель этого монастыря, Иоанн Туррекремата, пригласил двух печатников — Конрада из Свейнгейма и Арнольда

Паннарца из Праги. В Субиако был отлит шрифт, получивший название полуготического (образцом для него послужили итальянские рукописи), и напечатано несколько книг, в том числе сочинения Цицерона.

С 1469 года оба печатника работали в Риме, где напечатали много книг как богословских, так и научного содержания, прекрасных по внешнему оформлению. Здесь впервые возникло перепроизводство в книжном деле. Хотя потребность в книге была достаточно велика, особенно в одном из центров гуманистического движения Италии — в Риме, но производство печатных книг превышало спрос. Сохранилось заявление Свейнгейма и Паннарца в магистрат Рима; в этом заявлении печатники, перечисляя свои заслуги в издании книг, говорят о том, что испытывают материальную нужду: «Наш достаточно большой дом, пишут они, полон отпечатанными листами и пуст в отношении вещей необходимых».

Наибольшего развития достигло книгопечатание в Венеции, где оно началось в том же 1469 году, как и в Риме. Вследствие своего выгодного географического положения Венеция в то время была международным рынком, расположенным на торговых путях между странами Западной Европы и Востоком. Естественно, что в Венеции производство книги получило новое экономическое значение, здесь книга стала товаром, объектом вывоза. Первыми печатниками Венеции были также немцы, они внесли много нового в производство книги как со стороны расширения тематики, так и со стороны оформления. В 1470 годах в Венеции работает уже несколько типографов, на книжной продукции которых отражается международный характер экономической жизни. Здесь впервые начинают печатать книги на многих языках народов Восточной и Центральной Европы и отливают шрифты — греческий, еврейский и глаголический (для балканских славян). Особую славу Венеции, как центру книгопроизводства, принесли два типографа-издателя — француз Николай Иенсон и итальянец Альд Мануций.

Николай Иенсон, или Жансон, родом из французской провинции Шампани, был по специальности гравером монетных штемпелей в Париже. В 1458 году по распоряжению короля Карла VII он был направлен в Майнц, чтобы, как значилось в сопроводительном документе, «научиться искусству печатания с помощью пунсонов и литер, изобретенному рыцарем Гутенбергом». Удалось ли Иенсону исполнить поручение или нет и где он был в течение следующих 12 лет, неизвестно; типография в Париже в то время основана не была.

В 1470 году Иенсон появился в Венеции уже как опытный печатник и работал там до 1480 года. Иенсон — непревзойденный мастер-шрифтовик, он создал латинский шрифт замечательно красивого рисунка, в котором не только каждая буква построена на основе строгой соразмерности всех ее частей, но и все соотно-

шения отдельных знаков между собой продуманы и подчинены общим законам.

Иенсон — первый печатник, отошедший от общепризнанной красоты рукописной книги и создавший прекрасные произведения печати. Вся красота этих произведений состояла в рисунке шрифтов, их подборе и в расположении набора. В качестве образца для своего шрифта Иенсон взял не современный латинский шрифт рукописей, как делали все печатники его времени; он заимствовал рисунок букв из «каролингского» шрифта X века (рис. 20). Начиная с работ Иенсона во всей Италии и во Франции утверждается традиция: книги гуманитарного содержания стали печатать латинским шрифтом. Что касается богословских, юридических, математических и медицинских сочинений, то их попрежнему печатали готическим шрифтом. Красоту шрифтов Иенсона высоко ценили его современники. После его смерти один из печатников Венеции, рекламируя свои издания, заявлял, что они напечатаны «шрифтом покойного Николая Иенсона».

Рисунок шрифтов Иенсона послужил образцом для создания лучших классических шрифтов последующими мастерами. Иенсон был не только замечательным печатником, но и плодовитым и культурным издателем. За 10 лет деятельности он отпечатал около 100 изданий, среди которых встречаются книги по всем наукам того времени. Редакционную работу выполняли приглашенные Иенсоном ученые-специалисты.

В 1494 году в Венеции возникла типография Альда Мануция (1447/49—1515), просуществовавшая около 90 лет и имевшая огромное значение для развития издательского дела. Высшего расцвета она достигла в первую половину XVI века.

По образованию Альд Мануций был эллинист, и первой его целью было издание текстов греческих и римских писателей. Впрочем, он скоро включил в число издаваемых текстов произведения на итальянском языке. Среди греческих писателей, впервые напечатанных Альдом Мануцием, имеются такие капитальные издания, как, например, идиллии Феокрита, полное собрание сочинений Аристотеля в пяти томах, комедии Аристофана и множество других.

Придавая большое значение точности текста издаваемых произведений, он объединил вокруг себя ученых редакторов, частью живших в его доме и на его средства. Так возникла около 1500 года «Новая Академия» Альда (наподобие древней Академии платоников в Афинах). Она состояла приблизительно из 30 членов, которые по определенным дням собирались у Мануция для собеседования. Так как большинство авторов, издаваемых Альдом Мануцием, печатались впервые с рукописей, которые содержали иногда многочисленные ошибки, то первоначальная работа редакторов состояла в сравнении нескольких рукописных списков и в выборе наиболее правильного текста для печатания. В результате такой тщательной редакции издания Альда Мануция,

Atq; tantus uir tantisq; bellis districtus non nihil tpris tribuit litteris. Nanque aliquot eius libri sunt græco sermone cōfecti. In his ad rhodios de. C. Manlii Valoīs in asia rebus gestis. Huius bella gesta multi memoriæ prodiderunt. Sed ex his duo: q cum eo in castris fuerīt: simulque uixerunt q̄ diu fortuna passa est. Philenius & Sosilus lacedæmonius: atque hoc Sosilo Hannibal litterarum græcarum usus est doctore. Sed nos tempus est huius libri facere finem: & romanorum explicare imperatores: quo facilius collatis utrorumq; factis qui uiri præferendi sint possit iudicari.

PROBI AEMILII DE VIRORVM EXCELLENTIVM VITA PER. M. NICOLAVM IENSON VENETIIS OPVS FOELICITER IMPRESSVM EST ANNO A CHRISTI INCARNATIONE M.CCCC.LXXI. VIII. IDVS MARTIAS.

Рис. 20. «Жизнь знаменитых людей» печати Н. Иенсона (Венеция, 1471)

так называемые «альдины», получили заслуженную славу, как научно проверенные тексты классических писателей.

Два замечательных нововведения в области книжной техники делают имя Альда Мануция бессмертным: первое — создание нового типа шрифтов, второе — введение серийного стандартного формата книг. Франческо да Болонья по поручению Альда Мануция создал рисунок наклонного шрифта, известный под названием курсива. В качестве образца для этого шрифта было использовано письмо папской канцелярии. Впервые курсивом напечатаны в 1501 году поэмы Вергилия. В издании поэм Вергилия было применено и второе нововведение Альда Мануция — серийная стандартизация формата. Состояла она в том, что многие произведения античных и современных авторов выходили в одном формате в одну восьмую печатного листа. Эти издания, напечатанные курсивом и изданные в небольшом серийном формате, имели огромный успех в Европе и сделались образцом и предметом подражания для большого числа итальянских, французских и других типографов. Чтобы оградить себя от конкуренции и отличить свои издания от подделок, Альд Мануций стал применять типографскую марку, также ставшую знаменитой. На ней изображен якорь, вокруг которого обвивается дельфин. Эта эмблема выражает древний девиз: «спеши медленно» (дельфин отличается быстротой в плавании, а якорь замедляет или останавливает движение). На рис. 21 показан титульный лист сочинений Овидия. Книга напечатана курсивом и снабжена издательской маркой Альда Мануция.

Благодаря курсивному шрифту, мелкому и убористому, удалось обширные тексты уместить в книжечках небольшого формата и этим значительно удешевить книгу. С самого начала своей деятельности Альд ставил перед собой эту цель. Беззаветно любивший античную литературу, он хотел распространить ее как можно шире. Создавая маленький формат, Мануций хотел, чтобы каждый ученый или ученик мог взять с собой в путешествие любимые книги, сложив их в сумку своего седла.

К книжным украшениям и иллюстрациям Альд относился сдержанно и применял их редко. В ранних его изданиях встречаются красивые гравированные заставки и инициалы легкого, прозрачного рисунка; в позднейших изданиях он на месте гравированных инициалов оставлял белый квадрат, в который художник врисовывал инициал от руки, как было принято в ранних книгах XV века. Число иллюстрированных альдин невелико, но среди них шедевром иллюстрационного искусства является «Гипнеротомахия[1] Полифила» (1499), символическое сочинение, написанное на смеси латинского и итальянского языков; автором его считается Франческо Колонна. Иллюстрации в этой книге принадлежат первоклассному графику, имя которого неизвестно и который условно назван «мастер Полифила» (рис. 22).

---

[1] Гипнеротомахия — война сна и любви.

P. Ouidij Nasonis uita per Aldum ex ipsius libris excerpta.
Heroidum epistolæ
Amorum libri III.
De arte amandi libri III.
De remedio amoris libri II.
De medicamine faciei
Nux
Somnium
Pulex & Philomela, quamuis Ouidij esse dicantur, non magis tamen ipsius sunt, quàm Sabini tres illæ, quæ illi ascribuntur, epistolæ. Nequid tamen desyderari à nobis posset: hæc etiam adiunximus.

Hos libros etiam, Pontificum Alexandri, Iulij, ac Leonis demum decretis: nequis alius usquam locorum impune imprimat, cautum est.

Рис. 21. Сочинения Овидия печати А Мануция (Венеция, 1515)

Hora quale animale che per la dolce eſca, lo occulto dolo non perpen
de, poſtponendo el naturale biſogno, retro ad quella inhumana nota ſen
cia mora cum uehementia feſtinante la uia, io andai. Alla quale quando
eſſere uenuto ragioneuolmente arbitraua, in altra parte la udiua, Oue &
quando a quello loco properante era giunto, altronde apparea eſſere affir
mata. Et cuſi como gli lochi mutaua, ſimilmente piu ſuaue & delecteuo-
le uoce mutaua cum cœleſti concenti. Dunque per queſta inane fatica,
& tanto cum moleſta ſete corſo hauendo, me debilitai tanto, che apena
poteua io el laſſo corpo ſuſtentare. Et gli affannati ſpiriti habili non eſſen
do el corpo grauemente affaticato hogi mai ſoſtenire, ſi per el tranſacto pa
uore, ſi per la urgente ſete, quale per el longo peruagabondo indagare,
& etiam per le graue anxietate, & per la calda hora, diſeſo, & relicto
dalle proprie uirtute, altro unquantulo deſiderando ne appetendo, ſe
non ad le debilitate membra quieto ripoſo. Mirabondo dellaccidente
caſo, ſtupido della melliflua uoce, & molto piu per ritrouarme in regio-
ne incognita & inculta, ma aſſai amœno paeſe. Oltra de queſto, forte
me doleua, che el liquente fonte laborioſamente trouato, & cum tanto
ſolerte inquiſito fuſſe ſublato & perdito da gliochii mei. Per lequale tu-
te coſe, io ſtetti cum lanimo intricato de ambiguitate, & molto trapen-
ſoſo. Finalmente per tanta laſſitudine correpto, tutto el corpo frigeſcen-

Рис. 22. Страница из «Гипнеротомахии Полифила» печати А. Мануция (Венеция, 1499)

Альд Мануций был одним из типографов, сумевших поставить производство книги на коммерческий путь. Он наладил широкую торговлю своими изданиями сухопутным и морским путем, снабжая ими не только европейские государства, но и страны Востока. Известно, что книги, изданные Альдом Мануцием, попали в Московское государство через Максима Грека, лично знавшего Альда Мануция.

Книжное дело Альда Мануция после его смерти перешло к его сыну Павлу и внуку Альду Пию. Как Павел Мануций, так и Альд II были крупными учеными, но как издатели они значительно уступали основателю фирмы.

§ 25. ВВЕДЕНИЕ КНИГОПЕЧАТАНИЯ В ЧЕХОСЛОВАКИИ, ФРАНЦИИ И АНГЛИИ

В 1468 году книгопечатное искусство проникает в Чехословакию. Имена первых печатников неизвестны, но сохранились их книги, напечатанные без указания места печати и имен типографов. Первая чехословацкая книга «Троянская хроника» была напечатана, как предполагают, в городе Пльзене в 1468 году. В 1487 году выходит первая печатная книга в Праге.

По времени возникновения книгопечатания Франция стояла на шестом месте, но двум ее городам, Парижу и Лиону, было суждено сыграть важнейшую роль в европейском книгопечатании.

Первая французская типография была основана в 1470 году при Сорбонне (так назывался Парижский университет) профессорами-гуманистами Гильомом Фише и Иоганном Хейнлином. Фише, будучи в это время ректором университета, поручил Хейнлину, ездившему в Базель для чтения лекций, привезти оттуда в Париж печатников, что и было им выполнено. Таким образом, первая типография во Франции не носила частного характера, как в других странах, а являлась подсобным предприятием при научном учреждении. Впрочем, такое положение продержалось не долго. Когда в 1473 году Фише уехал в Рим, а Хейнлин в Базель, типографию перенесли из здания университета в отдельное помещение и она стала обычным частным предприятием. За три года работы из типографии Сорбонны вышло 23 книги; редакторами всех изданий были те же Фише и Хейнлин, содержание книг было преимущественно гуманистическое.

Первопечатник Англии — Вильям Кекстон (около 1421—1491) был литератором, но его интересы направлялись не на пропаганду античных авторов, а на развитие национальной английской литературы. В молодости Кекстон намеревался сделаться купцом и, пройдя соответствующую подготовку в Лондоне, поселился в Брюгге (Нидерланды), где принадлежал к числу видных деловых людей. Позднее он поступил на службу к герцогине Маргарите Бургундской. При бургундском дворе Кекстон начал заниматься литературой, переведя с французского на английский язык «Исто-

рию Трои» Рауля Лефевра. Перевод Кекстона появился в печати в Брюгге; это первая печатная книга на английском языке. Печатая в Брюгге этот перевод и некоторые другие работы, Кекстон освоился с типографской техникой и решил ввести печатное искусство у себя на родине.

В 1476 году Кекстон возвратился в Англию и основал типографию в Вестминстере, предместье Лондона. За пятнадцать последних лет жизни он напечатал около ста книг на английском языке, частью большого объема. Первой датированной книгой, вышедшей из типографии Кекстона, были «Изречения философов» в английском переводе (1477).

Дважды (1478 и 1483) он напечатал «Кентерберийские рассказы» Джеффри Чосера — величайшее произведение средневековой английской литературы. Второе издание имеет исправленный текст и украшено многочисленными иллюстрациями. Несомненно, что некоторые издания Кекстона утрачены, а количество дошедших до настоящего времени экземпляров его изданий крайне ограниченно.

Число европейских городов, в которых производилось печатание книг в последние десятилетия XV века, исчисляется сотнями, но в большинстве случаев продукция этих типографий ничтожна. Рассадниками печатной книги были немногие крупные центры книгопроизводства — Венеция, Париж, Страсбург, Кельн, Нюрнберг.

Следующие европейские государства ввели книгопечатание еще в XV веке: около 1465 — Голландия, в 1468 — Швейцария, в 1473 — Бельгия, Испания и Венгрия, в 1474 — Польша, в 1482— Дания, в 1483 — Швеция и в 1487 — Португалия.

§ 26. ИНКУНАБУЛЫ[1] И ИХ ОСОБЕННОСТИ

Словом инкунабулы стали пользоваться уже во второй половине XVII столетия для обозначения изданий «колыбельного периода» книгопечатания; впоследствии значение этого слова было окончательно уточнено; им стали называть книги, вышедшие до 31 декабря 1500 года включительно.

Книги XV века обладают особенностями, резко отличающими их от книг нового времени. Прежде всего книги XV века выпускали на особой бумаге, непохожей на бумагу позднейших сортов. Но главное отличие заключается в печати: первопечатники стремились возможно точнее воспроизвести в печатных книгах внешность книг рукописных. Это стремление было естественным, так как на первых порах своего существования книгопечатание являлось ускоренным и усовершенствованным способом размножения рукописей, а потому в печатной книге сохранились все

---

[1] Инкунабулы — от латинского слова *инкунабула* — в переносном значении — колыбель, происхождение, начало.

особенности рукописных образцов. Возможно также, что в первые годы книгопечатания печатники выдавали покупателям печатную книгу за рукописную, чтобы избежать расспросов о способе ее изготовления, сохранить в тайне технику печатания и этим не снижать цен на книги.

Наиболее бросающееся в глаза отличие книг XV века — отсутствие титульного листа, на котором помещались сведения о месте, времени выхода книги и о имени печатника. Это являлось продолжением рукописной практики.

Aſpiciſ illuſtriſ lector quicunq; libelloſ
Si cupiſ artificum nomina noſſe: lege.
Aſpera ridebiſ cognomina teutona: forſan
Mitiget arſ muſiſ inſcia uerba uirum.
Córaduſ ſuueynbeym: Arnolduſ pānartzq; magiſtri
Rome impreſſerunt talia multa ſimul.
Petruſ cum fratre Franciſco maximuſ ambo
Huic operi optatam contribuere domum.

Рис. 23. Колофон «Римской истории» Тита Ливия (Рим, 1469)

В тех же случаях, когда выходные сведения указывались в книге, их помещали в конце текста в виде особого, более или менее пространного колофона[1]. Хотя количество инкунабул, вышедших анонимно или с неполными выходными сведениями, исчисляется тысячами, но преобладали все-таки книги, имеющие колофон, подчас подробный и витиеватый. Так, например, римские печатники Свейнгейм и Паннарц оформляли колофоны в виде стихотворений на латинском языке. На рис. 23 показан колофон из книги Тита Ливия печати Паннарца и Свейнгейма в стихотворной форме. В стихах применен размер античных поэм — элегический дистих. Колофон в «Божественной комедии» Данте, напечатанной в Венеции в 1477 году, представляет собой итальянский сонет. В дате выхода книги указывается обычно не только год, но и день. С 70-х годов XV века появляются самостоятельные титульные листы, помещаемые в начале книги; этот прием начиная с 1500 года быстро распространяется, и к середине XVI века книги без титульного листа выпускаются в Западной Европе как редкие исключения.

Следующее отличие книг XV века — отсутствие абзацев в тексте. С новых строк начинались только более крупные разделы, главы; внутри главы текст шел сплошь. Первое время в тексте

[1] Колофон — латинское слово, заимствованное из греческого языка и означающее вершина, завершение, конец.

отсутствовали и заголовки. Чтобы сделать текст расчлененным и удобочитаемым, особый мастер — рубрикатор — производил от руки красной краской (киноварью) разметку красных строк (рубрик) в виде вертикальных или наклонных красных палочек, а также вписывал недостававшие заголовки и выделял некоторые прописные буквы.

Ручным путем воспроизводилась долгое время и орнаментальная часть печатной книги. Понятно, что путем типографского искусства не удавалось придать книге всю роскошную многоцветность рукописной орнаментики. Специалисты высшей квалификации — иллюминаторы — врисовывали от руки инициалы и украшения на полях; украшения всегда были многокрасочные, часто с золотом. Печатник оставлял для первой буквы каждой главы пустые белые квадраты определенного размера. Чтобы оградить иллюминаторов от ошибок, печатники ставили в середине этого квадрата маленькую строчную букву, которую иллюминатор должен был закрасить и покрыть инициалом. Но так как полная разрисовка книг инициалами стоила дорого, то в большинстве дошедших до нашего времени экземпляров эти белые квадраты остались незаполненными, что придает страницам инкунабул странный вид.

Из вышеуказанного видно, что на первых порах механизация печатания была далеко не полной и, чтобы получить окончательное оформление, книга должна была пройти через руки рубрикаторов и иллюминаторов. Сравнительно рано начинаются попытки соединить печатание орнаментики и иллюстраций с печатанием текста. Эти попытки в конце концов приводят к успеху. Первопечатник Бамберга Альбрехт Пфистер первый начал применять в своих изданиях печатную иллюстрацию. Форма для иллюстраций изготовлялась на деревянной доске. Наборный текст располагали таким образом, что на том месте, где должны находиться рисунки, оставляли пустое место. Печатание производилось в два приема — отдельно отпечатывался текст и затем иллюстрации. Это неудобство в печатании иллюстрированных книг скоро было преодолено: в начале 70-х годов XV века появилось много прекрасных изданий, в которых деревянные клише заверстывались посреди набора. В то же время появились гравированные на дереве инициалы, заставки и бордюры. В молитвенниках применялась, как правило, выпуклая гравюра на металле. В XV веке и первой половине XVI века крайне редко встречаются иллюстрации, исполненные углубленной гравюрой на меди, что требовало отдельного печатания текста и иллюстраций. На рис. 24 показано одно из ранних изданий басен Эзопа, иллюстрированное гравюрой на дереве.

Общераспространенный шрифт средневековых рукописей — готический; он сохраняется и в печатных книгах. Разновидностей его в XV веке было множество; характерные, чисто национальные формы возникают в некоторых странах Западной Европы,

например во Франции, Англии и Германии. Шрифты каждого из печатников имеют индивидуальный характер, позднее некоторые рисунки стабилизуются, но двух одинаковых шрифтов у разных печатников нельзя встретить до самого конца XV века. Общим для всех первопечатных шрифтов является то, что их рисунки воспроизводят рукописные шрифты той страны и той эпохи, где происходила отливка печатных шрифтов.

К концу 60-х годов XV века в Италии возник более удобный шрифт — антиква (латинский), прописные буквы которого напоминают формы древнеримского письма, а строчные возникли на основе гуманистического шрифта рукописей, в свою очередь созданные из так называемого «каролингского минускула» VIII века. Замечательные рисунки антиквы дали первопечатники Свейнгейм и Паннарц и особенно Николай Иенсон. Очень скоро антиква появилась и в Германии. Кроме общеевропейских шрифтов (готического и антиквы) в книгах XV века представлены некоторые национальные шрифты: кириллица, глаголица, греческий, еврейский.

Печатание производилось превосходной краской насыщенного черного цвета. Уже в «Псалтири» Фуста и Шеффера (1457) применена печать двумя красками: текста — черной и красной, а инициалов — красной и синей. Итальянские типографы применяли иногда трехцветную печать для таблиц, а в Венеции был даже опыт печатания золотом.

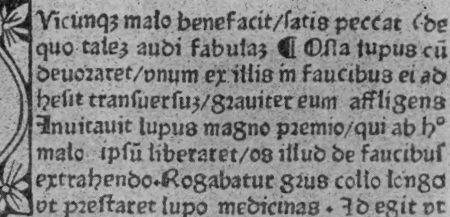
В оформлении разворота соблюдались определенные композиционные отношения. Поля обычно очень широкие, они служат белой рамкой для двух смежных полос, разделенных сравнительно узким средником у корешка.

Книги самого раннего периода выходили исключительно в листовом формате, то есть печатались на листе бумаги, сложенном вдвое (in folio)[1]. Уменьшение формата было важным этапом на пути демократизации книги, но еще долго этот формат оставался преобладающим.

Тираж изданий в первые годы книгопечатания был очень ограниченный — 100—200—300 экземпляров; впоследствии тиражи изданий возрастают, доходя до 1—2 тысяч экземпляров. Драгоценнейшим документом, дающим сведения о тиражах типографии Свейнгейма и Паннарца, является письмо-прошение Иоанна, епископа Алерийского, стоящего во главе этой типографии, папе Сиксту IV. Оно содержит полный список выпущенных ими до того времени изданий с указанием числа экземпляров. Из этого списка видно, что за исключением четырех книг, напечатанных в 300 экземплярах, постоянный тираж изданий — 275 экземпляров.

Можно предполагать, что в XV веке было напечатано от 35 до 40 тысяч изданий; если принять тираж каждого издания

[1] In folio *(лат.)* — в размер листа бумаги, точнее, листа, сложенного вдвое.

Vicunq3 malo benefacit/satis peccat (de
quo talez audi fabulaz ¶ Ossa lupus cū
deuorâret/vnum ex illis in faucibus ei ad
hesit transuersuz/grauiter eum affligens
Inuitauit lupus magno premio/qui ab h°
malo ipsū liberaret/os illud de faucibus
extrahendo. Rogabatur grus collo longo
vt prestaret lupo medicinas. Id egit vt
immitteret caput faucibus lupi et os ledens extraheret. Sa
nus cum esset lupus rogabat grus promissa sibi premia reddi
At lupus dixisse dicitur. O q̄ ingrata est grus illa/que caput in
columne de nostris faucibus extraxit/nec dentibus meis in aliq°
vexatū/et insuper mercedem postulat. Nunquid meis virtutib9
facit iniuriam? ¶ Hec fabula monet illos qui malis volunt bene
facere.

Fabula. ix. De duabus canibus

DE partu querulam verborum nectare plenā
Pro cane mota canis suscipit ede canem
Hec abit: illa manet: hec cursitat: illa quiescit
Huic tamen a partu rumpitur illa quies
Illa redit / reddiq3 sua jura precatur
sibi

Рис. 24. Басни Эзопа (Страсбург, 1481)

в среднем по 300 экземпляров, то, следовательно, всего было выпущено от 10 до 12 миллионов экземпляров. Из этого числа сохранилось до нашего времени приблизительно полмиллиона экземпляров, рассеянных по всем странам земного шара и составляющих предмет настойчивых поисков как ученых, так и собирателей книг. Несомненно, что большое количество инкунабулов не дошло до нас ни в одном экземпляре, немалое число дошло только в отрывках. Из числа существующих приблизительно 40 процентов книг сохранилось в одном—двух—трех экземплярах; но встречаются и такие издания, которые известны в десятках и даже в сотнях экземпляров.

В инкунабулах нашли отражение наука и литература Западной Европы в XV веке. По количеству вышедших изданий в XV веке первое место занимают церковно-служебные и богословские сочинения. На втором месте стоят произведения античных писателей. Особенно много их выпущено в Италии на латинском и греческом языках; греческие писатели печатались как в подлинниках, так и в переводах. По количеству изданий первое место занимает Цицерон — любимый автор в эпоху Возрождения. В меньшем количестве печатались сочинения филологов-гуманистов XV века и литература о них. Научная литература была представлена в печатной книге по таким отраслям знаний, как право, история, медицина, математика, астрономия, теория музыки. Политическая литература выходила главным образом в виде отдельных речей, сохранившихся в небольшом числе экземпляров.

В связи с вторжением турок в Европу вышло несколько брошюр, однако несравненно больше литературы по этому вопросу вышло в XVI веке.

Выпускалась так называемая народная литература для чтения, рассчитанная на широкое распространение, — басни, легенды из жизни святых, сочинения, предназначенные для театральных представлений, книги по кулинарии, по шахматной игре.

Вследствие ограниченности тиражей, а также потребности в наиболее известных сочинениях было значительное количество повторных изданий.

В содержании издательской продукции разных стран и даже городов можно проследить индивидуальные особенности. Так в Германии до конца XV века преобладала религиозная литература, в Италии — издания древних классиков и сочинения современных авторов, что объясняется передовым мировоззрением образованной части общества. В Риме — церковно-административном центре — печаталось много мелких брошюр, содержавших правительственные речи, стихотворения, описания торжеств.

В первые годы книгопечатания современная литература почти не выпускалась. Но чем более внедрялась в повседневную жизнь

типографская техника, тем большее число сочинений современных авторов получало распространение при помощи печатного станка. В 80-х и 90-х годах XV века ученые и писатели широко используют печать для выпуска своих сочинений.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

КНИГА ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В XVI ВЕКЕ

§ 27. ОБЩИЙ ХАРАКТЕР КНИЖНОГО ДЕЛА

В первой половине XVI века Возрождение достигает наивысшей точки в своем развитии. Одновременно в недрах католической церкви возникает новое течение, известное под названием Реформации; зачинателем его был Мартин Лютер. Очень скоро Реформация разрывает рамки церковности и перерастает в революционное движение — крестьянскую войну. Весь XVI век наполнен не прекращающейся ожесточенной борьбой различных общественных и церковных группировок. С одной стороны, идет борьба между гуманистами-просветителями и церковниками-обскурантами; с другой стороны, идет еще более непримиримая борьба между римской церковью и вновь возникшей протестантской церковью.

В это время появились замечательные сочинения, направленные против церковной ограниченности и невежества ее служителей. Особенную известность получили такие произведения, как «Похвала глупости» Эразма Роттердамского, коллективная сатира «Письма темных людей», высмеивающая невежество служителей католической церкви, памфлеты Ульриха фон Гуттена, призывающие к раскрепощению мысли.

Просветительные тенденции эпохи Возрождения привели к сильному развитию светской науки — гуманистической философии и экспериментального естествознания. Среди великих ученых этого времени необходимо отметить Николая Коперника и Джордано Бруно, в области медицины — анатома Андрея Везалия, создателя хирургии Амбруаза Паре.

Чувствуя свое господство поколебленным, католическая церковь усиливает инквизицию, беспощадно преследуя инакомыслящих независимо от того, выступали ли в качестве инакомыслящих сектанты, представители точных наук или философы. В Нидерландах ведется длительная война с целью уничтожить протестантизм; во Франции производится организованный погром и истребление протестантов католиками в ночь на 24 августа 1572 года, вошедшую в историю под именем Варфоломеевской ночи. В середине XVI века был основан орден иезуитов, главной задачей которого является воинствующая поддержка папской власти.

В первой половине XVI века книгопечатание сделалось общераспространенным и общедоступным, и все течения мысли, общественные и политические движения находили отражение в потоке выходящих книг. Но и церковная цензура книг в этом столетии приобрела гораздо более универсальный и несравненно более суровый характер, чем в предыдущем веке. В XV веке цензура существовала далеко не повсеместно и ограничивалась предварительным одобрением намеченных к изданию книг со стороны специально назначенных коллегий при университетах или архиепископиях. В XVI веке цензура, действуя рука об руку с инквизицией, превратилась в грозный трибунал, уничтожавший неугодные книги на костре рукой палача, а иногда вместе с книгами сжигавший и их авторов. Так погибли известный писатель-гуманист и издатель Этьенн Доле, врач, открывший систему кровообращения, Мигель Сервето, великий ученый-философ Джордано Бруно.

В 1559 году был издан папский Index librorum prohibitorum — указатель запрещенных книг, периодически переиздававшийся в дополненном виде вплоть до нашего времени. Кроме церковной цензуры в XVI веке возникает и светская. В некоторых городах издаются указы, запрещающие печатать книги, в которых могут содержаться высказывания против короля, церкви и городских властей. Попытки некоторых издателей выпускать запрещенные книги без указания места печатания и имени издателя или печатника быстро пресекаются властями.

Во Франции объявляется закон, по которому имя печатника так же, как место и год печатания, должны обязательно проставляться на каждой книге; этот закон проводится и в других странах.

В технической и художественной эволюции книгопечатания решающее значение имел XVI век. От прежде единого книгопроизводства начали отделяться смежные отрасли. Так, например, из типографского производства стало выделяться словолитное дело, приобретая характер самостоятельной отрасли.

Теперь не было необходимости при организации типографии рисовать и отливать шрифты — их можно было купить.

Отпала также необходимость иметь типографию для того, чтобы заниматься производством книг: существовало достаточное число типографий, готовых за деньги выполнить любой заказ. Процесс отделения издательского дела от типографского наметился еще в XV веке, а в XVI веке многие издательства не имели типографий.

Позднее от книгопроизводства отделилось книгораспространение, и продажа книг превратилась в самостоятельную отрасль торговли. Все перечисленные процессы приводили в конечном счете к одному результату — к демократизации и популяризации книги. Книга становилась дешевой, легко доступной каждому умеющему читать, а не только ученым по профессии.

В XV веке начинается укрупнение книгопроизводства, а в начале XVI века возникают крупнейшие издательские и типографские предприятия, постепенно поглотившие мелкие типографии. Развитие книжной торговли делает ненужным существование сотен мелких типографий в городах и монастырях. Крупные издательские фирмы существуют долгие годы, переходя по наследству от отца к сыну; приобретают известность большие семьи печатников, где дети с самого раннего возраста воспитываются в обстановке производства книги и впитывают культуру издательского дела. Такими крупными издателями были уже известная нам семья Мануциев в Венеции, семья Джунта во Флоренции; наибольшую славу приобрела семья Этьеннов в Париже.

В области книжного оформления XVI век дал много замечательного. Возникла теория рисования шрифта, в разработке которой принимали участие крупные художники.

В 1509 году итальянец Лука Пачиоли выпустил трактат «Божественная пропорция», уделив в нем большое внимание вопросу рисования шрифтов. Великий немецкий художник Альбрехт Дюрер в сочинении «Наука измерения», вышедшем в 1525 году, значительную часть книги посвящает также построению шрифта (рис. 25). В 1529 году французский художник и печатник Жоффруа Тори написал трактат о типографском искусстве, и в частности о построении шрифтов, назвав его «Цветущий луг».

Во всех странах Западной Европы в XVI веке достигло высшего расцвета искусство иллюстрации. В течение первой половины века безраздельно господствовала гравюра на дереве; во второй половине XVI века начинает распространяться гравюра на меди, более дорогая по стоимости, потому что она требует печатания иллюстраций отдельно от текста, но зато и более богатая по изобразительным возможностям.

Гравюра на меди — способ глубокой печати, при котором линии рисунка углубляются в металле. Это углубление линий в плоскости медной доски можно произвести либо механическим способом, то есть процарапыванием посредством острого стального орудия, либо химическим, то есть протравливанием медной доски азотной кислотой[1], либо, наконец, сочетанием обоих методов. Существует большое количество различных способов обработки медной доски, и каждый из них дает совершенно особый художественный результат. Когда применяют травление, то медную доску покрывают лаком, поверхность его коптят (чтобы лучше видеть штрихи, проведенные иглой по лаку), и рисунок процарапывают на лаке линиями и точками разной глубины и толщины. Затем к доске приделывают бортики из воска и заливают ее кислотой; кислота разъедает медь в тех местах, где поверхность доски не защищена лаком. Когда травление закончено, восковые бортики

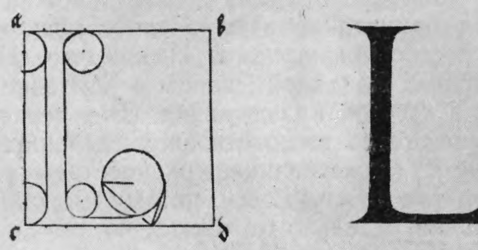
---

[1] Этот способ получил название о ф о р т — от французского названия азотной кислоты.

Oder mach dz .k. alſo/erſtlich laß den aufrechten zug vñ den oberen dünnen oꝛtzug beleybē wie ſie voꝛ ſind/allein dem dünnen zug laß oben innen ein eck an der lini.a.b.aber auſſen gegen dem.b.ſchweyf jn auß wie voꝛ. Darnach zeuch den bꝛeyten oꝛtſtrich auß dem eck den da ſchleuſt der aufrecht bꝛeyt zug vnd die zwerchlini.e.f.herab auf die zwerch.c.d.alſo das zwiſchen dem.d.vñ ende des zuges/des zugs bꝛeyten ler bleyb/vnd das inner eck laß bleyben/aber gegen dem.d.ſchweyf jn ein wenig auß. Wie dz hernach iſt aufgeriſſen.

NVn das.l.mach auß zweyerley voꝛgemelten buſtaben zůſamen geſetzt/nemlich mach den aufrechten breyten zug/wie foꝛen das.i.beſchꝛiben iſt/daran ſetz vnden den fues von dem voꝛ gemachten.e.alſo iſt das nachfolget.l.aufgeriſſen.

DAs.m.mach zweyerley weyß in ſein fierung.a.b.c.d.erſtlich zeuch des buſtaben ſchmalen aufrechten ſtrich hinder.a.c.eyn zehenteyl von der leng.a.b. Darnach mach den anderen bꝛeyten zug eyn zehen teyl von der leng.a.b.füꝛ der ſeyten.b.d.alſo das ſy oben vnd vnden in der fierung an rüren. Darnach teyl zwiſchen den zweyen zügen des buſtaben auf der lini.c.d.mit einem puncten.e.in der mitte von einander/vnd reyß ein bꝛeytch zug auß dem foꝛderen óberen eck des dünnen zuges vnden in den punctē.e. Darnach zeuch den dünnen zug von dem.e.wider vberſich biß in das foꝛder eck des bꝛeyten aufrechten zuges/vñ die inneren oberen eck/der zug deß buſtabē ſchweyf nit auß/aber auß wendig des gleychen vnden die zwen aufrechten zůg ſchweyf auf beden ſeyten auß wie du in den foꝛderen buſtabē bericht biſt. Merck auch ſo man diſe buſtaben mit der federen ſchꝛeibt das man ſie in einem zug ſol machen/aber vmb deinet willen dich zů vnderrichten iſt diſer buſtab her nach wie ob ſtet aufgeriſſen.

Рис. 25. Страница из книги А. Дюрера «Искусство измерения» (Нюрнберг, 1525)

удаляют, остатки лака смывают, и на доске остается протравленный рисунок; обычно художник дополнительно подправляет его штихелем или иглой. Чтобы отпечатать гравюру с готовой медной доски, надо покрыть ее краской таким образом, чтобы она заполнила углубленные линии, затем стереть лишнюю краску с поверхности доски. Печатают с медной доски на особом станке, применяя сильное давление, необходимое для того, чтобы краска из углублений в доске перешла на бумагу.

Важным элементом украшения книги в XV веке становится типографская марка; первоначально ее помещали в конце книги при колофоне, позднее в связи с возникновением самостоятельного титульного листа в начале книги марку стали помещать на титульном листе, здесь она являлась составной частью его композиции. Очень часто типографскую марку отпечатывали и в конце текста. Многие издательские марки, исключительно красивые по рисунку, украшали титульный лист. Во многих случаях марка заменяла имя типографщика; каждый издатель имел деревянные или металлические клише, предназначенные для марок разных размеров соответственно формату книг, большей частью они были разными по рисунку, но имели одно и то же графическое содержание.

Содержание книг в XVI веке становится бесконечно разнообразным и постепенно охватывает все отрасли знания. Из авторов XVI века двое вне всякого сравнения превосходят прочих огромным количеством изданий и влиянием на современников: светский писатель гуманист-филолог Эразм Роттердамский и церковный реформатор Мартин Лютер. Специальные типографии были заняты размножением их сочинений.

Наряду с научной и церковной литературой в невероятно большом количестве (особенно в Германии) выпускаются летучие брошюры и листовки на злобу дня, политические и религиозные памфлеты. Главная масса немецких брошюр посвящена реформации; с ними тесно связаны брошюры, касающиеся крестьянской войны. В этих брошюрах производилась защита прав крестьян, восставших против притеснений со стороны помещиков и духовенства. В сотнях брошюр нашел отражение турецкий вопрос; в это время он приобрел чрезвычайную остроту вследствие вторжения турок на территорию Венгрии и Австрии.

§ 28. СЕМЬЯ ЭТЬЕННОВ

Наиболее известным во Франции семейством печатников были Этьенны (по-латыни Stephanus). Родоначальник их Анри I Этьенн (умер в 1520 году) с 1502 года до своей смерти издал около 130 книг преимущественно религиозного и философского содержания, очень тщательно напечатанных, с оригинально оформленными титульными листами и разнообразными литыми типографскими украшениями. Его сын Робер Этьен (1503—1559)

приобрел во Франции такую популярность, какую имел Альд Мануций в Италии.

Робер Этьенн прежде всего стал создавать учебные пособия по древним языкам. Много раз и в разных форматах печатал он Библию на латинском, греческом, еврейском языках, но те филологические исправления, которые он вносил в текст, вызывали негодование ученых парижских богословов, укрепившихся при Сорбонне. Возражения, которые выдвигали католические ученые против исправлений в Библии, иногда доходили до серьезных обвинений в искажении священного писания; только заступничество короля спасло Робера Этьенна.

В сотрудничестве с ученым Жаном Тьерри Робер Этьенн составил толковый словарь латинского языка под названием «Сокровище латинского языка» и издавал его в 1532, 1536, 1543 годах. В 1539 году Робер Этьенн был назначен королевским печатником латинского и еврейского языков, а в 1545 году и греческого языка. Греческие книги, которые он напечатал в 40-х годах XVI века, принадлежат к совершенным произведениям типографского искусства.

В 1551 году ему, как протестанту, пришлось покинуть Францию и переселиться в Женеву, где он открыл типографию и продолжал печатать книги, не уступавшие парижским изданиям как по строгой научности содержания, так и в смысле оформления. Типография в Париже продолжала существовать сначала под руководством его племянника Шарля, а затем перешла к его сыну Анри. Общее число книг, напечатанных Робером Этьенном, превышает 600. На его типографской марке изображен отшельник под деревом с девизом «Noli altum sapere» («Не высокомудрствуй»). Рис. 26 представляет одно из изданий Робера Этьенна, напечатанное в Париже в 1551 году. На титульном листе — марка фирмы Этьеннов.

Высокое качество изданий Этьенна принесло ему славу не только среди современников, но и среди ученых в последующие века. Редакцию текста выполняли в его типографии знаменитые передовые ученые Парижа. Точность и безошибочность изданий Этьенна были таковы, что однажды он предложил уплатить крупную премию тому, кто обнаружит хотя бы одну опечатку в выпущенных им книгах.

Ко второй половине XVI века относится деятельность его сына Анри II Этьенна (1528—1598), с юношеских лет принимавшего участие в редакционной работе. Подобно Альду, Анри II был ученый-эллинист, владевший несколькими языками. Громкую славу ему принес словарь греческого языка «Сокровище греческого языка», начало которому было положено его отцом и который он завершил и выпустил в свет в 1572 году. Другие члены семьи Этьеннов сделались известны и как печатники и как филологи. Издательская фирма Этьеннов просуществовала в течение 150 лет.

SENTENTIAE VETERVM POE-
tarum, per Georgium Maiorem in locos communes
digeſtæ, ac tandem poſt authoris ſupremam manum,
multum auctæ ac locupletatæ.

ANTONII MANCINELLI DE
Poetica uirtute Libellus.

Index ſententiarum & prouerbiorum.

LVTETIAE

Ex officina Roberti Stephani typographi Regij.

M. D. LI.

Рис. 26. «Изречения древних поэтов» печати Р. Этьенна (Париж, 1551)

§ 29. ЛИОНСКИЕ ПЕЧАТНИКИ

Наряду с Парижем крупным издательским центром стал город Лион. Культурная жизнь Лиона отличалась от жизни Парижа — административного и церковного центра страны. В Лионе нашли прибежище более передовые, свободомыслящие ученые и писатели, не желавшие жить в той затхлой атмосфере, которая была характерна для Сорбонны, находившейся в руках католической церкви. В Лионе же нашли приют и протестанты, так как там вначале не было такого ожесточенного преследования их, как в Париже.

Крупнейшим типографом-издателем Лиона был Себастьян Грифиус, образованный человек, создавший в Лионе нечто вроде литературного салона, в котором собирались оппозиционно настроенные ученые и писатели. Одним из посетителей дома Грифиуса был великий французский сатирик Франсуа Рабле. Грифиус напечатал большое количество разнообразных сочинений, в том числе произведения греческого врача Галена в латинском переводе Рабле. Он издал многие переводы классических писателей преимущественно гуманитарного содержания. По своему оформлению издания Грифиуса стояли на высоком уровне, в его типографии имелось большое количество шрифтов. Титульные листы его книг украшены издательской маркой, изображающей грифа — фантастическую птицу с львиными лапами.

Замечательным лионским издателем был Этьенн Доле (1509—1546), прославившийся не количеством изданий, а своей трагической судьбой передового издателя, пострадавшего за свои убеждения.

Доле родился в 1509 году в Орлеане, образование получил в Падуанском университете — в то время наиболее передовом высоконаучном учреждении Италии. Окончив университет, Доле путешествовал, был в Венеции и наконец поселился в Тулузе — в одном из очагов католической реакции. В Тулузе Доле пришлось быть свидетелем убийства профессора толпой фанатиков, настроенной католическими священниками; профессор был заподозрен в сочувствии лютеранству. С этих пор Доле посвятил свою жизнь борьбе с церковным невежеством. Его выступления в Тулузе против официальной церкви создали ему много врагов; продолжать борьбу в Тулузе не было возможности, и Доле удалился в Женеву, чтобы там напечатать свои речи против тулузских инквизиторов. Доле был замечательным ученым, автором ценного филологического труда «Комментарии латинского языка», о котором с восхищением отзывались его современники. В 1535 году Доле начал печатать свой труд в Лионе, куда он в это время переселился, в типографии Грифиуса, оказавшего поддержку молодому талантливому ученому. В 1538 году Доле преподнес свой труд королю Франциску I и получил разрешение открыть собственную типографию в Лионе. В течение пяти лет типография

Доле процветала. Было напечатано около 70 книг, из них 15 — сочинения самого Доле. В это время в Лионе произошла забастовка наборщиков, находившихся в тяжелой материальной зависимости от владельцев типографий; наборщики требовали улучшения пищи и повышения заработной платы. Доле стал на сторону забастовавших рабочих, чем озлобил владельцев типографий.

В период наибольшего расцвета своей типографии — в 1542 году — Доле напечатал несколько сочинений, которые были запрещены католической цензурой. Наибольшее негодование у цензуры вызвало издание им сочинений Эразма Роттердамского (переводчик произведений Эразма Роттердамского на французский язык был сожжен вместе с книгами в 1524 году — об этом факте Доле, очевидно, знал).

После этого Доле был арестован; в качестве свидетелей были привлечены владельцы лионских типографий, озлобленные против Доле за поддержку стачки наборщиков. По распоряжению короля Доле освободили, но книги его приказали сжечь, а самому ему запретили печатать. Обстановка, благоприятствовавшая развитию книгопечатания во Франции, изменилась: король Франциск I из покровителя типографов превратился в их гонителя, так как в свободе печати увидел опасность для себя. В 1544 году близ ворот Парижа были захвачены два ящика с запрещенными книгами, напечатанными в типографии Доле. Доле был снова арестован; дело тянулось два года. Для всех было очевидно, что ящики были подброшены врагами Доле, всего вернее — теми же лионскими владельцами типографий, желавшими освободиться от защитника интересов рабочих. В 1546 году Доле приговорили к смертной казни: сожгли его на следующее утро после суда, боясь того, что промедление может повести к новому помилованию. Вместе с Доле сожгли и его издания. На рис. 27 — титульный лист книги, написанной и напечатанной Доле: «Жизнь короля Франции Франциска Валуа». Типографская марка с девизом: «Шероховатости и неровности усердно обрубаю и сглаживаю».

§ 30. ХРИСТОФОР ПЛАНТЕН

В середине XVI века в Антверпен, богатейший город южных Нидерландов, переселился француз Христофор Плантен (1514—1589), бежавший из Франции от религиозных преследований. Не имея средств, Плантен взялся за переплетное ремесло. После несчастного случая Плантен лишился руки и не мог продолжать работать. Он решил заняться типографским делом. В 1555 году он закончил устройство типографии и приступил к изданию книг. Плантен прилагал все усилия к тому, чтобы его издания были во всех отношениях выдающимися: шрифты заказывал лучшим словолитчикам в Париже, в качестве иллюстраторов и рисовальщиков

украшений приглашал известных художников, держал опытных корректоров, подобно Альду Мануцию и Роберу Этьенну находился в постоянной связи с крупнейшими учеными.

Жизнь и деятельность Христофора Плантена была наполнена такими событиями, которые могли бы заставить менее энергичного человека отказаться от издания книг. В самом начале своей деятельности он был обвинен в том, что в его типографии были отпечатаны брошюры гугенотов. Плантену пришлось бежать и скрываться в течение года. Возвратившись в Антверпен, Плантен узнал, что его типография сгорела. Он принялся энергично за ее восстановление и вновь начал работу. Через несколько лет испанские солдаты, находившиеся в Антверпене, подняли восстание и разрушили город. Типография Плантена была уничтожена, и третий раз он с прежней энергией восстановил ее. К концу жизни Плантен переехал в крупный голландский город Лейден и стал там типографом Лейденского университета.

Плантен напечатал более тысячи книг, среди которых есть издания очень большого объема. Содержание книг самое разнообразное: тексты классических писателей, сочинения по филологии, истории, математике, географии, мореплаванию, литургические и богословские книги. Самой замечательной книгой, изданной Плантеном, считается «Библия», напечатанная на нескольких языках: еврейском, халдейском, греческом и латинском. Над сложнейшим набором и печатанием книги трудилось 40 рабочих; издание состоит из восьми фолиантов, печаталось оно с 1568 до 1572 года. Когда «Библия» была напечатана, начались длительные затруднения с цензурой и инквизицией, которые намеревались запретить выпуск в свет этого научного издания, занеся его в папский Index. Только в 1580 году удалось окончательно преодолеть все затруднения и угрозы, а Плантен за этот труд получил титул «королевского печатника» испанского короля.

В оформление изданий Плантен внес много нового. Его типография располагала огромным количеством шрифтов: латинскими шрифтами прекрасных рисунков, изящными курсивами, греческими и восточными шрифтами — еврейским и сирийским. Красивое оформление полос и применение виньеток свидетельствуют о большом вкусе издателя; титульные листы заключены в рамки. которые рисовали лучшие художники.

Главная заслуга Плантена в книжном искусстве состояла в том, что он начал широко применять гравюру на меди в качестве способа воспроизведения иллюстраций и книжных украшений, и чем далее, тем в более широких размерах. Впоследствии гравюра на меди почти вовсе вытеснила гравюру на дереве. Марка Плантена, изображающая руку, которая держит циркуль, с девизом «Трудом и постоянством» применялась более чем в ста вариантах.

После смерти Плантена издательское дело продолжали его наследники. В первой половине XVII века типография пережила

FRANCISCI VALESII GALLORVM REGIS

Fata.

Vbi rem omnem celebriorem à Gallis geſtam noſces, ab anno Chriſti M. D. XIII. uſque ad annum ineuntem M. D. XXXIX.

STEPHANO DOLETO GALLO AVRELIO AVTORE.

LVGDVNI ANNO M. D. XXXIX.

Cum Priuilegio ad decennium.

Рис. 27. Одно из изданий Э. Доле (Лион, 1539)

новый расцвет, после которого наступил упадок; фактически типография просуществовала до 1865 года. Благодаря заботливости владельцев типографии сохранилось все оборудование наборной и печатни, корректорской и словолитни XVI—XVII веков, а также все деловые бумаги, письма и конторские книги за 300 лет. В 1875 году дом Плантена приобрел город Антверпен и превратил его в музей.

На рис. 28 дано изображение титульного листа одного из изданий наследников Плантена с его типографской маркой.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

КНИГА ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В XVII ВЕКЕ

§ 31. ОБЩИЙ ХАРАКТЕР КНИГОПЕЧАТАНИЯ

С конца XVI века мировое первенство по книжной продукции переходит к Голландии. После окончания борьбы за независимость быстро возрастает экономическое значение Голландии, расширяются ее торговые связи и промышленность. Голландия была первой из европейских стран, в которой феодальный строй сменился буржуазным.

Рост материального благополучия крупной и мелкой буржуазии вызвал повышенный спрос на книгу. В Голландии издавалось множество сочинений как по гуманитарным наукам, так и по математике, астрономии, географии, кораблестроению, технике, медицине и т. д. Росту книжного производства и книжной торговли способствовала такая широкая свобода печати, какой не существовало ни в какой другой стране того времени. Под свободой печати для того исторического периода следует понимать свободу высказывания против феодальных порядков и католической церкви. Голландия сделалась убежищем для всех преследуемых за религиозные убеждения и постепенно стала центром зарубежной печати для Франции, где цензура, так же как в Англии и Испании, была чрезвычайно сурова.

В XVII веке возникли новые типы печатных произведений, имевшие большое общественное и культурное значение, — газеты. Они начинают выходить регулярно сначала в Германии, а затем и в других странах. Уже в XVI веке выпускались листки, посвященные каким-либо значительным событиям. Эти листки подготовляли почву для выпуска газет. Первой постоянной газетой была «Франкфуртская газета», начавшая выходить в 1637 году.

В XVII веке, чрезвычайно насыщенном крупными историческими событиями, как Тридцатилетняя война, буржуазная английская революция, большого развития достигла политическая книга и политическая брошюра. Политическая книга приняла разнообразные формы от политических выступлений, в которых

IVSTI LIPSI

DE BIBLIOTHECIS

SYNTAGMA.

Editio secunda, & ab ultimâ Auctoris manu.

ANTVERPIÆ,

EX OFFICINA PLANTINIANA,

Apud Ioannem Moretum.

cIↃ. IↃC. VII.

Cum Priuilegiis Cæsareo & duorum Regum.

Рис. 28. Юст Липсий «О библиотеках», печать типографии Плантенов (Антверпен, 1607)

отразилась борьба классов, до памфлетов, имевших кратковременное значение. Большое количество памфлетов выходило в Германии в период Тридцатилетней войны. Во Франции во время правления кардинала Мазарини политическая брошюра издавалась в невероятно больших количествах названий. Брошюры, направленные против Мазарини и его борьбы с аристократической оппозицией, так называемой «фрондой», выходили чуть ли не ежедневно, обычно без указания места печатания. Тем же оружием пользовался и Мазарини, будучи сам автором многих памфлетов. Вся эта обширная политическая литература получила название «Мазаринад».

В Англии, в период буржуазной революции, политическая книга получила широкое развитие. Замечательным историческим памятником середины XVII века является знаменитая речь одного из деятелей революции, известного поэта Джона Мильтона, произнесенная им в парламенте в 1644 году. Эта речь получила название «Ареопагитика, или речь о свободе печати» и содержала горячий призыв к уничтожению цензуры.

Производство книги в XVII веке в количественном отношении сильно возрастает, но зато происходит общее снижение качества изданий, которое начинается в первой половине XVII века и достигает самой низкой точки во второй его половине. И печать и бумага становятся значительно хуже.

Эта эпоха дала немало замечательных по оформлению произведений.

В области книжной иллюстрации гравюра на меди почти целиком вытесняет гравюру на дереве. В XVII веке, когда происходил усиленный захват колоний и развитие торгового мореплавания, выпускались огромные географические атласы и многотомные серии географического содержания с большим числом иллюстраций на меди. Лучшие атласы и карты издавались фирмой Блей в Амстердаме. К этому же времени относится собрание «Топографий», то есть описаний отдельных стран с гравюрами Маттеуса Мериана и его сыновей; это собрание состояло из 31 тома форматом in folio, печаталось оно во Франкфурте с 1642 по 1688 год.

§ 32. ФИРМА ЭЛЬЗЕВИРОВ

Центральное место в книжном деле XVII века занимала голландская фирма Эльзевиров (1592—1712). Занять это место фирме Эльзевиров удалось не только благодаря высокому качеству изданий, но и вследствие новых введенных ею методов книжной торговли. Фирма Эльзевиров настойчиво стремилась вынести книжную торговлю за пределы своей страны, сделать ее международной. В Германии, Франции, Англии, Италии, Дании — всюду открывали Эльзевиры филиалы или агентства. Главным центром издательской деятельности Эльзевиров в первой половине XVII века был университетский город Лейден; во второй

половине XVII века лейденская типография приходит в упадок, но зато период расцвета переживает типография в Амстердаме. Существовали также филиалы в Гааге и в Утрехте, но большого значения они не имели.

Эльзевиры напечатали в общей сложности около 2200 книг и 2500—3000 университетских диссертаций. Несмотря на то что сами Эльзевиры не были учеными, им удалось собрать в своих изданиях сочинения знаменитых ученых и писателей своего времени по всем отраслям знаний.

Замечательных успехов Эльзевиры достигли в оформлении книг. Часто титульный лист гравирован на меди; заставки, концовки и инициалы отличаются тонкостью рисунка, которая очень хорошо вяжется с тонкостью шрифта. Они сумели также соединить литературные достоинства и изящную внешность книг со значительным снижением их стоимости; отсюда небывалый коммерческий успех их изданий. Удешевление книги было достигнуто благодаря повышению тиража, уменьшению формата и соответствующему уменьшению шрифта, но без ущерба для удобочитаемости. Этот замечательный шрифт, несравненный по красоте и четкости, создал амстердамский словолитчик Христоффель ван Дик; в позднейшие эпохи этот шрифт много раз был предметом подражания. Уменьшение формата с успехом применялось еще итальянскими и французскими печатниками первой половины XVI века, но они остановились на малой восьмушке; Эльзевиры же пошли дальше: они ввели узкий формат в двенадцатую долю листа (12,5×7,5 *см*), а иногда и еще меньше.

Эльзевиры оставили такой глубокий след в истории издательского дела, что их имя сделалось нарицательным в следующих значениях: эльзевирами называют изданные ими книги; эльзевиром называют созданный ими рисунок шрифта; наконец, эльзевирным форматом называют размер их изданий.

Эльзевиры употребляли несколько разных издательских марок: отшельник под деревом, глобус, орел; одну из этих марок можно видеть на рис. 29 — это богиня Минерва под деревом, марка, помещавшаяся на амстердамских изданиях.

§ 33. КОРОЛЕВСКАЯ ТИПОГРАФИЯ В ПАРИЖЕ

В 1640 году, когда отмечался двухсотлетний юбилей изобретения книгопечатания, король Людовик XIII по совету Ришелье основал в Париже королевскую типографию. Это полиграфическое предприятие, при Наполеонах именовавшееся императорской, а при республике — национальной типографией, существует до настоящего времени и в течение трехсот лет хранит традиции строгой, правильной и роскошной печати. При основании типографии сделали все для того, чтобы поднять издания на самый высокий уровень. Во главе типографии был поставлен выдающийся печатник Себастьян Крамуази; не жалели средств

RENATI

DES-CARTES

PRINCIPIA

PHILOSOPHIÆ.

Nunc demum hac Editione diligenter recognita, & mendis expurgata.

AMSTELODAMI,

Apud Ludovicum & Danielem Elzevirios,

Anno cIↄ Iↄc LVI.

Cum Privilegiis.

Рис. 29. Рене Декарт «Основания философии». Издание Эльзевиров (Амстердам, 1656)

для снабжения ее разнообразными шрифтами самых лучших рисунков. Помимо красивых латинских прямых и курсивных шрифтов и знаменитого греческого, отлитого при Франциске I для Робера Этьенна, королевская типография располагала замечательным комплектом восточных шрифтов. При Людовике XIV типографию снова расширили и пополнили новым шрифтом «королевским латинским». По замыслу Ришелье и согласно желанию королей, издания королевской типографии должны были затмить все книги, выходившие в других местах. Это в значительной мере определяло и роскошную внешность ее изданий: большие форматы, великолепные гравюры, роскошные переплеты из красного сафьяна с королевскими лилиями на крышках.

§ 34. НАЧАЛО КНИГОПЕЧАТАНИЯ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ

Книгопечатание в Северной Америке, бывшей в то время колонией Англии, началось только в XVII веке. Первая типография открылась в городе Кембридже (штат Массачузетс) в 1639 году. Первым печатником был слесарь Стифен Дэй, сделавшийся основателем книгопечатания в Америке вследствие следующих случайных обстоятельств. Один английский проповедник закупил в Англии типографские материалы и отправился с ними в североамериканские колонии, но умер на корабле во время пути. Вдова умершего поручила оборудовать привезенными материалами типографию Стифену Дэю, что он и сделал. Первые книги, вышедшие из его типографии, были «Клятва гражданина» (1639) и «Книга псалмов» (1640). В 1675 году открылась типография в Бостоне, развившая большую деятельность. До конца XVII века в Северной Америке, главным образом в Кембридже и Бостоне, было напечатано приблизительно 900 книг.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

КНИГА ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В XVIII ВЕКЕ

§ 35. КНИГОПЕЧАТАНИЕ XVIII ВЕКА ВО ФРАНЦИИ

Подъем общественного движения, связанный с победой буржуазного строя в XVIII веке, приводит к расцвету науки, литературы и искусства, что вызывает рост книжного производства. Новое возрождение охватывает все области книгопроизводства, но наиболее ярко обнаруживается в двух отраслях: шрифтах и иллюстрации. Среди таких стран, как Англия, Италия, Германия, имеющих крупнейшие достижения в книжном деле, первое место занимает Франция.

Острые противоречия классовых интересов порождали одновременное существование во Франции противоположных явлений.

С одной стороны, роскошь жизни аристократии проникает во все отрасли производства, создает новые формы стиля — рококо[1]. С другой стороны, прогресс научных знаний приводит к возникновению и быстрому развитию просветительной материалистической философии. Выдающиеся представители ее — Вольтер и Мелье разоблачали духовенство, обманывающее народ; Руссо призывал к отказу от роскоши и возвращению к простой, естественной жизни; Гольбах и Гельвеций стремились укрепить материалистическое миропонимание; Мабли и Рейналь призывали к изменению общественного строя и, наконец, Дидро, д'Аламбер и другие энциклопедисты, подытоживая новые направления общественной мысли, ставили перед собой задачу построить систему знаний на новых, чисто рационалистических основах.

Королевская и церковная цензура всеми силами пыталась задержать поступательное движение освободительно-просветительных идей, но успеха не достигла: запрещенные цензурой книги свободно печатались в соседних Нидерландах и контрабандным путем переправлялись во Францию; множество книг печаталось тайно в самом Париже, а на титульном листе ставилось фиктивное место печатания, например «Амстердам», «Гаага», «Брюссель» и т. п. или просто вымышленный город. Запрещенные книги имели большой спрос не только у третьего сословия, но и у аристократов.

В 1751 году началось издание «Энциклопедии искусств и ремесел», предпринятое группой передовых ученых во главе с писателем Дени Дидро и математиком д'Аламбером. Характерная особенность этой энциклопедии состояла в том, что она предназначалась для третьего сословия. В противоположность старым энциклопедиям в ней не помещались богословские и отвлеченно-философские статьи, но зато много статей посвящалось ремеслам и промышленности. Таким образом, энциклопедия имела по преимуществу практическое значение, в ней также много места отводилось и вопросам общественного устройства. Некоторые статьи, написанные в критическом духе против королевской власти и особенно против церкви и ее служителей, преследовались цензурой и запрещались. Часть томов печаталась в Голландии и тайно доставлялась подписчикам. Несмотря на все трудности, удалось издать 17 томов энциклопедии и 11 томов рисунков к ней. На рис. 30 показана иллюстрация к статье «Гравюра» из «Энциклопедии искусств и ремесел».

В энциклопедии нашли отражение взгляды наиболее передовой части общества, вследствие чего она имела огромный успех не только во Франции, но и во всех европейских странах. Во многих государствах делали и издавали переводы отдельных статей энциклопедии; много статей было переведено и издано в России.

---

[1] Стиль рококо получил название от французского слова *rocaille* — раковина, так как раковина была наиболее употребительным элементом в орнаменте этого стиля.

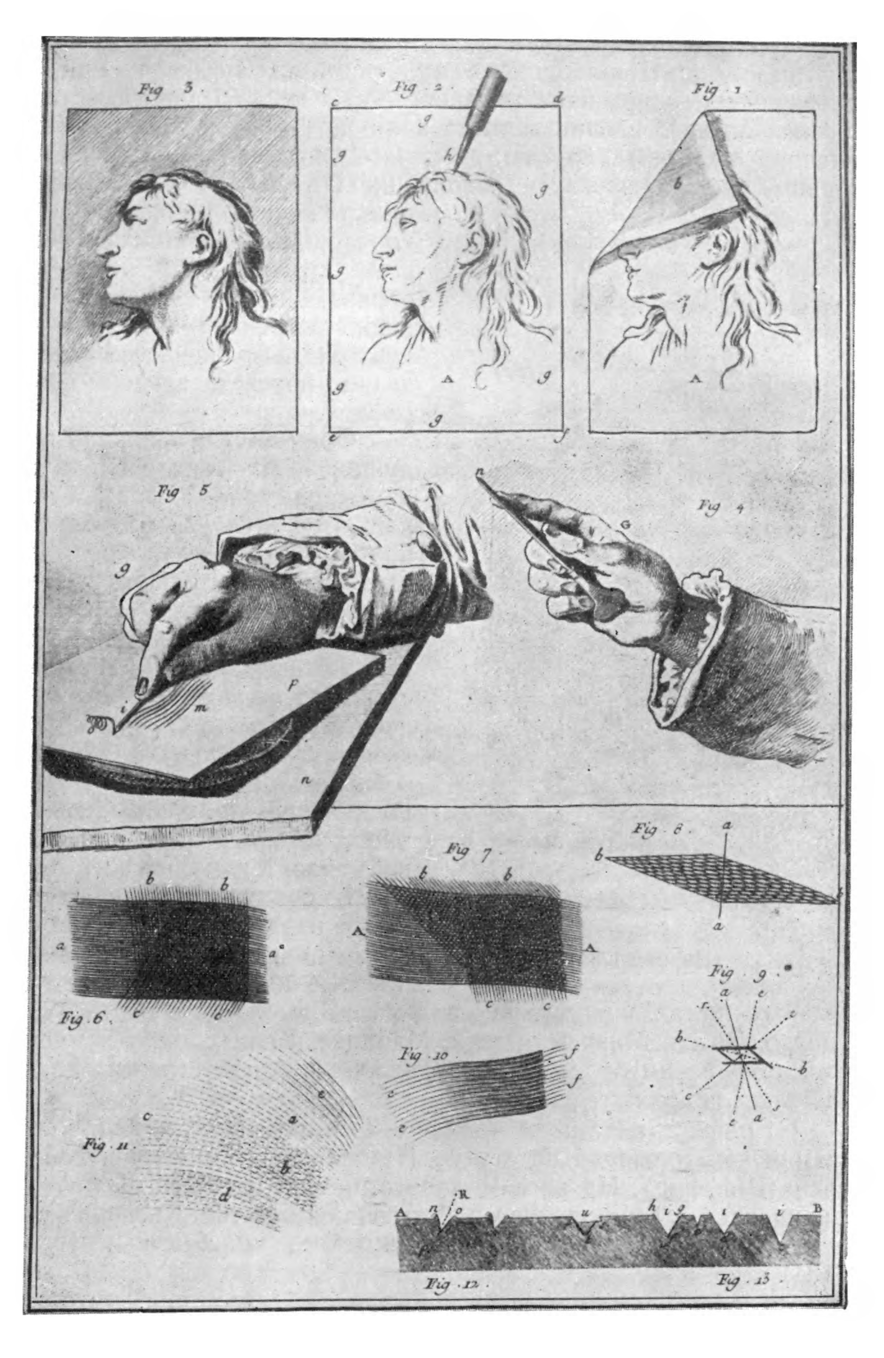

Рис. 30. Иллюстрация к статье «Гравюра» из «Энциклопедии искусств и ремесел» (Париж, 1767)

Французская культура оказала сильное влияние на культуру других стран: подражание всему французскому было общераспространенным явлением в Европе XVIII века. В зависимости от личных интересов одни заимствовали из Франции только формы внешней культуры, другие увлекались философскими течениями. Французская буржуазная революция 1789—1793 годов, вызвав ожесточенное сопротивление со стороны правящих классов всех стран, среди передовых образованных элементов нередко встречала затаенное сочувствие, выразившееся в увлечении просветительной философией.

42 FABLES CHOISIES.

Que de le changer de demeure?
Vous auriez pû ſans peine y puiſer à toute heure.
A toute heure, bons Dieux! ne tient-il qu'à cela?
L'argent vient-il comme il s'en va?
Je n'y touchois jamais. Dites-moi donc, de grace,
Reprit l'autre, pourquoi vous vous affligez tant:
Puiſque vous ne touchiez jamais à cet argent,
Mettez une pierre à la place,
Elle vous vaudra tout autant.

Рис. 31. Страница из басен Лафонтена (Париж, 1755)

Французская книжная продукция XVIII века распадается на две основные группы. К первой относятся философские и научные сочинения, оформленные с исключительной простотой. Вторую группу составляют книги, предназначенные для состоятельных, а в некоторых случаях только для богатых любителей книги. Французы всегда были усердными книгособирателями (библиофилами), но никогда страсть к красивой книге не овладевала ими с такой силой, как в XVIII веке. Этим объясняется появление массы изданий, украшенных чудесными гравюрами на меди, которые обычно печатали на отдельных листах. Французские иллюстраторы XVIII века — Буше, Гравло, Эйзен, Моро младший, Марилье, Кошен, Удри и многие другие — не имели себе соперников ни в одной стране и всюду находили подражателей.

От иллюстрации не отставала и книжная орнаментика, исполняемая как гравюрой на дереве (Папильон), так и гравюрой на меди (Шоффар). На рис. 31 дана страница из басен Лафонтена с концовкой в стиле рококо работы Папильона. Это издание считается одним из шедевров французского книжного искусства XVIII века.

Во время французской буржуазной революции выходили политические брошюры, памфлеты, направленные против королевской власти и аристократов, и периодические издания, наполненные злободневным политическим материалом. Одним из таких

изданий была официальная газета «Друг народа», издававшаяся Маратом.

Большим успехом в народных массах Парижа пользовалась в период революции газета «Папаша Дюшен»; печаталась она неизвестными лицами в маленьких типографиях Парижа. На первой странице этой газеты находился портрет папаши Дюшена, сидящего верхом на винной бочке; рисунок был выполнен гравюрой на дереве. Текст газеты представлял собой речь папаши Дюшена, посвященную текущим событиям, излагал эти события папаша Дюшен в крайне революционном духе; язык газеты был простонародный и даже с грубыми и неприличными выражениями. Газета «Папаша Дюшен» вызвала многочисленные подражания.

§ 36. СЛОВОЛИТНОЕ ДЕЛО

Если в иллюстрационном искусстве XVIII века Франции принадлежит первое место, то в создании шрифтов и словолитном деле состязались все страны Западной Европы, и трудно какой-нибудь из них отдать преимущество. Совместные усилия мастеров XVIII века над усовершенствованием шрифтов имели величайшее значение для эволюции этих шрифтов.

Работа над усовершенствованием шрифтов в XVIII веке в основном шла по двум основным направлениям: во-первых, были созданы новые рисунки наборных типографских шрифтов настолько жизнеспособные, что многие из них продолжают существовать до нашего времени, во-вторых, неизмеримо возрастает умение пользоваться шрифтами для получения хорошо оформленной книжной полосы.

В Голландии в XVII веке стали знаменитыми шрифты Эльзевиров, их постоянно вывозили за границу. В 1703 году в Гаарлеме Исаак Энсхеде основал новую первоклассную словолитню, существующую до настоящего времени. Члены семьи Энсхеде всюду, где только было возможно, скупали старые типографские шрифты и словолитни и составили таким путем единственное собрание шрифтов начиная с XV века.

В Англии первым рисовальщиком шрифтов и словолитчиком был Уильям Кезлон (1692—1766), основавший словолитню в Лондоне в 1720 году. По общему признанию, его шрифты по красоте и разнообразию превосходят голландские. Кезлон создал новые рисунки антиквы, а также готический и арабский шрифты. Словолитни существовали в Англии и до Кезлона, но английские печатники не удовлетворялись шрифтами этих словолитен и предпочитали ввозить их из-за границы, главным образом из Голландии; Кезлон освободил их от этого ввоза. Современником и соперником Кезлона был Джон Баскервилль.

Во Франции замечательным словолитчиком был Пьер Симон Фурнье (1712—1768), человек исключительных способностей. В 1736 году в Париже Фурнье основал словолитню и помимо

шрифтов прославился литыми наборными украшениями. Вместе с тем Фурнье был выдающимся теоретиком и положил начало науке об измерении шрифтов, так называемой типометрии[1], которую впоследствии усовершенствовал Франсуа Амбруаз Дидо. Среди его сочинений основное значение имеет «Руководство к типографии». На рис. 32 показаны титульный лист и фронтиспис

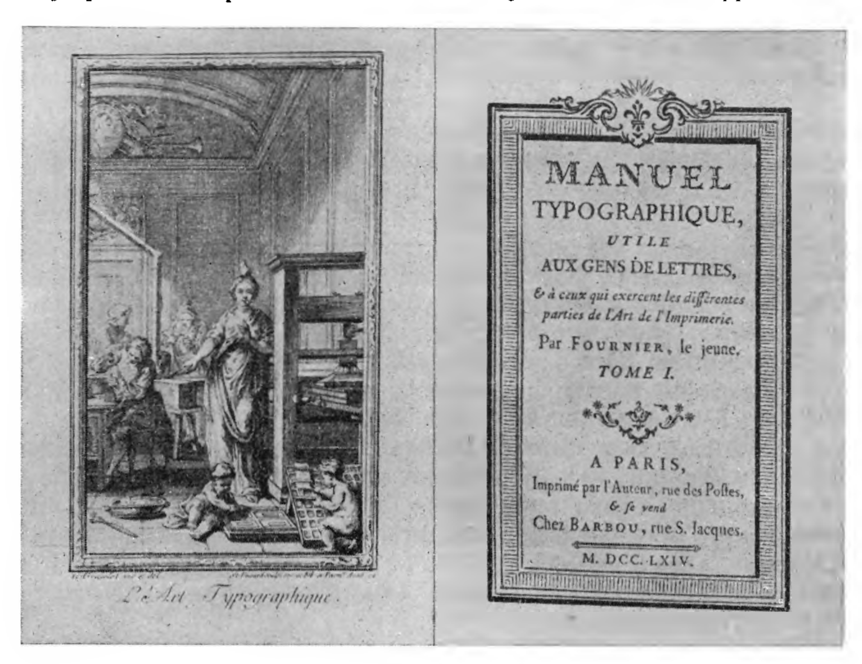

Рис. 32. Фронтиспис и титульный лист «Руководства к типографии Фурнье» (Париж, 1764)

«Руководства к типографии» Фурнье. Рисунок изображает типографию, работу в которой производят амуры. Эта характерная деталь была свойственна стилю рококо.

§ 37. ВЫДАЮЩИЕСЯ ПЕЧАТНИКИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ XVIII ВЕКА

Выдающимся английским печатником XVIII века был Джон Баскервилль (1708—1775). Начал он свою трудовую деятельность в качестве писца, потом торговал лаками и на этой торговле нажил состояние. В 1750 году он оставил торговлю и занялся печатанием книг, причем завел не только типографию и словолитню, но и бумажную мельницу, чтобы иметь в руках все необходимое для изготовления книг. В предисловии к своему изданию Мильтона Баскервилль пишет, что ни одно из тех искусств, которыми он занимался, не доставляло ему столько удовольствия,

[1] Типометрия — от греческого слова *тюпос* — в данном случае буква или шрифт и *метрео* — измеряю.

сколько дает отливка литер, изготовление бумаги и печатной краски. Семь лет работал Баскервилль над рисунками шрифтов и их отливкой, и наконец в 1757 году он выпустил первую книгу — латинское издание Вергилия.

Одна из особенностей изданий Баскервилля — полное отсутствие орнаментики; Баскервилль достигает художественности книжного оформления чисто шрифтовыми средствами. Баскервилль изобрел способ придания бумаге шелковистой поверхности, создав особый сорт так называемой веленевой бумаги. Один из замечательных по оформлению титульных листов книги, напечатанной Баскервиллем, дан на рис. 33. В Англии шрифты Баскервилля не имели такого успеха, как шрифты Кезлона, но Бодони в Италии и Дидо во Франции обязаны ему многим. После смерти Баскервилля большую часть его типографского материала приобрел французский писатель Бомарше. Открыв в городе Кель (близ Страсбурга) «Типографское общество», он напечатал в 80-х годах XVIII века полное собрание сочинений Вольтера в 73 томах.

Крупнейшим итальянским печатником XVIII века являлся Джиамбаттиста Бодони (1740—1813). С молодых лет он начал работать наборщиком в Риме, где прошел хорошую школу. Когда герцог Пармский захотел основать в Парме типографию, он пригласил Бодони в качестве директора этой типографии. В 1768 году Бодони переехал в Парму и проработал здесь более 45 лет, сделавшись знаменитым печатником-художником. Первые шрифты пармской типографии были куплены у Фурнье в Париже, но одновременно Бодони приступил к отливке собственных шрифтов, в том числе греческого, русского, еврейского и арабского.

Бодони создал замечательный рисунок шрифта, имеющего толстые вертикальные и волосные горизонтальные линии. Бодони так же, как и Баскервилль, отказался от заполнения своих изданий иллюстрациями; для него главным средством оформления было сочетание типографских шрифтов; все издания Бодони выдержаны в стиле строгой классики. В искусном выборе шрифта, в установлении соотношений его размера с размером страницы, в определении промежутков между строками, в урегулировании соотношения полей и полосы набора Бодони был непревзойденным мастером (рис. 34). Высокое качество бумаги, насыщенная черная краска, превосходная печать завершили создание высокохудожественного произведения, каким является его книга. К сожалению, содержание изданных Бодони книг часто не отвечает их оформлению: нередко эти книги представляли собой сочиненьица придворного характера, не имеющие литературного значения. В тех же случаях, когда Бодони издавал классиков, текст этих сочинений служил лишь материалом для типографского оформления; о качестве редакции и корректуры Бодони не заботился.

QUINTUS

HORATIUS

FLACCUS.

BIRMINGHAMIÆ:

Typis JOHANNIS BASKERVILLE.

MDCCLXX.

Рис. 33. Сочинения Горация печати Д. Баскервилля
(Бирмингам, 1770)

LA

GERUSALEMME

LIBERATA

DI

TORQUATO

TASSO

TOMO I.

PARMA

NEL REGAL PALAZZO

MDCCXCIV

CO' TIPI BODONIANI

Рис. 34. Поэма Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим» печати Д. Бодони (Парма, 1794)

Среди французских печатников в XVIII веке выдвинулась начиная с первых лет XVIII века фамилия Дидо. Наибольшую известность среди них приобрел Франсуа Амбруаз Дидо (1730—1804), человек большого и разностороннего образования. В 1775 году он создал первый вариант нового шрифта с утолщенными вертикальными и тончайшими горизонтальными линиями. Этот шрифт был окончательно выработан его сыном Фирменом Дидо и под именем «дидотовского» получил мировое распространение. Как уже было сказано выше, большую заслугу Дидо составляет разработка им типометрической пунктовой системы, также получившей всемирное распространение. Шрифты словолитни Дидо стали предметом усиленного вывоза во многие страны Европы; так, например, русские, латинские и греческие шрифты Дидо выписывал владелец типографии в России И. П. Глазунов; владелец словолитни в Петербурге Ревильон торговал дидотовскими шрифтами. Старший сын Франсуа Амбруаза Дидо — Пьер Дидо (1761—1853) продолжал издательское и типографское дело отца, младший — Фирмен Дидо (1764—1836) — словолитное дело. Фирмен Дидо впервые в типографской практике ввел стереотипирование[1] (см. стр. 102), что позволило удешевить производство книг и снизить их продажную цену. Матрицы для стереотипов снимали при помощи накладывания на набор гипса, смоченного водой. Гипс быстро застывал, причем заполнял все свободное пространство и при снятии с набора давал точную копию набора в зеркальном виде (матрицу).

Пьер Дидо получил известность также изданиями классиков; по красоте эти издания не уступали работам Бодони, но значительно превосходили их в отношении исправности текста. Лучшее издание классиков — сочинения Расина, вышедшие в 1801—1805 годах в трех томах в очень большом формате. Это издание современники признавали лучшей книгой из всех книг, вышедших в то время. На рис. 35 представлена иллюстрация к сочинениям Расина, изображающая автора, которого подводят к бессмертию его гений и муза Мельпомена. Гравюра выполнена по картине известного художника Прюдона.

Выдающимся типографом Соединенных Штатов Америки в XVIII веке был Веньямин Франклин (1706—1790), ученый, писатель, публицист, политический деятель, активный борец за независимость Соединенных Штатов. Еще мальчиком Франклин поступил на работу в типографию в Бостоне (Северная Америка), затем он поехал в Европу и работал в лондонских типографиях. Возвратившись в Северную Америку, он основал собственную типографию в Филадельфии и в 1732 году выпустил «Альманах бедного Ричарда», который выдержал стотысячный тираж и издавался в течение 25 лет; здесь же он издавал «Пенсильванскую газету».

---

[1] Стереотип — от греческих слов *стереос* — плотный и *тюпос* — изображение.

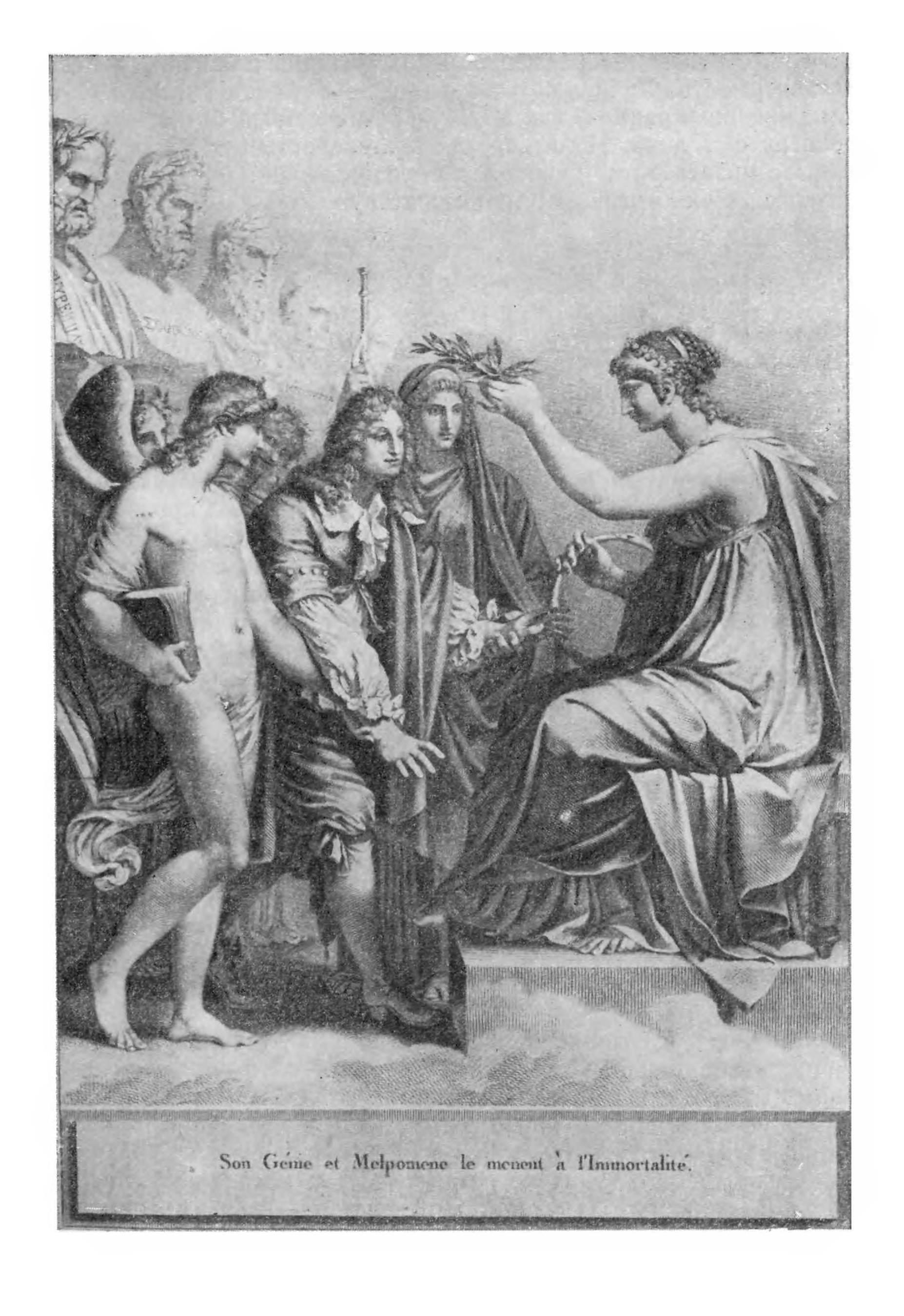

Рис. 35. Гравюра из сочинений Расина печати Дидо (Париж, 1801)

Во время войны североамериканских колоний с Англией за свою независимость Франклин состоял послом Соединенных Штатов Америки во Франции, где подружился с семьей Дидо и вел переписку с Бодони. Политическая деятельность заставила Франклина отказаться от руководства типографией, но не охладила интереса к типографскому производству.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

КНИГА ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ

§ 38. ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС В КНИГОПЕЧАТАНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Девятнадцатый век во всех странах был веком укрепления буржуазного строя на базе капиталистического производства. В первую половину XIX века появляется ряд новых изобретений и усовершенствований во всех областях техники. Этот период называют эпохой промышленного переворота. Технический прогресс происходит и в области техники книгопечатания, причем он проявляется в одинаковой степени по двум основным линиям книгопроизводства: в собственно книгопечатной и в графических искусствах.

В производстве бумаги также произошли значительные изменения, способствовавшие увеличению бумажной продукции и удешевлению книги. В конце XVIII века французский рабочий Луи Робер изобрел производство бумаги машинным способом.

В 1811 году Кениг и Бауэр изобрели так называемую скоропечатную машину. В этой машине набор, а позднее стереотип помещался на плоской поверхности (талере), а бумага — на соприкасающемся с набором цилиндре. Печатание на таких машинах производилось с большой быстротой: можно было получить 1500 оттисков в час.

Как уже указывалось, основной принцип техники книгопечатания, изобретенной Гутенбергом, состоял в том, что наборную форму составляли из отдельных литер. В XIX веке обнаружилась обратная тенденция в принципе техники книгопечатания — отдельные литеры пытаются слить в целую полосу с той разницей, что эту полосу (форму) не гравировали, а отливали из того же металла, из какого отливали и отдельные литеры. Этот новый способ техники книгопечатания получил название стереотипии.

Впервые пытались стереотипировать наборную форму в начале XVIII века, но в то время стереотипирование не нашло применения, так как не было потребности в ускорении полиграфического процесса. В конце XVIII века парижская фирма Дидо

возобновила эти опыты и стала выпускать стереотипные издания в широких размерах.

В 1829 году парижский наборщик Жену изобрел новый способ стереотипирования, который заключается в следующем. Размягченную бумажную массу накладывают на наборную форму и получают матрицу; после того как бумажная матрица высохнет, в нее наливают расплавленный металл и получают стереотип — металлическую пластину, точно воспроизводящую типографский набор. Стереотипная печатная форма дает возможность быстро отлить несколько других печатных форм и печатать на нескольких машинах или даже в нескольких типографиях; стереотипия позволяет давать неограниченно большие тиражи. Для книг, имеющих большие тиражи и требующих повторных изданий, для газет и многих других видов произведений печати стереотипия является незаменимой, так как дает возможность в течение длительного срока сохранять матрицы. Стереотипия в силу больших преимуществ нашла повсеместное распространение.

Важнейшим изобретением в технике книгопечатания был новый способ печати — так называемая плоская печать (литография[1]), — одинаково пригодный как для размножения текстов, так и для воспроизведения иллюстраций. Изобретателем литографии был немец Алоизий Зенефельдер (1771—1834); первые его опыты относятся к 1796 году. Сущность литографского способа печати состоит в следующем: на отполированную поверхность зернистого камня наносят жирным карандашом рисунок, травят камень кислотами и покрывают печатной краской. Предварительно камень смачивают водой, чтобы краска не пристала к влажным, свободным от рисунка местам. Таким образом, печатание производят с плоской поверхности камня, обработанного химическим путем. Литография — более дешевый способ, чем печатание подвижными литерами. Посредством литографии можно воспроизвести и текст и рисунок любой сложности. Поэтому к литографскому способу печати часто прибегают в тех случаях, когда набор слишком сложен и требует большого количества разнообразных знаков. Вследствие этого литография широко применялась для печатания нот, а также для печатания текстов на восточных языках.

Следующим важным изобретением, способствовавшим удешевлению и ускорению техники воспроизведения иллюстрации, было изобретение торцовой гравюры, сделанное английским художником Томасом Бьюиком (1753—1828) в конце XVIII века. До изобретения Бьюика иллюстрации воспроизводили при помощи обрезной гравюры, для чего дерево распиливали по длине ствола и на этом срезе ножом наносили рисунок. Способом обрезной гравюры в XV и XVI веках были созданы замечатель-

---

[1] Литография — от греческих слов *литос* — камень, *графо* — пишу.

ные иллюстрации, но он был все же ограничен в своих возможностях: им нельзя было передавать тона и полутона. Бьюик стал наносить рисунки на поперечном распиле дерева (торце), который был гораздо тверже и давал возможность применять штихель и другие стальные инструменты, какими пользуются для гравирования медных досок. При таком способе гравирования становится возможной передача тонов, переходов от света к тени, поэтому торцовая гравюра получила также название *тоновой*. На рис. 36 дана страница из книги Томаса Бьюика «История птиц Британии»; иллюстрация сделана с торцовой гравюры.

BRITISH BIRDS. 85

THE RAVEN

GREAT CORBIE CROW.

(*Corvus Corax*, Linn.—*Le Corbeau*, Buff.)

Is the largest of this kind; the length is above two feet; breadth four. The female is somewhat less. The bill is strong, and thick at the base, measuring rather more than two inches and a half in length, and covered with strong hairs or bristles, which extend above half its length, covering the nostrils: the general colour of the upper parts is a fine glossy black, reflecting a blue tint in particular lights; the under parts are duller, and of a dusky hue.

Рис. 36. Тоновая гравюра на дереве Т. Бьюика
из книги «История птиц Британии»
(Лондон, 1832)

С начала XIX века литография и тоновая гравюра почти совсем вытеснили старые способы воспроизведения иллюстраций.

В 30-х и 40-х годах XIX века для дорогих изданий стали применять гравюру на стали. Этот способ особенно широко использовался в Англии для особого типа изданий, так называемых подарочных. При этом способе рисунки гравировали на мягкой стали, после чего сталь подвергали закалке. Преимущество этого способа состояло в том, что со стальной доски можно сделать значительно большее количество отпечатков, чем с медной. Но зато изобразительные возможности при отделке стали значительно меньше, чем в медной гравюре: сталь дает сухой и холодноватый оттенок. Этот способ вскоре вышел из употребления.

§ 39. ОФОРМЛЕНИЕ КНИГИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В оформлении книги первой половины XIX века полностью нашли отражение те основные течения в европейской художественной культуре и стили, которые сменяли друг друга в литературе и изобразительном искусстве: классицизм, романтизм, реализм. Каждый из этих основных стилей имел несколько разновидностей, обусловленных особенностями исторической обстановки данной страны.

Классический стиль, или классицизм, считается стилем, характерным для эпохи конца феодального строя и победы буржуазного. Героика революционной борьбы в период французской буржуазной революции конца XVIII века вызвала увлечение античными формами. Стиль этот отразился в архитектуре, живописи, литературе, он проник в быт (оформление революционных народных праздников, костюмы). Одним из блестящих образцов классического оформления книги было указанное выше собрание сочинений Расина, изданное Дидо. Классическому оформлению книги соответствовали также строгие рисунки шрифтов Дидо и Бодони.

Романтизм — течение в европейской культуре, возникшее в противовес классицизму с его сухими, отжившими формами. Течение это появилось сначала в Германии, потом в Англии и во Франции. Романтизм — явление очень сложное; уже с самого начала в нем наметились два резко противоположных друг другу направления. Одно направление — передовое, демократическое, противопоставившее героике и пышности классицизма изображение действительности. Представителем этого направления в литературе был Виктор Гюго. Другое — реакционное направление, характерное стремлением к уходу в прошлое, в область фантастики и религии.

Поскольку Франция еще в XVIII веке завоевала себе руководящую роль в книжном производстве, именно французский романтизм оказал наибольшее влияние на оформление книги. Книги, иллюстрированные художниками-романтиками, сильно отличаются от книг XVIII века и эпохи классицизма. Они обладают не меньшими художественными достоинствами, потому что иллюстрированы и украшены крупными мастерами-графиками. Иллюстрирование книги идет в сторону упрощения и удешевления: иллюстрации обычно воспроизведены гравюрой на дереве, а не на меди, помещены не на отдельных листах, а по середине текста; кожаный переплет сменяется коленкоровым и даже картонным.

Книги, оформленные художниками-романтиками, очень разнообразны; одни имеют уклон в фантастику и в прошлое, в других смело критикуются уродства буржуазного общественного строя. В творчестве этого направления имеются черты будущего реализма, а также черты гротеска и карикатуры.

Лучшими иллюстраторами-романтиками признаются Эжен Делакруа, глава романтической школы в живописи, создавший иллюстрации к «Фаусту» Гёте и «Гамлету» Шекспира, и Тони Жоанно, давший множество иллюстраций к классическим произведениям литературы, Гаварни — мастер бытовой карикатуры и иллюстратор современной французской литературы.

Начиная с Жоанно в иллюстрациях романтиков начинают явственно выступать черты реалистического направления, требующего от художника правдивого изображения действительности. Первыми по времени реалистическими иллюстрациями считаются рисунки Жоанно к «Дон Кихоту» Сервантеса (рис. 37).

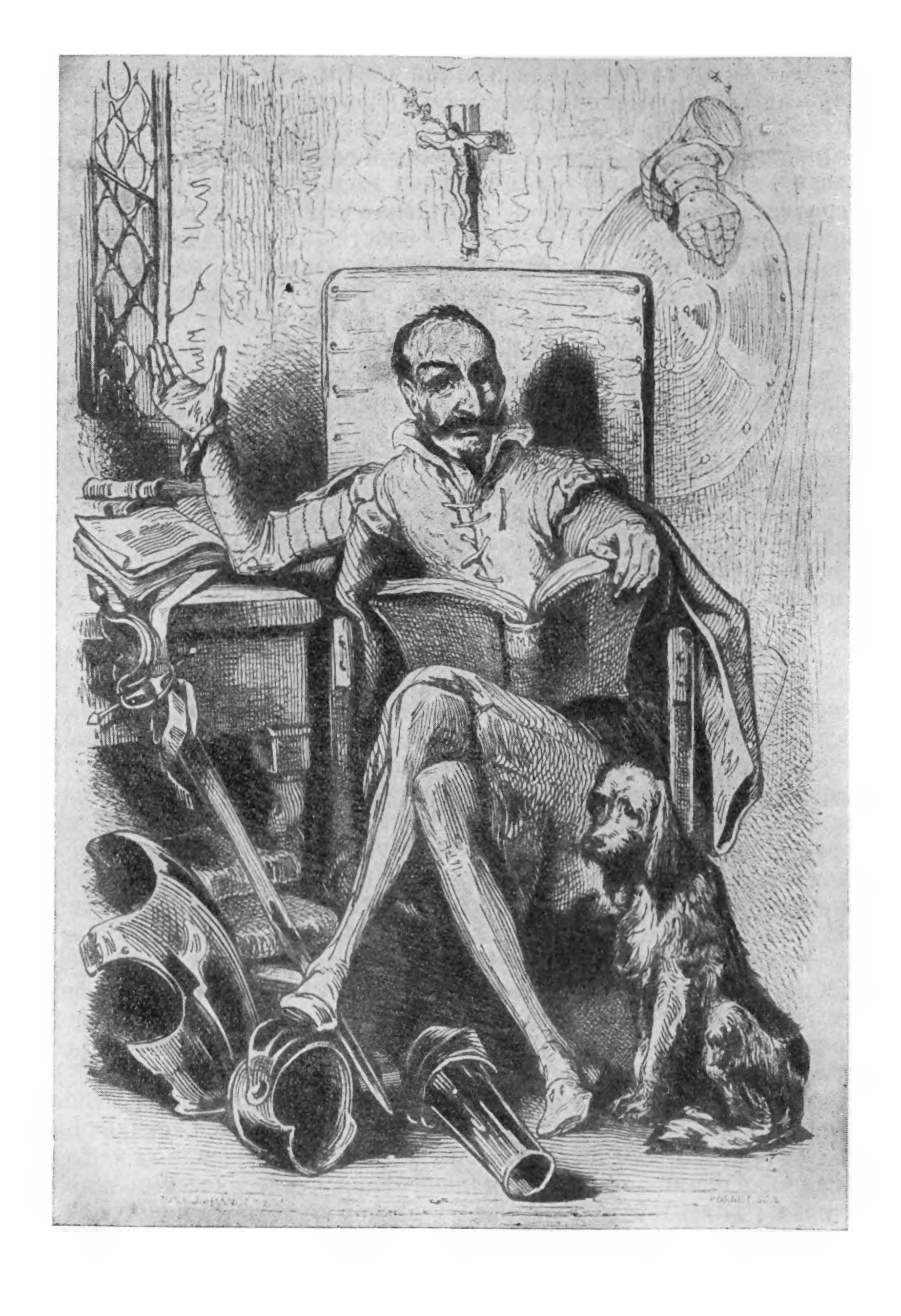

Рис. 37. Иллюстрация Тони Жоанно к «Дон Кихоту» Сервантеса (Париж, 1836)

В период «июльской монархии» (30-е и 40-е годы XIX века) во Франции большое развитие получает политическая карикатура. Выходит ряд журналов, посвященных исключительно карикатурам, в особенности на короля Луи Филиппа, его министров и крупных финансовых дельцов. Среди художников-карикатуристов выделяется Оноре Домье. Художник-реалист, блестящий мастер рисунка, Домье создал огромную галлерею карикатур на государственных деятелей, представителей администрации и суда

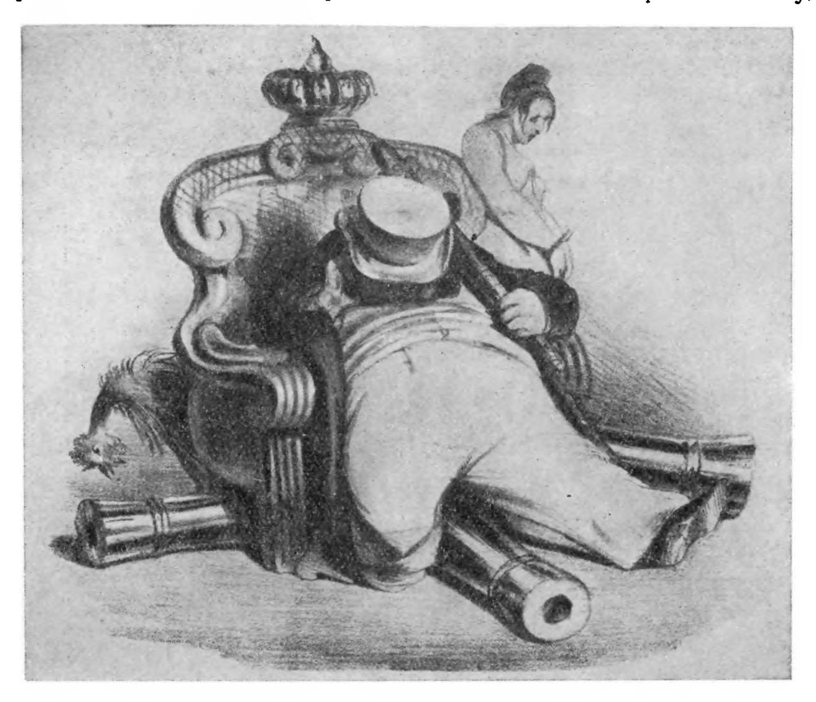

Рис. 38. Оноре Домье «Отдыхающая Франция»

и на буржуа-обывателя. Карикатура Домье на рис. 38 изображает короля Луи Филиппа, мирно отдыхающего в кресле под защитой пушек. Тучной фигуре короля-буржуа художник противопоставляет обнищавшую, голодную Францию. Лицо короля закрыто шляпой. Сделал это художник намеренно, так как цензура не пропускала карикатур на монарха.

Журналы с карикатурами воспроизводились главным образом литографским способом. Некоторые листы журналов раскрашивали от руки.

В 30-х годах XIX века возник новый тип иллюстрированного журнала, отражающего текущие события. Этот тип журнала получил широкое распространение во всех странах вплоть до нашего времени.

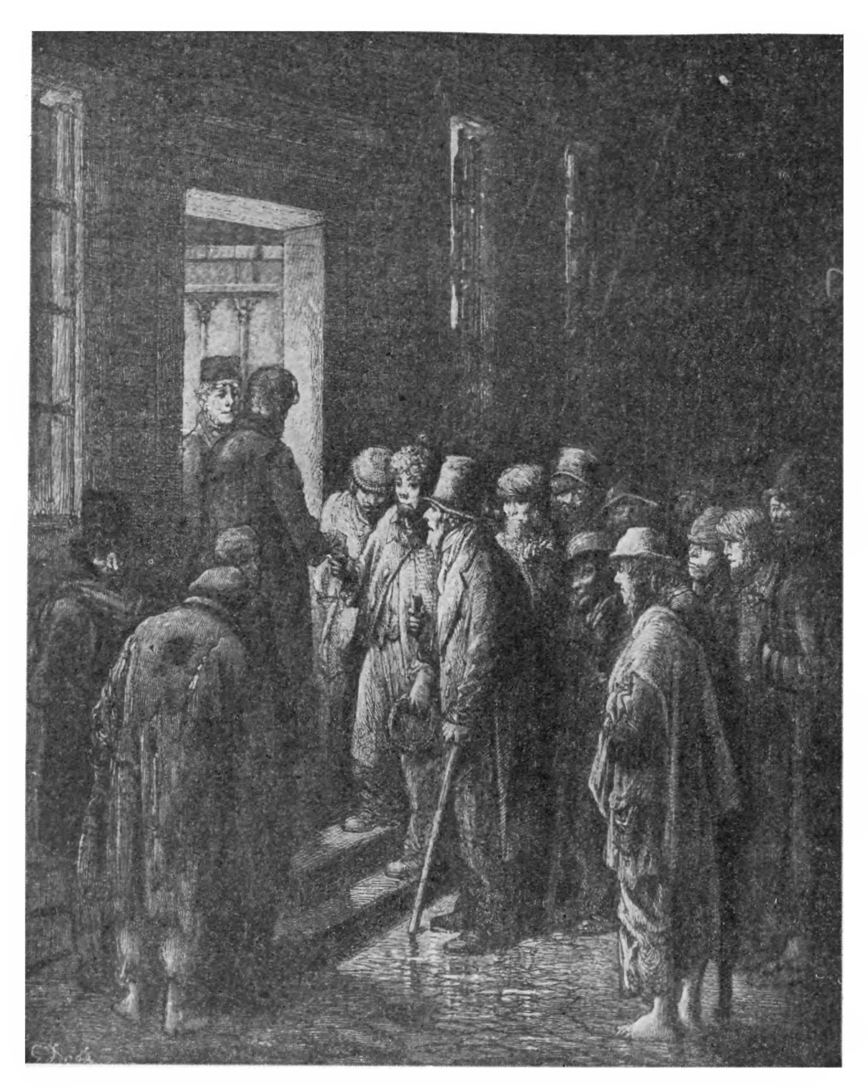

Рис. 39. Иллюстрация Гюстава Доре «Бездомные у дверей ночлежного дома» из книги «Лондон» (Лондон, 1876)

Последним по времени представителем романтической школы был необычайно плодовитый иллюстратор Гюстав Доре (1832—1883). Деятельность его относится к тому времени, когда в литературе и искусстве утвердился реализм. Доре был самоучкой; уже с 14 лет он выступает как художник парижских иллюстрированных журналов, а затем иллюстрирует художественную литературу. Еще в молодости Доре говорил, что он хочет иллюстрировать всю мировую литературу, что до известной степени ему

удалось выполнить. Известнейшие его работы — иллюстрации к «Гаргантюа» Рабле, к «Божественной комедии» Данте, к «Библии», к «Освобожденному Иерусалиму» Тассо, к «Дон Кихоту» Сервантеса, к французским народным сказкам Перро. Получив широкую известность, Доре имел так много заказов издателей и планов собственных работ, что он уже не мог справиться с ними. Набросав композицию, Доре обычно поручал окончание работы своим ученикам, вследствие чего последние его работы страдают однообразием и ремесленностью. Но одна из его последних работ резко выделяется по силе воздействия на читателя — это серия иллюстраций к книге «Лондон», содержащей описание этого огромного города. В своих иллюстрациях к «Лондону» Доре дал замечательные реалистические зарисовки, в которых показал вопиющие противоречия капиталистического строя. Картины нищеты и тяжелого, беспросветного труда даны с такой беспощадной силой, что они в течение длительного времени оказывали и оказывают влияние на многих художников (рис. 39). Доре приобрел широчайшую известность во всем мире, его иллюстрации к произведениям Данте, Рабле и Сервантеса, перепечатывались и перепечатываются во всех странах.

Рисунки, сделанные Доре, переводились на деревянную гравюру. Доски использовались в повторных изданиях.

§ 40. ИЗДАНИЕ ГЛАВНЕЙШИХ РАБОТ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

Основоположники научного коммунизма Карл Маркс и Фридрих Энгельс всей своей деятельностью связаны с печатью. Они были редакторами и сотрудниками наиболее прогрессивных периодических органов, выходивших в Германии и во Франции в годы интенсивной политической борьбы.

Публицистическую и научную деятельность К. Маркс и Ф. Энгельс начали в период общественного подъема, накануне европейской буржуазной революции 1848 года. После того как некоторые передовые периодические издания в Германии, в которых участвовал Маркс, были закрыты цензурой, Маркс переехал в 1843 году в Париж, где была возможность печатать на немецком языке литературу по вопросам экономики и политики. Здесь он принял участие в издании журнала «Немецко-французские ежегодники» (1844) и газеты «Вперед». «Немецко-французские ежегодники» ставили задачей борьбу с феодально-монархическим строем в Германии. Сотрудником этого журнала был и Ф. Энгельс, находившийся в то время в Англии, где он изучал экономическое положение рабочего класса. Результаты этого изучения были опубликованы в «Ежегодниках». Журнал «Немецко-французские ежегодники» прекратил свое существование после выхода в свет первого тома (№ 1—2). Произошло это вследствие трудностей распространения журнала в Германии, а также из-за идейных расхождений Маркса с сотрудниками редакции. В своих

статьях Маркс не только выступал против реакционно-полицейского режима Германии, но и резко критиковал лженаучные теории представителей утопического социализма и реакционные направления в философии.

Германское правительство резко отрицательно отнеслось к появлению «Немецко-французских ежегодников» и других изданий, выпускавшихся во Франции немецкими эмигрантами; под нажимом из Германии французское правительство закрыло газету «Вперед», а Маркса выслало из Франции.

В конце 1847 года в Лондоне состоялся второй конгресс германской рабочей партии — Союза коммунистов. На съезде было решено создать программу Союза, составление которой поручили Марксу и Энгельсу.

Так возник знаменитый «Манифест Коммунистической партии», вышедший в свет в Лондоне на немецком языке в феврале 1848 года. Таким образом, в период уже начавшейся революции 1848 года во Франции и в самый канун революции в Германии рабочий класс получил программу, которая вооружила его революционной теорией.

«В этом произведении с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое миросозерцание, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества»[1].

Сразу же после появления «Манифест» получил широкое распространение не только в Германии, но и в других странах; в ближайшее время после выхода он был переведен на ряд европейских языков.

Когда революция 1848 года вспыхнула и в Германии, у Маркса и Энгельса появилась возможность вернуться на родину. Сразу же по приезде в Германию они организовали в Кельне, одном из крупных промышленных центров, ежедневную «Новую рейнскую газету» (1848—1849), назвав ее так в память «Рейнской газеты», закрытой властями перед революцией. Газета приняла революционное направление: выдвинула в первую очередь вопросы борьбы пролетариата за свои права. Газета вела борьбу со всяким проявлением соглашательства буржуазных партий с правительством, проводила идею объединения Германии в единую демократическую республику, отстаивала права угнетенных национальностей, разоблачала полицейский режим Пруссии. Маркс и Энгельс поместили в газете свыше 300 статей по разным вопросам. Власти усиленно боролись с газетой и наконец закрыли ее. Последний номер «Новой рейнской газеты» вышел 19 мая 1849 года, он был напечатан красной краской; в этом номере газета прощалась с читателями.

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 21, стр. 32.

После поражения революции 1848 года Маркс был выслан из Германии и поселился в Лондоне, где создал величайшие произведения в области истории, философии и политической экономии. Здесь в 1866 году Маркс закончил первый том своего гениального произведения «Капитал»; над созданием второго и третьего томов он работал до самой смерти (1883).

«Капитал» был разрешен на выпуск в свет в Германии, так как в книге говорилось главным образом об экономике и истории Англии. Книга вышла в Гамбурге в 1867 году тиражом в 1000 экземпляров. Буржуазные экономисты встретили «Капитал» полнейшим молчанием, для которого было много причин. Неопровержимая логика Маркса в его основных теоретических положениях, его огромная эрудиция и колоссальная научная работа над материалами делали чрезвычайно трудным ответ по существу вопроса. Для того чтобы возражать Марксу, следовало проделать большую работу по изучению тех материалов, которые были привлечены Марксом для своего труда, а именно: данные о состоянии промышленности, о заработной плате, обширные статистические сводки и т. д. Поэтому некоторые буржуазные критики пытались разбирать не весь труд в целом, а отдельные мелкие вопросы. Кроме того, буржуазные экономисты придерживались того мнения, что не следует уделять большое внимание этому произведению, так как это может привести к его широкому распространению. Вследствие этого они предпочитали совсем не говорить о нем. Однако это соображение не привело к желаемым результатам: гениальный труд К. Маркса был оценен в кругах рабочих и передовой интеллигенции Германии. Еще до окончания работы над вторым томом потребовалось второе издание первого тома, которое было дополнено автором и выпущено в 1872 году. Тогда же начались переводы «Капитала» на другие языки; первый перевод был сделан на русский язык, второй — на французский.

§ 41. ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Во второй половине XIX века, после революции 1848 года, во всех странах Европы широко развивается газетное и журнальное дело. Книгоиздательства выпускают большое количество высокотиражных изданий. Капиталистическая система производства книги и конкуренция заставляют искать способы ускорить процесс печатания, в особенности газет.

Настоятельно вставал вопрос о замене ручного набора машинным. Изобретатели дают несколько конструкций наборных и словолитных машин. Первая попытка создать автоматическую наборную машину принадлежит русскому изобретателю П. П. Княгининскому и относится к 1870 году. Изобретение Княгининского не нашло применения в производстве (см. стр. 286). В 1886 году американский немец Отмар Мергенталер создал строкоотливную наборную машину, называемую

линотипом. Работают на этой машине так же, как на пишущей машинке. При ударе на клавиш из запасного магазина выскакивает металлическая матрица и становится на специальную линейку, на которой собирается целая строка матриц. После окончания набора строка заливается расплавленным металлом, и получается цельнометаллическая строка, с которой можно производить печатание.

Для того чтобы ускорить процесс печатания, плоскопечатные машины, имеющие небольшую производительность — 1500—1800 оттисков в час, заменяются ротационными печатными машинами, обладающими огромной скоростью печатания (до 100 тысяч оттисков в час). В ротационных печатных машинах печатание производится на двух соприкасающихся друг с другом цилиндрах: на одном из них помещена печатная форма (стереотип), а на другом — бумага. На ротационных машинах можно печатать одновременно на обеих сторонах листа, а при наличии в машине нескольких цилиндров производительность увеличивается в несколько раз.

Крупные усовершенствования вносятся в репродукционную технику. Полный переворот в технике воспроизведения иллюстраций произошел после изобретения фотографии в 1840 году и так называемых фотомеханических процессов воспроизведения рисунков. Через некоторое время после изобретения фотографии пытались иллюстрировать книги фотографическими отпечатками, но этот способ был скоро оставлен, так как он был дорог и малопрактичен вследствие выцветания отпечатков.

В 1867 году был изобретен фотомеханический процесс изготовления клише — цинкография. При этом способе рисунок, полученный на фотографическом негативе, переводят световым способом на цинковую пластинку. Линии, составляющие рисунок, покрывают защитным слоем лака, после чего пластинку протравливают кислотами. Таким образом получают клише, предназначенное для высокой печати. Это клише точно соответствует гравюре на дереве, но изготовлено оно не рукой художника, а механическим и химическим путем.

В 1882 году был изобретен способ сетчатой цинкографии, или автотипии, соответствующий тоновой гравюре на дереве. Этот способ состоит в том, что объект фотографируют через мелкую сетку (растр); затем изображение переводят на цинк; полоски, составляющие сетку, подвергают травлению, в результате которого остается изображение, состоящее из рельефных точек, более или менее крупных, местами настолько крупных, что эти точки сливаются и образуют темные пятна.

Вслед за этими двумя способами воспроизведения иллюстраций фотомеханические процессы возникают в большом числе один за другим. Сначала была изобретена автотипия-дуплекс, в которой черный отпечаток сочетается с цветным фоном, затем цветная цинкография, осуществляемая путем последова-

тельного отпечатывания на одном и том же поле бумаги трех (красного, желтого и синего) или более сетчатых клише. Новую эру открыла фотомеханическая углубленная гравюра (гелиогравюра, меццо-тинто).

К фотомеханическим процессам относится и фототипия, пользующаяся желатиновым клише. В конце XIX века был изобретен также способ перевода фотографии на камень — фотолитография. В те же годы большое распространение получает наиболее дешевый способ производства цветной иллюстрации — цветная литография, или хромолитография. Этот способ широко применялся для воспроизведения обложек дешевых книг, выполняя роль рекламы: яркая, бросающаяся в глаза обложка книги привлекает покупателя. Хромолитография применялась главным образом для оформления детских книг и так называемых книг «для народа». Во Франции, в небольшом городке Эпиналь, все население занималось полукустарным производством детской и популярной книги, оформленной цветной литографией. Издания эти так и называются «Эпиналь». Наряду с книгой в Эпинале производились картинки, религиозные изображения, иллюстрации к народным песням, сказкам и легендам.

Во второй половине XIX века, особенно после франко-прусской войны 1870—1871 годов, в литературе и искусстве господствует буржуазный вкус, выражающийся в ложнореалистическом направлении. Влияние этого направления на книгу сказалось в резком падении качества оформления. Частные издатели в Германии, особенно во Франции, выпускают издания с кричащей внешностью, расточительно применяют на переплете золото, печатают на плотной, но ломкой и скоро темнеющей бумаге, используют бездарные иллюстрации, иногда снятые фотографическим путем прямо с натуры.

В это же время получили большое распространение так называемые библиофильские издания. Часть тиража этих изданий выходила в особом оформлении; печатали книги на дорогих сортах бумаги. Чтобы повысить цену некоторых экземпляров, их нумеровали. Эти книги, приводившие к еще большему падению художественного вкуса, были рассчитаны на богатого, но малокультурного покупателя.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

КНИГА ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ В XX ВЕКЕ

§ 42. ОБЩИЙ ХАРАКТЕР КНИГОПРОИЗВОДСТВА В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ В XX ВЕКЕ

В XX веке полиграфическая техника продолжает делать огромные успехи. Все в большей степени механизируется набор всех видов текста, для чего не только совершенствуются наборные отливные полуавтоматы (линотипы, монотипы и др.),

но и делаются попытки сконструировать автоматические наборные машины, самостоятельно читающие оригинал, написанный на машинке. Начинается практическое применение фотонаборных машин, воспроизводящих текст на фотографической пленке и дающих возможность отказаться от металлического набора.

Широкое распространение получили автоматические печатные машины — тигельные, плоскопечатные и ротационные. Ротационные машины становятся основным печатным оборудованием не только в газетном, но и в журнальном и книжном производствах. Создаются высокопроизводительные газетные ротационные машины, дающие до 100 тысяч четырехстраничных газетных оттисков в час. Агрегатирование таких машин позволяет широко варьировать объемы газет и выпускать многотиражные газетные издания в очень короткие сроки.

Большое развитие в первой половине XX века получили различные способы многокрасочной печати. Благодаря тому что фотомеханические репродукционные процессы вытеснили ручные способы полиграфического воспроизведения, возникла возможность изготовлять цветную печатную продукцию в значительно более короткие сроки, чем раньше, более точно воспроизводить цветные оригиналы и сокращать себестоимость в результате применения меньшего числа красок для воспроизведения. Наиболее распространенными способами репродукции становятся офсетная печать, пришедшая на смену старому литографскому способу печатания, и ракельная глубокая печать. Особенностью офсетного способа печатания является применение кроме печатной формы (цилиндрической) и печатного цилиндра промежуточного цилиндра, обтянутого резиной, на которую передается краска с печатной формы и с нее переносится на бумагу. Введение промежуточного цилиндра с эластичной поверхностью дало возможность значительно повысить скорость печатания многокрасочной репродукции, улучшить ее качество и в случае необходимости печатать на матовой бумаге.

Все эти технические средства используются для извлечения сверхприбылей издательскими монополиями капиталистических стран.

Книгоиздательское дело в капиталистических странах находится в руках крупных издательских трестов. В Соединенных Штатах Америки происходит концентрация книгоиздательств, создаются монополии.

Книги, издаваемые в капиталистических странах, своим содержанием и оформлением призваны содействовать правящей верхушке проводить свою антинародную политику. Это достигается не только выпуском книг, прямо направленных против мира и демократических сил, на разжигание войны, но и систематическим отравлением сознания молодежи, воспитанием профессиональных убийц, подготовкой пушечного мяса для империалистических войн. Многие издательства специализируются на вы-

пуске многотиражной книги для легкого чтения, в которой главным является не литературное качество, а увлекательность, основанная на развитии низменных чувств человека.

В практике издательского дела капиталистических стран становится обычным искажение произведений литературы: сохраняются только внешние, занимательные части сюжета, а все остальное исключается; в таком искаженном виде литературное произведение издается и поступает в продажу. Такому искажению подверглись многие великие произведения русской литературы, например «Анна Каренина» и «Воскресение» Л. Толстого; даже «Евгений Онегин» был издан в США в прозаическом переложении.

Западноевропейские буржуазные издательства и особенно издательства США выпускают огромное количество приключенческой литературы самого низкого качества, литературы, культивирующей безидейность, мистику, эротику, неразборчивость в средствах для достижения личного успеха, преступность. В США эти книги получили название «комикс»[1]. Издательства, выпускающие такого рода литературу, делают это сознательно, в интересах правящей верхушки, с определенной целью отвлечь внимание широких масс от социальных вопросов и направить его в желательном для правительства направлении. Это политика затемнения мозгов, разжигания военных инстинктов и преступности с целью подготовки новой мировой бойни. На пагубное влияние «комиксов» уже давно обратили внимание прогрессивные педагоги и юристы, но их выступления не имеют последствий, и целые поколения воспитываются на «комиксах», выходящих огромными тиражами; месячный тираж этих книжек доходит до 100 миллионов экземпляров.

В капиталистических странах замечается упадок интереса к чтению; издательства и книготорговые фирмы видят причину этого явления в кино и телевидении, но, конечно, эту причину надо искать глубже: она кроется в низком качестве и безидейности литературы, которой отравляют народ. В Советском Союзе и странах народной демократии, несмотря на существование кино и телевидения, миллионные тиражи книг расходятся с необычайной быстротой.

В Англии книги, изданные отечественными издательствами, не находят покупателей, так как они стоят слишком дорого. Книжный рынок Англии наполняют Соединенные Штаты Америки своими дешевыми многотиражными изданиями, всякими «бест-селлерами»[2], «комиксами» и тому подобной макулатурой.

Старательно отравляя сознание широких масс безидейной, порнографической и антиобщественной литературой, правящие круги

---

[1] Комикс — это название небольших иллюстрированных книг перешло от названия детских книг с иллюстрациями юмористического содержания.

[2] Бест-селлер — то есть хорошо продающийся — термин, обозначающий боевую, ходкую книгу.

создают для самих себя роскошные библиотеки, куда собирают сокровища мировой литературы в лучших изданиях. Миллиардеры США скупают в Европе для частных библиотек редчайшие издания, инкунабулы, книги, иллюстрированные лучшими художниками, и т. п. Не довольствуясь старыми книгами, они заказывают издательствам по своему выбору малотиражные издания, удовлетворяющие их извращенные вкусы. В США, например, существует клуб любителей книг, называющийся «Клубом ограниченных изданий». Этот клуб заказывает в разных издательствах и в разных странах книги тиражом 1000 экземпляров с условием, что эти книги получают только члены клуба и ни одного лишнего экземпляра не будет напечатано. Такое искажение самой идеи печати, предназначенной именно для массового распространения текста, а не для ограничения, является ярким примером упадка культуры в странах капитала.

Буржуазные деятели печати любят говорить о «свободе печати» в капиталистических странах. Эта свобода заключается исключительно в свободе продавать свой голос и свои убеждения одной из промышленных монополий.

Большинство журнальных издательств в капиталистических странах связано с крупными финансовыми фирмами, а в США наиболее распространенные журналы являются собственностью монополий или связаны с ними через финансовые организации.

Небывалые в истории размеры приняло в буржуазных странах газетное дело. Большинство газет издается крупными капиталистами и издательскими трестами. При помощи этих газет крупный капитал влияет на общественное мнение. Главный доход буржуазных газет составляет плата за частные объявления, вследствие чего рекламодатели также приобретают значительное влияние на направление газет и на проводимую этими газетами политику.

В статье «Партийная организация и партийная литература», написанной в 1905 году, В. И. Ленин дал замечательную характеристику продажной буржуазной печати: «Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господин писатель? от вашей буржуазной публики, которая требует от вас порнографии..? ...Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная... зависимость от денежного мешка...»[1]. Эта характеристика остается в силе и до сегодняшнего дня.

В Соединенных Штатах Америки имеется несколько газетных трестов. Главнейшие из них, возглавляемые Херстом и Говардом, проводят в своих многочисленных изданиях крайне реакционную политику, направленную на поджигание войны. Газетный трест Херста связан с крупнейшими монополистами — Морганом и Рокфеллером.

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 10, стр. 30.

Многие газетные тресты Соединенных Штатов Америки имеют свои отделения в западноевропейских странах, проводят в этих странах агитацию, направленную на поджигание войны, на преследование всего передового и прогрессивного. Проводится также система покупки давно выходящих в западных странах буржуазных газет и обращение их в органы монополий США.

В империалистических странах с каждым годом растет преследование прогрессивной демократической печати, а после второй мировой войны усилилось преследование печати, ведущей борьбу за мир. Эти преследования выражаются в постоянном привлечении к суду журналов, газет и издательств, а также отдельных сотрудников периодической печати и писателей. В последние годы преследование демократической печати приняло широкие размеры.

В США проводится систематическое очищение библиотек от «коммунистической» литературы и сожжение книг, подобно тому как это делалось в Германии при фашизме. Запрещаются и уничтожаются произведения советских авторов и книги, рассказывающие правду о Советском Союзе, о народном Китае, о странах народной демократии, а также издания прогрессивных писателей Америки, как, например, Говарда Фаста. Иногда уничтожаются книги даже таких авторов, как Уот Уитмен, Марк Твен, Вашингтон Ирвинг, Мопассан.

Большую помощь оказывает капитализму в его борьбе с демократической печатью католическая церковь во главе с Ватиканом. Во всех странах капитала Ватикан имеет собственную печать, свои газеты, журналы, издательства. В отношении к науке Ватикан остался верен своей политике, выработанной еще в средние века, — политике борьбы с научным исследованием. Католическая церковь ведет борьбу с материализмом, выдвигая в противовес ему средневековую монашескую идеологию. Борясь с прогрессивной печатью, Ватикан до настоящего времени продолжает печатать индексы запрещенных книг, куда внесены произведения классиков марксизма-ленинизма, коммунистическая литература, книги советских авторов, произведения таких великих ученых и писателей, как Дарвин, Толстой, Гюго, Гейне, Стендаль, Франс, Золя.

Коммунистическая и демократическая печать капиталистических стран работает в тяжелых условиях, в обстановке ожесточенных преследований. Несмотря на это, издания коммунистических партий легально или нелегально выпускаются во всех странах Западной Европы и в США.

Кроме постоянных судебных преследований прогрессивных издательств их нормальную работу тормозит также и недостаток материальных средств. В этих случаях на помощь демократической печати приходят читатели, которых она обслуживает. Производятся сборы на покрытие расходов, приобретение бумаги, экспедицию, оказывается помощь в распространении печати. В некоторых странах распространение демократической книги берут

на себя профессиональные союзы. В Испании в тяжелых условиях подполья Коммунистическая партия распространяла материалы XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза.

Что касается оформления и иллюстрирования современной книги буржуазных стран, то в нем нашли отражение формалистические направления. Крикливыми, сенсационными обложками приключенческой, детективной и подобной литературы издатели стараются привлечь внимание покупателя.

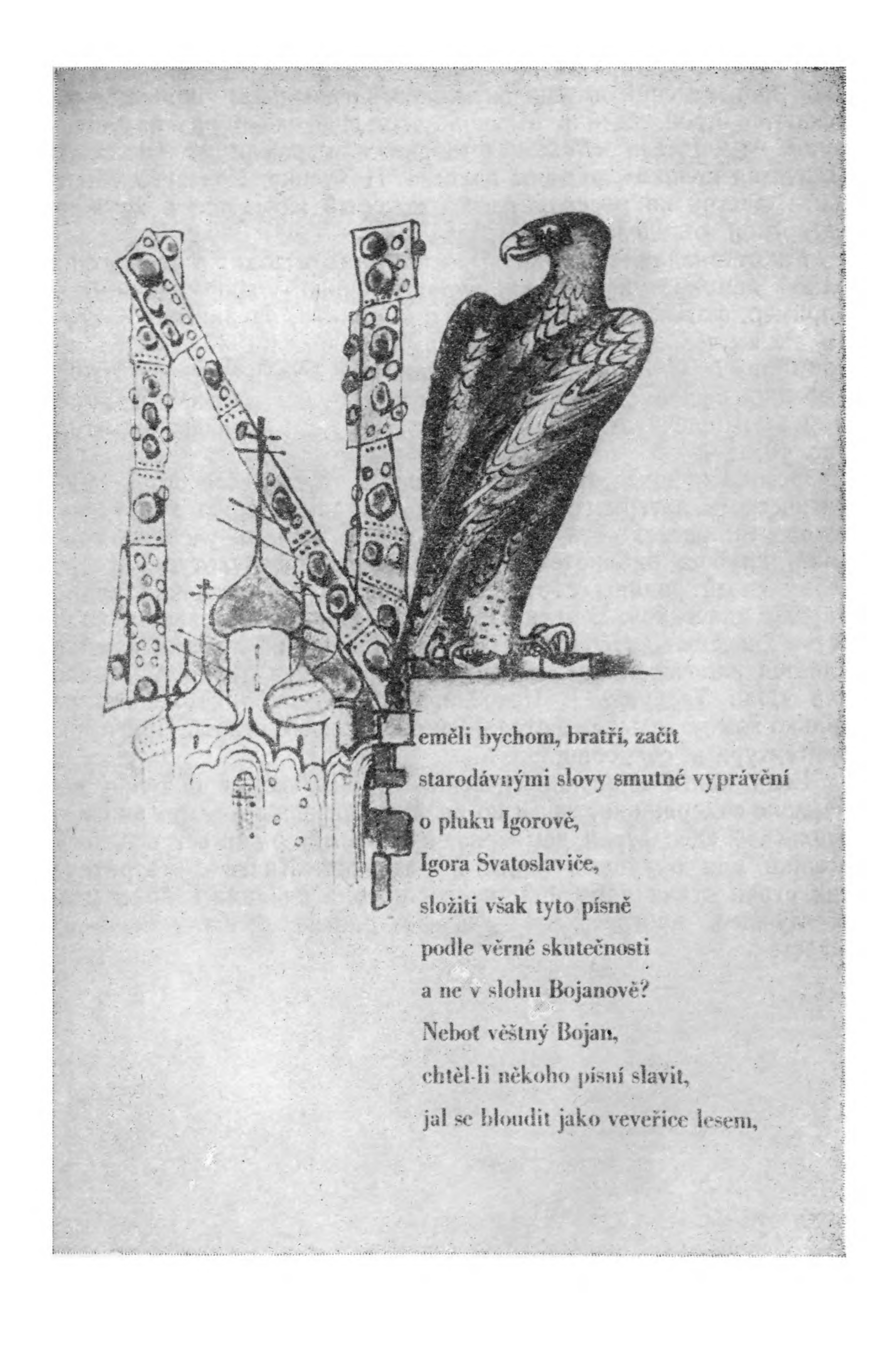
Из соображения экономии художественная литература выходит большей частью с плохими иллюстрациями. Дорогие библиофильские издания, иногда содержащие произведения классической литературы, часто иллюстрированы известными графиками. Но эти иллюстрации, исполненные, как правило, в формалистическом духе «новых» направлений в искусстве, искажают литературные образы. Удовлетворяя спрос буржуазного читателя с извращенным вкусом, издательства идут на выпуск книг с формалистическим оформлением.

§ 43. КНИГА В СТРАНАХ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ЛАГЕРЯ

Культура стран демократического лагеря неуклонно развивается. Одним из показателей этого прогресса является рост печати, несоизмеримый по сравнению с довоенным уровнем. Под воздействием культуры народов СССР, с которыми страны демократического лагеря (Китай, Польша, Венгрия, Румыния, Болгария, Албания и др.) находятся в постоянном общении, происходит рост газетного дела, журналистики и книгопроизводства, повышается идейное содержание печатной продукции, улучшается ее внешнее оформление.

Широкое распространение в этих странах получили произведения классиков марксизма-ленинизма. Массовыми тиражами (в некоторых странах до 15 миллионов экземпляров) выходят «История ВКП(б). Краткий курс», отдельные произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, И. В. Сталина, Г. В. Плеханова. Используя опыт Советского Союза в издании массово-политической книги, коммунистические и рабочие партии стран демократического лагеря издают литературу, служащую идеологическому воспитанию широких народных масс.

В книжной продукции стран народной демократии большое место занимают переводы с русского языка; трудящиеся проявляют исключительный интерес к лучшим произведениям русской классической и советской литературы. В Польской Народной Республике издаются переводы произведений Л. Толстого, А. Толстого, Гоголя, Серафимовича, Маяковского, Н. Островского, Вишневского, Павленко, Каверина, Гайдара; в Чехословацкой Республике — переводы произведений Пушкина, Тургенева, Гончарова, Достоевского, Герцена, Салтыкова-Щедрина, Короленко, Эренбурга, Маяковского, Федина, Катаева, Каверина, Горбатова.

Neměli bychom, bratři, začít
starodávnými slovy smutné vyprávění
o pluku Igorově,
Igora Svatoslaviče,
složiti však tyto písně
podle věrné skutečnosti
a ne v slohu Bojanově?
Neboť věštný Bojan,
chtěl-li někoho písní slavit,
jal se bloudit jako veveřice lesem,

Рис. 40. Первая страница из «Слова о полку Игореве» (Прага, 1946)

В Болгарии тиражи произведений Горького превосходят тиражи произведений других писателей. Огромными тиражами выпускаются произведения Маяковского. Несколько раз издавался роман А. Фадеева «Молодая гвардия» и роман М. Шолохова «Поднятая целина», романы Ажаева, Павленко, Полевого. Много книг издается на русском языке, который изучается в кружках болгарской молодежью.

Многие издания советской литературы выходят в странах народной демократии в высокохудожественном оформлении, как, например, фотоальбомы «Ленин» и «Сталин», изданные в Софии, там же вышедшая книга «Русские богатыри» (1946), «Руслан и Людмила» А. С. Пушкина, напечатанная в Бухаресте в 1946 году. Особенно выделяется внешним оформлением «Слово о полку Игореве», напечатанное в Праге в 1946 году на чешском языке (рис. 40).

Освобожденные от ига капитализма трудящиеся стран демократического лагеря горячо взялись за ликвидацию культурной отсталости: растет сеть школ, средних и высших учебных заведений, клубов, библиотек. Интерес к родной культуре, к прошлому своей родины порождает спрос на произведения национальных классиков. В этих странах печатаются в большом количестве классики литературы и науки. Одним из лучших изданий является напечатанная в Варшаве в 1950 году поэма А. Мицкевича «Пан Тадеуш». В Чехословацкой Республике издано несколько замечательных фотоальбомов с видами старой Праги и ее архитектурных сокровищ.

Если книга капиталистических стран заходит в тупик как в смысле содержания, так и во внешнем оформлении, то книгоиздательское дело стран демократического лагеря имеет все предпосылки для будущего роста и развития. Книга демократических стран стала народной, массовой, она сделалась борцом за все лучшее, прогрессивное, за построение социалистического общества.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ КНИГИ

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

НАЧАЛО ПИСЬМЕННОСТИ НА РУСИ И ПЕРВЫЕ КНИГИ

§ 44. ВВЕДЕНИЕ АЛФАВИТА ДЛЯ СЛАВЯН

ачало славянского алфавита относится ко второй половине IX века; местом его возникновения является нынешняя Чехословакия.

К концу IX века закончился длившийся более 200 лет процесс государственного объединения славянских племен, населявших территорию Моравии. Молодое государство сделалось скоро объектом захватнической политики как с востока, со стороны Византии, так и с запада, со стороны соседних германских государств, поддерживаемых католической церковью. Западные феодалы являлись для Моравии более опасными соседями, и поэтому Моравия предпочла сближение с Византией. Кроме того, византийская церковь разрешала богослужение на национальных языках, что способствовало успешному проникновению новой религии.

В 863 году из Византии в Моравию для проповеди христианства были направлены в качестве миссионеров «солунские братья» — Константин Философ (в монашестве Кирилл) и Мефодий, родом из Фессалоник (по-славянски Солунь). Начиная свою деятельность, эти миссионеры встретили такую трудность, как отсутствие письменности у тех народов, среди которых они намеревались насаждать новую религию. Чтобы устранить эту трудность, Кирилл и Мефодий создали славянскую азбуку, позволявшую закреплять в письменном виде необходимые церковные тексты, и этим положили начало славянской письменности. Деятельность греческих проповедников христианства в Моравии продолжалась недолго, около трех лет. Немецкие священники, представители римской церкви, повели борьбу против византийской религии и своими происками добились удаления Кирилла и Мефодия. Мефодия даже заключили в Риме в тюрьму. Однако начатое Кириллом и Мефодием просвещение славян посредством письменности не погибло. После смерти Мефодия (885) его ученики переселились к болгарскому царю Борису, откуда создан-

Рис. 41. «Реймское евангелие». Глаголица (XV век)

ная ими азбука распространилась среди южных и восточных славян; в X веке она проникла и на Русь.

Для славянских языков было создано два алфавита, получивших наибольшее распространение: кириллица и глаголица. У восточных славян распространена была кириллица (название, данное позднее, по имени ее изобретателя Кирилла); этот

алфавит был построен на основе прописных букв греческого алфавита, но в него было добавлено несколько знаков для передачи тех звуков, которые имелись в звуковом составе старославянского языка, но отсутствовали в греческом языке.

Что касается цифр, то они в строгом соответствии с цифровой системой, принятой греками, передавались буквами алфавита с поставленным над ними знаком (титло — см. стр. 130), который указывал, что данное сочетание букв является числовым обозначением, а не словом. Цифр в нашем смысле в то время не было: имелось только десять знаков для обозначения единиц, что касается обозначения десятков и сотен, то каждый десяток и каждая сотня имели свой собственный знак: например, цифра 20 обозначалась буквой К, цифра 100 — буквой Р, цифра 200 — буквой С и т. д.

Другой древнейший славянский алфавит назван впоследствии глаголицей. Графическое начертание букв в глаголице много сложнее, чем в кириллице, происхождение этих начертаний остается спорным. Глаголица была распространена главным образом на западном побережье Балканского полуострова. До сих пор окончательно не решен вопрос и о том, который из этих алфавитов является древнейшим. Большинство исследователей считает, что сначала возникла глаголица, а кириллица появилась несколько позднее, в результате возникновения более простого и более четкого начертания букв. На рис. 41 дан образец глаголицы, страница из рукописи XV века, так называемого «Реймского евангелия».

§ 45. ВОПРОС О НАЧАЛЕ ПИСЬМЕННОСТИ У РУССКОГО НАРОДА

Точных данных о времени появления письменности на Руси не имеется. Долгое время существовало мнение, что в Киевскую Русь письменность проникла вместе с официальным введением христианства, то есть во второй половине X века. Однако до нашего времени дошли свидетельства, на основе которых можно утверждать, что письменность в России существовала уже в начале X века. Болгарский монах черноризец Храбр, живший в конце IX и начале X века, сообщал о Руси: «чертьми и резами чьтях и гатааху погани суще, крестивше же ся римьскыми и гречьскыми письмены нуждахуся писати». Таким образом, это сообщение подтверждает, что до проникновения христианства на Руси писали чертами и нарезками, а затем была принята греческая азбука.

Существуют свидетельства арабских писателей начала X века о том, что, путешествуя в русские земли, они видели письмена на могильных камнях и в храмах.

Наиболее интересное сведение о письменности у русских еще в IX веке находится в греческой рукописи, называемой «Житие Константина Философа» (изобретателя славянского алфавита

Кирилла). В этой рукописи рассказано, что на пути к хазарам, куда Кирилл ездил ранее, чем в Моравию, а именно в 858 году, он встретил в Корсуне (Херсонесе, в Крыму) человека, у которого видел «Евангелие и Псалтирь рускыми письмены писано». Далее в этой рукописи говорится о том, что Кирилл быстро научился читать эти книги. Можно полагать, что эти книги были переведены с греческого языка и написаны для тех русских, которые приняли христианство еще до официального введения его.

Что касается алфавита, которым были написаны эти книги, то это мог быть либо греческий алфавит, либо глаголица. Вполне вероятно, что до введения христианства русские писали глаголицей; подтверждается этот вывод тем, что на некоторых древнейших памятниках письменности среди букв кириллицы встречаются отдельные знаки глаголицы. «Черты и резы», о которых говорит черноризец Храбр, возможно, были знаками идеографического письма, употреблявшегося в тот ранний период, когда восточнославянские племена начали объединяться.

На некоторых предметах, найденных при археологических раскопках, сохранились графические знаки, до настоящего времени еще не расшифрованные.

В течение нескольких веков Русь вела в крупных размерах торговлю с Византией; для торговых оборотов требовались записи, документы, договоры. До нашего времени дошли тексты договоров 911, 945 и 972 годов. Как доказал академик С. П. Обнорский, они были переведены на русский язык с греческого одновременно с заключением договора. Изучая язык этих документов, Обнорский пришел к выводу, что договор 911 года переведен болгарином, знавшим русский язык, а договор 945 года — русским.

Мнение о том, что письменность на Руси существовала до того, как было введено христианство, подтверждается интересной находкой при раскопке курганов близ города Смоленска в 1949 году. В одном из этих курганов, сооруженном не позже начала X века, обнаружен глиняный сосуд с надписью «гороухща», что, по мнению исследователей, означает «горчица» или какая-нибудь другая пряность из тех, которые покупались русскими у греков. Эта надпись, сделанная стилизованными буквами кириллицы, является древнейшим памятником русской письменности, сохранившимся до наших дней.

Официальное введение христианства на Руси, безусловно, имело большое значение в распространении письменности. Не подлежит сомнению, что после принятия христианства грамотность быстро распространилась среди широких кругов населения Киевской и Новгородско-Псковской Руси. Это подтверждается сохранившимися надписями на камнях, деревянных предметах домашнего обихода, например на прялках, на веретенах, на гребнях для чесания льна, на глиняной посуде. В 1951 году советские археологи обнаружили при раскопках в Новгороде несколько грамот,

написанных на бересте и относящихся к XI—XIV векам. Эти грамоты являются записями коммерческого и делового характера, а также частными письмами и представляют исключительный интерес для изучения истории, экономики и быта Новгорода. Береста, как оказалось, сохранилась в течение нескольких столетий благодаря сильной влажности почвы в Новгороде. Изучение языка и графических начертаний знаков, грамот, записей, а также то, что их нашли в определенных слоях почвы, позволило установить

Рис. 42. Одна из новгородских берестяных грамот XI века

и время их написания. Известно, что бересту употребляли в качестве материала для письма и в книжном деле. Об этом имеется упоминание известного писателя XV века Иосифа Волоцкого: «В обители блаженного Сергия и самые книги не на хартиях писаху, но на бересте». На рис. 42 показан кусок бересты из новгородских раскопок с сохранившимся на нем письмом XI века.

О том, что грамотность в Новгороде была распространена широко, было известно из документальных источников. Во многих сохранившихся памятниках упоминается об учении детей. Архиепископ Иона (XV век) писал в письме к новгородцам: «Сами искусны есте в всякой мудрости книжной». Новгородская находка не только подтвердила эти известия, но и показала степень распространения грамотности.

Количество рукописей, возникших в XI—XIV веках, было, несомненно, весьма значительным, но до нашего времени дошла лишь малая часть этого огромного богатства. Главной причиной гибели книг были почти непрерывные войны, как междоусобные,

так и набеги с юго-востока кочевых племен — половцев, печенегов, татар. На северо-западе Русь страдала от нашествия немецких рыцарей. Эти войны и набеги сопровождались грабежами и разорением городов, селений и нанесли непоправимый вред русской культуре. Величайшие памятники искусства и науки в течение двухсот с лишним лет подвергались уничтожению. Немало книг погибло и во время пожаров, в те времена частых и опустошительных.

По свидетельству летописей, книги наравне с другим церковным имуществом тщательно сохранялись; принимались меры для защиты их от огня и уничтожения. Однако, как видно, это мало помогало, и древние русские книги погибали в огромных количествах.

Свидетельство о том, что в конце X и в XI веке на Руси было широко поставлено производство и распространение книг, можно найти в древнейшей русской летописи, так называемой «Повести временных лет». Летописец отмечает деятельность киевских великих князей Владимира и Ярослава в распространении и сохранении книг: «Владимир ... посеял книжные слова в сердце верных людей, а мы пожинаем плоды, принимая книжное учение. Великая польза бывает от учения книжного ... Мы приобретаем мудрость и воздержание от слов книжных, так как это реки, напояющие вселенную».

О Ярославе летописец сообщает: «Ярослав собрал много писцов и переводил книги с греческого на словенский язык, и покупал книги»; и далее: «Ярослав любил очень книги и, написав многие, положил в церкви св. Софии».

§ 46. ПЕРВЫЕ РУССКИЕ РУКОПИСНЫЕ КНИГИ

Древнейшая рукописная книга, сохранившаяся до наших дней, — «Остромирово евангелие». Оно написано в 1057 году для новгородского посадника Остромира дьяконом Григорием, который в конце рукописи написал свое имя, а также время начала и окончания работы, но, к сожалению, не указал, в каком городе он ее писал — в Новгороде или в Киеве. «Остромирово евангелие» — книга большого формата, писана на пергамене ровными красивыми буквами — уставом (см. стр. 130), украшена миниатюрами, изображающими евангелистов, и нарядными цветными заставками. С первого взгляда бросается в глаза высокое мастерство письма и художественных приемов украшения: с уверенностью можно сказать, что те мастера, которые создали это «Евангелие», прошли хорошую школу и что, следовательно, эта книга не была их первой русской рукописной книгой (рис. 43).

Миниатюры «Остромирова евангелия» различны между собой по композиции, рисунку и окружающему их орнаменту. Это, повидимому, указывает на то, что они исполнены не одним мастером.

ѥѵа҃ · ѿ иоана · гла҃ · а҃ ·

искони бѣ слово
и слово бѣ отъ
ба҃ · и бъ҃ бѣ
слово · се бѣ
искони оу
ба҃ · и тѣмь вьсѧ бъі
шѧ · и безъ него ни
чьто же не бъість
ѥже бъість · въ то
мь животъ бѣ · и
животъ бѣ свѣтъ
чловѣкомъ · и свѣ
тъ въ тьмѣ свьти
тьсѧ · и тьма ѥго
не обѧтъ · бъість
чловѣкъ посъланъ
отъ ба҃ · имѧ ѥмоу
иоанъ · тъ приде
въ съвѣдѣтель
ство · да съвѣдѣте

Рис. 43. Страница из «Остромирова Евангелия»

Вторая и третья по времени книга — это «Изборник» великого князя Святослава Ярославича, написанный в Киеве в 1073 году и вторично переписанный с добавлением некоторых статей в 1076 году. «Изборник» представляет собой сборник молитв, церковных текстов и нравоучений религиозного и бытового характера. В «Изборнике» помещена миниатюра, изображающая князя, окруженного своей семьей; эта миниатюра — один из первых русских портретов.

К «Изборнику» 1076 года приложен список книг, которые церковь запрещает читать верующим, так называемых «отреченных» книг. Это первое проявление цензуры. Оно интересно для нас тем, что в списке указывается значительное количество книг не церковного содержания, бывших в обиходе в XI веке, но не сохранившихся до наших дней.

Четвертая книга — «Архангельское евангелие», написанное в 1092 году; его нашли в городе Архангельске, в настоящее время оно хранится в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина. «Архангельское евангелие» писано разными почерками, но приблизительно в одно время, украшено небольшими орнаментальными заставками и заключено в переплет из двух деревянных досок большой толщины. «Евангелие» имеет важное значение для изучения истории русского языка, так как это первый перевод, в котором видны особенности русского языка и нет такого влияния болгарского языка, которое было характерно для «Остромирова евангелия».

§ 47. ОСОБЕННОСТИ ДРЕВНЕРУССКОГО ПИСЬМА

Форма букв, которыми написаны древнерусские книги, имеет два вида: устав и полуустав. У с т а в — древнейший почерк, которым написаны все сохранившиеся тексты начиная от XI века; для него характерно, что каждая буква была тщательно и четко выписана; буквы в уставе были крупные и прямые, имели ровный нажим; в уставе было незначительное количество сокращений. Устав имел несколько вариантов в начертании. На рис. 44 представлен снимок страницы рукописи XIII века «Житие Нифонта», написанной уставом.

П о л у у с т а в — почерк более позднего происхождения, появившийся в конце XIV века. Полуустав был мельче и проще устава, в нем допускался наклон линий, соединение букв друг с другом, имелось значительное количество сокращений. Полуустав являлся беловым письмом тех писцов, которые работали на продажу. Чтобы сократить труд переписчика и сэкономить дорогостоящий материал — пергамен, — в письмо вводили сокращения слов, особенно часто встречающихся в тексте. Над сокращенным словом ставили надстрочный знак, указывающий на сокращение, так называемое т и т л о; например, слово «человек» писали сокращенно «члк». Из греческого письма была заимствована

Рис. 44. «Житие Нифонта». Рукопись XIII века. Устав

система постановки ударений. Ударение, так называемую «силу», ставили в каждом слове. Для записи актов, документов, писем и текстов некнижного характера применяли скоропись (курсивное письмо).

Внизу страницы справа обычно выписывали слово или половину слова, с которого начиналась следующая страница. Так как в то время отсутствовала нумерация страниц, то это делалось для того, чтобы иметь возможность проверить полноту экземпляра при переплете. Такая короткая строка, состоящая из одного слова, называется кустод, что означает «стража», или «сторож». Кустоды служили также для того, чтобы во время чтения вслух не происходило заминки при перевертывании страницы.

Книги, которым желали придать роскошную внешность, обильно украшали различного рода орнаментом — одноцветным, двухцветным и многоцветным. По композиции орнамент был или чисто линейный (геометрический), или растительный (ботанический), или животный (зоологический). Кроме орнаментов рукописную книгу украшали заставками — рисунком, помещаемым в начале раздела книги или в начале главы; обычно этот рисунок имел вид прямоугольника; концовками — небольшим рисунком, помещаемым в конце текста, и инициалами — разрисованными начальными заглавными буквами. Для заглавий разделов, частей применяли специальный вид письма, так называемую вязь, представляющую собой слитный узор сильно вытянутых в высоту и переплетающихся между собой букв. На рис. 45 показана страница из рукописной «Псалтири» XV века, написанной полууставом и украшенной орнаментальной заставкой тончайшего рисунка.

Помимо этих украшений чисто орнаментального характера в некоторых книгах помещали рисунки, имеющие непосредственное отношение к содержанию текста. В рукописных книгах такие иллюстрации называются миниатюрами; они исполнены с большим мастерством как по рисунку, так и по использованию красок. Краски эти сохраняют блеск и свежесть в течение многих столетий. Рукописи, украшенные миниатюрами, носят название «лицевых».

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

РУССКАЯ КНИГА ПЕРИОДА ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

§ 48. РУКОПИСНЫЕ КНИГИ XII—XV ВЕКОВ

До нашего времени сохранилось в списках множество произведений древнерусской литературы, благодаря чему можно составить представление о разнообразии содержания древнерусских книг и богатстве книжных собраний.

Рис. 45. «Псалтирь». Рукопись XV века. Полуустав

О количестве имевшихся в обиходе книг можно судить по высказываниям летописцев. В так называемой Никоновской летописи в рассказе о нашествии хана Тохтамыша на Москву в 1382 году говорится о множестве книг, которые население сносило в церкви, чтобы сохранить эти книги. Еще более точное описание тех же событий дано в Троицкой летописи: «. . . книг же толико множество снесено со всего города и из Загородья и из сел и в Зборных церквах до тропа (то есть до стропил) наметано, сохранения ради спроважено, то все без вести створиша».

Первое место в количественном отношении занимают книги богослужебные (литургические). По стоимости они были дорогими. Многие из них украшены художественными орнаментами и миниатюрами, помещены в роскошные переплеты с ценными украшениями. Такие книги могли иметь только либо богатые люди, либо монастыри и церкви. Богослужебные книги, будучи предметами религиозного культа, хранились особенно тщательно, вследствие чего многие из них сохранились до нашего времени.

К богослужебной рукописной книге близко примыкают сочинения религиозно-нравственного содержания; в основном это сборники поучений, указывающих нормы поведения человека с религиозной и бытовой точек зрения. Эти поучения ярко выражают характер морали феодального строя: послушание богу, господину, духовной власти, покорность и терпение в тяжелых условиях жизни, за которые обещана такая награда, как блаженство после смерти.

В области художественной литературы большинство книг для чтения представляет собой переводы с греческого языка тех произведений, которые имели распространение в Византии и пришли на Русь вместе с богослужебными книгами. В первую очередь надо отметить «жития святых», объединенные обычно в сборники. Самым объемистым среди таких собраний были «Четьи-минеи», что значит чтения по месяцам года; были распространены и сборники жизнеописаний «святых» по отдельным монастырям или областям, — так называемые патерики. Эти биографии-легенды «святых», изобиловавшие красочными бытовыми подробностями, читались особенно охотно. Получили распространение также произведения, называемые «апокрифами», — книги религиозного содержания, но не признанные официальной церковью. Апокрифы обычно отличались большей занимательностью, чем принятые церковью книги, и поэтому они охотно читались и легко распространялись. Особенную известность среди апокрифических произведений получило «Хождение богородицы по мукам»; по содержанию эта книга напоминала поэму великого итальянского поэта Данте Алигьери «Божественная комедия».

С греческого языка переводились и распространялись в списках некоторые светские произведения византийской литературы. К ним относится такое, например, произведение, как «История о разорении фригийского города Трои», в котором рассказывается история мифической войны греков с троянцами.

В Новгороде в XV веке переписывалась книга древнего историка Иосифа Флавия «О иудейской войне».

Начиная с XII века становятся нам известными и многие оригинальные произведения отечественной литературы. Такова знаменитая поэма неизвестного автора «Слово о полку Игореве», найденная А. И. Мусиным-Пушкиным в сборнике, повидимому, XV или начала XVI века. Ввиду того что отсутствовали более ранние списки поэмы, возникало подозрение в том, является ли этот памятник подлинным. Только детальные исследования текста поэмы и изучение ее влияния на сохранившиеся позднейшие литературные памятники окончательно убедили в подлинности этой великолепной поэмы. «Слово о полку Игореве», очевидно, было хорошо известно русским книжникам средневековья, так как появились подражания этому произведению; среди них известна «Задонщина», написанная в XIV веке и дошедшая до нашего времени в списках конца XV века.

К XII веку относится появление повестей, рассказов, связанных обычно с какими-нибудь значительными событиями общественной жизни. В виде отдельных книг эти повести не дошли до нас от тех отдаленных эпох, но некоторые из них были включены в летописи.

Среди сохранившихся рукописных книг значительное место занимают книги научного содержания. Наибольшее значение из них имеют книги, в которых описывались исторические события: летописи — записи событий русской истории по годам и хронографы — сочинения по всеобщей истории, переведенные с иностранных языков. Древнейшей летописью, сохранившейся до наших дней, считается «Повесть временных лет», по преданию написанная в XII веке монахом Киево-Печерской лавры Нестором. «Повесть временных лет» представляет собой так называемый летописный свод, то есть соединение различных сделанных еще раньше записей о событиях. Эта первая летопись переписывалась множество раз, в нее добавлялись повествования о новых и новейших событиях. Древнейший известный список летописи относится к XIV веку; по имени ее составителя монаха Лаврентия она называется Лаврентьевской. Летописи переписывали во многих местностях обширной земли русской. Сохранившиеся до наших дней летописи называются обычно по имени составителя или переписчика, если их имена указаны в летописи, по имени владельца рукописи или по названию места, где рукопись была впервые обнаружена. Так, например, имеется Лаврентьевская летопись — по имени монаха Лаврентия, написавшего ее; Никоновская — по имени известного церковного реформатора XVII века патриарха Никона, которому принадлежала рукопись; летопись Архангелогородская, найденная в Архангельске, Типографская, обнаруженная на московском Печатном дворе, и другие.

Кроме летописей общеисторических сохранилось множество описаний отдельных исторических событий. В некоторых книгах

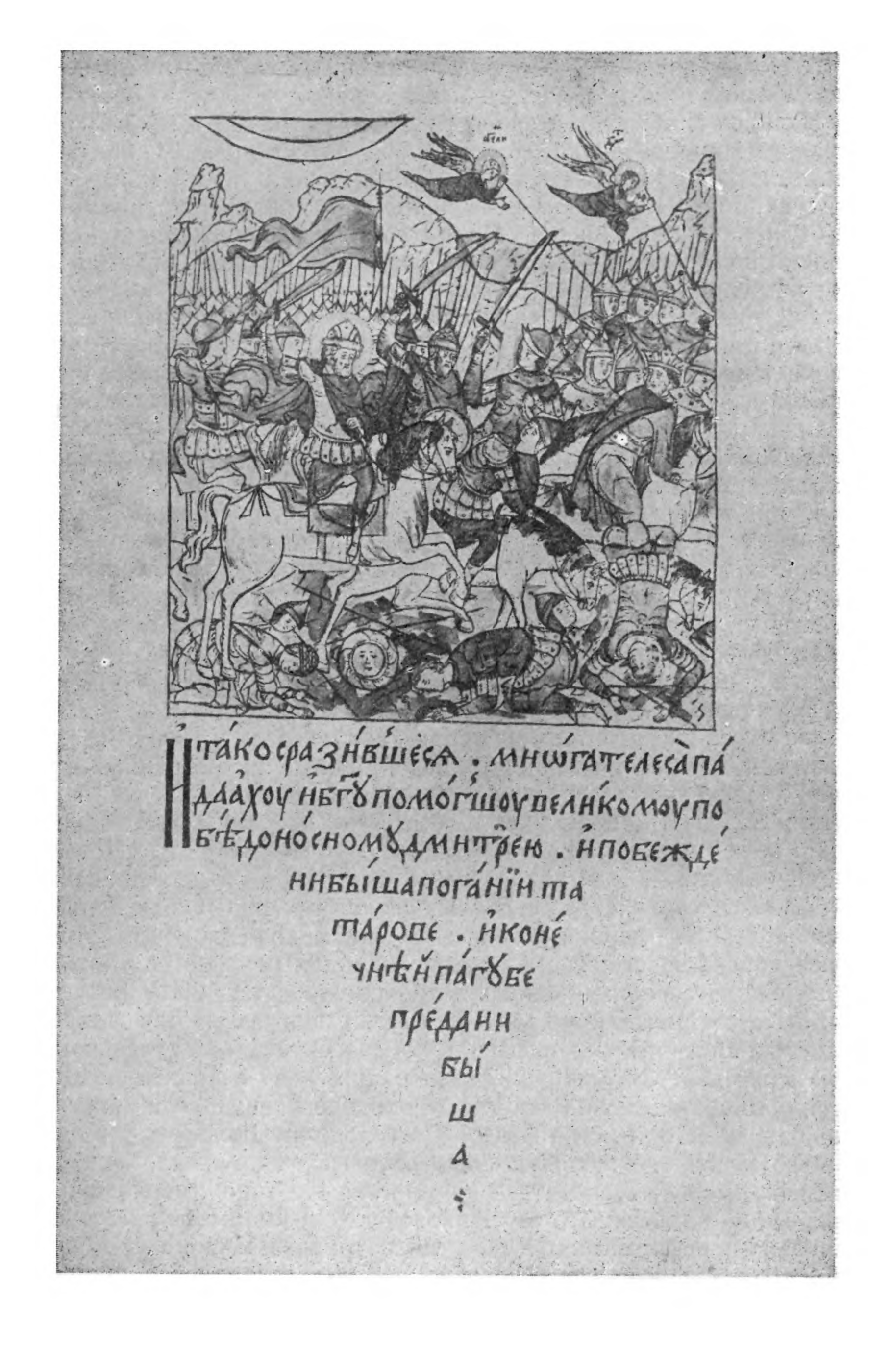

И тако сразившеся. мнѡга телеса па
дахоу и Бгу помогшоу великомоу по
бедоносномꙋ Димитрею. и побежде
ни быша погании та
тарове. и коне
чнеи пагꙋбе
предани
бы
ш
а

Рис. 46. «Житие преподобного Сергия». Рукопись XVI века. Полуустав

не исторического содержания и даже в религиозной литературе часто можно обнаружить исторические сведения. Так, в рукописной книге «Житие преподобного Сергия» описана борьба русского народа с татарами во главе с Дмитрием Донским (Мамаево побоище). «Житие» было написано в конце XIV или в начале XV века, но дошло до нас в позднейших списках. Один из списков, принадлежавший Троице-Сергиевой лавре, относится к концу XVI века. Он украшен многими миниатюрами, изображающими описанные события. На рис. 46 показана страница из «Жития преподобного Сергия» с миниатюрой, на которой изображен один из моментов Мамаева побоища. И текст и миниатюры дают ценный материал по истории великой борьбы русского народа за свое освобождение, а в миниатюрах, кроме того, отражен быт русского народа, его труд, орудия труда, жилище, одежда, оружие.

Исключительный интерес представляют миниатюры так называемой Радзивилловской летописи (названа так по имени владельца этой рукописи), написанной, повидимому, в Смоленске в XV веке. Иллюстрации летописи изображают те исторические события, о которых повествуется в летописи, но, поскольку эти иллюстрации созданы в XV веке, они дают представление о быте современной художнику России.

Любовь русского народа к путешествиями и к так называемым «хождениям» выразилась в создании большого количества соответственных книг по этим вопросам. Обычно в книгах о путешествиях описывались неведомые земли, люди, животные, растения этих земель. Особенно широко была распространена переведенная с греческого языка «Космография» Козьмы Индикоплова, александрийского купца, впоследствии монаха, жившего в VI веке. Описывая свое путешествие в Индию, он дал собственную мировую систему; согласно этой системе земля изображалась неподвижно стоящей у подножия горы, за которую на ночь прячется солнце. Рукопись эта усердно переписывалась и иллюстрировалась рисунками, изображающими систему мира, библейские рассказы, а также всякого рода «чудеса», которые автор видел во время своего путешествия. На рис. 47 — страница из книги Козьмы Индикоплова с миниатюрой, изображающей охотника и зверя, будто бы виденных в Индии. Эта рукопись переписана в начале XVI века в Москве. Рисунки делались художником по описанию и поэтому очень далеки от действительности.

Описания путешествий составлялись и русскими; самое раннее из них — «Хождение игумена Даниила» (начало XII века). Совершая путешествие в Азию, игумен Даниил ехал через Константинополь, Малую Азию и остров Кипр в Палестину и обратно. Путешественник описывает города и страны, через которые он проезжал; в центре его внимания, естественно, находятся памятники религиозного характера, но в то же время он интересуется природой и бытом людей виденных стран. Там часто можно

встретить места, посвященные описанию земледелия, скотоводства, занятий жителей, природных богатств. «Хождение игумена Даниила» много раз переписывалось и было излюбленной книгой для чтения в течение многих веков. Сохранились списки этого памятника рукописной книги начиная с XV века, а наиболее поздний список относится к XIX веку.

Во второй половине XV века тверской купец Афанасий Никитин совершил длительное путешествие в Иран и Индию и оставил записки под заглавием «Хождение за три моря». В записках Никитина описываются испытанные им в пути приключения, частью трагического характера, новые страны и земли, люди, их обычаи и нравы, образ правления и законы. Автор обнаруживает большую наблюдательность, любовь к родной земле, которая в соединении с занимательностью изложения способствовала успеху книги. Записи русских путешественников отличались глубоким патриотизмом. Так, Афанасий Никитин, вспоминая о родине, говорит не о родной Твери, а о всей земле русской.

Имелись в списках и разного рода законодательные материалы. Первое собрание законов было составлено в XI веке под названием «Правда Русская». Древнейший список «Правды Русской» относится к XIII веку; в последующее время она переписывалась и дополнялась множество раз, так что до нашего времени сохранилось в разных местах до ста рукописей. «Правда Русская» показывает подневольное положение крестьян (смердов), дает обильный материал для изучения экономики и права древней Руси. В законах, составляющих «Правду Русскую», ярко выражен классовый характер законодательства феодального строя древней Руси. Разные наказания определяются за преступления против представителей высших классов и против крестьян. Так, выкуп за убитого, так называемая «вира», был установлен в 40 гривен. Если убитый был приближенный князя или боярин, вира увеличивалась до 80 гривен. За убитого крестьянина платили небольшую виру; в «Правде Русской» сказано: «а в смерде и холопе 5 гривен».

Специальных книг по естествознанию, технике и ремеслам до наших дней не сохранилось, но в текстах летописей и других книг встречается немало сведений, дающих представление о высоком состоянии наук и ремесел у русских.

В рукописных книгах нашла отражение и медицина, но уже в более поздний период. Появляются книги по медицине — «лечебники», или «врачебники», книги, описывающие растения, их целебные свойства — «травники». Так закладывались основы ботаники; зоология же изложена в так называемом «физиологе».

Значительное распространение имели книги по различным отраслям «тайных наук», изучение которых преследовалось церковью еще со времен «Изборника» Святослава, — гадательные книги, сонники, заклинания, звездочтения, то есть предсказания по звездам, и т. п.

Рис. 47. «Путешествие Козьмы Индикоплова». Рукопись XIV века

Характерная особенность рукописной книги древней эпохи состояла в том, что у нее не было заглавных, так называемых титульных листов; первые заглавные листы появились только в XVII веке. В конце рукописной книги писец часто писал послесловие, в котором указывал место и время ее создания, имя того лица, по заказу которого она изготовлена, и свое собственное имя. В некоторых случаях такое послесловие делалось более подробным, в нем выражалась радость по поводу завершения большой и утомительной работы, иногда послесловие писали в поэтической форме. В некоторых послесловиях писец просит прощения у читателя за допущенные ошибки. Так, например, дьякон Григорий, написавший «Остромирово евангелие», указывает в послесловии день начала и окончания работы, имя заказчика — посадника Остромира, а в конце послесловия просит читателя не упрекать его за ошибки, и если они встретятся, исправить их и читать далее. Упоминавшийся выше монах Лаврентий, который написал древнейшую летопись, заканчивает ее следующими словами: «Радуется купец, прикуп сотворив, и кормчий, в отишье пристав, и путник, в отечество свое пришед, тако же радуется и книжный списатель, дошед конца книгам, — такоже и аз худый, недостойный, многогрешный Лаврентий мних».

Иногда писцы делали на полях записи, не имевшие никакого отношения к содержанию книги. На одной рукописи XIV века писец иронически заявляет о своем «богатстве»; он говорит о том, что все деньги, какие имеет, носит при себе, все платье надето на нем и что нищий, глядя на него, может удавиться от зависти. Такие записи интересны в качестве материала, дающего представление о тружениках книги, об оплате их труда и т. д. Большинство писцов в послесловиях указывает свое социальное положение: дьякон, поп, монах, паробок, раб божий. Последние два обозначения указывают на принадлежность писцов к гражданскому сословию; светских переписчиков было больше, чем писцов из лиц духовного звания. Работа писца была трудная и требовала большого искусства и внимания. Оплачивалась она плохо, о чем говорят многие записи на полях рукописных книг.

Во многих рукописных книгах чередуются различные почерки, так как для ускорения и облегчения переписывания рукопись распределяли между несколькими писцами — совершенно так же, как после изобретения книгопечатания текст набирает несколько наборщиков. Так, вышеупомянутое «Архангельское евангелие» написано четырьмя различными почерками; Лаврентьевская летопись — тоже несколькими почерками.

Дату начала и окончания работы указывали в послесловии по летоисчислению древней Руси: велось оно в то время от «сотворения мира». Разница в счете годов между этим летоисчислением и общераспространенным в Европе, начинавшемся с «Рождества Христова», составляло 5508 лет. Поэтому, прочтя на

рукописной книге дату ее написания, например 6985, отнимают 5508 и получают уже точную дату — 1477 год. Новый год начинался не 1 января, а 1 сентября.

Любовь к книге у русского народа проявлялась не только в искусстве письма, но и в украшениях ее. Уже в самые отдаленные времена рукописные книги украшали художники-специалисты: искусство это развивалось и мастерство совершенствовалось. Некоторые книги XV и XVI веков по совершенству оформления, красоте орнамента, инициалов, миниатюр и особенно по роскоши переплета являются произведениями искусства. Таково, например, «Евангелие», по имени его владельца называемое «Евангелие Хитрово» (оно хранится в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина). Миниатюры к этому «Евангелию» сделаны в мастерской величайшего русского художника XV века Андрея Рублева. Художники употребляли для украшения книг такие рецепты красок, которые были известны только им и которые обладали чрезвычайной стойкостью. Миниатюры книг, сделанные пятьсот и более лет назад, до сих пор поражают своей яркостью. Глядя на них, можно подумать, что художник их только закончил.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ПЕРВЫЕ КНИГИ, НАПЕЧАТАННЫЕ КИРИЛЛИЦЕЙ

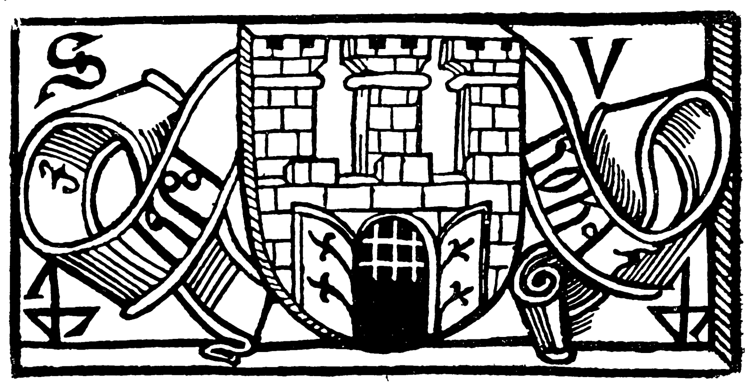
§ 49. ШВАЙПОЛЬТ ФЕОЛЬ В КРАКОВЕ

Первые книги, напечатанные кириллицей, появились в конце XV века в Кракове, столице королевства Польского. Инициатива начать печатание церковнославянских книг принадлежала, очевидно, православным украинцам, населявшим юго-восточные области Польши. Зачинатели книгопечатания ставили целью снабдить книгами притесняемые католическим духовенством православные церкви Польши и Литвы. Кто именно были эти зачинатели книгопечатания, остается неизвестным; чтобы осуществить свое намерение, они вошли в соглашение с краковским мещанином Швайпольтом Феолем.

По профессии Феоль — мастер художественной вышивки на тканях, золотошвей; вместе с тем он был известен как искусный ремесленник и механик-изобретатель. По поручению польского короля Казимира он осушал свинцовые рудники, для чего изобрел специальные машины и получил королевскую привилегию.

В 1491 году Феоль выпустил в Кракове две книги — «Осмогласник», или «Октоих», и «Часословец». Обе книги имели полные выходные сведения и типографскую марку. В выходных данных точно указано происхождение Феоля: «из немец немецкого роду франк» — то есть родом из Франконии (северо-западная область Баварии). На типографской марке, как на многих других

марках XV века, помещен герб города, где находилась типография, и инициалы печатника: S. V. [Sweybold Veil] (рис. 48). Точно тем же шрифтом и, следовательно, в той же типографии, что «Октоих» и «Часословец», напечатаны еще две книги: «Триодь постная» и «Триодь цветная»; в них не имеется указаний на место и время печатания. Примитивность приемов печати позволяет сделать заключение, что «Триоди» напечатаны ранее датированных книг.

Докончанабысиѧкнигаѹвеликомьградѣоу
краковѣпридержавѣвеликагокоролѧполскаго
казимира, идокончанабымѣщаниномкраковь
скымьшвайполтомь, фѣоль, изнѣмецьне
мецкогородоу, франкь. искончашапобожнем
нароженнемь. дi съть. девѧтьдесѧт и а лѣто.

Рис. 48. «Октоих» печати Швайпольта Феоля (Краков, 1491). Последняя страница с указанием выходных данных

Шрифт, которым печатал книгу Феоль, заказывался словолитчику Рудольфу Борсдорфу. Сохранился договор Феоля с Борсдорфом, заключенный в феврале 1491 года. В этом договоре словолитец ставит условием: изготовленный им шрифт нельзя ни передавать, ни продавать третьему лицу, нельзя с него снимать формы. Это условие показывает, как высоко ценили в то время шрифты. В договоре упоминается, что Борсдорф уже ранее доставлял Феолю шрифт, которым тот остался доволен; следовательно, отливке шрифта 1491 года предшествовала еще одна. Можно полагать, что шрифтом первой отливки напечатаны около 1490 года две «Триоди», а шрифтом второй отливки — два издания 1491 года.

После выпуска «Октоиха» и «Часословца» в ноябре 1491 года Феоля арестовала краковская духовная инквизиция; освободили его лишь в марте следующего года. Некоторую часть его изданий инквизиция уничтожила, а с самого печатника была взята присяга в верности католической церкви и обязательство не распространять мнений, неугодных католицизму. Католическое духовенство нетерпимо относилось к православным книгам и не желало допускать их выхода в Польше. После этого Феоль, разумеется, не мог продолжать типографскую деятельность. Сведения о нем прекращаются. Есть известие, что он переселился из Кракова в Венгрию и умер там в 1525 году.

Необходимо отметить, что в те годы, на которые падает книгопечатная деятельность Феоля, в Польше не существовало другой типографии. Правда, за 15 лет до того, как Феоль выпустил свои первые книги, а именно в 1474—1475 годах, неизвестный типограф напечатал в Кракове три книги на латинском языке, после чего книгопечатание там прекратилось. После закрытия типографии Феоля крупный университетский город Краков еще около десяти лет оставался без печатника.

Книги Феоля напечатаны крупным шрифтом очень характерного рисунка, имеющего своеобразную особенность: буква «о» имеет несколько различных форм, применявшихся в разных словах. Так, в слове «око» ставилось «о» с точкой посередине; в слове «очи» или такое же «о» удвоенное или одно «о» с двумя точками внутри; в слове «окрест» — круг с крестом. Набор неискусный, на некоторых страницах нет пробелов между словами, неправильно выключены строки и концы их с правого края образуют неровную линию. Пагинация (нумерация страниц) и кустоды отсутствуют, но зато имеются сигнатуры, то есть условные знаки, указывающие счет тетрадей, а в конце книг — регистры, то есть указатели порядка тетрадей. «Часословец» напечатан в четвертую часть листа, остальные три книги в листовом формате.

Во внешнем украшении книг была проявлена немалая забота печатника. Все четыре издания печатались в две краски — черной и красной, как это всегда имело место в церковно-литургических книгах. Во всех четырех книгах имеются гравированные на дереве заставки, заглавия, сделанные вязью, и узорные заглавные буквы. В начале «Осмогласника» помещен фронтиспис, изображающий распятие; исполнен он гравюрой на дереве во всю страницу.

§ 50. МАКАРИЙ В ЦЕТИНЬЕ

Вторым печатником книг, напечатанных кириллицей, был иеромонах Макарий, работавший в типографии черногорского воеводы Георгия Черноевича в Цетинье. В 1493—1495 годах Макарий выпустил здесь три церковнослужебные книги: «Октоих», «Псалтирь с восследованием» и «Молитвенник». Эти издания

очень красивы как по шрифту, заказанному в Венеции, так и по орнаменту. В 1508—1512 годах Макарий напечатал еще три книги в Румынии, став первопечатником этой страны.

§ 51. ФРАНЦИСК СКОРИНА

Самый замечательный печатник книг, выпущенных до Ивана Федорова, — белорус Франциск Скорина из города Полоцка. Подобно многим типографам XV—XVI веков, Скорина был не только мастером книжного дела, но и высокоодаренным человеком, имевшим университетское образование и высшие ученые степени. Скорина родился около 1485—1490 годов; отцом его был полоцкий мещанин и купец. В 1504 году Скорина поступил в Краковский университет, где он изучал философию. Получив в 1506 году степень бакалавра философии, он отправился для дальнейшего учения в Западную Европу. В каких университетах побывал Скорина и кто были его учителя, неизвестно; в продолжение шести лет он изучал теологию и медицину и получил степень «доктора свободных наук». В ноябре 1512 года Скорина прибыл в Падую, где находился один из знаменитейших университетов. В Падуанском университете Скорина держал два экзамена — предварительный и главный, и оба выдержал блестяще. Падуанский университет присвоил Скорине степень доктора медицины, которой он впоследствии очень дорожил, называя себя то «в лекарских науках доктор», то упоминая обе степени — «в науках вызволенных (свободных) и в лекарстве доктор».

Из Италии Скорина возвратился в Белоруссию и последующие четыре года посвятил подготовке к осуществлению своего грандиозного замысла. Видя, что его родина не имеет на своем языке основной религиозной книги — Библии, Скорина решил перевести Библию на русский язык и этот перевод напечатать. В конце 1516 года Скорина поселился в Праге и здесь основал свою типографию. Почему его выбор остановился на столице Чехии? С одной стороны, потому, что Скорине было бы трудно устроить типографию в Белоруссии, где о книгопечатании еще не знали и куда пришлось бы доставлять типографские материалы издалека. С другой стороны, он не мог отправиться в польские города, например в хорошо известный ему Краков, где имели большую силу католические священники. Известно, что католическая церковь не допускала перевода Библии на национальные языки. Бывали случаи, что в католических странах уничтожались совершенно готовые к выпуску в свет переводы Библии. В Праге обстановка для издания русской Библии была наиболее подходящей. Здесь находился один из знаменитейших в Европе университетов, основанный в середине XIV века. Он был не только крупным научным центром (также в области медицины), но и со времени ректорства Яна Гуса (1402—1415) постоянным рассадником реформационных, гуситских, антипапских и патриотических

идей. Кроме того, в Праге Скорина оставался в славянских землях, что для него, несомненно, имело значение. Здесь он имел связи со своими соотечественниками — белорусами, которые были заинтересованы в его работах и оказывали ему материальную поддержку. Среди последних известен Богдан Оньков, член виленского городского совета.

Типография Скорины в Праге была занята единственной работой — печатанием Библии в его собственном переводе. Русский язык, на который Скорина переводил Библию, был смесью церковнославянского и белорусского; перевод исполнен довольно свободно. Неизвестно, закончил ли Скорина в рукописи полный перевод Библии, но в печатном виде появились только 23 библейские книги в 17 отдельных выпусках — значительно менее половины всей Библии. Первой вышла «Псалтирь» (6 августа 1517 года). Последняя книга — «Книга пророка Даниила» — выпущена в 1519 году. В начале каждой книги помещены предисловия. В этих предисловиях, написанных Скориной на белорусском языке, затрагиваются разнообразные темы — о законах, о нравственности, о различных науках. Иногда предисловия написаны в стихотворной форме. Таким образом, Скорина проявлял в издаваемых им книгах подлинное творчество.

Как уже указывалось, Скорина печатал Библию в виде отдельных выпусков; выходили они вразбивку, не в том порядке, в каком книги следуют в Библии; предполагалось, что по окончании печатания они будут собраны и переплетены в обычном порядке. С той же целью была отпечатана особая тетрадь, содержащая общий титульный лист и пространное предисловие Скорины ко всей Библии в целом; эта тетрадь должна быть помещена перед книгой «Бытия». Текст титульного листа отпечатан киноварью и окружен черной гравированной рамкой; заглавие гласит кратко: «Библия руска, выложена доктором Франциском Скориною из славного города Полоцька, богу ко чти (чести. — *Е. К.*) и людем посполитым к доброму научению». Это один из редких случаев, когда в заглавии книги религиозного содержания указано имя переводчика, притом лица не духовного.

Со стороны полиграфического и художественного оформления Библия представляет собой выдающийся памятник славянского книгопечатания. Печатник проявлял большую заботу об оформлении своего труда, хотя во многих случаях в расположении материала он стремился соблюдать экономию. Это заметно, например, в том, что полоса набора, имеющая в первом выпуске 20 строк, в остальных увеличена до 22 при формате в четвертую часть печатного листа. Киноварь встречается только в книге «Песнь песней», что свидетельствует о большом оформительском вкусе, так как отвечает радостному содержанию этой книги. Рисунок шрифта чрезвычайно оригинален и строен, заглавия набраны прописными буквами того же шрифта, имеющими несколько вычурный

рисунок. Набор сделан с большим искусством. Концы глав набраны в виде треугольника, обращенного вершиной вниз. Характерно отсутствие в шрифте вязи, затруднительной для чтения.

Все выпуски «Библии» украшены гравированными инициалами и оригинальными гравюрами на дереве, изображающими библейские сцены. Гравюры имеют ярко выраженный характер немецких иллюстраций того времени. Так, все библейские лица одеты в современные европейские костюмы, древние здания изображены в готическим стиле; сцена боя у стен Иерусалима напоминает средневековый рыцарский турнир.

К одной из библейских книг приложен портрет Франциска Скорины, сидящего с пером в руке перед раскрытой книгой в окружении толстых томов и других предметов, свидетельствующих о научных занятиях. На портрете находятся знаки, изображающие солнце и луну; очевидно, эти знаки представляют собой герб или марку Скорины. Тог же знак повторяется на некоторых иллюстрациях «Библии» (рис. 49).

Скорина был глубоко предан типографскому делу, созданному его личной инициативой. В противоположность другим изданиям того времени, заказчиками которых обычно являлись либо церковь, либо отдельные ее представители, «Библия» Скорины не была церковным изданием. В своих предисловиях и послесловиях Скорина называет себя русским, говорит, что он пишет русским языком для пользы и просвещения русского народа: «чтобы братья мои Русь, народ, читая, могли лучше понимать». Несмотря на все усилия Скорины, ему не удалось закончить издание «Русской библии». Неизвестно, по какой причине Скорина прекратил издание — потому ли, что не хватило средств на его выпуск, или вследствие преследований со стороны католиков. Через некоторое время после выхода в свет «Книги пророка Даниила» Скорина покинул Прагу. Быть может, на его отъезд повлияла разразившаяся в Праге эпидемия.

Возвратившись в Белоруссию, Скорина поселился в Вильнюсе, в доме «наистаршего бурмистра» Якуба Бабича. Туда же была перенесена из Праги типография, но она бездействовала в течение шести лет и только в 1525 году выпустила две книги малого формата. Первая книга — «Апостол» — вышла в марте 1525 года; вторая — «Малая подорожная книжица» — не имеет указания года. но напечатана около того же времени. «Малая подорожная книжица» — сжатый молитвенник для нужд путешествующих. На первом месте помещена полностью «Псалтирь», за ней следует «Часословец» и собрание молитв различного назначения. И в «Апостоле» и в «Малой подорожной книжице» печать двухцветная, со многими заставками и украшениями. Двумя книгами 1525 года и ограничилась деятельность первой виленской типографии и первопечатника Вильнюса Франциска Скорины; следующая по времени книга была напечатана там ровно через

а

Іудифъ вдовица отсече главу Олоферну воеводе

Книги Іудифъ вдовици почина
ютьсѧ. Зуполне выложены
на рускии языкъ докторомъ
Францискомъ Скориною, изъ сла
вного града Полоцька. Напредъ Богу ко
чти, и людемъ посполитым к научению.

Рис. 49. Страница из «Библии» Франциска Скорины (Прага, 1519)

полстолетие, когда приехал в Вильнюс другой русский первопечатник — Петр Тимофеевич Мстиславец.

Из дальнейшей биографии Скорины известен еще один эпизод. В 1530 году его пригласили в Кенигсберг на службу к герцогу Альбрехту Прусскому в качестве врача. Скорина поехал в Кенигсберг, но не остался там, а вернулся в Вильнюс, причем сманил с собой врача и печатника, чем вызвал недовольство герцога. То обстоятельство, что Скорина увез печатника, указывает, что и в 30-х годах он не терял надежды возобновить работу своей типографии. Умер Франциск Скорина в Праге в середине XVI века.

В Московском государстве издания Франциска Скорины, так же как и краковские издания Швайпольта Феоля, не имели распространения. Книги, хотя и на русском языке, но напечатанные за рубежом, не внушали консервативному русскому духовенству доверия в отношении точности текста. В особенности должны были вызывать сомнения книги Скорины, украшенные орнаментом, в котором иногда встречались фигуры мифических существ, как, например, наяд или сирен. Такого рода украшения в московских церковных книгах, где применялся почти исключительно растительный или геометрический орнамент, не допускались. Были и причины материального порядка: мо́сковское духовенство, бывшее монопольным поставщиком рукописных церковнослужебных книг, не разрешало ввоза более дешевых печатных книг. На рис. 49 представлена страница из «Библии» Франциска Скорины с иллюстрацией к книге «Юдифь», одной из исторических книг Библии.

§ 52. ВЕНЕЦИАНСКИЕ ИЗДАНИЯ

Одним из крупнейших центров книгопроизводства в XV—XVI веках была Венеция — мировой торговый посредник и мировой банкир той эпохи. Еще в XV веке, почти с самого начала своего возникновения, книжное дело в Венеции было поставлено на коммерческую ногу. Замечательно, что венецианские печатники умели соединять широкий деловой размах с высокими научными достоинствами изданий и с их высоким техническим и художественным совершенством; венецианская книжная графика, иллюстрации и орнаменты отличаются несравненной красотой. Типографы Венеции располагали многими восточными шрифтами и особенно охотно принимали заказы на печатание для стран Восточной Европы. В Венеции выходили книги и на греческом, и на еврейском, и на арабском языках; там же были напечатаны первые книги на армянском и грузинском языках. Видное место в этой продукции занимали издания для ближайших соседей Венеции — балканских славян. Печатались эти издания не только кириллицей, но и глаголицей и даже боснийским шрифтом (буквицей). Издания такого рода появлялись уже в XV веке, а в XVI веке число их значительно возросло. Венецианские типогра-

фы не ограничивались только печатанием славянских книг — они продавали шрифты тем печатникам, которые лично выезжали в балканские страны. Так, в Венеции был заказан шрифт для типографии иеромонаха Макария (см. § 50).

§ 53. ТИПОГРАФИЯ В НЕСВИЖЕ

В 60-х годах XVI века в соседней с Московским государством Литве были созданы две типографии на средства князя Николая Радзивилла, канцлера великого княжества Литовского. Отойдя от католичества, Н. Радзивилл сделался горячим сторонником протестантизма и покровительствовал всякому движению, направленному против господствующей церкви. Одна его типография, находившаяся в Бресте, печатала книги на польском языке готическим шрифтом; в ней в 1563 году был впервые напечатан перевод «Библии» на польский язык. Другая типография была открыта в принадлежавшем Радзивиллу местечке Несвиже. В 1562 году в ней были напечатаны кириллицей и, повидимому, шрифтом самого Скорины или крайне похожим на его шрифт две небольшие книги, предназначенные для пропаганды лютеранства среди русского населения Литвы.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

РУССКАЯ КНИГА В ПЕРИОД ОБРАЗОВАНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

§ 54. КНИЖНОЕ ДЕЛО МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

В конце XV века на смену феодальной раздробленности приходит централизованное многонациональное государство. Возникновению его способствовал рост политического и экономического значения Москвы, как крупного центра страны. Москва становится центром и культурной жизни страны, чему способствуют успехи Московского государства во внешней политике, освобождение его от монгольского гнета, рост городов, развитие внутренней и внешней торговли. В связи с общим ростом политической, экономической и культурной жизни страны увеличивается спрос на книгу, что приводит к значительному росту книжного дела.

Усиление центральной государственной власти приводит к усилению церковного влияния; началась постройка и восстановление церквей в землях, подвергавшихся разорению и теперь присоединенных к Московскому государству. Новые церкви нуждаются в богослужебных книгах.

В древней Руси главными центрами книгопроизводства были монастыри. В это же время существовали специалисты-переписчики, не связанные с монастырями. Об этом свидетельствуют

апокрифические книги, по содержанию которых видно, что монастырская цензура не могла допустить их выпуска. В конце XIV века и в XV веке растущий спрос на книгу вызвал появление в крупных центрах (Москва, Новгород) городских мастерских для переписки книг. Во многих книгах имеются записи, указывающие, что книгу писали «владычный паробок» или «владычны робята»; это значит, что книги возникли в городской книжной мастерской «владыки», то есть епископа. В конце XIV века в России появилась бумага, заменившая пергамен; это способствовало удешевлению книги и более широкому ее распространению. К этому же времени относится и появление нового упрощенного почерка письма — полуустава.

Ко времени введения в Московском государстве книгопечатания книжное дело достигло значительного развития. Увеличилось количество как церковных, так и в особенности светских книг. Возникли и новые литературные направления. Так, с XV века появляются работы публицистического характера.

Большое оживление полемической литературы вызвал известный спор о церковных имениях. Церковь, в частности монастыри, сосредоточившие в своих руках обширные земельные владения, превратилась в крупного феодала, что, с одной стороны, вызвало недовольство среди боярства, а с другой — тяжело отзывалось на положении крестьян. Разгорелась острая борьба между двумя течениями: противниками и сторонниками церковных имений. Движение против обогащения церкви возглавил монах Нил Сорский. Он и его последователи, названные «нестяжателями», писали и размножали статьи, направленные против богатств церкви. Во главе сторонников церковных имений стоял игумен Иосиф Волоцкий; по его имени они получили название «иосифлян». Иосифляне в своих сочинениях отстаивали принцип сильной центральной власти, объявляли государственную власть выше церковной и этим оказывали поддержку государственной власти в ее борьбе с феодалами. Победителями из этой борьбы вышли иосифляне, которых поддержал великий князь московский.

Острая борьба между центральной властью и боярами отразилась и в переписке царя Ивана IV с князем Андреем Михайловичем Курбским. Переписка эта являлась, по существу, публицистической литературой; письма Ивана Грозного представляют собой обширные политические трактаты.

Значительно способствовала развитию книжного дела в Московском государстве деятельность московского митрополита Макария (1480—1563), человека высококультурного, обладавшего обширными познаниями в области современной ему науки. Митрополитом московским он стал в 1542 году, а до этого времени был архиепископом новгородским. Находясь в Новгороде, Макарий предпринял составление огромного труда под заглавием «Четьи-минеи», в основе которого лежали «жития святых», расположенные в обычном порядке, то есть по дням двенадцати ме-

сяцев. В «Четьи-минеи» включено также большое число сочинений церковных писателей — византийских, западных и русских, начиная с книг «Ветхого завета» и «Нового завета». По собственному выражению Макария, это издание должно было стать «собранием всех книг, чтомых (то есть читаемых. — *Е. К.*) на Руси». Составление подобного труда — энциклопедии знаний для своего времени — далеко превышало силы одного человека. Макарий собрал вокруг себя образованнейших людей XVI века. Составленные ими так называемые «Великие», или «Макариевские», «Четьи-минеи» состоят из 12 огромных фолиантов, написанных на превосходной бумаге и заключенных в роскошные переплеты; текст украшен многочисленными орнаментальными узорами. В настоящее время рукопись Макария хранится в Историческом музее в Москве. «Четьи-минеи» переписывались не раз как целиком, так и по частям.

В Москве было начато другое книжное предприятие — собирание и перередактирование русских летописей. Возглавляли это предприятие крупный государственный деятель Адашев и думный дьяк Висковатов. В результате огромной редакционной работы из собранных летописей появился новый летописный свод, известный под названием Никоновской летописи. Вся мировая история освещается здесь под углом зрения величия Московского государства и владычества московского царя.

Как и «Четьи-минеи», этот труд состоит из нескольких объемистых томов; над переписыванием и украшением их трудились царские писцы и художники. Из числа известных экземпляров особенно замечателен тот лицевой «Никоновский свод», текст которого украшен тысячами иллюстраций — мастерских произведений иллюстрационного искусства.

Из этих примеров видно, какого широкого размаха достигло рукописное книгопроизводство в Москве в годы, предшествовавшие началу книгопечатания.

§ 55. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КНИГОПЕЧАТАНИЯ

Начало книгопечатания в Москве относится ко второй половине XVI века. Это была эпоха напряженной борьбы за укрепление централизованного государства и глубоких изменений во всем укладе русской жизни. Центральная государственная власть укрепилась, крупные завоевания Московского государства не только расширили территорию государства, но и усилили его в борьбе с бывшими захватчиками-монголами. Московское государство в этот период присоединило обширные царства Казанское (1552) и Астраханское (1556). Одновременно с расширением государственных границ шло расширение деятельности церкви. Во вновь завоеванные области посылали многочисленных православных проповедников-миссионеров, строили церкви и монастыри.

Естественно, что для новых церквей понадобились богослужебные книги в большем количестве, чем их могло дать рукописное производство. Кроме того, рукописные книги всегда страдали недостатком, связанным со способом их изготовления, — обилием ошибок и неточностей. На это обстоятельство уже давно обращали внимание образованные люди. Ученый монах Максим Грек, вызванный из Греции в Москву при Василии III в качестве переводчика, обнаружил в рукописных книгах множество ошибок и пытался внести исправления в переводы. На церковном соборе 1551 года, получившем название Стоглавого, царь Иван IV говорил: «Божественные книги писцы пишут с неправленных переводов, а написав, не правят же; опись к описи прибывает (описка к описке прибавляется. — *Е. К.*), и недописи, и точки непрямые».

Единственный способ устранения этих недостатков состоял в том, чтобы перейти от ручного производства книг к механическому; так зародилась мысль о заведении в Москве типографии. Мысль эта вышла из кругов, близких к митрополиту Макарию, главе русской церкви, ближайше заинтересованному как в расширении производства церковных книг, так и в их исправлении. К этому начинанию отнесся сочувственно и царь Иван IV, человек просвещенный, имевший собственную библиотеку, в состав которой входили и западноевропейские печатные книги. Сделали первый опыт введения книгопечатания — в Москву пригласили иностранных печатников. В 1552 году в Москву приехал Ганс Миссенгейм, по прозванию Богбиндер, посланец датского короля Христиана III, и предложил напечатать перевод Библии и двух книг, «в коих содержится сущность нашей христианской веры» — конечно, в ее лютеранском понимании. Поскольку основание типографии в Москве открыто связывалось с попыткой пропаганды лютеранства, в то время широко распространявшегося по всей Европе, то эта попытка была обречена на неудачу.

§ 56. АНОНИМНАЯ ТИПОГРАФИЯ В МОСКВЕ

Первыми печатниками в Москве были русские ремесленники. Первая типография в ней возникла около 1555 года. Из нее вышло шесть книг, не имевших указаний на время, место и имя печатника. Только благодаря тщательному изучению бумаги, шрифтов и гравированных украшений, а главным образом датированных записей на сохранившихся экземплярах стало возможно точно определить время выхода их в свет. Установлено, что четыре книги из шести, напечатанных в первой Московской типографии, вышли ранее первой датированной московской книги — «Апостола» Ивана Федорова.

Изучение бумаги, на которой эти издания отпечатаны, а также изучение имеющихся в них отпечатков с деревянных досок позволило определить последовательность изданий, а надписи, сделанные в них, помогли уточнить и годы выхода их из типографии.

В Московском государстве было в обычае дарить церквам книги в память каких-либо событий, происшедших в жизни дарящего. Богатые люди заказывали красивые рукописные книги с пышным цветным орнаментом, делали на них дорогие переплеты и «вкладывали», говоря языком того времени, в храм. Обычно такие книги непременно снабжались надписью, в которой указывались имя того, кто дарил книгу, дата и другие подробности. На некоторых экземплярах книг первой Московской типографии, сохранившихся в церквах, имеются такие надписи, как, например, «Лета 7070 (1562) дал книгу сию в дар чудному богоявлению старец Севостьян Митрополич Ключник по своей душе и по своих родителех».

До нас не дошло никаких известий относительно этой первой Московской типографии, или, как ее называли, печатни; она получила впоследствии название Анонимная типография. Однако в документе 1556 года удостоверяется существование в Москве «мастера печатных книг» Маруши Нефедьева. В этом году царь Иван IV писал в Новгород: «Мы послали в Новгород мастера печатных книг Марушу Нефедьева посмотреть камень, который приготовлен на помост» (для постройки храма). С большой долей вероятности можно считать этого мастера печатных книг одним из создателей первой типографии в Москве.

Шесть изданий, выпущенных Анонимной типографией, выходили в следующем порядке: около 1556/57 года «Евангелие», около 1557/58 года «Псалтирь», около 1558/59 года «Триодь постная», около 1559 года «Евангелие», около 1565/66 года «Евангелие», около 1566/67 года «Псалтирь».

Потребность в двух основных богослужебных книгах — «Евангелии» и «Псалтири» — была очень велика: в течение десяти лет они перепечатывались несколько раз.

Как видно из приведенного перечисления изданий, последние две книги вышли уже в период существования в Москве второй типографии — типографии Ивана Федорова. Однако в результате последних исследований советских ученых установлено, что издания Анонимной типографии не могли быть изданиями Ивана Федорова. Первая Московская типография имела свои особые шрифты, свои гравированные доски для украшений; приемы и техника печатания этих изданий резко отличались от техники печатания Ивана Федорова. По оформлению и технике печатания книги Анонимной типографии представляют много замечательного, но все-таки они далеки от совершенных изданий Ивана Федорова.

Анонимная типография имела в своем распоряжении четыре шрифта разных размеров, рисунки которых заимствованы с рукописных образцов. Самый ранний шрифт, которым напечатаны первое «Евангелие» и первая «Псалтирь», имеет те же графические особенности, какие были характерны для шрифта Швайпольта Феоля (особая форма буквы «о»). Набор довольно

примитивный: правая сторона полосы представляет собой извилистую линию, что говорит о неумении наборщика производить так называемую выключку строки[1]. Печать двухцветная, черной и красной краской, причем обе краски отпечатывались одновременно с одной наборной формы, которую вручную покрывали двумя красками и затем оттискивали в один прием (прокат). Эта своеобразная техника печатания хотя и замедляла процесс, зато давала отпечаток без малейшего смещения красок. Орнаменты и инициалы в этих книгах исполнены гравюрой на дереве (рис. 50).

Дальнейшая судьба Анонимной типографии неизвестна. После того как была отпечатана последняя книга около 1567 года, весь типографский инвентарь бесследно исчез. Вследствие большой трудности и дороговизны изготовления шрифтов и гравированных досок материалы ранних типографий обычно сохранялись подолгу, иногда они переходили из одной типографии в другую и даже из одного города в другой. Полностью исчезнуть инвентарь Анонимной типографии мог в результате пожара; имеется свидетельство о том, что как раз в эти годы в Москве сгорела какая-то типография. Это известие нельзя отнести к типографии Ивана Федорова потому, что все его типографские материалы, как шрифты, так и орнаменты, встречаются во многих изданиях позднейшего времени. Очевидно, речь идет о гибели в результате пожара Анонимной типографии.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ИВАН ФЕДОРОВ И ПЕТР МСТИСЛАВЕЦ

§ 57. ТИПОГРАФИЯ ИВАНА ФЕДОРОВА В МОСКВЕ

Через семь или восемь лет после издания первого «Евангелия» в Москве вышла книга, в которой указывалось место и время напечатания, имена не только печатников, но и издателей-заказчиков и даже излагались причины издания. Это был знаменитый первопечатный «Апостол» — первый труд московских мастеров Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца. «Апостол» был снабжен подробным послесловием. В нем сначала приводятся причины, вызвавшие необходимость изготовления печатных книг. Эти причины следующие: расширение территории, увеличение числа церквей, недостаток в книгах, неисправность текста рукописных книг. Далее сообщается о роли самого царя и митрополита Макария в создании типографии: «дом» для печатания был устроен по повелению царя и на средства царской казны, причем царь щедро отпускал деньги «делателям», то есть мастерам

[1] Выключка строк — технический прием, заключающийся в доведении строки до заданного формата.

Ѿ матѳеа свѧтое бл҃говѣщение

глава а

Книга родства іс҃ х҃ва с҃на
дв҃два, с҃на авраамлѧ.
Авраамъ роди исаака. Исаа
кже, роди іакова. Іако
вже роди, іюду и братію
его. Іюдаже роди, фареса и зара
ѿ ѳамары. Фаресже роди, есро
ма. Есромже роди, арама. Ара
мже роди аминадава. Аминада
вже роди, наассона. Наассо
нже роди, салмона. Салмонже

не прежде рождства х҃ва бывшимъ ст҃ымъ ѿцемъ.

Рис. 50. Первая страница «Евангелия», напечатанного в Москве в Анонимной типографии около 1556 года

типографии, — Ивану Федорову, дьякону церкви Николы Гостунского в Кремле, и Петру Тимофееву Мстиславцу (или как он сам называл себя в позднейших изданиях — Мстйсловцу). «Апостол» был начат печатанием 19 апреля 1563 года и закончен 1 марта 1564 года.

Сведения о жизни печатников Ивана Федорова и Петра Мстиславца крайне скудны. Для биографии Ивана Федорова источником первостепенной важности является написанное им послесловие к одной из его позднейших книг, а именно — ко второму изданию «Апостола», вышедшему во Львове в 1574 году; сохранилось также небольшое количество архивных документов о нем. О Петре Мстиславце не осталось никаких материалов, и поэтому биография его неизвестна.

Источники и документы не дают ответа на самый важный вопрос: где и у кого обучились эти мастера трудному искусству изготовления шрифтов, набора и печатания; при изучении же напечатанных ими книг бросается в глаза мастерство этих печатников, следовательно, они прошли хорошую школу.

Подобно «Библии» Франциска Скорины, «Апостол» Ивана Федорова и Петра Мстиславца — замечательнейший памятник печатной книги. «Апостол» 1564 года — это первая книга, вышедшая в Москве с полными выходными сведениями, благодаря которым известна точная дата, связанная с историей книгопечатания в России. По оформлению «Апостол» представляет собой образец высокого типографского искусства. Печатники проявили исключительную заботу об этом издании; они сделали все, чтобы придать ему высокую художественную форму. Текст «Апостола» набран ровным, красивым шрифтом, все полосы имеют безупречную выключку строк, печатание производилось двумя красками в два приема с поразительной точностью их совпадения. Все это выгодно отличает «Апостол» Ивана Федорова от изданий Анонимной типографии. Художественные украшения — фронтиспис, заставки, инициалы «Апостола», исполненные гравюрой на дереве, поражают своим разнообразием и гармоническим сочетанием с полосой набора. Орнаментация «Апостола» очень своеобразна, она не имеет ничего общего с образцами орнаментов ранних русских рукописных книг; также мало сходства в ней с украшениями рукописных книг, близких по времени к «Апостолу». Мастера, создавшие орнамент «Апостола», дали высокохудожественные образцы книжного оформления, оказавшие большое влияние на последующие московские и украинские издания. Что же касается рисунка шрифта, то в нем ярко выражен характер московских рукописных шрифтов. Несравненную красоту «Апостолу» придают 20 заставок, размещенных (с повторениями) на 46 полосах. На рис. 51 показана страница из «Апостола», украшенная художественной заставкой, вязью и инициалом.

Влияние «Апостола» на последующее книгопечатание поистине огромно. Хотя в XVI веке в Москве было напечатано

п҃на, д҃і, н҃а. Павелъ и тимоѳей

Къ филипписіомъ посланїе с҃таго апостола Павла

Павелъ и тимоѳей, рабі іс҃ х҃ви, за
всѣмъ с҃тымъ о х҃ѣ іс҃ѣ сꙋщимъ елс
въ филиппѣхъ съ епископы и діаконы.
Благодать вамъ и миръ, ѿ б҃га ѡ҃ца
нашего, и г҃а іс҃а х҃а. Благодарю б҃га а
моего о всей памяти вашей все
гда, во всякой м҃лтвѣ моей за всѣхъ
васъ. с радостїю м҃лтвꙋ мою творя ѡ обще
нїи вашемъ въ благовѣствованїи, ѿ перваго
дне даже и донынѣ. надѣався сїе и сей то,
ѩко начныи дѣло благо в васъ, и совершит
тъ е. даже до дне іс҃ х҃ва, ѩкоже есть пра
ведно мнѣ сїе мꙋдрьствовати о всѣхъ васъ,
за еже имѣти мя въ сердцы васъ во оузахъ
моихъ и во ѿвѣтѣ. и извѣщенїи благовѣ
стїя, сообщникы мя благодати всѣхъ
васъ сꙋщихъ. конецъ, п҃на.

Рис. 51. Страница из «Апостола» печати Ивана Федорова (Москва, 1564)

несколько книг с орнаментами различного стиля, ни одна из них не оказала такого влияния на позднейшую книжную графику, какую оказал «Апостол». Влияние это было глубоко и продолжительно и не ограничилось одной только Москвой. В Москве более ста лет оформление «Апостола» служило образцом для книжных украшений; во Львове, где впоследствии оказались подлинные гравированные доски из «Апостола», их продолжали применять в течение двухсот лет.

После «Апостола» Иван Федоров и Петр Мстиславец напечатали в Москве еще два издания «Часовника» — небольшой книги, употреблявшейся как в богослужении, так и при обучении грамоте. Первое издание закончено печатанием 29 сентября, второе — 29 октября 1565 года.

«Часовники» имели небольшой формат, напечатаны они тем же шрифтом, что и «Апостол», и скромно украшены маленькими заставками.

Высшая государственная и церковная власть в лице царя и митрополита покровительствовала размножению печатных книг. Зато профессиональные переписчики, которым оно наносило материальный ущерб, а также невежественные церковники, встречавшие с суеверной подозрительностью всякое нововведение, были ярыми его противниками.

Невежественные церковники распространяли клевету на печатников, считая печатание книг еретическим делом, вследствие чего Ивану Федорову и Петру Мстиславцу пришлось прекратить издание книг в Москве и переселиться на другое место. В упомянутом выше послесловии к львовскому «Апостолу» 1574 года Иван Федоров так рассказывает об этом событии: «Из-за озлобления, случившегося с нами не от самого того государя (Иоанна IV), но от многих начальников и священно-начальников и учителей, которые из зависти обвинили нас во многих ересях, желая добро обратить во зло и Божье дело погубить вконец, как бывает в обычае злонравных, неученых и неискусных в разуме людей ... И эта зависть изгнала нас из земли и отечества нашего и заставила нас переселиться в чужие незнакомые страны».

Отъезд Ивана Федорова из Москвы не был тайным бегством, как это иногда пытались представить некоторые исследователи. Он просто воспользовался существовавшим в XVI веке «правом отъезда» и покинул одного государя, чтобы поступить на службу к другому. В пути его сопровождали жена с детьми и Петр Мстиславец; возможно, еще семья последнего и слуги. Иван Федоров увозил с собой (очевидно, с ведома московских властей) значительную часть типографского инвентаря: пунсоны, матрицы, может быть, часть шрифта и почти все гравированные доски. Таким образом, поезд уезжавших должен был состоять из нескольких повозок. Лишено оснований утверждение о том, что будто московская типография Ивана Федорова была сожжена

его недоброжелателями[1]. Если бы это событие произошло, то ни шрифты, ни орнаменты Ивана Федорова не могли бы применяться в дальнейшем; на самом же деле они появляются много раз в различных изданиях.

§ 58. ТИПОГРАФИЯ ИВАНА ФЕДОРОВА В ЗАБЛУДОВЕ

В конце 1565 или в начале 1566 года московские печатники Иван Федоров и Петр Мстиславец прибыли в столицу Литовского государства — Вильнюс. Это было время, когда Польша усиленно стремилась к объединению с Литвой. Литовское население, состоявшее более чем на половину из православных белорусов, тяготело к Москве; против объединения с Польшей были настроены и крупные литовско-русские феодалы, опасавшиеся потери своей политической власти. Усиленный нажим Польши на Литву окончился так называемой Люблинской унией (1569), против воли литовцев навязавшей объединение Литвы с Польшей.

Иван Федоров и Петр Мстиславец нашли в Литве поддержку со стороны одного из литовских феодалов, гетмана Великого княжества Литовского — Григория Александровича Ходкевича, который принадлежал к православной церкви и из политических соображений покровительствовал православным белорусам. Ходкевич пригласил мастеров-печатников в принадлежавший ему Заблудов (близ Белостока) и поручил устроить там типографию, чтобы печатать в них книги для православных церквей в Литве.

Летом 1568 года в Заблудове Иван Федоров и Петр Мстиславец начали печатать привезенными из Москвы шрифтами «Евангелие учительное», закончив его 17 марта 1569 года. В отличие от московских изданий книга имеет отдельный заглавный лист с подробным заглавием книги. Даты начала и окончания печатания книги указаны только по западноевропейскому летоисчислению, тогда как на московских изданиях они давались по летоисчислению от сотворения мира. После титульного листа, на обороте которого помещен герб Г. А. Ходкевича, следует предисловие от его имени; в этом предисловии Ходкевич говорит о своем намерении расширить печатание книг для православных людей.

В следующем году Иван Федоров (уже без Петра Мстиславца, переселившегося в Вильнюс) выпустил в Заблудове вторую книгу «Псалтирь с Часословцем» (23 марта 1570). После выхода «Псалтири» Ходкевич решил закрыть типографию. Впоследствии Иван Федоров объяснил это решение болезнью и старостью Ходкевича. Очевидно, основная причина прекращения деятельности типографии состояла в том, что в новых условиях,

---

[1] Легенда о пожаре возникла от неправильного истолкования рассказа одного недостаточно осведомленного иностранца.

создавшихся после Люблинской унии, Ходкевич не мог бороться с католическим духовенством, которое противодействовало выходу в Литве православных церковных книг. В объединенном Польско-Литовском государстве возросло значение католической церкви, страна была наводнена иезуитами, усилилось гонение на православную церковь, связанную с Московским государством.

Остановив печатание русских церковных книг, Г. А. Ходкевич не лишил Ивана Федорова своего личного расположения и не желал с ним расстаться. Он предложил ему остаться в подаренной ему деревне и заняться сельским хозяйством. Иван Федоров, энтузиаст книгопечатного дела, считал, что, овладев искусством книгопечатания, он не имеет нравственного права променять его на спокойное существование мелкого помещика. После многих сомнений и размышлений Иван Федоров решился уехать из Заблудова и отправиться на поиски такого места, где он мог бы найти применение своим знаниям и продолжать деятельность печатника.

В послесловии к «Апостолу» 1574 года Иван Федоров говорит об этом тяжелом времени в следующем поэтическом сравнении: ему следует «вместо житных семян, духовные семена по вселенной рассеивать».

§ 59. ИВАН ФЕДОРОВ ВО ЛЬВОВЕ

Из Заблудова Иван Федоров, не имея больших средств, пустился в путь. В конце 1572 или в начале 1573 года он со своей семьей прибыл во Львов, главный город Западной Украины, где и обосновался. Хотя Иван Федоров привез с собой некоторые типографские материалы, вначале ему не удалось наладить печатание книг. Средств на открытие типографии у него не было, и он долгое время безуспешно обращался к состоятельным людям с просьбой о поддержке.

Не встретив сочувствия у «богатых и благородных», Иван Федоров обратился к «некоторым малым в священном чине и к не славным в мире». Эти «малые и не славные», оказавшие ему помощь, были члены Львовского православного братства, общественно-церковной организации, которая и после смерти Ивана Федорова продолжала выпускать книги в течение полутора столетий.

Ровно через десять лет после выхода московского издания «Апостола», 15 февраля 1574 года, вышло в свет повторное его издание, так называемый «Львовский Апостол» — первая книга, напечатанная на территории Украины. Это издание строка в строку воспроизводило первоначальный московский образец «Апостола». После официального текста книги помещено обширное послесловие, неоднократно уже упоминавшееся и, по существу, являвшееся автобиографией Ивана Федорова. Характерно, что изложение событий в послесловии начинается с основания типографии

в Москве. Повидимому, Иван Федоров придавал столь большое значение началу своей деятельности как типографа, что в этой автобиографической записи не счел нужным рассказывать о своей жизни в предшествующий период. Среди тысяч книг, напечатанных кириллицей, не найдется другой такой богослужебной книги, в которой было бы отведено так много места как личному описанию печатником своей жизни, так и вопросам значения книгопечатания.

Украшения «Апостола» — заставки и рамка фронтисписа[1] — отпечатаны с тех же досок, с которых был отпечатан московский «Апостол». Две гравюры были заказаны новые: фигура апостола Луки на фронтисписе и типографская марка на последней странице книги. Обе гравюры помечены монограммой WS, принадлежащей польскому граверу Венделю Шарфенбергеру. Эта марка размером во всю страницу состоит из герба города Львова, в котором находилась типография, и личного знака печатника, под ней подпись (набором): Иоанн Федорович друкарь Москвитин.

Кроме «Апостола» Иван Федоров напечатал во Львове в том же 1574 году еще одну небольшую, но замечательную книгу — Грамматику славянского языка. Грамматика посвящена «возлюбленному, честному, христианскому русскому народу...» В конце книги приложены советы детям и родителям в духе нравоучительных поучений того времени. Книга отпечатана шрифтом Ивана Федорова, украшена заставками и концовками из его изданий, а в конце имеет герб города Львова и типографский знак печатника с надписью: Иоан. Грамматика сохранилась в единственном экземпляре и хранилась в Париже. Нахождение и установление советскими исследователями того факта, что это действительно работа Ивана Федорова совпало с празднованием 300-летия воссоединения Украины с Россией. Принадлежность Грамматики Ивану Федорову раскрывает нам печатника с новой стороны, как деятеля просвещения своего народа, находившегося в то время в тяжелых условиях гонений со стороны польских панов. Грамматика Ивана Федорова — первая печатная книга, имеющая учебное, а не церковно-служебное назначение. На рис. 52 дан снимок с последней страницы Грамматики Ивана Федорова.

Во Львове у Ивана Федорова был ученик по имени Гринь Иванович, вывезенный им из Заблудова. Этого ученика он обучил на свой счет у львовского художника, поставив перед ним условие: он нигде не должен работать, кроме типографии Ивана Федорова. Однако Гринь Иванович это условие нарушил и в начале 80-х годов XVI века уехал в Вильнюс, где изготовил два шрифта для братьев Мамоничей, основавших там типографию. Иван Федоров подал на него в суд, но затем простил его, считая,

---

[1] Фронтиспис — иллюстрация, помещенная перед началом книги.

дмы будутъ ваши лю
бви. пріимѣте сія слю
бовію. азъ иныхъ пи
саніихъ благоугодныхъ
вожделѣніе потрудити
ся хощу. аще благоволи
богъ, вашими святыми
молитвами
аминь.

Выдруковано во Львовѣ,
року, ҂а, фод.

Рис. 52. Последняя страница из Грамматики печати Ивана Федорова (Львов, 1574)

что его поступок вызван необдуманностью. Документов о дальнейшей деятельности Гриня Ивановича не сохранилось; можно полагать, что он, как и московские ученики Ивана Федорова, продолжал дело своего учителя и был мастером Острожской или Львовской братской типографии.

§ 60. ИВАН ФЕДОРОВ В ГОРОДЕ ОСТРОГЕ

Условия для дальнейшего развития книгопечатания во Львове были неблагоприятны для Ивана Федорова. Материальные дела его были в плохом состоянии.

Отпечатав «Апостола», Иван Федоров посетил в городе Остроге князя Константина Константиновича Острожского и преподнес ему эту книгу; князь предложил печатнику перейти к нему на службу. Острожский был крупнейший землевладелец на Волыни; ему принадлежало 25 городов и свыше 600 деревень. Он являлся горячим борцом за сохранение национальной культуры Украины и противником распространения католичества в юго-западной Руси.

В этот период польское правительство широко использовало католическую церковь для усиления своего влияния в Белоруссии и на Украине. Если часть дворянства начала переходить в католичество, то массы народа крепко держались за православие и вследствие этого тяготели к Московскому государству.

Князь Острожский поддерживал православие и, понимая значение просвещения в этой борьбе с католичеством, покровительствовал просветительным начинаниям. Зная плохую подготовку православных священников по сравнению с образованными иезуитами, он устраивал школы, а затем открыл высшее учебное заведение, названное им Академией. Академия подготовляла священников и учителей, из нее вышло много замечательных украинских ученых. Одним из важнейших просветительных мероприятий князя являлось учреждение в Остроге типографии.

Острожский назначил Ивана Федорова, поступившего к нему на службу, управителем Дерманского монастыря, находившегося на его землях. К организации типографии приступили только в 1577 году. Было решено напечатать в новой типографии полный церковно-славянский текст Библии, вследствие чего начали серьезную подготовку к этому изданию. Для изучения и сравнения рукописных списков привлекались лучшие ученые. В основу текста положили рукопись Библии, доставленную из Москвы. Текст Библии сличали и с другими списками, для получения которых из Острога командировались специальные лица. Ездил ли в 1577 году сам Иван Федоров в балканские страны с той целью, чтобы разыскать и приобрести рукописи греческой Библии, как о том сообщает предание, документально не доказано, но какие-то связи с греками (скорее всего жившими во Львове) у него были.

В изданиях Острожской типографии снова встречается первоначальный московский шрифт Ивана Федорова, сопутствовавший ему во всех его странствованиях; но здесь он имел лишь вспомогательное значение: им набирали лишь титульные листы. Для изданий Острожской типографии были отлиты новые шрифты, числом пять: один крупный кирилловский, два мелких кирилловских и два мелких греческих. Этими шрифтами напечатаны две книги. В 1580 году был напечатан самым мелким шрифтом «Новый завет с псалтирью». Книжка, названная в предисловии «первый овощ саду Острожского», разделяется на две части, каждая из которых имеет отдельный титульный лист, заключенный в гравированную рамку. На обороте обоих титульных листов помещен герб князя Острожского, а в конце первой части — маленькая типографская марка Ивана Федорова с подписью набором: «Иван Федорович, печатник з Москвы». В выходных сведениях печатник называет себя «Иоанном Федоровым сыном з Москвы».

Одновременно с изданием «Нового завета» интенсивно велась подготовка к печатанию «Библии» — большого фолианта, напечатанного в два столбца другим мелким шрифтом. Особенность этого издания состоит в том, что оно имеет много вариантов набора. Возникли эти варианты вследствие того, что в ходе печатания книги несколько раз увеличивался тираж и допечатывались недостававшие листы (тетради). Этим объясняется и то, что книга, вышедшая фактически в 1581 году, как это указано на титульном листе всех экземпляров, имеет в выходных данных, находившихся в конце книги, две разные даты: в большинстве экземпляров — 12 августа 1581 года, в небольшом числе экземпляров — 12 июля 1580 года. При этом некоторые печатные листы (тетради), имеющие варианты, попадаются в разных комбинациях в тех и в других экземплярах, из чего ясно, что это одно издание. Иногда в экземплярах с выходными данными 1581 года находятся неисправленные листы, несомненно отпечатанные раньше, а в экземплярах с выходными данными 1580 года — исправленные, напечатанные позднее. Количество экземпляров книги, дошедших до нашего времени, значительно; это указывает, что тираж, по сравнению с другими изданиями XVI века, был огромным.

«Острожская библия» имеет отдельный помещенный в рамку и красиво оформленный титульный лист; рамка оттиснута с доски, привезенной из Москвы. На обороте титульного листа находятся герб князя Острожского и хвалебные стихи неизвестного автора. Далее идут два предисловия: первое — от имени князя Острожского; второе написано в форме стихотворения одним из ученых Острожской Академии, Герасимом Смотрицким. На рис. 53 дан снимок с первой страницы «Острожской библии» 1581 года.

Московских орнаментов в «Острожской библии» почти нет, зато в ней встречаются некоторые концовки из львовского

«Апостола». Специально для «Библии» были изготовлены небольшие заставки в виде узких полосок с растительными орнаментами и множество инициалов прямоугольной формы; те и другие рисованы белым по черному и, несомненно, под прямым влиянием заставок и инициалов «Библии» Франциска Скорины. Обращают на себя внимание мелкие наборные украшения — звездочки, листочки, ягодки и т. п., не встречающиеся в прежних изданиях Ивана Федорова. К сожалению, приходится признать, что, хотя «Острожская библия» внесла много нового и ценного в искусство оформления книги, в отношении тщательности она стоит далеко позади первого произведения Ивана Федорова — московского издания «Апостола».

Последние два года жизни Иван Федоров жил во Львове, не занимаясь печатанием книг. Он находился в тяжелом материальном положении, типография его была заложена львовским ростовщикам. Умер Иван Федоров в декабре 1583 года; после его смерти Львовское православное братство выкупило типографию, и она стала работать непрерывно. Острожская типография после отъезда и смерти Ивана Федорова продолжала некоторое время выпускать книги для церквей и полемическую литературу, направленную против католицизма и униатства; закрыта она была сыном князя Острожского, принявшим католичество.

§ 61. ПЕТР ТИМОФЕЕВ МСТИСЛАВЕЦ В ВИЛЬНЮСЕ

Как было сказано выше, после выхода в Заблудове «Евангелия учительного» многолетний сотоварищ Ивана Федорова, Петр Тимофеев Мстиславец, в марте 1570 года уехал в Вильнюс. В мае 1574 года он начал печатать там «Четвероевангелие». Типография в Вильнюсе — первая после типографии Скорины — была устроена братьями Зарецкими (один из них был бургомистром города Вильнюса) в доме братьев Мамоничей, которые предоставили для ее оборудования и часть денежных средств. Как и в период деятельности Франциска Скорины, типографию поддерживали здесь не помещики, а горожане, стремившиеся этим путем отстоять национальную независимость и культуру своего народа. «Четвероевангелие» вышло в свет 30 марта 1575 года. Это красивое издание, напечатанное новым крупным шрифтом на бумаге листового формата; в начале каждого евангелия изображены евангелисты, на начальных полосах имеются заставки и инициалы. Через год, 16 января 1576 года, Петр Тимофеев выпустил «Псалтирь» форматом также в лист, с гравированным изображением царя Давида. Петр Мстиславец использовал свои прежние знания и навыки в типографском деле, и поэтому по художественному и техническому оформлению обе книги имеют выраженный характер московских изданий (рис. 54). В 1576 году Мамоничи хотели отобрать у Петра Мстиславца его типографию, в связи с чем возник судебный процесс.

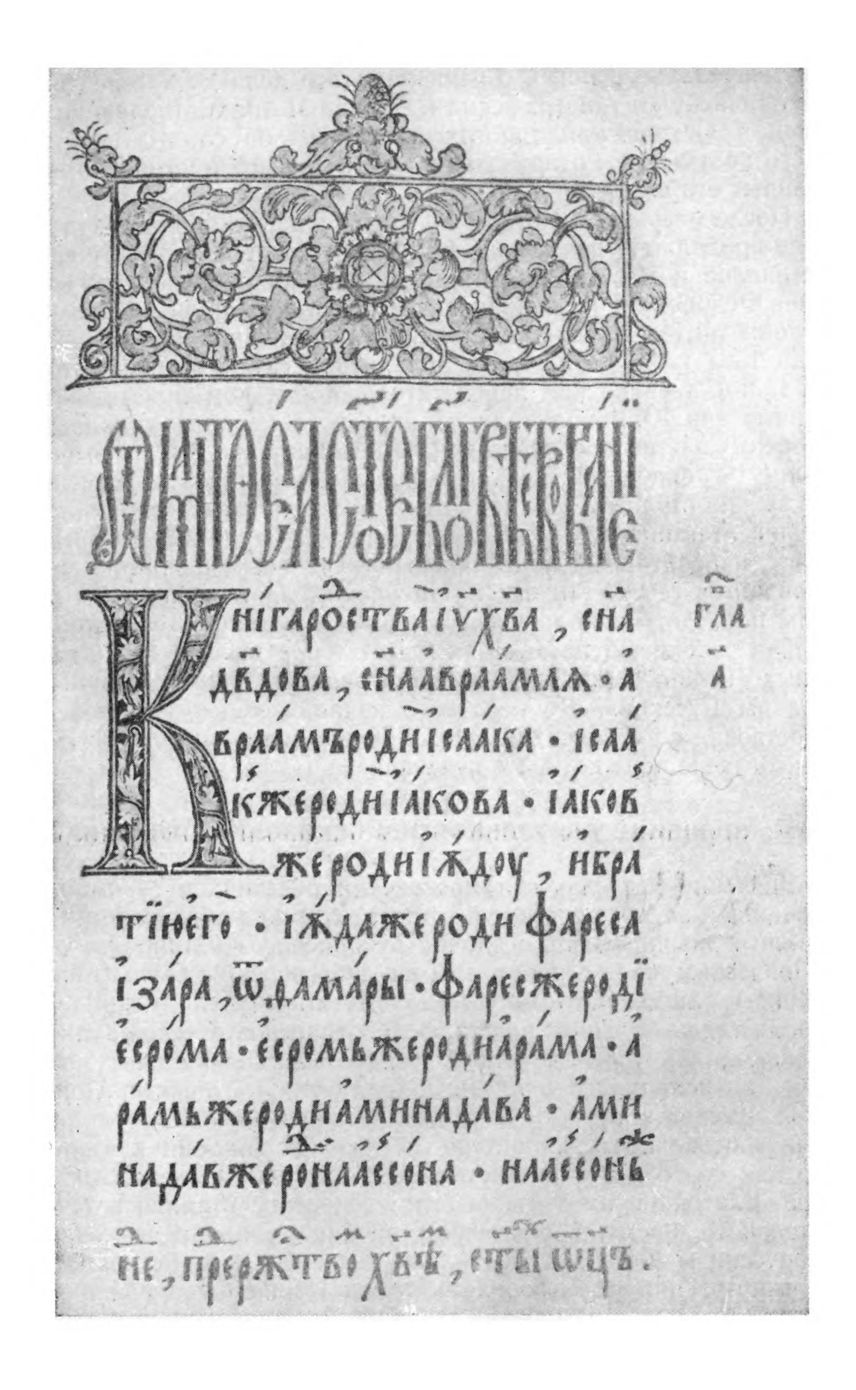

книгаростваіухва, сна гла
двдова, снаавраамля · а а
враамъродиісаака · ісаа
кжеродиіакова · іаков
жеродиіждоу, ибра
тіюего · іждажеродифареса
ізара, ѿѳамары · фаресжероді
есрома · есромьжеродиарама · а
рамьжеродиаминадава · ами
надавжеродинаассона · наассонь

Рис. 54. Страница из «Четвероевангелия» печати Петра Мстиславца (Вильнюс, 1575)

Документальных данных о решении этого дела до нас не дошло, но в дальнейшем типографский материал Петра Мстиславца обнаружен в Острожской типографии. О судьбе самого печатника ничего не известно, и на изданиях Острожской типографии, отпечатанных его шрифтом, имя его не упоминается.

После разрыва с Петром Мстиславцем Мамоничи сначала не могли продолжать печатания, так как у них не было типографских материалов и мастера-печатника. Мамоничи пригласили ученика Ивана Федорова, Гриня Ивановича, который в нарушение договора со своим учителем отлил для их типографии два шрифта. Позднее, около 1582 года, им удалось наладить печатание книг, которым они занимались не как просветители, а как коммерческие предприниматели. Они получили от польского короля «привилегию» на преимущественное право печатания книг, продажу и вывоз за границу и снабжали церковнослужебными книгами Россию и балканские страны. Одно из самых замечательных изданий типографии Мамоничей — «Статут Литовский» (1588), форматом в лист, напечатанный оригинальным курсивным шрифтом, с гравированным гербом Литвы на титульном листе и поясным портретом польского короля Сигизмунда III. «Статут Литовский» — сборник законов, действующих в Литве. Он был введен в захваченных Литвой областях и содержал законы, заимствованные из «Правды Русской». До печатного издания «Статут Литовский» существовал в рукописях, и лишь с большим трудом удалось получить согласие короля на его печатание.

§ 62. ЗНАЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОСКОВСКИХ ПЕЧАТНИКОВ

Значение деятельности московских печатников огромно. Их величайшая заслуга состоит в том, что они популяризовали и претворили в жизнь мысль о замене рукописного книгопроизводства механическим в тех странах, где его либо вовсе не было (Москва, Украина), либо оно было мало известно (Белоруссия). Они сыграли также большую роль в распространении русской культуры в тех землях, которые хотя и были населены большей частью русскими, но находились в подчинении других государств. Приехав в Белоруссию и на Украину, московские печатники сумели сохранить особенности характера московских изданий в книжном деле как со стороны языка, так и со стороны внешнего оформления. Благодаря их деятельности московские издания в течение длительного времени оказывали сильное влияние на издания Белоруссии и Украины. Возникшие в разных местах православные типографии использовали издания Ивана Федорова в качестве образцов. А в самой Москве стиль изданий Ивана Федорова сохраняли его продолжатели.

Необходимо также отметить и незаурядное литературное дарование Ивана Федорова, которое проявилось в его обширных послесловиях и предисловиях.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

КНИЖНОЕ ДЕЛО В ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНО-АБСОЛЮТИСТСКОЙ МОНАРХИИ (конец XVI века и XVII век)

§ 63. ТИПОГРАФИЯ НЕВЕЖ

После отъезда Ивана Федорова из Москвы в оставшейся после него типографии печатники Никифор Тарасиев и Невежа Тимофеев напечатали (20 декабря 1568 года) только одну книгу — «Псалтирь». По высокому качеству полиграфического исполнения «Псалтири» видно, что печатники этой книги, безусловно, были учениками Ивана Федорова. После выхода этого издания печатание книг в Москве приостановилось и возобновилось только в 1589 году. Причины перерыва в книгопечатании раскрывают события того времени. С одной стороны, в это время заботы государственной власти были направлены на ведение войн с соседними государствами. С другой стороны, именно в эти годы происходила наиболее напряженная борьба центральной власти с боярством; борьба эта привела к организации опричнины (1565). В декабре 1564 года царь внезапно уехал из Москвы и обосновался в Александровой слободе; понятно, что вопросы типографского дела в этот период отошли на последнее место. Не стало также главного вдохновителя и покровителя книгопечатания митрополита Макария, умершего во время печатания «Апостола»; интересы его преемников были совсем другие.

31 января 1577 года в Александровой слободе мастер Андроник Тимофеев Невежа напечатал «Псалтирь». Неизвестно, является ли печатник одним лицом с тем Невежей Тимофеевым, который печатал в 1568 году в Москве; как бы то ни было, Андроник Невежа — наиболее замечательный московский печатник второй половины XVI века после Ивана Федорова.

Печатание книг возобновилось в Москве тогда, когда фактическим правителем царства сделался Борис Годунов, покровитель просвещения, мечтавший даже об учреждении в Москве университета. Главой церкви в это время был его единомышленник, митрополит Иов, принявший сан патриарха московского. 8 ноября 1589 года была выпущена «Триодь постная», печатание которой продолжалось необычно долго — двадцать два с половиной месяца.

На книгах, напечатанных Андроником Невежей, сказалось сильное влияние мастерства Ивана Федорова. Андроник сам был художник, он резал гравюры на дереве; на двух из них имеется его подпись. Заставки по большей части скопированы с заставок Ивана Федорова, но не достигают совершенства последних. Впрочем, у Андроника Невежи имеются и самостоятельные, нигде

ранее не встречавшиеся рисунки, как, например, заглавные буквы. В «Апостоле», напечатанном 4 июля 1597 года, Андроник Невежа указал в послесловии тираж книги: «А напечатано книг сих вкупе тысяча пятьдесят». Это единственный случай, по которому можно судить о размере тиража изданий того времени. Ценность такого указания огромна.

В 1598 году впервые рядом с именем Андроника Невежи упоминается имя его сына Ивана Невежина. Последние книги с именем Андроника вышли в 1602 году, в 1604—1611 годах Иван Андроников Тимофеев или Невежин занимался печатанием книг уже один, из чего можно заключить, что его отец умер в 1602 или в 1603 году.

Начиная с 90-х годов XVI века печатание книг в Москве вполне наладилось и продолжалось непрерывно, если не говорить о кратковременных перерывах в работе, вызывавшихся многочисленными пожарами типографии.

§ 64. ТИПОГРАФИЯ А. М. РАДИШЕВСКОГО

В начале XVII века в Москве появились два новых искусных печатника: Онисим Михайлович Радишевский с Волыни и Никита Федорович Фофанов из Пскова. Радишевский был замечательный мастер, знавший не только типографское дело, но и другие ремесла: он отливал колокола, рыл колодцы, был переплетчиком. Он был автором сочинения «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки», которое после него осталось в рукописи и хранится в Московской Оружейной палате (через полтораста лет в 1777—1781 годах его опубликовал в двух частях В. Г. Рубан). В открытой им типографии Радишевский напечатал две книги: «Евангелие» (29 июня 1606 года) и «Устав церковный» (25 апреля 1610 года). Книги, выпущенные Радишевским, хорошо оформлены, они напечатаны в листовом формате, крупным шрифтом красивого рисунка. Перед началом каждого евангелия помещено изображение соответствующего евангелиста. Заставки составлены из растительного орнамента тончайшего узора и выполнены гравюрой на дереве с большим искусством. Богато украшенная страница из «Евангелия» печати Радишевского показана на рис. 55. «Устав церковный» — это огромный фолиант объемом в 1256 листов. Печатался он более трех лет. Когда «Устав церковный» был напечатан, высшие церковные власти обвинили Радишевского в искажении некоторых статей, вследствие чего «Устав» был сожжен.

§ 65. ПЕЧАТНИК Н. Ф. ФОФАНОВ

Печатник Никита Федорович Фофанов начал свою деятельность на Печатном Дворе в 1609 году, в самый разгар крупных исторических событий. Однако те события общественной жизни,

Рис. 55. Страница из «Евангелия» печати Онисима Радишевского (Москва, 1606)

которые происходили в начале XVII века, — смена правителей, крестьянская война под руководством Болотникова, наконец, польская интервенция, — не находили отражения в печатной книге. В послесловиях книг в одинаковых выражениях высказывалась хвала и царю Борису, и самозванцу Лжедимитрию, и Василию Шуйскому. Таким образом, печатники как будто стараются умолчать о событиях, свидетелями которых они являлись. Объясняется это тем, что типография была правительственная и в послесловиях ее книг находили отражение исключительно интересы правящих классов, не стремившихся зафиксировать исторические события в печати. Исторические события записывались в многочисленных рукописных повестях и сказаниях, отражавших интересы широких народных масс.

В период оккупации Москвы поляками типография Никиты Фофанова первое время продолжала работать. В марте 1611 года во время восстания населения Москвы против интервентов вспыхнул пожар, продолжавшийся три дня; сгорел и Печатный Двор. После этого Фофанов уехал из Москвы в Нижний Новгород и там создал новую типографию. Средства на организацию типографии, повидимому, были даны нижегородским ополчением. До последнего времени не было известно ни одной книги, напечатанной Фофановым в Нижегородской типографии, но в 1925 году в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина была обнаружена печатная тетрадь (брошюра) из 6 листов (12 страниц) форматом в лист, в конце которой сказано, что она напечатана в Нижнем Новгороде. Эта тетрадь, повидимому, предназначалась в качестве послесловия к какой-то церковной книге, которую не успели отпечатать. В брошюре содержатся сведения относительно возникновения типографии в Нижнем Новгороде, а также освещаются текущие события, волнующие автора. Так, Никита Фофанов рассказывает в послесловии о нашествии поляков и литовцев на русскую землю, о причиненном ими разорении и в заключение выражает свою радость по поводу освобождения родины от врагов. Брошюра является первой русской печатной книгой, имеющей политическое содержание. Напечатана она была в 1613 году, вскоре после освобождения Москвы. После напечатания этой книги Фофанов возвратился в Москву и начал восстанавливать Московскую типографию.

Первой книгой, напечатанной Фофановым в Москве после изгнания иноземцев, была «Псалтирь». Начал ее печатать Фофанов 5 июня 1614 года, а закончил 6 января 1615 года. Напечатана она шрифтом, привезенным из Нижнего Новгорода. В начале на отдельном листе изображен царь Давид (гравюра на дереве). В конце книги — обширное послесловие, в нем Фофанов сообщает о возобновлении работы на Печатном Дворе и рассказывает о событиях, пережитых его родиной за последние годы; написано оно свойственным Фофанову витиеватым стилем.

§ 66. МОСКОВСКИЙ ПЕЧАТНЫЙ ДВОР

Одним из первых мероприятий правительства после освобождения Москвы от интервентов было возобновление книгопечатания. Царь Михаил Федорович «повеле строити трудолюбное сие преславное дело, новую штанбу, сиречь печатных книг дело», как сказано в одной рукописной книге того времени. Типографию оборудовали вначале в Кремле, затем приступили к постройке нового здания, причем мастерà Никита Фофанов и другие жертвовали на эту постройку деньги. Эти затраты были им впоследствии возмещены правительством. Новая типография была построена на бывшей Никольской улице и носила название Печатный Двор. Как по количеству выпускаемых книг, так и по оборудованию она могла соперничать с большими европейскими типографиями. Выпускала типография исключительно книги литургические, то есть предназначенные для церковной службы.

Печатный Двор имел несколько отделений, так называемых «изб». Во главе каждой «избы» стоял мастер с помощниками; организован труд на Печатном Дворе был своеобразно. В то время как во многих ремеслах в XVII веке существовало разделение труда, в типографском производстве его почти не применяли. Мастер каждой «избы» имел свои типографские материалы — шрифты, гравированные доски и др., и эти материалы никогда не смешивались с материалами других «изб». Жалованье получали мастера по «избам» за весь комплекс работы; но в то же время существовали рабочие, обслуживавшие весь Печатный Двор.

С середины XVII века начинают выходить книги научного и учебного содержания — так называемые «светские» книги, в отличие от «церковных». Первой светской книгой была «Азбука», составленная и напечатанная Василием Федоровичем Бурцевым в 1634 году; Василий Бурцев, один из мастеров Печатного Двора, имел звание «подьячий азбучного дела», то есть являлся чиновником, который обязан был вести наблюдение за изданием азбук. В «Азбуке» помещены упражнения, необходимые для обучения чтению. Бурцев — первый печатник, который ввел в книгу отдельные титульные листы.

Вторая книга светского содержания — перевод немецкого руководства по военному делу «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей»; закончили книгу печатать 26 августа 1647 года. Книга листового формата, имеет красивый титульный лист, нарисованный с большим талантом русским художником Григорием Благушиным. Как титульный лист, так и приложенные к книге 35 таблиц гравированы на меди и по личному распоряжению царя Алексея Михайловича заказаны в Голландии. На таблицах изображены стратегические и тактические схемы военных действий. «Учение и хитрость ратного строения пехотных

людей» — первая русская книга, украшенная гравюрами глубокой печати. В технике вырезывания на дереве московские мастера достигли высокого совершенства, что видно в искусной и сложной композиции книжного орнамента; технику гравюры на металле только что начали применять. Между прочим, на гравированном титульном листе стоит дата 7157, то есть 1649, тогда как печатание текста было закончено еще в 1647 году. Это расхождение в датах, вероятно, объясняется тем, что изготовление таблиц в Голландии сильно задержало выпуск в свет книги, отпечатанной в Москве. На рис. 56 дан снимок страницы из книги «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». Латинские буквы и арабские цифры в тексте впечатывались особыми штемпелями, так как их не было в шрифте.

Рис. 56. Страница из книги «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (Москва, 1647)

В 1648 году в Москве напечатана «Грамматика славянская» Мелетия Смотрицкого, одного из крупнейших ученых юго-западной Руси, вышедшего из Острожской Академии. Этот научный труд до наших дней сохраняет значение как источник для изучения истории русского языка. Первое издание «Грамматики славянской» Мелетия Смотрицкого появилось в маленьком городе Евье, неподалеку от Вильнюса, в 1619 году. Московское издание «Грамматики» дополнено по сравнению с первым изданием; предисловие к нему написал киевский митрополит Петр Могила.

В 1649 году напечатано «Уложение царя Алексея Михайловича» — первый печатный свод законов, получивший особую известность вследствие того, что в нем содержится закон об окончательном прикреплении крестьян к земле. «Уложение» позднее перепечатывалось еще два раза с указанием тех же выходных данных; как видно, в нем была большая потребность.

С начала царствования Алексея Михайловича и до конца XVII века книги светского содержания появляются редко; в основном Печатный Двор попрежнему выпускал богослужебные книги, предназначенные для нужд церкви.

§ 67. ИСПРАВЛЕНИЕ ЦЕРКОВНЫХ КНИГ И РАСКОЛ

В текстах церковных книг, которые сначала переписывались, а потом перепечатывались, содержалось много ошибок, и это болезненно ощущалось всеми образованными людьми, причастными к книжному делу. В середине XVII века московский патриарх Никон, крестьянин по происхождению, человек высокоодаренный и просвещенный, а также отличавшийся несгибаемой волей и огромной настойчивостью в достижении намеченных целей, решил произвести систематическое и коренное исправление церковных книг и внести соответственные изменения в богослужение. Реформа Никона, хотя и не затрагивавшая основных устоев религии, вызвала бурный протест со стороны части духовенства, к которой примкнула и часть населения, главным образом из среды крестьянства, купечества и посадских людей. Движение это, впоследствии получившее название старообрядчества или раскола, начавшись с протеста против чисто формальных изменений в книгах и обрядах, сначала носило консервативный характер. Однако с течением времени оно усложнялось и расширялось, вовлекая новые слои населения, недовольного церковным и общественным строем, и таким образом принимало характер политической борьбы.

Старообрядчество вызвало появление целого потока полемической литературы. Противник реформы Никона фанатик протопоп Аввакум обладал большим литературным талантом. Его послания и особенно написанная им автобиография «Житие» усердно переписывались и распространялись старообрядцами. Государственная церковь также напечатала сочинение «Жезл правления», направленное против раскола. Написано оно Симеоном Полоцким. В XVII веке раскольники не имели возможности использовать типографский станок как средство борьбы за свои убеждения, несмотря на то, что Аввакум хорошо знал типографское производство и до расхождения с никонианцами состоял при Печатном Дворе «справщиком», то есть корректором. Раскольники не признавали книг, напечатанных после никоновской реформы, и пользовались в своих церквах либо книгами старой печати, либо рукописями. Позднее старообрядцам пришлось создавать печатные книги по старым образцам; с этой целью они стали устраивать во второй половине XVIII века собственные типографии, которые строго преследовались правительством. Книги, вышедшие из таких тайных типографий, часто имели сознательно сделанные неверные указания на место их печатания. В некоторых книгах-перепечатках оставлялись дословно старые выходные сведения, и только по бумаге и по шрифтам можно определить, что они являются подделкой позднейшего происхождения.

Официальная церковь тоже прибегла к ловкому приему для того, чтобы быстро и просто отличать исправленные книги от неисправленных, а именно: она уничтожила все старые орнамен-

тальные украшения и сделала новые деревянные доски для заставок. Во всех рисунках новых заставок обязательно имелся маленький крест, который давал возможность священнику, даже и не очень разбиравшемуся в тонкостях редакционных поправок, сразу отличить книгу послереформенную от старой.

§ 68. «ВЕРХНЯЯ» ТИПОГРАФИЯ

Около 1680 года в Москве открылась еще одна типография, точнее говоря, она выделилась из Печатного Двора и пользовалась его типографским материалом. Эта типография называлась «Верхней», то есть царской, или дворцовой. Устроил ее известный писатель Симеон Полоцкий; в ней он печатал свои сочинения и другие литературные работы. В 1680 году из «Верхней» типографии вышли две книги, великолепно оформленные.

Первая — «Повесть о Варлааме и Иоасафе», перевод греческого текста. Эта повесть пользовалась в России широким распространением в рукописных списках; напечатана она была впервые в Кутеинском монастыре близ города Орши 22 июля 1637 года. Симеон Полоцкий заново переработал и издал этот перевод. На фронтисписе изображены два героя повести, сидящие в доме, из окна которого видна улица города. Рисунок для фронтисписа сделан знаменитым художником и иконописцем Симоном Ушаковым; гравировал его на меди Афанасий Трухменский. Оба художника поставили под гравюрой свои подписи. Композиция всей сцены, тонкий рисунок, прекрасное распределение света и тени, подчеркнутое искусным гравером, — все это свидетельствует о том, что гравюра представляет собой незаурядное произведение искусства (рис. 57).

Вторая книга — «Псалтирь», переложенная силлабическими стихами Симеоном Полоцким, снабжена фронтисписом, изображающим царя Давида. Рисунок сделан также Симоном Ушаковым.

В «Верхней» типографии Симеона Полоцкого был изготовлен станок, предназначенный для печатания гравюр глубокой печати. На этом станке печатались иллюстрации к книгам Симеона Полоцкого.

§ 69. РУКОПИСНАЯ КНИГА

Чтобы понять культурную жизнь народа в период существования феодально-абсолютистской монархии, недостаточно ознакомиться с печатной книгой. Правительство нуждалось исключительно в книгах церковно-служебных и в очень ограниченном количестве — в светских книгах, необходимых для обслуживания узкого придворного круга. Так как типография принадлежала государству, то она выполняла исключительно заказ двора; условий для развития частной инициативы и для создания частных

Рис. 57. Гравюра из книги «Повесть о Варлааме и Иоасафе» (Москва, 1681)

типографий в то время не имелось. Понятно, что ничтожное количество печатных книг научного содержания никак не могло удовлетворить все растущую потребность населения в книге. Поэтому в XVI—XVII веках продолжала преобладать рукописная книга, производство ее непрерывно увеличивалось. В 30-х годах XVII века при царском дворе возникла рукописная газета «Куранты». Для этой газеты выбирали из иностранных газет интересные известия, переписывали их в нескольких экземплярах для царя и придворных.

В 1687 году в Москве открылось высшее учебное заведение — Славяно-греко-латинская академия. Основателями ее и учителями являлись два брата — Софроний и Иоанникий Лихуды. Преподавание по тому времени было поставлено серьезно, и из Академии вышел ряд хорошо образованных людей. Все учебники, за исключением «Грамматики славянской» Мелетия Смотрицкого и «Греческой грамматики» львовской печати, были рукописные, в основном их составили те же братья Лихуды. Государство, а главным образом патриарх, в подчинении которого находилось книжное дело, еще не пришли к мысли о типографском способе печатания учебников. Заслуга эта принадлежит только Петру I.

В XVII веке в русской литературе появляется много замечательных произведений — повестей, сказаний, посланий, сказок; существовала большая и переводная литература.

В конце XVII века возникает бытовая повествовательная литература, в некоторых произведениях ее можно обнаружить критику церковной идеологии; выражалась эта критика в сатирическом изображении церковных служителей. В кремлевском дворце существовал даже театр, для которого писались пьесы. Одной из наиболее популярных была пьеса, называемая «Притчей о блудном сыне», сочиненная Симеоном Полоцким. В напечатанном виде с медных досок вместе с гравюрами эта пьеса появилась только в XVIII веке.

Среди научной и учебной рукописной литературы, ходившей по рукам в XVII веке, видное место занимали исторические сочинения — летописи и описания исторических событий, а также описания путешествий. В интересной рукописи, сохранившейся до наших дней, — «Сказании известно о воображении книг печатного дела» — рассказывается об истории первых московских типографий, описание событий доводится до пребывания печатника Фофанова в Нижнем Новгороде и восстановления Московской типографии.

§ 70. КНИЖНОЕ ДЕЛО НА УКРАИНЕ И В БЕЛОРУССИИ В XVII ВЕКЕ

На Украине в XVII веке возросло количество мест, где печатались книги. Главнейшими центрами книгопроизводства являлись Львов в западных областях Украины и Киев в восточных

областях. После переезда Ивана Федорова в Острог Львовское братство долго не имело возможности печатать книги, потому что типография, устроенная Иваном Федоровым, была заложена. Лишь с 1591 года, когда Львовское братство выкупило типографию, книги начинают выходить регулярно.

Первая типография в Киеве была учреждена при Киево-Печерской лавре в 1616 году. Руководимая образованными людьми из высшего духовенства, Киевская типография выпускала издания более разнообразного содержания, чем Московская. Она не ограничивалась выпуском литургических книг, а печатала литературные работы, церковно-полемические статьи, а также книги на латинском и польском языках. В борьбе с католической и униатской церквами православная украинская церковь отстаивала как свою независимость, так и национальную культуру своего народа. Этим объясняется появление антикатолической и антиуниатской литературы.

Наибольшего расцвета достигла типографская деятельность Киево-Печерской лавры в то время, когда во главе ее стоял высокообразованный киевский митрополит Петр Могила. Издания типографии Киево-Печерской лавры этого времени отличаются высоким качеством редакции текста и прекрасным оформлением. Особенностью украинских изданий являются многочисленные иллюстрации, исполненные гравюрой на дереве и фактически раскрывающие содержание текста. Оформление книг находилось скорее под западным, в частности польским, влиянием, чем под московским. Однако киевские художники-графики и граверы внесли и собственный вклад в украшение книги. Ярко проявляется в киевских изданиях влияние народного украинского искусства. Свойственная украинскому народу любовь к украшениям, орнаментированию, краскам, проявляющаяся во многих областях народного творчества, отразилась и на оформлении книги. Создавая рисунки даже на религиозные сюжеты или давая на титульном листе ряд отдельных картин, художник старался непременно ввести в них изображения цветов. Иногда гирлянда цветов или дерево с раскинувшимися ветвями как бы охватывает отдельные части рисунка и объединяет их в одну композицию.

В противоположность московским художникам книги, никогда не ставившим на гравированных досках своих имен, украинские художники, наоборот, всегда подписывали свои гравюры. Одним из наиболее талантливых и плодовитых художников книги на Украине в XVII веке был мастер, подписывавшийся только именем — Илия. Гравюры мастера Илии широко известны, они вызвали много подражаний и проникли в московские издания. Гравюра мастера Илии из книги «Патерик» 1661 года, изображающая приезд художников-иконописцев в Киево-Печерскую лавру, показана на рис. 58. После воссоединения Москвы и Украины можно видеть, как украинское искусство книги отразилось

в московских изданиях. В украшении московских книг появляются так называемые «лицевые» изображения, сцены, сюжетная иллюстрация. Строгий растительный орнамент московских изданий обогащается, в него проникают разнообразные элементы животного орнамента и цветы, взятые как бы прямо с цветущих лугов Украины.

В Белоруссии, где коренное население подвергалось угнетению, славяно-русские типографы постоянно преследовались со стороны католического духовенства, стремившегося ополячить белорусов. Русские типографии возникли в нескольких местах Белоруссии и Литвы, но количество изданий, вышедших на территории Белоруссии в XVI—XVIII веках, крайне ограниченно. Крупнейшей печатней была Братская типография в Вильнюсе. В 1610 году здесь напечатана книга «Плач восточной церкви» — сочинение Мелетия Смотрицкого. Эта книга вызвала недовольство католиков, так как в ней содержались антикатолические высказывания. Польский король Сигизмунд III приказал книгу сжечь, печатников посадить в тюрьму, а шрифт у них отобрать. Все это было исполнено, но шрифт и типографское оборудование удалось переправить в монастырь Евье поблизости Вильнюса, где и продолжалось печатание церковных и небольшого количества учебных книг. Здесь и вышло первое издание «Грамматики» Мелетия Смотрицкого, о котором говорилось выше.

Рис. 58. Гравюра мастера Илии из книги «Патерик» (Киев, 1661)

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

КНИГА В ПЕРИОД ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

§ 71. КНИГОПЕЧАТАНИЕ В РОССИИ В КОНЦЕ XVII И НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

Ни в одну из всех предшествующих эпох производство печатной книги так ярко не отражало общественно-политических условий жизни страны, как это было в период на рубеже XVII и XVIII веков.

Необходимость выхода к морским путям для включения страны в общеевропейскую торговлю была настоятельной потребностью того исторического момента. Петр I сумел осознать эту

неотложную потребность и начал проводить ряд преобразований в стране, вызвавших глубокие изменения во всех областях общественной жизни. Книжное дело также претерпело значительный сдвиг — начался переход от консервативной церковно-служебной книги к книге, призванной удовлетворять потребности нового государства. Северная война между Россией и Швецией за выход к морю, продолжавшаяся в течение 21 года, потребовала значительных улучшений в военном деле. Так появился спрос на военно-техническую литературу. Нужны были также учебники по всем отраслям знаний и научная литература. Создать такую принципиально новую книгу Московской типографии, привыкшей к однообразному церковному книгопроизводству, было трудно, так как и типографская техника, и оборудование, и даже шрифты этой типографии к этому времени настолько устарели, что они уже не отвечали новым требованиям жизни и поэтому не могли быть поставлены на службу решения новых задач.

В конце XVII века и в начале XVIII Московская типография выпустила несколько учебников нового образца. Сначала вышли два букваря: первый из них составлен Карионом Истоминым, гравирован на меди Леонтием Буниным и появился в 1694 году. В букваре в художественной форме изображены предметы обихода, названия которых начинаются на соответствующую букву. Сами буквы даны во всевозможных графических начертаниях, печатных и рукописных, русских, латинских и греческих (рис. 59). Второй букварь, сочиненный директором типографии Федором Поликарповым, вышел в 1701 году и предназначался для повышенной подготовки; в нем изложены основы латинского и греческого языков. Букварь иллюстрирован гравюрами на дереве, две из которых изображают школу.

В 1703 году вышел в свет учебник по математике, составленный Леонтием Магницким. Книга эта, скромно названная «Арифметикой», представляла собой энциклопедию современных знаний в области арифметики, алгебры, геометрии и тригонометрии. В этом учебнике впервые применялись арабские цифры; до этого времени в московских книгах употреблялась исключительно буквенная система цифр (греческая). По мнению церковников, державших в своих руках все книгопроизводство и просвещение, употребление арабской системы цифр было ересью. Впереди текста помещалась гравюра на меди с изображением двух великих греческих ученых — Архимеда и Птоломея; выполнена эта гравюра русским мастером Михаилом Карновским. На первой странице перед текстом другая гравюра, представленная на рис. 60. На ней изображена символическая фигура Арифметики с ключом от храма знания в руке.

В том же году Л. Магницкий вместе с другими преподавателями вновь открытой в Москве Навигацкой школы составили и издали «Таблицу логарифмов».

Рис. 59. Страница с буквой А из «Букваря» Кариона Истомина (Москва, 1694)

Арїѳметїка, практїка

или дѣятелная.

Что есть арїѳметїка;

Арїѳметїка или числителница, есть художество честное, независтное, и всѣмъ удобопонятное, многополезнѣйшее, и многохвалнѣйшее, ѿ древнѣйшихъ же и новѣйшихъ, въ разная времена явлшихся изряднѣйшихъ арїѳметїкωвъ, изωбрѣтенное, и изложенное.

Колико сугуба есть арїѳметїка практїка;

Есть сугуба.

1 Арїѳметїка политїка, или гражданская.

2 Арїѳметїка логїстика, не ко гражданству токмω, но и къ движенїю небныхъ круговъ принадлежащая.

Рис. 60. Первая страница с заставкой из «Арифметики» Леонтия Магницкого (Москва, 1703)

§ 72. ПЕРВАЯ ПЕЧАТНАЯ ГАЗЕТА «ВЕДОМОСТИ»

2 января 1703 года в Москве начала выходить первая печатная газета «Ведомости», заменившая рукописную газету «Куранты». Полное название газеты, обозначенное на особом титульном листе, было: «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти случившихся в Московском государстве и в иных окрестных странах». В газете помещались сообщения о внутриполитических событиях, например о расширении торговли, о постройке заводов, об открытии новых полезных ископаемых и т. д. Широко освещался ход Северной войны. В «Ведомостях» приводились наиболее важные сведения из иностранных газет, которые получались при дворе Петра I в большом количестве. Обыкновенно в иностранных газетах царь самолично отчеркивал те места, которые следовало перевести и поместить в «Ведомостях». Газета выходила нерегулярно, по мере накопления материала; в 1703 году вышло 39 номеров. По внешности она представляла собой маленькую тетрадку (16×10 *см*) в 8—16 страниц (рис. 61). Тираж «Ведомостей» не являлся постоянным; он зависел от важности сообщаемых известий: иногда печаталось только 100 экземпляров, а в некоторых случаях тираж газеты увеличивался до 3 тысяч экземпляров. Издавалась газета до 1727 года. «Ведомости» дают очень ценный материал для изучения истории и культуры России в первой половине XVIII века.

Рис. 61. Номер «Ведомостей» 1703 года

§ 73. ГОЛЛАНДСКИЕ ГРАВЕРЫ В РОССИИ

В 1697 году во время заграничной поездки Петр I завел знакомство со многими учеными Голландии, осматривал ее музеи, знакомился с состоянием техники в разных областях. Между прочим, он обратил внимание и на искусство гравирования на меди. Хотя в России имелись такие мастера, не уступавшие по

своему искусству голландцам, как, например, уже упоминавшиеся Афанасий Трухменский, Леонтий Бунин и другие, но их было мало. Петр I решил пригласить в Москву голландских мастеров. Среди них находился художник из Амстердама Адриан Схонебек, у которого учился гравированию сам Петр. Предлагая услуги московскому царю, Схонебек перечислил, какого рода работы он берется выполнять: «...истории, персоны, ланшаны (ландшафты), строения, земные и морские карты, знаменить (то есть отделывать)

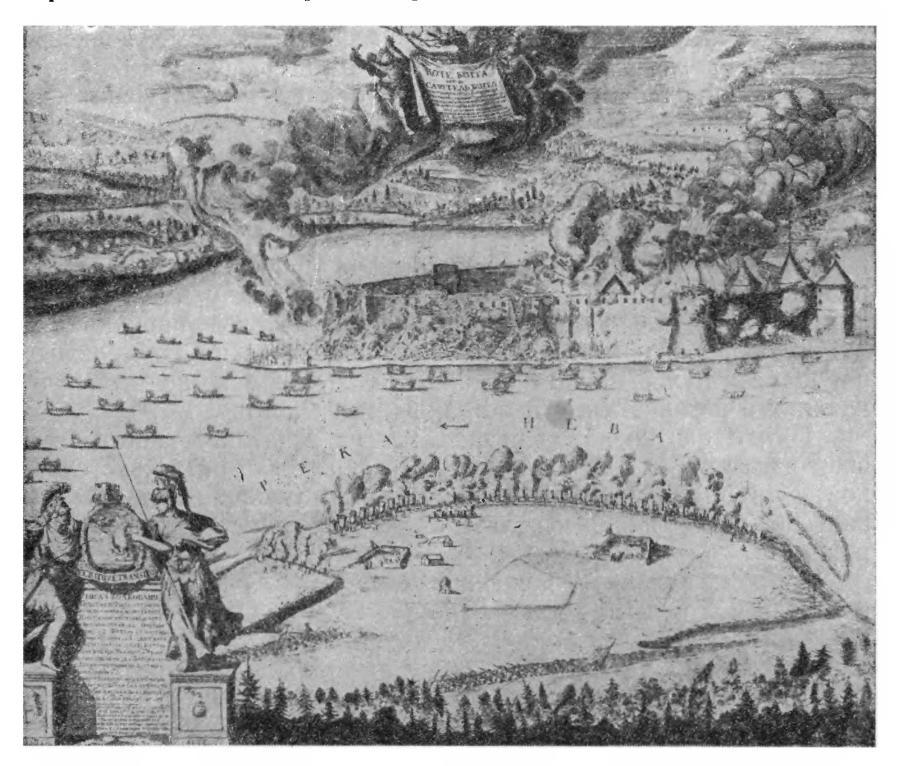

Рис. 62. «Взятие Шлиссельбурга». Гравюра А. Схонебека (1704)

улицы, крепости и домы, печатать указы, сочинять рисунки для огнестрельных потех ... и иные дела, которые по власти случая приключиться могут». В 1698 году Схонебек приехал в Москву, и ему было предложено немедленно приступить к обучению своему искусству молодых художников. Это обучение дало блестящие результаты: вскоре в книгах начали появляться прекрасные гравюры, выполненные молодыми русскими мастерами. Большая заслуга Схонебека состояла в том, что он выполнил ряд географических карт, необходимых в связи с Северной войной и задуманными в стране преобразованиями. Так, в промежуток времени от 1700 до 1704 года он сделал карты морей, областей,

входивших в районы военных действий, выгравировал и отпечатал некоторые планы неприятельских крепостей, взятых русскими войсками. Схонебек награвировал также много портретов современных деятелей и отдельных листов видов, планов, батальных сцен, из которых наибольшей известностью пользуется изображение взятия Азова. Для изучения истории развития русского шрифта важное значение имеют надписи, сделанные на его картах. Они написаны шрифтом нового рисунка, сходным с созданным через несколько лет «гражданским» шрифтом. Начертания букв Схонебек заимствовал, вернее всего, с русских рукописных образцов. Гравюра Схонебека «Взятие Шлиссельбурга» 1704 года показана на рис. 62. Гравированная надпись «Река Нева» сделана буквами нового рисунка (гражданскими).

§ 74. РУССКИЕ ТИПОГРАФИИ В АМСТЕРДАМЕ

Голландия в XVII веке являлась центром европейского книгопроизводства. Уже клонившаяся к упадку фирма Эльзевиров все еще продолжала снабжать европейских ученых научной книгой. Научные книги голландских издателей проникали и в Россию, но они могли обслуживать лишь узкий круг ученых; ощущалась нужда в научной книге на русском языке для начинающих и незнакомых с иностранными языками.

Петр I охотно давал разрешение на печатание книг на русском языке в Голландии. Однако это дело было настолько сложное и трудное, что первый издатель, получивший такую «привилегию», так и не использовал ее, не напечатав ни одной книги.

Второй голландец, пожелавший печатать книги на русском языке, был купец Ян Тессинг. Тессинг не знал ни русского языка, ни типографского дела, но ему посчастливилось найти такого талантливого человека, который мог выполнять все работы, связанные с редактированием и изданием русских книг. Это был поляк Илья Федорович Копиевич, или Копиевский, знавший русский, греческий и латинский языки. Первоначально он занимался обучением присланных Петром в Голландию русских, а затем стал издателем и фактическим руководителем типографии Яна Тессинга. Трудно себе представить, как удалось Копиевскому в тех условиях издать около 20 книг на русском языке. Он не располагал даже текстами, которые можно было бы издать, кроме его собственных работ. Копиевский усердно принялся за составление книг — переводил, компилировал, сочинял. Конечно, по содержанию его книги далеки от совершенства, но следует принять во внимание те условия, в которых они создавались. Еще до начала работы у Тессинга Копиевский занимался переводами по поручению Петра I, а также по заказу русских, живших в Амстердаме. Эти книги удалось теперь напечатать. Первая книга, вышедшая из типографии Тессинга — «Введение краткое

во всякую историю» (1699). В книге сокращенно излагалась история начиная с библейских времен и кончая Римской империей; далее следовали хронологические таблицы и краткие сведения из географии. Предисловие составлено Копиевским в духе «пропаганды науки». Он наивно пытается обосновать необходимость знаний вообще и практическую пользу от знания истории; так, например, по его мнению, изучая Юлия Цезаря, легче одержать победу над врагом. Автор предисловия утверждает даже, что чтение истории излечивает болезни; в доказательство приводится пример сицилийского короля Фердинанда, который был так болен, что врачи отказались лечить его, и выздоровел он только потому, что слушал чтение вслух Римской истории Тита Ливия.

В 1700 году Тессинг получил от Петра I «привилегию» на печатание русских книг и на ввоз их в Россию. Эта «привилегия» давала возможность развивать обширную издательскую деятельность. Тессингу дозволялось печатать: «земные и морские картины, и чертежи, и листы, и персоны (портреты), и математические, и архитектурные, и градостроительные, и всякие ратные и художественные книги на славянском и латинском языках вместе, тако и на славянском и голландском языком по особну, от чего б русские подданные много службы и прибытка могли получити и обучитися во всяких художествах и ведениях». Далее в грамоте, данной Тессингу, указывалось, что книги церковные будут печататься в Москве, а также ставилось условие, что Тессинг не будет печатать книги, в которых каким бы то ни было образом затрагивались интересы или достоинство России и ее правительства. В грамоте Тессингу давалось право продавать в России напечатанные им книги, ввозя их через Архангельск, и предусматривались льготы по ввозной пошлине.

Тессинг и Копиевский недолго работали вместе. В одном из своих изданий 1700 года Копиевский сообщает, что завел отдельную типографию, и добавляет, что не хочет говорить о «неразумных типографах», которых он обучал, но из-за их неумелости перенес много огорчений, — явный намек на Тессинга. Из книг, напечатанных Копиевским совместно с Тессингом, а затем самостоятельно или в компании с другими издателями, особенного внимания заслуживают следующие: два словаря — латинско-русско-немецкий и латинско-русско-голландский (1700) — книги, необходимые для обучающихся за границей русских юношей; «Латинская грамматика» (1700); «Притчи Эсоповы» (1700) — перевод басен греческого баснописца Эзопа, в этой книге помещена известная поэма о войне мышей и лягушек, приписываемая Гомеру; книга эта напечатана параллельно на русском и латинском языках и иллюстрирована большим количеством гравюр; «Книга учащая морского плавания» (1701) — первая печатная книга по навигации. Кроме приведенных выше книг был напечатан ряд других руководств, имеющих практическое значение.

чи. Эссоповы Притчи.

к҃ѳ.

Волкъ и Журавен

Волку егда кость увя-
зе въ горлѣ, обѣща
мзду жоравию, аще вложи-
вши главу, кость изыме-
тъ, онже яко долгошии
есть, изтя кость, и на-
ча мзды просити, онъ по-
смѣвався, и остря зубы,
рече, годѣ тебѣ есть, та
едина мзда, яко от устъ
волковыхъ, здраву главу
свою изялъ еси.

при

Рис. 63. «Басни Эзопа» (Амстердам, 1700)

На рис. 63 дан разворот из амстердамского издания «Басен» Эзопа с известной басней «Волк и Журавль» и иллюстрацией к ней.

Почти все издания Тессинга и Копиевского представляют собой небольшие по формату и по объему книжечки. Напечатаны они кириллицей, но с некоторыми изменениями: значительно уменьшено число сокращений и введены некоторые буквы из латинского шрифта. Шрифты типографий Тессинга и Копиевского сходны между собой по рисунку, однако на этом основании нельзя заключать, что это была та же типография, которая перешла из одних рук в другие — это были две разные типографии, имевшие свою дальнейшую историю. Издания Тессинга имеют большую типографскую марку, составленную из его инициалов.

§ 75. СОЗДАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ШРИФТА

Полного развития русское книгопечатание достигло только после введения нового, так называемого гражданского шрифта. Уже в амстердамских изданиях кирилловский шрифт имел предельно упрощенный рисунок, но было очевидно, что никакими упрощениями нельзя приспособить церковный шрифт для книг научного содержания. С неизбежностью встал вопрос о создании шрифта более простого рисунка и более близкого к общему характеру европейских шрифтов. Опыты в этом направлении продолжались несколько лет; личное участие Петра I в выработке нового шрифта подтверждается многими документами. Так, например, директор Московской типографии Федор Поликарпов говорил об участии Петра I следующее: «Своим неусыпным тщанием изволил изобрести абецедал или азбуку, которая и до днесь в гражданских всяких делах действует». Некоторые ученые утверждали, что рисунок гражданского шрифта был основан на графических формах латинских шрифтов. Однако тщательное изучение рукописного материала той эпохи показывает, что художник, создавший рисунок нового шрифта, пользовался современными ему русскими рукописными образцами, а также и теми образцами шрифта, которые встречались в надписях на географических картах 1701—1704 годов. Из латинского шрифта были взяты только две буквы: п и т; п — представляло собой латинскую букву n, а т — латинскую букву m; но и эти буквы употреблялись в новом шрифте всего около года и были заменены буквами с прямыми углами, более свойственными русскому рукописному шрифту.

Новый гражданский шрифт прибыл из Голландии в 1707 году вместе с новым оборудованием для типографии и иностранными мастерами. Приехал в Москву и Копиевский, возможно, принимавший участие в выполнении рисунка нового шрифта. В том же 1707 году шрифты изготовлялись и в России; московский

словолитец Михаил Ефремов спешно гравировал пунсоны и отливал литеры по рисункам нового шрифта. Шрифт был передан Печатному Двору. На рис. 64 показан самый ранний образец гражданского шрифта, относящийся, повидимому, к 1707 году. Некоторые буквы были впоследствии изменены. С первого же года введения гражданского шрифта началось усиленное производство

Вѣдомость.

Въ прешедшемъ 1706 году. По повелѣнію его царскаго величества, на вышнѣмъ волочкѣ здѣлана перекопь ради судоваго хожденія. И нынѣ тою перекопью проведено изъ казани съ волги во мстино озеро нѣсколко судовъ морскихъ длиною ста дватцети футовъ, широтою тритцати пяти футовъ, глубиною шести футовъ, а проведены тѣ суды безъ всякаго препятія, отъ чего есть добрая надежда, что и впредь будетъ великимъ суднамъ свободной ходъ тамо, гдѣ прежде ни когда воды было.

Рис. 64. Образец гражданского шрифта Московской типографии

книг, практически необходимых как для новых школ, так и для выполнения новых задач, поставленных правительством. Первая книга, напечатанная гражданским шрифтом, — «Геометрия словенски землемерие» (март, 1708), перевод распространенного на Западе учебника геометрии. Чертежи исполнены гравюрой на меди; все издание характеризует высокий уровень типографского выполнения. Вторая книга носила название «Приклады, како пишутся комплементы разные» (апрель, 1708) — примеры, как надо

писать вежливые письма. В июле того же года вышла третья книга, открывшая собой ряд изданий технической литературы. Это пособие называлось «Книга о способах, творящих водохождение рек свободное» (рис. 65). Петр I для краткости назвал ее «слюзная (шлюзная) книга», так как в ней отведено большое место вопросам устройства шлюзов; через два года она вышла вторым изданием. Еще в 1708 году выпущен перевод сочинения Боргсдорфа

ПРЕДІСЛОВІЕ.

какъ пособить всякоі препонѣ отъ вышереченныхъ, по томъ являются махины угоднѣйшие.

На концѣ сея книгі есть нѣчто велмі нужное къ потопамъ і разліванию рѣкъ, такожъ есть нѣсколко махінъ, которые употребляють въ галандіі радi чищения прістаницъ, есть еще описано о способахъ како вытаскiвать корабли на дно потопленные, і какъ товары спасти, і уберечь, якоже о сіхъ всѣхъ способахъ въ послѣдующихъ главахъ читающему явлено будетъ.

[1]

О СПОСОБАХЪ, ТВОРЯЩІХЪ ВОДОХОЖДЕНІЕ РѢКЪ СВОБОДНОЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Которая употреблена въ раздѣлепие всеі сеі книгѣ, і толкуетъ расположение, которое здѣ держатъ, такожъ матерii, которые описують.

А бы послѣдствовати чінъ меѳодически, ілі способноі въ разборѣ сея кніги, представляютъ, что противности, ко-

О спо- А торые

Рис. 65. Разворот из «Книги о способах, творящих водохождение рек свободное» (Москва, 1708)

«Побеждающая крепость». В следующем году объем работы типографии расширился: гражданским шрифтом было напечатано уже 14 книг, большинство из них является руководствами по военному делу.

В 1709 году вышла первая книга по художественной словесности — повесть латинского средневекового писателя Гвидо делле Колонне «История... о разорении фригийского города Трои», сюжет ее заимствован из греческих эпических сказаний. Эта повесть, прежде ходившая в рукописных переводах, напечатана на древнерусском языке согласно рукописным спискам. Все эти книги напечатаны на плотной бумаге; многие снабжены чертежами и таблицами, выполненными глубокой печатью.

Первый гражданский шрифт не остался без изменений. В 1710 году в него введены буквы с несколько измененным рисунком. В первую очередь из шрифта исключают буквы п и т с закруглениями, свойственными латинским n и m, заменяют их

буквами, имеющими прямые углы. Затем из шрифта исключают два начертания для буквы з и, наоборот, вводят два начертания буквы **и**. Окончательный рисунок гражданского шрифта был утвержден Петром I в 1710 году. На поданных Петру I образцах типографских шрифтов, где были оттиснуты все рисунки букв и кирилловского и гражданского шрифта, Петр I собственноручно вычеркнул все кирилловские буквы, а также рисунки буквы п и т, носящие характер латинского шрифта. На тетради с образцами он сделал надпись: «Сими литерами печатать художественные и манифактурные (технические. — *Е. К.*) книги, а тех, кои подчернены, в вышеуказанных книгах не употреблять». Этим распоряжением Петр I закрепил за научной книгой гражданский шрифт, оставив церкви право печатать свои книги попрежнему кириллицей.

§ 76. НАЧАЛО КНИГОПЕЧАТАНИЯ В ПЕТЕРБУРГЕ

В 1711 году царь дал приказ перевезти гражданскую типографию со всем оборудованием и мастерами в Петербург; туда же перенесли и издание газеты «Ведомости». Впрочем, в тех случаях, когда хотели распространить газету шире, ее печатали увеличенным тиражом одновременно и в Петербурге и в Москве. «Ведомости» перешли на гражданский шрифт позднее, чем другие издания светского содержания. Одни номера газеты печатались гражданским шрифтом, а другие кириллицей; учитывалось, что население, привыкшее к старому шрифту, легче прочтет газету, напечатанную кириллицей, и поэтому старым шрифтом печатали номера, имевшие больший тираж и содержавшие важнейшие известия.

В 1713 году напечатана из «Санктпетербургской типографии» (таково было ее официальное наименование) первая книга под заглавием «Книга Марсова», посвященная описанию побед русских войск над шведами. «Книга Марсова» имела альбомный (поперечный) формат и была снабжена большим количеством гравюр с изображением планов сражений, крепостей и т. п. Вскоре Санктпетербургская типография пополнилась латинским и готическим типографскими шрифтами, доставленными из Риги. При типографии существовала книжная лавка, но, как видно, продажа книг была поставлена плохо, потому что на складах типографии образовались большие залежи нераспроданных изданий.

§ 77. ГРАЖДАНСКАЯ КНИГА В ПЕРИОД РЕФОРМ НАЧАЛА XVIII ВЕКА

За период от введения гражданского шрифта до смерти Петра (1708—1725) было напечатано около 300 гражданских книг — количество, до тех пор неслыханное. Самый большой процент выпущенной книжной продукции приходится на законо-

дательные распоряжения — указы. Следующее место соответственно новым государственным потребностям занимают книги по мореплаванию и военному делу, а также учебники по математическим наукам. Из других отраслей знания представлены архитектура, политика, дипломатия, история, география. Среди произведений словесности следует отметить девять переводов античных писателей, между прочим сочинение Аполлодора «Библиотеки, или о богах» (Москва, 1725) с предисловием Феофана Прокоповича, в котором он разъясняет, что читать о языческих богах не является запретным для христианина. Отсюда видно, каким широким являлся тематический охват книжной продукции этого периода. Кроме того, в Петербурге ежегодно, начиная с 1714 года, печатался «Месяцеслов» — первый настольный и карманный календарь в России; после основания Академии наук это издание было передано ей и составлялось под наблюдением ученых. Календарь стал называться «Санктпетербургским календарем».

Ранние гражданские книги имели разные тиражи. Некоторые книги, как, например, первая «Геометрия», печатались всего в 200 экземплярах, но были случаи, когда тиражи доходили до 5 тысяч и выше. Таким большим тиражом вышла, например, книга Феофана Прокоповича «Правда воли монаршей» (Москва, 1722), в которой доказывалось право царя назначать наследника по собственному выбору.

Орнаментика петровской книги не имеет своего ярко выраженного характера. Заставки, концовки, пышные инициалы, которые являются главным украшением книги и в предшествующую эпоху и в последующую, в петровской книге играют второстепенную роль. Красота издания достигается рисунком шрифта, хорошим набором и высоким качеством печати. Для украшения некоторых книг употреблялись доски, с которых печатали церковные книги. При этом использовались только концовки, потому что заставки, обычно украшенные религиозными эмблемами, не годились для книг научного содержания. Гравюры, помещенные во многих книгах, обычно выполнялись офортом; гравировали их главным образом русские мастера — братья Зубовы, старый мастер Михаил Карновский и другие.

В организации издательского дела принимал активное участие сам царь, стремившийся расширить его и поднять качество выпускаемых книг. Петр I постоянно заботился о новых изданиях, ни одна книга не печаталась без его личного распоряжения. Немалого труда стоило подобрать сведущих переводчиков и добиться хорошего качества переводов. Этим вопросом Петр I постоянно занимался лично: отдавал распоряжения относительно подготовки переводчиков, требовал изучения иностранных языков, заставлял своих приближенных, знающих языки, принимать участие в переводах, указывал, что надо из сочинения перевести

и какие его части можно опустить. Отдавая приказание перевести книгу Пуффендорфа «О должностях человека», Петр I писал: «Чтобы не по конец рук переведена была, но дабы внятно и хорошим штилем». При отправке во Францию своего постоянного переводчика, Конона Зотова (сына шута Никиты Зотова), Петр поручил ему: «Все, что ко флоту надлежит, на море и в портах, сыскать книги; также, чего нет в книгах, но чинят от обычая, то помнить, и все перевесть на славянский язык нашим штилем, а за штилем их не гнаться».

Внимательно относился Петр и к технике типографского дела. В переписке с графом И. А. Мусиным-Пушкиным, в ведении которого находилось все книгоиздательское дело, он неоднократно делал чисто технические указания: «Печать во оных книгах зело пред прежней худа, нечиста и толста, в чем вам надлежит посмотреть гораздо, чтоб так хорошо печатали, как прежние, а именно, против кумплиментальной и слюзной». И в другом письме: «... вели напечатать азбуку полную, только «буки» да «иже» сделать почище, а над «і» поставить маленькие две точки; «еры» сделать вновь таким подобием как здесь «ы» ... Только смотрить, чтоб равны были с другими литерами, чего для вели потщится, дабы хорошо зделали».

Цензура над печатанием книг также осуществлялась самим царем; без его «повеления» не выходила ни одна книга гражданского содержания. Что касается цензуры церковных книг, то она принадлежала Синоду, который выдавал разрешение на печатание. Эта мера направлялась главным образом против проникновения раскольничьей литературы.

Консервативное боярство и духовенство, боровшиеся со всеми передовыми начинаниями, пытались противодействовать и развитию книжного дела в его новом научном, а не церковном направлении. Так, директор Санктпетербургской типографии Аврамов М. П. возражал против издания книг по астрономии Гюйгенса и Фонтенеля, так как в них объяснялась мировая система Коперника. Все-таки книга Гюйгенса была напечатана еще при Петре I, а книга Фонтенеля вышла уже после его смерти.

Среди документов Печатного Двора, сохранившихся до нашего времени, имеется несколько таких, которые дают представление о тяжелом материальном положении рабочих в типографии. Этот вопрос, как видно, меньше всего занимал и царя и всех руководителей печатного дела. Та низкая поденная заработная плата, которая полагалась типографским рабочим, не выплачивалась без дополнительных просьб и заявлений. Среди документов часто попадаются прошения рабочих об уплате им жалования. Прося о выдаче заработанных денег, один рабочий пишет: «... чтобы мне, будучи у твоего государева книжного и печатного дела, голодною, а женишке моей с ребятишками холодною смертью не умереть». В одном прошении 1722 года «мастеровые» говорят, что

«за скудостью и голодом» хотят «все дела оставить». Были случаи, когда в уплату за труд рабочим раздавали печатные книги, продать которые было чрезвычайно трудно. Когда одного из директоров типографии уволили за злоупотребления и взятки, то оказалось, что он брал оброк с каждого мастера, с каждого рабочего типографии. В другом положении находились нанятые царем иностранцы, они получали жалованье, значительно превышавшее жалованье русских рабочих, но далеко не всегда честно и добросовестно выполняли возложенную на них работу. Один из современников, характеризуя иностранных мастеров, пишет: «Иноземцами нужных дел иметь невозможно, делают зело лениво по своей воле, якобы не имея страха».

С 1713 года центром производства гражданской книги становится Петербург, но и Московская типография не ограничивается отведенной ей ролью поставщика церковной литературы. Уже в 1718 году в Московской типографии снова появляется гражданский шрифт и выходят две большие книги по географии: Варений «География генеральная» (1718) и Гюбнер «Земневодного круга описание» (1719) с иллюстрациями, сделанными офортом. Кроме главной типографии — Печатного Двора — в Москве существовала в первой четверти XVIII века еще одна, так называемая Гражданская типография, находившаяся под наблюдением одного из образованнейших деятелей того времени — фельдмаршала Я. В. Брюса. Наряду с военной деятельностью Брюс занимался научными переводами и редактированием издаваемых книг. Начальником и главным работником Гражданской типографии был высокообразованный библиотекарь Московской навигацкой школы Василий Киприянов, сам отличный рисовальщик и гравер. В этой типографии печатались главным образом учебники по математике, а также карты и гравюры. Киприянов лично участвовал в составлении руководств по математике, он же составил и напечатал в Гражданской типографии знаменитый «Брюсов календарь», получивший свое название от имени редактора.

Киприянов — первый в России печатник, который дал изложение системы Коперника. Это была карта звездного неба под названием «Глобус небесный». По углам карты изображены великие астрономы: Птоломей, Тихо Браге, Декарт и Коперник. Здесь же в стихах рассказывалось о гелиоцентрической системе Коперника.

В 1720 году была основана типография при Александро-Невской лавре в Петербурге, но в ней печатались только церковные книги.

В 1724 году при Морской академии открылась типография, в которой печатали преимущественно руководства по военному и военно-морскому делу. Эта типография сделалась крупным типографским предприятием 70-х годов XVIII века. Существовавшая типография при Сенате печатала законодательные и инструктивные материалы.

КНИГА В ПЕРИОД ДВОРЯНСКОЙ ИМПЕРИИ (XVIII ВЕК)

§ 78. КНИГА ПРИ ПРЕЕМНИКАХ ПЕТРА I

Реакция, наступившая после смерти Петра I, отразилась и на книжном деле, в котором наступил упадок.

Писатели из числа передовых людей, сторонников петровских преобразований, — поэт-сатирик Антиох Кантемир, историк В. Н. Татищев и другие, группировавшиеся вокруг Феофана Прокоповича, — не имели возможности публиковать свои произведения. Сатира Кантемира «К уму своему», осмеивающая невежество правящей верхушки, распространялась в рукописном виде.

Но в то же время подъем общественного самосознания в первой четверти XVIII века вызвал расцвет литературы и научной мысли. В период с 1725 до 1762 года в русской науке и литературе выдвигаются новые талантливые ученые, писатели. К этому периоду относится деятельность гениального русского ученого и поэта Михаила Васильевича Ломоносова. Многочисленные произведения М. В. Ломоносова выходят в свет в печатном виде. В этот период Татищев создал первую историю России, основанную на критическом изучении летописей (напечатана в 1768 году). Многие книги, подготовлявшиеся к печати при жизни Петра I и по его распоряжению, вышли в свет уже после его смерти.

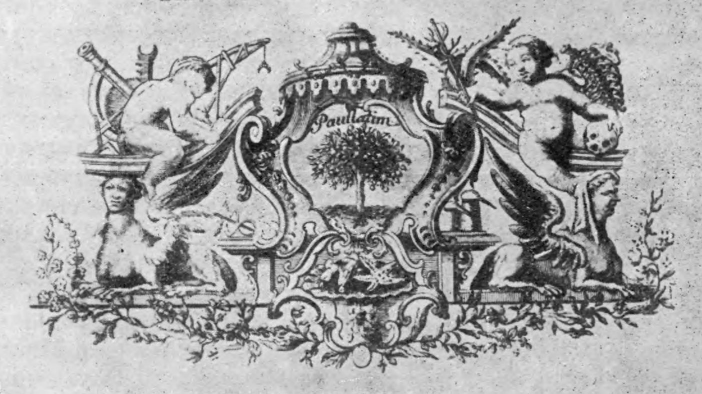
§ 79. АКАДЕМИЯ НАУК И ЕЕ ИЗДАНИЯ

В конце 1725 года в Петербурге была открыта Академия наук. В первые годы существования Академии наук в ней преобладали иностранные ученые, приглашенные Петром I и поддержанные последующими правителями. Постепенно в Академию проникают и русские ученые, несмотря на то что им оказывали сильное противодействие иностранцы, преимущественно немцы. Новый период деятельности Академии наук наступает с приходом в Академию молодых русских ученых во главе с М. В. Ломоносовым.

Через два года после открытия Академии наук при ней было организовано издательство и открыта прекрасно оборудованная типография. В 1728 году в издательство Академии наук передали газету «Ведомости», которая с этих пор начинает носить название «Санктпетербургские ведомости». Первые научные издания, выпущенные Академией наук, — «Комментарии» — это периодические сборники, содержавшие научные труды и исследования академиков (рис. 66). Согласно общепринятому обычаю ученых учреждений того времени в этих сборниках материалы печатались на латинском языке, бывшем международным языком в научном

COMMENTARII
ACADEMIAE
SCIENTIARVM
IMPERIALIS
PETROPOLITANAE

TOMVS I.
AD ANNVM cIↄ Iↄcc xxvi.

PETROPOLI
TYPIS ACADEMIAE
cIↄ Iↄcc xxviii.

Рис. 66. «Комментарии Академии наук», т. I (Петербург, 1728)

мире; кроме того, многие академики не владели русским языком. «Комментарии» просуществовали до 1805 года. Одновременно с первым томом «Комментариев» вышло издание тех же материалов и на русском языке, но их тексты были сокращены почти до размеров конспекта.

Первые издания Академии наук обращают на себя внимание исключительно высоким качеством полиграфического выполнения. По красоте печати они не уступают лучшим западноевропейским образцам. Особенно хорошо выполнены гравированные на меди таблицы ботанические, анатомические, изображения древних надписей, монет и т. п.

Издательство Академии наук, начав свою деятельность с 1728 года, продолжает ее до настоящего времени. В XVIII веке оно являлось наиболее продуктивным издательством в России. Главное место в его продукции занимает научная книга; в том числе много капитальных трудов по всем отраслям науки. Из научных трудов, изданных в первые десятилетия существования Академии наук, наибольшую ценность имеют сочинения М. В. Ломоносова. Издательство Академии наук опубликовало много его оригинальных произведений и переводов, а в 1751 году вышло в свет первое собрание его сочинений. Стремясь удовлетворить острую потребность в учебниках и в художественной литературе, Академия наук в XVIII веке начинает издавать и такого рода книги. В 1755 году по инициативе Ломоносова Академия предприняла издание первого русского литературно-научного журнала под названием: «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие». В журнале помещались популярные научные статьи по разным вопросам, а также литературные произведения. Общее руководство журналом возглавлял академик Г. Ф. Миллер; литературным отделом руководил известный писатель А. П. Сумароков. Журнал выходил в течение десяти лет.

До настоящего времени сохраняют научное значение труды академиков XVIII века, посвященные изучению и описанию нашей родины. С первых лет своей деятельности Академия наук начала организовывать экспедиции на самые отдаленные окраины России с целью их всестороннего изучения. В результате этих экспедиций в изданиях Академии появились описания областей, их географических условий, климата, растительности, животного мира, природных богатств, народов, их языка и быта, а также изложение истории отдельных земель. Наиболее замечательны труды участников Камчатской экспедиции, продолжавшейся с 1733 по 1743 год. К таким сочинениям, как «Описание Сибирского царства» Г. Ф. Миллера (1750) или «Описание земли Камчатки» С. П. Крашенинникова (1755), постоянно обращаются ученые и нашего времени. Крашенинников умер во время печатания своей книги, не успев закончить предисловия к ней. В этом незаконченном предисловии он высказал свой взгляд на задачи, стоящие перед отечественной наукой: «Знать свое отечество во всех его

пределах, знать изобилие и недостатки каждого места, знать промыслы граждан... знать обычаи их, веру, содержание, и в чем состоит их богатство, также места, в каких они живут, с кем пограничны...» После изучения своего отечества, говорит он, можно приступить и к изучению соседних стран.

В 1745 году Академия издала «Атлас Российской империи». По отзывам современников, это был один из лучших атласов в Европе как по точности карт, выполненных при участии крупнейших специалистов, так и по внешнему оформлению. Каждая карта украшена гравюрой, изображающей природные богатства, ремесла и промышленность соответствующей области.

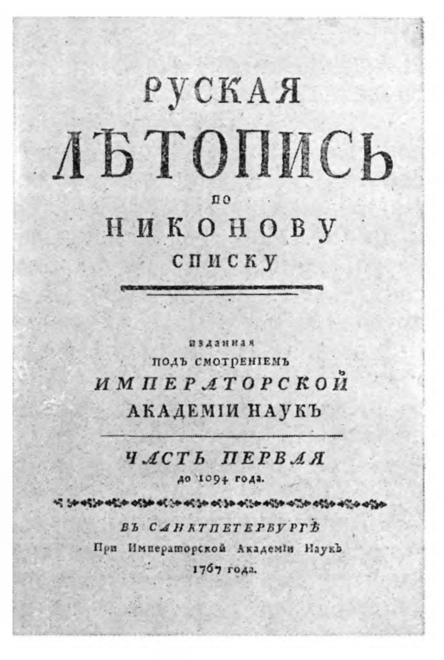

Рис. 67. Титульный лист древнейшего летописного свода, изданного Академией наук

Среди изданий Академии наук второй половины XVIII века значительную ценность представляют исторические работы, в особенности публикации первоисточников, как, например, летописей, произведенные по старинным рукописным спискам. О том, чтобы собрать и изучить русские летописи, издавна мечтали русские люди. В XVI веке митрополит Макарий предпринял рукописное издание летописного свода. Хотел собрать и обработать летописи и Петр I. В 1734 году академики начали хлопотать о разрешении напечатать имеющиеся рукописи, но синод, от которого зависело это разрешение, не дал его, мотивировав свой отказ тем, что в летописях содержится много лжи, а бумага дорога. Только через несколько десятилетий Академия наук получила разрешение печатать и собрание летописей и отдельные древнейшие памятники русской истории (рис. 67).

В 1770 году Академия начала издавать многотомную «Историю российскую» князя М. М. Щербатова и большое количество отдельных исторических сочинений и публикаций исторического характера. Эти публикации были необходимы не только тем, кто изучал историю России, они также давали возможность сохранить для потомства драгоценные тексты, размножив их типографским способом. Рукопись же, существовавшая в единственном экземпляре, легко могла погибнуть, как, например, случилось в Киеве в 1777 году, когда при большом пожаре погибло множество драго-

ценных рукописей. После этого Екатерина II распорядилась немедленно отпечатать ряд летописей, хранившихся в Синодальной библиотеке. Так появились в печатном виде «Летописец Архангелогородский», «Летописец Новгородский», «Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря» Авраамия Палицына и другие.

Для изучения России Академия наук продолжала посылать экспедиции в отдаленные области страны. От одной из таких экспедиций, организованной по инициативе М. В. Ломоносова, остался огромный материал, использованный в дальнейшем академиками И. И. Лепехиным, П. С. Палласом и другими учеными в своих трудах.

Издательство Академии наук выпустило также первый толковый словарь русского языка в шести томах (1786—1794), над составлением которого трудились многие ученые и писатели — Д. И. Фонвизин, И. Ф. Богданович, И. И. Лепехин, Е. Р. Дашкова и другие. При создании словаря возник спор о характере литературных примеров, использованных для пояснения слов. Одни считали, что примеры должны заимствоваться исключительно из древней и церковной литературы, другие, наоборот, доказывали, что надо брать примеры из современных писателей. Последнее мнение одержало верх.

Видное место в изданиях Академии наук занимали переводы античных классических писателей, а также лучшие произведения современных западных авторов (Фильдинг, Шеридан, Вольтер, Руссо, Гёте и т. д.).

Академия наук пользовалась в течение всего XVIII века монополией на издание календарей; никто из частных издателей не имел права выпускать календари, и поэтому в них постоянно чувствовался недостаток. В календарях Академии наук кроме сведений, обычно помещавшихся в календарях (указание чисел, дней недели, месяцев, долготы дня и т. д.), печатались списки важных административных лиц в государстве.

§ 80. ТИПОГРАФИЯ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В 1755 году в культурной жизни России произошло событие исключительной важности: по инициативе и при участии М. В. Ломоносова в Москве был открыт университет. При университете была оборудована типография, начавшая свою деятельность выпуском первого номера газеты «Московские ведомости» (рис. 68). Типография университета издавала большое количество книг на различных языках и по самым разнообразным вопросам, с самого начала своей деятельности взяв курс на удовлетворение культурных запросов студентов и читателей, имеющих среднюю подготовку. Книжная продукция, выпускаемая Университетской типографией, предназначалась для нового читателя — дворянина, получающего образование в университете (после длительного периода военного образования для дворян), и разночинца, так

как в университет начинают принимать и юношей из городского служилого и торгового сословия.

В Университетской типографии издавались учебники, переводы классиков иностранной (Мольер, Локк) и античной литературы, сочинения русских писателей, речи профессоров университета, обычно посвященные вопросам популяризации и пропаганды науки. Много содействовал расширению деятельности университетского издательства куратор университета, известный поэт М. М. Херасков, горячо преданный делу просвещения. Одной из первых книг, вышедшей из Университетской типографии, являлось собрание сочинений М. В. Ломоносова (1757). Это издание, второе по счету (первое было напечатано в издательстве Академии наук в 1751 году), отличалось прекрасным оформлением (рис. 69). Книга напечатана на плотной бумаге, в начале ее приложен гравированный портрет автора; некоторые, так называемые «подносные» (подарочные) экземпляры переплетены в парчу с золотым обрезом. Этим изданием Московский университет чествовал своего организатора — М. В. Ломоносова.

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

No. 4.

ВО ВТОРНИКЪ МАІЯ 7. ДНЯ 1756. ГОДА.

ИЗЪ САНКТПЕТЕРБУРГА ОТЪ 29. АПРѢЛЯ.

Вчерашняго дня представлена была Италіанская опера Александръ въ Индіи господина Метастазія Италіанскаго стихотворца. Сія опера въ третій разъ представляется. Искусное сочиненіе музыки, господина Араія Капельмейстера ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА. Пѣніе славныхъ господъ Каристиніа и Салетіа. Украшеніе и изобрѣтеніе махинъ Господина Валеріана театральнаго Архитектора, все оное отъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА высочайшую апробацію и общую отовсюду хвалу получило.

Х изъ

Рис. 68. Один из первых номеров «Московских ведомостей» 1756 года

Кроме газеты «Московские ведомости» университет издавал несколько журналов. Уже в первые годы деятельности издательства университета Херасков основал литературный журнал «Полезное увеселение» (1760—1762) и затем «Свободные часы» (1763). По своему общему направлению журналы Хераскова отражали дворянскую идеологию; положительное их значение заключалось в том, что они способствовали подготовке молодых литературных талантов: молодых поэтов и прозаиков — студентов университета. На страницах «Полезного увеселения» появились новые имена, которым суждено было в будущем стать известными и даже знаменитыми. Так, здесь были напечатаны первые произведения знаменитых впоследствии литераторов Д. И. Фонвизина, И. Ф. Богдановича, профессоров университета Аничкова, Поповского, Домашнева. Журнал «Полезное увеселение» закрылся, повидимому, из-за денежных затруднений. После небольшого перерыва Херасков начал издавать с теми же задачами журнал «Свободные часы»,

СОБРАНІЕ
РАЗНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ
ВЪ СТИХАХЪ И ВЪ ПРОЗѢ
Господина Коллежскаго Совѣтника и Профессора
МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.

КНИГА ПЕРВАЯ
второе изданіе съ прибавленіями.

Печатано при Императорскомъ Московскомъ
Университетѣ 1757 года.

Рис. 69. «Сочинения М. В. Ломоносова». Издание Московского университета (1757)

который, впрочем, также просуществовал недолго. Кроме журналов Хераскова при университете выходили и другие литературные журналы; как те, так и другие отражали вкусы нового подрастающего дворянского поколения. В некоторых из них обнаруживается увлечение французской материалистической философией. Таким был журнал, выходивший при участии писателя И. Ф. Богдановича «Невинное упражнение» (1763), где наряду с произведениями молодых русских литераторов помещались переводы из известной книги французского философа-материалиста Гельвеция «Об уме». Эта книга подверглась во Франции яростному преследованию со стороны церковной цензуры. Богданович печатал отрывки из Гельвеция без указания на источник.

§ 81. ВЕДОМСТВЕННЫЕ ТИПОГРАФИИ

Кроме двух крупнейших типографий и издательств — Академии наук в Петербурге и Университетской в Москве — в 40-х и 50-х годах XVIII века работало несколько ведомственных типографских предприятий: типография Морского кадетского корпуса, ранее носившего название Морской академии, и типография Сухопутного кадетского корпуса (в Петербурге). Кроме большого количества учебных пособий обе типографии издали много разнообразной научной и художественной литературы. Так, в типографии Сухопутного корпуса выходил журнал «Праздное время, в пользу употребленное» (1759—1760), считающийся первым частным периодическим изданием и первым литературным журналом в России. В журнале принимал участие крупнейший писатель XVIII века Александр Петрович Сумароков. Ведомственную литературу в собственном смысле слова издавала типография Сената в Петербурге. Принадлежавшие учреждениям типографии иногда в целях повышения доходности сдавались в аренду частным лицам, желавшим заняться изданием книг, но до 1783 года не имевших права заводить собственные типографии.

§ 82. КНИЖНОЕ ДЕЛО ПРИ ЕКАТЕРИНЕ II

В 60-е, 70-е и 80-е годы XVIII века наступает расцвет книжного производства, за которым происходит снижение в 90-х годах, приведшее к полному упадку в конце века.

В первые годы после своего вступления на престол Екатерина II искусно разыгрывала роль просвещенной правительницы, вела переписку с представителями французской просветительной философии, поощряла различные культурные начинания. Ее связь с наиболее передовой частью дворянства, начавшаяся еще до воцарения, обязывала ее и после получения власти идти на некоторые уступки и относиться терпимо к разговорам о свободе. Однако все эти обещания, так же как и благие намерения,

высказанные в «Наказе комиссии по сочинению нового уложения», остались только либеральными разговорами. По существу Екатерина была последовательной крепостницей, монархические и крепостнические взгляды ее окончательно укрепились после пугачевского восстания и буржуазной революции конца XVIII века во Франции. Что касается издательского дела, то она была готова поощрять его и даже терпеть кое-какие свободолюбивые высказывания до тех пор, пока они не мешали ей и не угрожали власти. Такая терпимость создавала ей славу «просвещенной правительницы». Но как только Екатерина II обнаружила, что печать может быть опасна для самодержавия, она начала ожесточенное гонение на нее.

РАЗМЫШЛЕНІЯ
О ГРЕЧЕСКОЙ ИСТОРІИ,
ИЛИ
О ПРИЧИНАХЪ БЛАГОДЕНСТВІЯ
И НЕСЧАСТІЯ
ГРЕКОВЪ;
СОЧИНЕНІЕ Г. АББАТА ДЕ МАБЛИ.
Переведено съ Французскаго.

Иждивеніемъ Общества старающагося о напечатаніи книгъ. Продается въ луговой Милліонной улицѣ, у книгопродавца К. В. Миллера.

Цѣна 60 коп.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи наукъ.
1773 года.

Рис. 70. Титульный лист изданного Н. И. Новиковым сочинения Мабли. Перевод А. Н. Радищева

Для рассматриваемого периода характерно небывалое развитие книгоиздательского дела. Этот подъем зависел как от участия в издательском деле новых людей, главным образом частных издателей, так и от требований, предъявляемых на книгу со стороны новых читателей из дворянской интеллигенции и разночинцев. Основные рассадники просвещения — Академия наук и Московский университет — значительно развились и пополнились талантливыми учеными; соответственно этому книжная продукция возросла в количественном отношении и улучшилась в качественном. Открылось несколько новых издательств при государственных учреждениях и учебных заведениях: при Военной коллегии, Артиллерийском корпусе, Горном училище, Медицинской коллегии и т. д. В 80-х годах XVIII века начинают работать частные типографии, что также способствует росту книжной продукции: новые типографские предприятия возникают и в провинциальных городах.

В 60-х годах в издательском деле начинает проявляться общественная инициатива. Возникают научные общества, обычно издававшие книги по определенным вопросам, связанным с деятельностью этих обществ. В 1765 году наиболее прогрессивные представители дворянства основали «Вольное экономическое об-

щество» — первое сельскохозяйственное общество в России. Цель этого общества состояла в том, чтобы поднять и улучшить сельское хозяйство, испытывавшее упадок в связи с надвигающимся кризисом крепостного хозяйства. «Вольное экономическое общество» издавало «Труды Вольного экономического общества», первый сельскохозяйственный журнал в России. В 1796 году его закрыли по распоряжению Павла I.

В 60-х и 70-х годах возникали общества, ставившие перед собой специально издательские задачи. Первое из них — «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг», — в период с 1768 до 1783 года издало 120 названий книг. Большой его заслугой является ознакомление русских читателей с идеями французской просветительной философии путем издания переводов отдельных статей из «Энциклопедии» Дидро. Второе общество организовал Н. И. Новиков под названием «Общество, старающееся о напечатании книг»; за короткий период своего существования (1773—1774 годы) оно выпустило 19 книг по истории, философии и литературе. В 1773 году «Общество» издало книгу французского аббата Мабли «Размышление о греческой истории, или о причинах благоденствия и несчастия греков» в переводе А. Н. Радищева. Сочинение Мабли соответствовало политическим взглядам Радищева, проявлявшего симпатии к Афинской демократической республике. Оба издательских общества находились в Петербурге. «Общество, старающееся о переводе книг» не ставило ни марки, ни особой пометки на свои издания. Печатались они в типографии Академии наук с особой тщательностью, на хорошей бумаге. Издания новиковского «Общества» отмечены маркой на титульном листе с девизом «Согласием и трудами» и обязательной пометкой: «Иждивением общества, старающегося о напечатании книг» (рис. 70).

§ 83. ЧАСТНЫЕ ТИПОГРАФИИ

Особенно широко развернулось издательское дело после того, как правительство под нажимом общественного мнения вынуждено было пойти на уступки и опубликовало в 1783 году «Указ о вольных типографиях», согласно которому частным лицам разрешалось открывать типографии и печатать книги. Этим разрешением немедленно воспользовался ряд лиц, и в том же году в Петербурге и Москве начали открываться частные типографии; производство книги и книжная торговля оживились. Обычно в это время владелец типографии являлся одновременно и издателем печатаемых в ней книг, хотя уже намечалось отделение издательской деятельности от типографской: часть издателей не имела собственных типографий и часть типографий принимала заказы со стороны.

Крупнейшими частными типографиями Москвы были типографии А. Решетникова, М. Пономарева, Ф. Гиппиуса и Х. Клаудия, снабжавшие книгами широкие читательские круги.

А. Решетников издавал много хороших книг, среди которых обширную группу составляют руководства по сельскому и домашнему хозяйству, по ремеслам и «художеству», научно-популярные издания, учебники, книги для чтения.

М. Пономарев специализировался на книгах для легкого чтения, он издал много переводов французских романов и приключенческой литературы, обычно мало ценных в литературном отношении и плохо переведенных. В большом количестве выходили из типографии Пономарева сказки то в виде сборников, то отдельными брошюрами. Рассчитывались они на сбыт в деревне и на снабжение торговых и ремесленных людей городов.

Ф. Гиппиус — делец, издавал много разнообразной литературы, рассчитывая на покупателя среднего достатка. Имея частную типографию, он одно время арендовал типографию Сената.

Типография Х. Клаудия находилась при Московском театре и выпускала много пьес, в большинстве случаев переводных.

В Петербурге существовало несколько типографов-издателей, внесших большой вклад в распространение книг: И. К. Шнор, Г. Галченков, И. Сытин, П. И. Богданович, И. А. Крылов.

Самая крупная из них — типография И. К. Шнора, издававшая труды по научным вопросам. Шнор напечатал ряд многотомных изданий по истории, географии, медицине, ботанике. Он имел словолитню и торговал шрифтами; в собственных изданиях он применял большое количество разнообразных шрифтов, прямых и курсивных. Издания Шнора отличаются хорошей печатью и строгостью оформления. Некоторые владельцы типографий в Петербурге были людьми, близкими к литературе, являлись переводчиками и писателями; к ним относились Г. Галченков, П. И. Богданович, И. Г. Рахманинов и известный впоследствии баснописец И. А. Крылов. Типография «И. А. Крылова с товарищи», как значилось на титульных листах ее изданий, была связана с театром и печатала много пьес. Товарищами И. А. Крылова являлись актеры И. А. Дмитревский и П. А. Плавильщиков. Объем работы типографии был невелик, но работала она в тяжелых условиях: в 90-х годах началось преследование печатного слова.

Вовлечение частных лиц в производство книги явилось для того времени прогрессивным явлением. Частные издатели, стоявшие ближе к кругу читателей и по большей части сами непосредственно связанные с книжной торговлей, лучше учитывали спрос на книгу, чем издательства правительственных учреждений. Частные издатели выпускали книги для более широких кругов.

§ 84. НАЧАЛО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н. И. НОВИКОВА

Самое выдающееся место среди частных издателей XVIII века занимает Николай Иванович Новиков (1744—1818), развернувший небывалую по масштабам издательскую деятельность

Рис. 71. Николай Иванович Новиков

во второй половине XVIII века (рис. 71). По своим взглядам Н. И. Новиков принадлежал к тому кругу русской интеллигенции XVIII века, которому было впоследствии дано название просветителей. Придавая огромное значение распространению образования и работая в этом направлении, просветители были в то же время настроены оппозиционно к существующему общественному строю и особенно к его основному злу — крепостному праву.

ДРЕВНЯЯ
РОССІЙСКАЯ
ВИВЛІОѲИКА,
или
собраніе разныхъ древнихъ сочиненій, яко то: Россійскія посольства въ другія государства, рѣдкія грамоты, описанія свадебныхъ обрядовъ и другихъ историческихъ и географическихъ достопамятностей, и многія сочиненія древнихъ Россійскихъ Стихотворцевъ;
издаваемая
помѣсячно
Николаемъ Новиковымъ.
ЧАСТЬ I.
МѢСЯЦЪ ЯНВАРЬ.

Въ Санктпетербургѣ 1773 года.

Рис. 72. Первый русский исторический журнал, издававшийся Н. И. Новиковым

Новиков родился в дворянской семье в Богородицком уезде, Московской губернии. Образование получил в гимназии при Московском университете, по окончании которой поступил на военную службу и дослужился до чина поручика. В 1767 году Екатерина II приступила к работам по созданию свода законов и с этой целью собрала представителей различных классов, так называемую «Комиссию для составления проекта нового уложения». Новиков был приглашен для работы в этой «Комиссии». Уже в это время он начал заниматься изданием книг, ясно сознавая огромное просветительное значение книгоиздательского дела и будучи твердо уверен, что социальное зло может быть устранено путем просвещения как правящих классов, так и народных масс.

В начале издательская деятельность Новикова шла по двум направлениям: он был активным участником двух упомянутых выше издательских обществ и, кроме того, являлся издателем сатирических журналов и автором многих печатавшихся в них материалов.

В Петербурге в те же годы Новиков приступил к составлению задуманных им научно-исторических трудов. Он составил первый словарь русских писателей, в который включил всех известных писателей как дворян, так и разночинцев. Эта работа напечатана в 1772 году под заглавием: «Опыт исторического словаря о российских писателях». В 1773 году Новиков начал публиковать материалы, которые относились к истории России и хранились в государственных архивах. По подбору исторических памятников Новикову помогал академик Г. Ф. Миллер. Для публикации их

Новиков создал периодическое издание, назвав его «Древняя российская вивлиофика» (библиотека). В течение трех лет (1773—1775) вышло десять частей этого журнала (рис. 72). Издание имело такой успех и явилось столь нужным пособием для всех изучавших историю России, что после прекращения издания Новиковым Академия наук решила продолжать его под названием «Продолжение Древней российской вивлиофики». В течение 1786—1801 годов вышло одиннадцать частей. Через несколько лет, уже в Москве, Новиков выпустил второе издание «Вивлиофики» в двадцати томах (1788—1791), по количеству материалов превышавшее первое издание раза в четыре. Новиков издал также отдельными книгами несколько исторических памятников, которые он сам подготовил к печати.

§ 85. САТИРИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ

В 1768 году началась война России с Турцией. Сославшись на начало этой войны, правительство прекратило работу «Комиссии по составлению нового уложения». Конечно, война была лишь внешним предлогом для прекращения деятельности «Комиссии», фактически же Екатерина II убедилась, что многие депутаты, принявшие всерьез либеральные положения написанного ею «Наказа», пытались сделать «Комиссию» местом политической борьбы и открыто высказывали свои взгляды на положение России. Чтобы отвлечь общественное мнение от неудачной попытки собрания депутатов, Екатерина II дала разрешение частным лицам издавать журналы, посвященные социальной сатире. Однако направить общественную мысль в русло безобидной бытовой сатиры правительству не удалось; сатира журналов неожиданно приняла характер политической полемики. Недовольство крепостным строем сильно возросло за последние годы, и то, что осталось невысказанным в «Комиссии», нашло место в сатирических журналах.

Начало сатирической журналистике положило издание журнала «Всякая всячина» (1769—1770). Издавался он кругами, близкими к правительству. Сама Екатерина принимала участие в этом журнале в качестве автора статей; издателем был один из ее секретарей — Г. В. Козицкий.

Екатерина II дала частным лицам разрешение на издание журналов, посвященных сатире, причем издатели имели право не указывать своего имени. Воспользовался этим разрешением и Н. И. Новиков, начавший в 1769 году издавать журнал «Трутень» (рис. 73). На титульном листе журнала помещался эпиграф из произведения А. П. Сумарокова: «Они работают, а вы их труд ядите». В эпиграфе явно содержался намек на крепостничество, против которого и была направлена сатира Новикова. Из помещенных в «Трутне» высказываний против крепостного права особенно замечательны «Копии с крестьянских

отписок». В них в форме писем рисовалось бедственное положение крепостных крестьян. Такое направление журнала не понравилось правительственным кругам, и во «Всякой всячине» появились статьи, обвинявшие «Трутень» в излишней злобности. По мнению «Всякой всячины», сатира должна носить характер мягкий и содействовать исправлению зла с улыбкой. По вопросу о характере сатиры разгорелась знаменитая полемика между журналами: на одной стороне находились журнал «Всякая всячина» и близкие к нему журналы, на другой — «Трутень» и журнал Ф. А. Эмина «Адская почта». И тут оказалось, что сатира «Трутня» настолько остра и что она имела такой большой успех у читателей журнала, что бороться с ней путем литературной полемики «Всякая всячина» была бессильна; пришлось прибегнуть к прямому указанию на недопустимость продолжать выход журнала в таком направлении. В результате «Трутень» принужден был в следующем, 1770 году изменить эпиграф на менее резкий, а вскоре Новикову дали понять, что журнал должен прекратить свое существование. Закрытие «Трутня» в апреле 1770 года явилось, видимо, неожиданностью для Новикова. На последнем листе последнего номера журнала было помещено извещение, в котором было сказано, что «. . . Трутень с превеликой печали по кончине своих современников и сам умирает».

ТРУТЕНЬ,
ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ
ИЗДАНІЕ,
на
1769 годъ,
мѣсяцъ май.

Они работаютъ, а вы ихъ трудъ ядите.
Г. Сумар. въ XLIII. притчѣ, I. книги.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Рис. 73. Титульный лист журнала «Трутень»

В 1769—1770 годы выходило несколько сатирических журналов, но ни один из них не поднялся до высоты сатиры «Трутня». Кратковременность этих сатирических журналов объяснялась недостатком материала и небольшим спросом у читателей по сравнению с «Трутнем», который имел широкое по тому времени распространение. Тираж его достигал 800 экземпляров, то есть равнялся тиражу газеты «Московские ведомости». И несмотря на это, многие номера журналов перепечатывались дважды, так как на них был огромный читательский спрос.

Через два года Новиков начал издавать новый журнал под названием «Живописец» (1772—1773). В первом номере его Но-

виков поместил статью, в которой восхвалял литературный талант Екатерины II; это был явно дипломатический прием. Далее, как будто забыв печальный опыт «Трутня», «Живописец» стал последовательно проводить те же антикрепостнические идеи. В «Живописце» помещалось много замечательных статей, как, например, «Путешествие в * * *», подписанное инициалами «И. Т.». В этой статье автор с необыкновенной силой показывает нищету крестьян разоренной помещиком деревни. Одни исследователи приписывают эту статью молодому А. Н. Радищеву, так как по форме она напоминает его известное произведение «Путешествие из Петербурга в Москву», другие считают автором этой статьи самого Новикова, расшифровывая инициалы «И. Т.», как «Издатель «Трутня», — псевдоним, которым Новиков иногда подписывался. В «Живописце» помещались также статьи, направленные против тупости и невежества дворян («Письма к Фалалею»), против взяток и злоупотреблений чиновников, против увлечения всем иностранным, особенно французскими модами и языком. «Живописец» имел исключительный успех и переиздавался пять раз; последняя перепечатка вышла в 1793 году, когда Новиков уже был заключен в Шлиссельбургскую крепость.

После закрытия «Живописца» Новиков издавал журнал «Кошелек» (1774), посвященный высмеиванию галломании. Продолжать вести борьбу с крепостничеством в условиях начавшейся реакции и преследования печати было невозможно.

Разрешение издавать журналы без объявления имени издателя, разумеется, носило чисто формальный характер. При отсутствии частных типографий в Петербурге издателям приходилось пользоваться услугами трех-четырех казенных типографских предприятий, причем, естественно, что фамилию издателя, связанного денежными расчетами с этим предприятием, при желании было очень просто узнать. После крестьянской войны, руководимой Пугачевым, по распоряжению Екатерины II все сатирические журналы были закрыты.

§ 86. ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н. И. НОВИКОВА В МОСКВЕ

В 1779 году Новиков взял в аренду на десять лет типографию Московского университета. Со времени переезда Новикова в Москву началось замечательное, так называемое «новиковское десятилетие» русской книжной культуры. Обладая исключительными организаторскими способностями, Новиков сумел в эти десять лет создать огромное по масштабам издательское дело. Он знал запросы книжного рынка, и потому его издания, печатавшиеся иногда тиражом до 10 тысяч экземпляров, успешно расходились. В третьем издании «Живописца» (1783) Новиков говорит: «У нас те только книги идут вторым и третьим тиснением, которые

пришлись на вкус нашим мещанам». Эти слова показывают, что Новиков сумел найти нового читателя — представителя нарождавшейся буржуазии, читателя-разночинца.

За эти годы аренды Университетской типографии Новиков значительно ее расширил; газета «Московские ведомости» начала выходить тиражом в 4 тысячи экземпляров вместо прежних 800; в виде приложений к газете издавались разные журналы, из них особенно известны «Экономический магазин» (сельскохозяйственный журнал) и «Детское чтение» (первый в России журнал для детей и педагогов). Были изданы два сборника русского фольклора: «Русские сказки» и «Русские песни» и первое в истории издательского дела полное собрание сочинений умершего писателя А. П. Сумарокова в десяти томах.

Стремясь не только издавать книги, но и распространять их наиболее целесообразно, Новиков расширил и упорядочил книжную торговлю в столицах и в провинции, он создал в больших городах книжные лавки и широкую агентурную сеть. Издательские планы Новикова были так велики, что Университетская типография не могла выпустить все намеченные издания. С этой целью Новиков основал в Москве новое издательское общество, так называемую «Типографическую компанию». В 1785 году на средства этого общества была организована типография. Еще ранее, в 1783 году, завел свою типографию близкий друг Новикова — И. В. Лопухин. Типография Лопухина фактически находилась под руководством Новикова и пользовалась теми же типографскими материалами, какие имелись в типографии Новикова. В ней печаталось особенно много масонских книг. Новиков являлся, как и большинство участников его издательской компании, членом Московского общества масонов. Сам он никогда особенно сильно не увлекался масонством и видел в нем лишь средство морального совершенствования; свои масонские взгляды он соединял с просветительными идеями. Масонскую литературу Новиков издавал для своих друзей. Эта литература находилась в то время в положении гонимой, так как Екатерина II не любила масонов и боялась их. Некоторые из масонских сочинений без цензурного разрешения печатались в типографии Лопухина и еще в какой-то неизвестной типографии.

За все время своей деятельности Новиков издал свыше тысячи названий; некоторые из них являлись многотомными сочинениями. Во многих случаях тиражи были необычно высокими для того времени — 5—10 тысяч экземпляров. Кипучая издательская деятельность Новикова никогда не служила для него источником личного обогащения. Прибыль от издательства обычно шла на удовлетворение общественных нужд — устройство школ, приютов, больниц. Например, весь доход с одного журнала, издававшегося много лет под различными названиями («Утренний свет», «Вечерняя заря» и др.), шел на содержание двух школ для мальчиков. Чтобы увеличить доход от этого журнала, Новиков

рассылал номера журнала по домам богатых, которые обычно платили за журнал значительно выше установленной подписной цены.

В московский период своей деятельности Новиков также оставался борцом против крепостничества, но в это время уже невозможно было высказываться так открыто, как это удавалось в начале 70-х годов. После крестьянской войны, руководимой Пугачевым, правительство стало проводить откровенно реакционную политику и начало преследовать печать. В московских изданиях Новиков высказывал свои передовые взгляды, обличал крепостное право как общественное зло. Так, в «Прибавлении к Московским ведомостям» 1783/84 года, сообщая о торговле неграми в Америке, Новиков с негодованием говорит о недостойности торговли людьми вообще: «Вся система торга невольниками есть непростительная система. Только подлое корыстолюбие может согласиться на сие бесчеловечье; право ж народное оному противится. Закон натуры не может оправдать сего унижения человечества». Такое высказывание было очень смелым в условиях крепостного права, когда в каждом номере газеты сообщалось о продаже крестьян семьями и поодиночке. Издавая и лично редактируя собрание сочинений писателя Сумарокова, Новиков включил в него стихотворение, написанное Сумароковым в 1763 году и тогда же запрещенное к напечатанию, — «Хор к превратному свету». В этом стихотворении так описывалось идеальное заморское житье:

Со крестьян там шкуры не сдирают,
Деревень на карты там не ставят,
За морем людьми не торгуют.

Реакционная политика Екатерины II, особенно усиливавшаяся в связи с революционным движением в Европе, сказалась и на издательской деятельности Новикова. По истечении аренды Университетской типографии в 1789 году Екатерина II личным распоряжением запретила сдавать типографию Новикову на следующий срок. Это отразилось самым тяжелым образом на делах издательства и причинило ему немалые убытки. Через три года правительство начало против Новикова дело по обвинению его в печатании недозволенных масонских книг без разрешения цензуры. В апреле 1792 года Новиков был арестован и заключен в Шлиссельбургскую крепость, где пробыл четыре года, до смерти Екатерины II. Найденные у него в деревне в большом количестве масонские издания подверглись уничтожению.

Преследования печати, систематически проводившиеся правительством в 90-х годах XVIII века, были вызваны общими политическими событиями, связанными с французской революцией 1789—1794 годов и напугавшими всех европейских монархов. Кроме того, Екатерина II считала, что тягчайшее преступление Новикова состоит в том, что он неоднократно пытался через архитектора В. И. Баженова привлечь к масонству и установить политическую связь с Павлом Петровичем — нелюбимым сыном

и наследником императрицы, к которому тяготели все недовольные политикой его матери.

Одним из первых распоряжений Павла I после вступления на престол было освобождение Новикова из Шлиссельбурга; но было уже поздно. Из тюрьмы Новиков вышел, как он сам говорил, «дряхл, стар, согбен». Опутанный сетью неоплатных долгов, он не имел возможности посвятить себя любимому делу — изданию книг. Последние 22 года жизни Новиков провел в тяжелых материальных условиях в своей подмосковной деревне, оказывая посильную помощь своим крестьянам.

§ 87. А. Н. РАДИЩЕВ

В 1790 году в Петербурге вышла книга под заглавием «Путешествие из Петербурга в Москву», «с дозволения Управы благочиния», но без указания имени автора и печатника (рис. 74). Как позднее выяснилось, книгу написал и напечатал в собственной типографии Александр Николаевич Радищев (1749—1802), получивший разрешение от цензуры.

Радищев приобрел шрифт у одного из крупных владельцев типографий — Шнора, и отпечатал у себя дома две книги: одну маленькую «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске», в очень небольшом числе экземпляров; другую — «Путешествие из Петербурга в Москву» в количестве 600 экземпляров. Весь тираж находился еще в типографии; автор успел раздать только несколько экземпляров ближайшим друзьям и начать переговоры с одним книготорговцем о продаже книги; в это время над ним разразилась гроза. Книга была доставлена кем-то в руки Екатерины II. Горячий протест против крепостного строя и монархии, как источника социальной несправедливости, которым была проникнута вся книга, произвел на императрицу ошеломляющее впечатление. В книгу была включена ода Радищева «Вольность», направленная против самого принципа монархической власти. На полях представленного императрице экземпляра «Путешествия» она сделала пометки, в которых излила все свое негодование против автора, называя его «бунтовщиком хуже Пугачева». Радищев был арестован, книга конфискована и уничтожена, к следствию были привлечены не только те люди, которые читали ее, но и даже те, которые только слышали о ней. Радищева приговорили к смертной казни, замененной ему десятилетней ссылкой в Сибирь. Многие лица, виновные в чтении и распространении книги, подверглись высылке из Петербурга. Поплатились все причастные к ее изданию, кроме цензора, разрешившего книгу к печатанию. Цензор не был подвергнут наказанию, так как, по мнению Екатерины II, был столь глуп, что не мог отвечать за свои проступки. Повидимому, разрешая к печати эту книгу, он либо не понял содержания книги, либо разрешил ее не читая, доверившись невинному заглавию.

ПУТЕШЕСТВІЕ,

ИЗЪ

ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ.

„Чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно,
и лаяй,„

Тилемахида, ТомЪ II. Кн: XVIII. сти: 514.

1790.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Рис. 74. Титульный лист
первого издания знаменитой книги А. Н. Радищева
«Путешествие из Петербурга в Москву»

Революционное значение книги Радищева было так велико, что она надолго пережила крепостной строй, против которого в основном была направлена. Дальнейшая судьба «Путешествия из Петербурга в Москву» представляет значительный интерес. После смерти А. Н. Радищева его наследникам не разрешили напечатать его в собрании сочинений Радищева. В течение XIX века текст «Путешествия из Петербурга в Москву» распространялся исключительно в рукописных списках. Один из этих списков, крайне неисправный, имелся у А. И. Герцена; по этому тексту он напечатал «Путешествие» в Лондоне в 1858 году, причем все неточности копии перешли и в печатное издание.

В 1872 году «Путешествие из Петербурга в Москву» напечатал известный библиограф П. А. Ефремов, но издание было немедленно конфисковано. В 1888 году издатель А. С. Суворин вознамерился перепечатать это произведение, но ему было дано разрешение только на роскошное издание, недоступное по цене широкому кругу читателей и с ничтожным тиражом в 100 нумерованных экземпляров. Окончательно запрет с издания «Путешествия» был снят во время первой русской революции 1905 года, когда вышло общедоступное издание того же Суворина, за этим изданием последовали и многие другие. Все дореволюционные издания этой книги чрезвычайно редки, а первое издание 1790 года известно в настоящее время всего в 14 экземплярах. При советской власти это знаменитое произведение Радищева стало усиленно изучаться, и в 1935 году в Москве было сделано превосходное факсимильное воспроизведение издания 1790 года.

§ 88. УПАДОК КНИЖНОГО ДЕЛА В 90-х ГОДАХ XVIII ВЕКА

После прекращения издательской деятельности Новикова и ареста Радищева репрессии в отношении печати все более и более усиливались. В 1796 году, за несколько месяцев до смерти, Екатерина II распорядилась закрыть частные типографии — «от происходящих от того злоупотреблений».

Еще больше усилились гонения на печать в последнее пятилетие XVIII века, при Павле I. Как уже указывалось, при своем вступлении на престол он освободил Новикова, а затем Радищева. Эти действия вселили надежду, что с новым царствованием наступят более свободные времена для книжного и журнального дела, однако эти надежды были жестоко обмануты. Будучи человеком чуждым каким бы то ни было идеям просвещения, Павел I сделал все возможное для того, чтобы подавить всякую свободную мысль, всякое свободное слово. По его распоряжению были опечатаны частные типографии, закрытые Екатериной, запрещалось получать из-за границы книги и даже ноты.

Несмотря на все мероприятия правительства, направленные против печати, искра, зароненная Радищевым, не потухла. В конце XVIII века появилось несколько передовых журналов,

продолжавших идейные традиции Радищева, из них в первую очередь следует назвать «Санктпетербургский журнал». Издавался он одним из наиболее прогрессивных писателей того времени Иваном Петровичем Пниным, последовательно проводившим в своих произведениях пропаганду материалистического мировоззрения. В журнале Пнина освещались вопросы истории, философии, литературной критики. Кроме оригинальных статей в нем помещались переводы, главным образом из произведений французских писателей; особенно много печаталось отрывков из произведений философа-материалиста Гольбаха.

Прогрессивную роль сыграли также два журнала И. А. Крылова: «Почта духов» (1789—1790) и «Зритель» (1792), которые он и его ближайшие друзья издавали в условиях жестокой реакции. «Почта духов» как по названию, так и по содержанию продолжала традицию сатирических журналов 70-х годов. Журнал составлялся в виде писем волшебника Маликульмулька, который невидимо проникает всюду: и в роскошную гостиную вельможи и к судье и своей сатирой обличает многие отрицательные явления современной жизни. «Почта духов» была закрыта после ареста Радищева. Как «Почта духов», так и «Зритель» вели последовательную линию антидворянской сатиры. В этих журналах впервые был услышан голос нового литератора-разночинца. «С самого начала как станешь себя помнить затверди, что ты дворянин и, следовательно, что ты родился только поедать тот хлеб, который посеют твои крестьяне, что ты счастливый трутень». «Почта духов» печаталась в типографии И. Г. Рахманинова, «Зритель» — в собственной типографии И. А. Крылова; прекратился выход журнала в 1792 году после разгрома типографии властями.

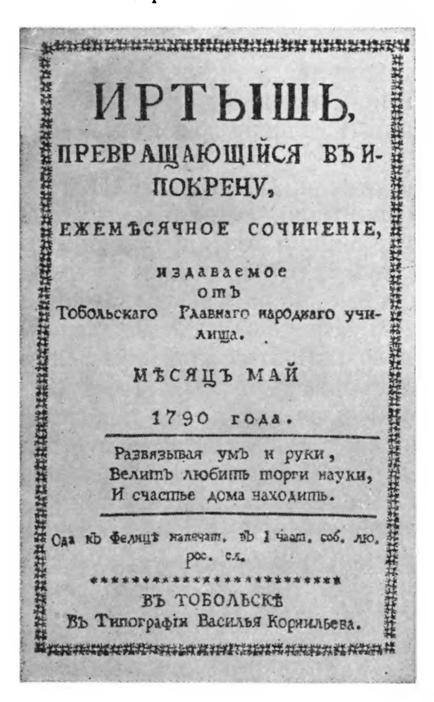
Известный историк Н. М. Карамзин издавал несколько журналов, отражавших взгляды либерального дворянства. Наибольшим успехом пользовался «Московский журнал» (1791—1792), в котором помещались исключительно произведения отечественных авторов, вопреки существовавшему в дворянских кругах пристрастию к французской литературе.

§ 89. ИЗДАНИЕ КНИГ В ПРОВИНЦИИ

Во второй половине XVIII столетия начинают издаваться книги в провинции. Первым городом, где появилось книгопечатание, была Астрахань (1765). Наиболее крупные издательства находились во Владимире (1797), Смоленске (1795), Калуге (1784), Тамбове (1788), Ярославле (1784). Типографию в Тамбове открыл поэт Г. Р. Державин; ее организации оказывал содействие Н. И. Новиков. Указ о запрещении частных типографий пошел на пользу развитию издательского дела в провинции: некоторые столичные типографы переехали вместе с оборудованием во вновь открываемые губернские типографии, чтобы иметь возможность

под этой казенной вывеской беспрепятственно продолжать свою деятельность. Так, издатель Пономарев переехал во Владимир и спокойно продолжал там начатые в Москве издания, И. Сытин из Петербурга переехал в Смоленск, С. Селивановский — из Москвы в Николаев.

Замечательным издательским предприятием была первая типография Сибири, открытая в Тобольске местным купцом Василием Корнильевым. В ней печатался первый русский журнал, выходящий в провинции — «Иртыш, превращающийся в Ипокрену»[1] (1789—1791). Журнал издавался силами учителей местного губернского училища; одним из главных организаторов был высланный в Тобольск писатель П. П. Сумароков. Некоторые стихи, помещенные в журнале, носят ярко выраженный антикрепостнический характер (рис. 75).

ИРТЫШЪ,
ПРЕВРАЩАЮЩІЙСЯ ВЪ ИПОКРЕНУ,
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ СОЧИНЕНІЕ,
издаваемое
отъ
Тобольскаго Главнаго народнаго училища.

МѢСЯЦЪ МАЙ
1790 года.

Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги науки,
И счастье дома находить.

Ода къ Фелицѣ напечат. въ 1 част. соб. лю. рос. сл.

ВЪ ТОБОЛЬСКѢ
Въ Типографіи Василья Корнильева.

Рис. 75. Титульный лист издававшегося в Тобольске литературного журнала «Иртыш»

В городе Перми (ныне Молотов) в 1796 году вышла первая книга по полиграфии, составленная руководителем типографии Филипповым; называлась эта книга «Описание типографских должностей».

Одно из наиболее интересных провинциальных издательств XVIII века — типография помещика Ивана Герасимовича Рахманинова (ум. 1807) в селе Казинке, близ города Козлова (ныне Мичуринск). Рахманинов был горячим поклонником Вольтера и стремился как можно шире распространить сочинения знаменитого писателя, имевшего в России многих приверженцев. Он сам переводил Вольтера и печатал его в собственной небольшой типографии в Петербурге; не довольствуясь этим, он завел еще типографию в своем имении. На книгах, отпечатанных в Казинке, Рахманинов указывал место издания — Козлов. Вскоре из города Козлова полетел в Петербург донос, в котором сообщалось, что в Казинке печатаются книги без разрешения цензуры. Приехавшие в 1793 году в имение власти

[1] Согласно греческой мифологии Ипокрена — источник, напившись из которого, человек приобретал дар поэтического творчества.

опечатали типографию и склад изданий. В 1797 году во время пожара были уничтожены как сама типография, так и отпечатанные тиражи сочинений Вольтера.

§ 90. ОФОРМЛЕНИЕ КНИГИ В XVIII ВЕКЕ

Кроме книг, напечатанных обычным типографским способом, в XVIII веке были в ходу издания, оттиснутые с гравированных медных досок. Эти книги имели много общего с европейскими ксилографическими книгами XV века. Они также печатались на одной стороне бумаги, которая потом складывалась пополам, белой стороной внутрь; в них также главную роль играли иллюстрации, а текст имел второстепенное значение. Иллюстрации выполнялись примитивно, иногда лишь очерковой гравюрой с последующей раскраской от руки.

Особенно любимыми среди читателей были басни Эзопа с прибавлением «жития хитроумного Эзопа», сказки о Еруслане Лазаревиче, о Бове Королевиче, о Ерше Ершовиче сыне Щетинникове и другие. Эта так называемая «лубочная» книга имела наибольшее хождение среди народа.

Оформление русской книги XVIII века отражает вкусы дворянских кругов, воспитанных на образцах французской книги. Как и во всей остальной Европе, оформление русской книги многими сторонами повторяло внешность французских изданий. Книги обильно украшались виньетками высокой или глубокой печати, на них изображались всевозможные венки, гирлянды из цветов, лент, музыкальных инструментов, раковин, характерных для орнаментики стиля рококо. Резвящиеся амуры появляются в самых неожиданных местах книги, иногда даже в книгах религиозного содержания, например в «Проповедях митрополита Платона» (Москва, 1780). В некоторых случаях амуры или гении, также в соответствии с приемами оформления французской книги, изображаются за различными занятиями, соответствующими содержанию книги: в книге о физическом воспитании амуры изображены моющимися в бане, в книге по анатомии они заняты вскрытием трупа. Мода на такого рода украшения проходит к концу 80-х годов, когда книга приобретает более строгий стиль.

Научная книга последних лет XVIII века обычно лишена украшений; более роскошные издания выходят иногда с нарядными титульными листами и фронтисписами. Своеобразно украшались книги, изданные Академией наук с самого начала ее деятельности. Здесь широко применялись заставки из мелких литых типографских украшений — звездочек, розеток, веточек и т. п. Собранные в замысловатые узоры, эти заставки придавали изданию особую красоту и хорошо сочетались с полосой набора.

Типография Академии наук, начиная с выпуска первых своих изданий, вводит новый рисунок русского шрифта, значительно

отличавшийся от петровских шрифтов и ближе подходящий к современным контрастным шрифтам. Имя создателя этого шрифта нам неизвестно, но рисунок этого шрифта является родоначальником почти всех шрифтов, употреблявшихся в русских типографиях XVIII века. Рисунки шрифтов того времени, внешне сходные между собой, имели некоторые характерные особенности у каждого печатника, так как каждая крупная типография имела собственную словолитню.

Многие книги XVIII века украшались портретами или фронтисписами; сравнительно небольшое количество книг имеет иллюстрации в собственном смысле слова. Особенно хорошо исполнены были альбомы видов, зарисовки всевозможных придворных торжеств, выходившие в 40-х годах. В это время вышли монументальные издания «Палаты Санктпетербургской Академии наук» (1741), представляющие собой собрание гравюр, изображающих здание Академии, музей, библиотеку и т. д. Большой роскошью отличается альбом, посвященный коронованию императрицы Елизаветы Петровны (1744), с замечательными гравюрами мастеров Григория Качалова, Ивана Соколова и других граверов. Несколько позднее появился «План столичного города Санктпетербурга» (1753), гравюры по рисункам Михаила Махаева.

ОПИСАНІЕ и ИЗОБРАЖЕНІЯ
РОССІЙСКИХЪ ПРОИЗРАСТЕНІЙ
изданныя
по
ПОВЕЛѢНІЮ
ЕКАТЕРИНЫ II
ИМПЕРАТРИЦЫ и САМОДЕРЖИЦЫ
ВСЕРОССІЙСКІЯ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
MDCCLXXXIV.

Рис. 76. Титульный лист книги академика П. С. Палласа «Описание российских произрастений» (Петербург, 1786)

Среди изданий второй половины века выделяется по оформлению «Описание российских произрастений» академика П. С. Палласа (Петербург, 1786) с альбомом произрастающих в России трав и цветов, рисунки выполнены офортом с замечательной точностью и изяществом и раскрашены от руки во всех экземплярах (рис. 76). Однако к иллюстрированию и оформлению книг в XVIII веке, как правило, не привлекались крупные художники, как это имело место в последующий период.

Оригинально и очень тонко выполненные виньетки встречаются в некоторых изданиях Новикова, но имя рисовавшего их художника остается неизвестным; эта строгость оформления нови-

ковских изданий была понятна: не декоративной стороной оформления старался привлечь читателя Н. И. Новиков.

Исключительной роскошью выделяются книги поэта Н. Е. Струйского, печатанные его крепостными в деревне Рузаевке и украшенные гравюрами двух приехавших из Германии мастеров — Набгольца и Шёнберга.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

КНИГА В ПЕРИОД РАЗЛОЖЕНИЯ КРЕПОСТНИЧЕСТВА И РОСТА КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

§ 91. ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО В РОССИИ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

На рубеже XVIII и XIX веков в экономике России происходили глубокие изменения. Крепостническое хозяйство постепенно распадалось, росли промышленность и торговля. Изменения в экономической жизни страны приводили к изменениям и в культурной области. Развитие промышленности и торговли способствует появлению и росту нового класса — буржуазии. Теперь новый читатель, которого в свое время Н. И. Новиков называл мещанином и рассчитывал на него, как на потребителя книги, становится литератором, писателем, издателем. Так разночинец вступает в литературу; занять в ней ведущее место ему удается только после 40-х годов, но влияние его на издательское дело, его вкусы и стремления можно наблюдать и в начале девятнадцатого века.

Время царствования Павла I было временем беспросветным для книжного дела. Наследник Павла Александр I, любивший, так же как и его бабушка Екатерина II, заигрывать с либеральными направлениями, сделавшись царем, снял запрет с издательского дела. Вновь стали открываться частные типографии; правительство разрешило ввоз из-за границы книг и нот, отменило цензуру, что являлось решительным шагом вперед по сравнению с прошлым веком.

Возобновилась интенсивная издательская деятельность ряда частных издателей. Одни из этих издателей создавали типографские предприятия чисто из коммерческих интересов, другие преследовали цели просветительные. В 1803 году была основана книжная фирма Глазуновых. Глазуновы еще в XVIII веке занимались издательской и книготорговой деятельностью; два брата Глазуновы пострадали в период преследований печати в последнее десятилетие XVIII века: один — за то, что торговал книгами Новикова, напечатанными без разрешения цензуры, другой — за издание трагедии Княжнина «Вадим Новгородский», герой которой восстает против самодержавия и тирании. Фирма Глазуновых просуществовала свыше ста лет.

Среди издателей и типографов первой четверти XIX века появляются французы-эмигранты. Двое из них, Плюшар и Семен, открыли типографии и издали множество отлично оформленных книг. Лучшими частными типографиями в начале XIX века были московские типографии С. И. Селивановского, П. П. Бекетова и Н. С. Всеволожского. Будучи издателем и типографом, Селивановский выпустил много научных книг. В 1821 году он сделал попытку издать энциклопедический словарь. Словарь был задуман широко и должен был составить около сорока томов. Однако успели выпустить только три тома; в 1826 году издание прекратилось, как предполагают, в связи с делом декабристов: декабрист В. К. Кюхельбекер принимал участие в работе над словарем.

Для развития научной книги вообще и исторической книги в частности имела большое значение деятельность графа Николая Петровича Румянцева, сына фельдмаршала Румянцева-Задунайского. Н. П. Румянцев долгое время находился на государственной службе и достиг высших должностей — был министром иностранных дел и государственным канцлером. Удалившись от дел, он посвятил последние годы жизни научному собирательству и различным задачам просветительного характера. Главный его интерес состоял во всестороннем изучении прошлого и настоящего России. Румянцев делал все возможное для того, чтобы достичь намеченной цели: собрал огромную библиотеку книг и рукописей, заказывал копии с документов, хранившихся в иностранных архивах, оказывал помощь отдельным ученым, финансировал географические экспедиции.

Собрания книг и рукописей Румянцева после его смерти были переданы государству под названием «Румянцевского музеума». Впоследствии его библиотека составила первое ядро крупнейшей в Советском Союзе Государственной библиотеки имени В. И. Ленина.

Но главное внимание Румянцев сосредоточил на публикации исторических первоисточников, которые издавались в научной обработке и роскошном оформлении. В этом деле Румянцев являлся прямым продолжателем Новикова. Все издания Румянцева имеют гравированные титульные листы, на которых помещалась издательская марка — герб с девизом «Non solum armis» — «Не только оружием». К работе по подготовке своих изданий Румянцев привлекал выдающихся историков и архивистов, перед которыми ставил широкие исследовательские задачи. Выполненные с исключительной тщательностью, эти издания и до настоящего времени не потеряли своего научного значения. Известнейшее среди них — «Собрание государственных грамот и договоров» — четыре прекрасно напечатанные тома большого формата, содержащие основные материалы по истории внешней политики и дипломатии России (рис. 77). Печаталось это издание в лучших типографиях того времени — у Всеволожского и Селивановского. Типографы также разделяли энтузиазм Румянцева и сделали

СОБРАНІЕ

ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ

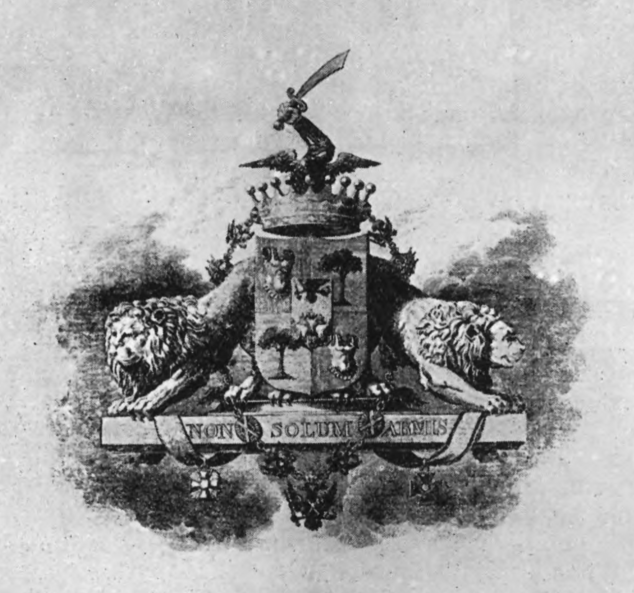
ГРАМОТЪ и ДОГОВОРОВЪ,

ХРАНЯЩИХСЯ

ВЪ

ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОЛЛЕГІИ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА,

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. С. ВСЕВОЛОЖСКАГО.

1813.

Рис. 77. Титульный лист одного из лучших изданий Н. П. Румянцева

все возможное для лучшего типографского выполнения книг, так, например, иллюстрации воспроизведены гравюрой на меди (офортом).

В начале XIX века вновь возродилась журналистика, почти совсем уничтоженная при Павле I. Были основаны новые журналы, среди которых наиболее популярным являлся журнал Н. М. Карамзина «Вестник Европы», орган либерального дворянства. Сильно расширилась издательская продукция научных учреждений и обществ. К этому времени относится возникновение таких обществ, как «Общество истории и древностей российских», «Общество испытателей природы» при Московском университете. Они сыграли огромную роль в развитии русской науки и в течение многих десятилетий издавали свои научные труды.

В 1804 году был издан первый цензурный устав. Рассмотрением книг и правом разрешения книг к печати ведал департамент просвещения. Первый устав о цензуре являлся сравнительно легким; так, например, один из его параграфов гласил: «Когда место, подверженное сомнению, имеет двоякий смысл, то в таком случае лучше истолковать оное выгоднейшим для сочинителя образом». Но в 1810 году было учреждено министерство полиции, и в следующем году цензуру передали в это министерство, что сразу поставило литературу в более тяжелые условия, чем она находилась раньше.

Русская книга первых десятилетий XIX века является высоким образцом художественного оформления. В иллюстрировании и украшении книги принимали участие лучшие художники того времени. Два направления в изобразительном искусстве, классицизм и романтизм, нашли свое отражение в оформлении книги, причем представители обоих направлений создали произведения высокого графического совершенства. Одним из представителей классицизма в русской книге был президент Академии художеств А. Н. Оленин. Монограмму Оленина можно видеть на ряде изданий той эпохи, как знак его одобрения и соавторства. Среди иллюстраторов встречаются имена известных художников И. Иванова, А. Брюллова, В. Лангера и многих других. Замечательные мастера С. Галактионов, И. Ческий, Н. Уткин и другие воспроизводили рисунки художников углубленной гравюрой на меди. Благодаря тесному сотрудничеству мастеров рисунка и гравюры создано множество книг, остающихся непревзойденными по высокохудожественному оформлению. Наиболее плодовитый и талантливый художник И. А. Иванов является представителем нарождающегося реалистического направления в иллюстрации. Таковы, например, его замечательные рисунки к «Басням» Хемницера (1820). На рис. 78 дан снимок с одной из иллюстраций художника И. А. Иванова к басням Хемницера. Гравировал С. Галактионов.

В 20-х годах XIX века в России начинает распространяться новый тип книги — литературно-художественный альманах.

Рис. 78. Иллюстрация художника И. А. Иванова к басне Хемницера «Зеленый осел»

Альманахи представляли собой ежегодные сборники стихотворных и прозаических произведений современных авторов; в них принимали участие крупнейшие писатели. Как правило, альманахи издавались в малом формате, с гравированным титульным листом и фронтисписом, в печатном картонаже; обычно они содержали несколько иллюстраций.

Лучшими альманахами были «Полярная звезда», которую издавали декабристы К. Ф. Рылеев и А. А. Бестужев, и «Северные цветы», издававшиеся одним из ближайших друзей Пушкина, поэтом А. А. Дельвигом.

§ 92. ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДЕКАБРИСТОВ

Дворянское освободительное движение переживает в 20-х годах XIX века период идейной подготовки. Среди будущих декабристов, являвшихся наиболее передовой и просвещенной частью дворянства, было много людей, связанных с литературой и наукой. Почти одновременно с организацией декабристами «Союза благоденствия», ставившего себе цели политические, возникло и литературное «Вольное общество просвещения и благотворения», впоследствии переименованное в «Вольное общество любителей российской словесности». В это общество входили те же писатели, которые состояли членами тайного «Союза благоденствия»: К. Ф. Рылеев, В. К. Кюхельбекер, Н. И. Тургенев, Ф. Н. Глинка. Основные задачи «Общества» — поощрение литературы и оказание помощи литераторам и ученым.

После Отечественной войны 1812 года правительство Александра I окончательно вступило на путь реакции. Последнее десятилетие царствования Александра I получило название периода аракчеевщины — от имени всесильного временщика графа А. А. Аракчеева, вершившего всеми делами управления. Единомышленником Аракчеева был министр народного просвещения А. С. Шишков. Литературная и издательская деятельность декабристов протекала в условиях все усиливавшегося гонения на свободную мысль и на литературу. В 1818—1825 годах «Вольное общество любителей российской словесности» издавало журнал «Соревнователь просвещения и благотворения». В этом журнале широко проводилась проповедь идей гуманизма. Доходы с издания шли на нужды учащихся и ученых.

Другой журнал «Невский зритель» издавался декабристом В. К. Кюхельбекером в 1820—1821 годах. В «Невском зрителе» К. Ф. Рылеев, обычно подписывавший свои произведения инициалами К. Р., поместил свою знаменитую сатиру «К временщику», которого он характеризует таким образом: «Неистовый тиран родной страны своей», и в котором все сразу узнали всесильного Аракчеева. Сатиру автор подписал своим именем, из-за чего он мог жестоко пострадать. Безнаказанным это выступление прошло либо оттого, что Аракчеев, как говорили, не читал журналов, как

и вообще ничего не читал, или же оттого, что, прочтя его, не захотел признать себя в портрете изображенного тирана.

Из числа изданий декабристов наибольшую известность приобрел альманах «Полярная звезда», издававшийся К. Ф. Рылеевым и А. А. Бестужевым ежегодно в 1823, 1824 и 1825 годах (рис. 79). В этих трех выпусках альманаха принимали участие виднейшие деятели литературы — Пушкин, Баратынский, Рылеев, Бестужев-Марлинский, Крылов, Жуковский, Вяземский, Гнедич и многие другие. В «Полярной звезде» была помещена поэма Рылеева «Исповедь Наливайки», посвященная герою освободительной войны украинского народа, и «Кавказский пленник» Пушкина с иллюстрациями С. Галактионова. Последнее произведение привлекло к себе симпатии издателей, так как в нем содержался горячий призыв к свободе личности. Альманахи декабристов пользовались большим успехом среди читателей и получили много положительных откликов в критической литературе. Статьями Бестужева, помещенными в альманахах, зачитывались представители передовой интеллигенции.

Однако общественно-политические и философские идеи декабристов не могли появиться в печати и не предназначались для нее. Наиболее замечательные произведения декабристов — «Русская Правда» П. И. Пестеля и «Конституция» Никиты Муравьева дошли до нашего времени в многочисленных рукописных списках. В этих произведениях нашли отражение общественно-политические взгляды декабристов. Оба эти труда были широко известны членам как Северного, так и Южного обществ декабристов и обсуждались на их собраниях. После расправы с декабристами оба проекта продолжали ходить по рукам в списках.

§ 93. ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО ВО ВРЕМЯ НИКОЛАЕВСКОЙ РЕАКЦИИ

Резкое усиление реакции после восстания декабристов 14 декабря 1825 года особенно тяжело отразилось на книжном и журнальном деле. Тридцатилетнее царствование Николая I было самым тяжелым временем для русской литературы и науки.

В 1826 году был издан новый цензурный устав, за свои невероятно тяжелые предписания получивший название «чугунного». В этом уставе содержалось 230 параграфов, сформулированных таким образом, что любой вопрос можно было истолковать в удобном для цензора смысле и запретить любое произведение. Так, например, в отношении исторических сочинений статья устава гласила: «История не должна заключать в себе произвольных умствований, которые не принадлежат к повествованию». Один из правительственных деятелей того времени сказал, что, пользуясь этим уставом, можно любую церковную молитву истолковать как произведение революционное.

В 1828 году цензурный устав был пересмотрен и изменен, число параграфов уменьшено почти вдвое и сделаны попытки

Рис. 79. Обложка альманаха «Полярная звезда»

уточнить неясности. Однако и этот устав губительно отражался на книжном деле. Согласно цензурному уставу рукопись проходила не одно цензурное учреждение, а иногда два или три. В тех случаях, когда в сочинении затрагивались специальные вопросы религии или государственного строя, оно должно было поступить на рассмотрение кроме цензурного комитета еще и в особое учреждение, ведающее данным вопросом (синод, сенат и др.). На тяжесть цензуры того времени постоянно жалуются все литераторы; в письмах и стихах Пушкина неоднократно встречаются высказывания о тяжести цензурного гнета. Как известно, Пушкин обратился однажды к Николаю I с жалобой на цензуру, на что царь предложил поэту: «Я сам буду твоим цензором».

Не довольствуясь строгими цензурными законами, правительство Николая I преследовало всякое проявление инициативы в издательском деле. Ставились всевозможные преграды, чтобы не допускать открытия новых журналов, а из числа уже существующих многие в 30-х годах были закрыты. Ограничивалась и торговля иностранными книгами. После того как в Западной Европе началась революция 1848 года, правительство решило еще в большей степени усилить цензуру. Был создан негласный комитет, получивший название «Комитета 2 апреля» или «Бутурлинского комитета» от имени возглавлявшего его Д. П. Бутурлина. Обязанность «Комитета» состояла в том, чтобы наблюдать за цензурой; таким образом, это была цензура над цензурой. Цензор нес ответственность за разрешенное им к печати литературное или научное произведение. Боясь ответственности, цензоры находились в постоянной тревоге за каждое просматриваемое ими произведение, вследствие этого они усиливали придирки к авторам.

§ 94. ПРОГРЕССИВНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Однако ни цензурные, ни административные преследования не могли остановить наступательное движение прогресса. Литература развивалась, появлялись замечательные произведения, и хотя иногда они в течение длительного времени запрещались цензурой, все же в конце концов делались доступными для широкого круга читателей. Происходило усиленное распространение литературных произведений в виде рукописных списков. Так, например, гениальная комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума», написанная в 1824 году, распространялась в рукописном виде, в печати она появилась уже после смерти автора — в 1833 году. Вышла она с огромными пропусками, так как часть материала цензор не разрешил к печати.

О размерах распространения литературы в списках можно судить на основании высказываний одного из реакционных деятелей того времени — Сенковского. По его словам, следовало бы разрешить напечатать «Горе от ума» (которого, по словам газеты

«Северная пчела», ходило в списках до 40 тысяч экземпляров), так как отсутствие печатных экземпляров этого произведения усиливало интерес к нему, а «неблагонамеренные лица могут еще и добавлять от себя стишки».

В течение длительного времени распространялось в рукописном виде знаменитое письмо Белинского к Гоголю (1874), а также многие воспоминания участников Крымской войны 1853—1856 годов. В рукописных списках распространялись многочисленные проекты крестьянской реформы, выходившие из рядов либерального дворянства, которое в результате кризиса крепостного хозяйства убедилось в неизбежности уничтожения крепостного права.

Попытка ведения печатной пропаганды была сделана участниками известного революционного кружка петрашевцев. Главный организатор кружка М. В. Буташевич-Петрашевский, горячий приверженец идей утопического социализма Фурье, выпустил вместе со своими единомышленниками «Карманный словарь иностранных слов», составленный Н. С. Кирилловым (1845—1846). В этом словаре под видом толкования таких иностранных слов, как «конституция», «республика», «демократия», высказывались революционные взгляды. В толковании некоторых иностранных слов нетрудно было разгадать скрытый смысл. Например, в объяснении слова «анархия» сказано, что она «иногда господствует и в таком государстве, где, повидимому, существует и стройность и порядок в управлении, но в сущности нет ни прочных постановлений, ни строгого выполнения их». Легко было увидеть здесь намек на Россию при Николае I. Во втором выпуске словаря, который редактировал Петрашевский, давалось толкование слов в духе утопического социализма, причем редактор отсылал интересующихся отдельными вопросами к сочинениям Сен-Симона, Фурье, Прудона и других представителей социальных учений.

Первый выпуск словаря благополучно вышел в свет. Второй выпуск еще до выхода из типографии был конфискован и уничтожен, сохранились случайно единичные экземпляры. После этого власти стали разыскивать и уничтожать первый выпуск словаря.

§ 95. ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. И. ГЕРЦЕНА

Тяжелый политический режим при царствовании Николая I вызвал резкое обострение классовой борьбы в стране, а цензурные гонения на печать — возникновение так называемой вольной русской печати за границей. Зачинателем вольной прессы за границей был известный русский писатель А. И. Герцен.

Александр Иванович Герцен (1812—1870) начал издательскую деятельность уже будучи известным литератором, автором ряда философских и литературных произведений. Правительство два раза высылало из Москвы Герцена за высказанные им в личной переписке мнения о положении России; он провел несколько лет в ссылке в Вятке, во Владимире и в Новгороде. Возвратив-

шись из последней ссылки, Герцен понял, что никакая практическая деятельность, связанная с распространением передовых идей лучших русских людей, в царской России невозможна. Он начал хлопотать о разрешении уехать за границу, еще не отдавая себе отчета в том, какие формы примет его деятельность, но зная твердо, что едет работать для того, чтобы добиться изменения тягостных условий жизни русского народа. За границу Герцен попал накануне революции 1848 года и был свидетелем нарастания революционного подъема и самой революции в Париже. Поражение революции и последовавший через некоторое время (1851) захват власти во Франции Наполеоном III он пережил как тяжелый удар. В 1850 году русское правительство потребовало немедленного возвращения Герцена в Россию. Он не подчинился этому требованию и решил стать эмигрантом. Правительство объявило Герцена политическим преступником, но, к великой злобе Николая I, не имело возможности конфисковать все его состояние, кроме недвижимости.

В 1852 году Герцен поехал в Лондон и здесь встретился с польскими эмигрантами, уехавшими после восстания 1831 года, чтобы спастись от преследований. Герцен, еще раньше выражавший сочувствие полякам, сошелся с ними в Лондоне и оказывал им материальную помощь. Уже давно у Герцена зародилась идея о создании вольной русской типографии за границей. В Лондоне появилась реальная возможность осуществить эту идею. Польские эмигранты, имевшие в Лондоне собственное издательство, помогли Герцену организовать типографию. Шрифты были закуплены в знаменитой парижской словолитне Дидо, где случайно оказались русские шрифты, заказанные и не взятые Академией наук. Польские эмигранты помогли и в пересылке в Россию первых изданий Герцена, так как имели налаженные связи по отправке своих изданий контрабандным путем.

В феврале 1853 года Герцен выпустил литографированное объявление о предполагающемся открытии русской типографии в Лондоне; оно предназначалось для распространения в России и начиналось с обращения «Братьям на Руси». В этом объявлении Герцен писал: «Если мы все будем сидеть сложа руки и довольствоваться бесплодным ропотом и благородным негодованием; если мы будем благоразумно отступать от всякой опасности и, встретив препятствие, останавливаться, не делая опыта ни перешагнуть, ни обойти, тогда долго не придут еще для России светлые дни».

Вскоре типография была оборудована, и летом 1853 года вышел первый печатный листок под названием «Юрьев день! Юрьев день! Русскому дворянству». Это было обращение к дворянству с призывом к отмене крепостного права. Герцен говорил: «Из ваших рядов вышли Муравьев и Пестель, Рылеев и Бестужев. Из ваших рядов вышли Пушкин и Лермонтов». Указывая на страшный правительственный гнет в стране, на существование рабства

в ней, Герцен предупреждал дворян, что скоро наступит время, когда народ, отчаявшись, сам отвоюет себе свободу. За первой листовкой последовала вторая — «Поляки прощают нас!», где с обычной горячностью Герцен отстаивал свободу польского народа. Далее вышла брошюра «Крещеная собственность», в которой снова ставился вопрос о положении крепостных крестьян в России. В первых своих изданиях Герцен определил то основное направление, по которому пошла дальнейшая деятельность лондонского издательства: «Весь русский вопрос, по крайней мере, в настоящее время, заключается в вопросе о крепостном праве. Россия не может сделать ни шага вперед, пока в ней не будет уничтожено рабство».

В 1855 году вольная типография выпустила первый номер журнала, или периодического сборника, «Полярная звезда». Во вступительной статье Герцен призывал всех своих «московских друзей» принять участие в его органе. Он говорил, что «Полярная звезда» «должна быть... убежищем всех рукописей, тонущих в императорской цензуре, всех изувеченных ею». Как уже указывалось, в это время множество литературных произведений распространялось в рукописных списках; Герцен призывает присылать эти рукописи, чтобы, отпечатав их, закрепить для будущего поколения.

«Полярная звезда» получила свое название в память альманаха декабристов Рылеева и Бестужева, выходившего под тем же названием. Обложка была нарисована и выгравирована на дереве английским художником Линтоном, личным другом Герцена. На ней изображен медальон с портретами в профиль пяти казненных декабристов, а под ними в виде эмблемы плаха и топор. Эпиграф «Да здравствует разум» взят из сочинений Пушкина. Рис. 80 представляет собой снимок со второго издания «Полярной звезды», вышедшего в 1858 году. Гравюра, которая была в первом издании на обложке, в настоящем отпечатана в виде фронтисписа.

Первые листовки лондонской типографии не нашли быстро отклика в России, и это серьезно беспокоило Герцена. Только после рассылки первых сборников «Полярной звезды» Герцен начал получать из России письма, выражавшие радость по поводу возможности прочитать живое слово правды.

После двухлетнего молчания вместе с письмами в Лондон буквально посыпались статьи, рукописи. Уже в первой книге «Полярной звезды» было напечатано знаменитое «Письмо Белинского к Гоголю»; затем стали появляться в большом количестве материалы, которые никогда не увидели бы света, если бы их не напечатала Лондонская типография. Это были записки и мемуары, относившиеся к Крымской войне, работы по статистике и экономике России, многочисленные проекты крестьянской реформы и наконец запрещенные цензурой литературные произведения — стихи Пушкина, Лермонтова, Огарева, воспоминания

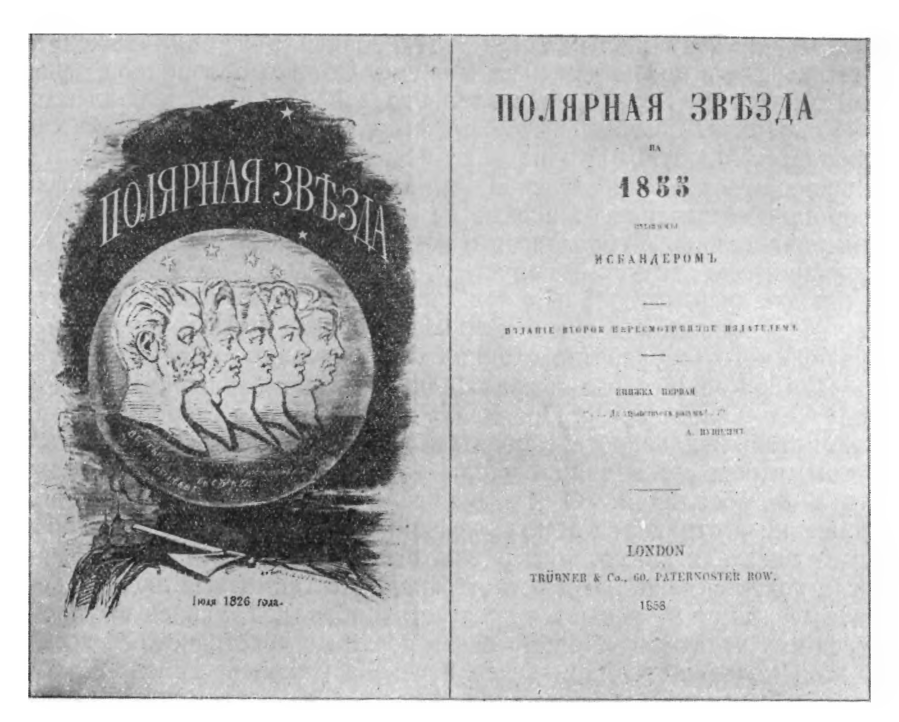

Рис. 80. Второе издание журнала А. И. Герцена «Полярная звезда» на 1855 год (Лондон, 1858)

декабристов. Наплыв материалов, предназначенных для публикации, был так велик, что «Полярная звезда» уже не могла их вместить. Пришлось создавать новые сборники. В 1856 году в Лондон приехал друг Герцена Н. П. Огарев (1813—1877) и стал помогать ему в издательской деятельности. Специально для рукописей, присылаемых из России, были созданы новые периодические сборники под названием «Голоса из России» (1856—1860).

В 1857 году стало выходить новое периодическое издание — журнал «Колокол» (1857—1867), лучшее и наиболее известное из всех изданий Герцена и Огарева. Журнал был задуман первоначально как «прибавочные листы к «Полярной звезде». При основании «Полярной звезды» предполагалось выпускать ее три раза в год, но затем она стала выходить два раза в год. «Полярная звезда» выходит слишком редко, мы не имеем средств издавать ее чаще. Между тем события в России несутся быстро, их надобно ловить на лету», — так объясняли издатели появление нового журнала в первом номере «Колокола». По внешнему виду «Колокол» представлял собою тетради большого формата, состоявшие из 8 листов и по оформлению более напоминавшие газету. Под заглавием находился девиз на латинском языке «Vivos

voco!» — «Зову живых!» (рис. 81). Сначала журнал выходил ежемесячно, а потом два раза в месяц. Обилие материалов, присылавшихся из России, заставляло издателей давать добавления к «Колоколу». С 1859 по 1862 год выходило прибавление под заглавием «Под суд!» Это издание посвящено специально опубликованию преступлений царской администрации и помещиков. Здесь сообщались сведения об истязании крестьян, о жестоком обращении начальников с солдатами, о всевозможных злоупотреблениях чиновников, о взятках, о попустительстве и т. д. — одним словом, публиковались материалы о тех делах, за которые полагалось отдавать виновных под суд и которые в условиях феодально-бюрократического государства сходили безнаказанно.

С 1862 по 1864 год выходило еще одно прибавление к «Колоколу» — «Общее вече». Предназначалось оно для старообрядцев, в нем ставились вопросы свободы вероисповедания. Герцен мечтал о том, чтобы его издания дошли до деревни. В одной из своих статей он восклицал: «О если бы слова мои могли дойти до тебя, труженик и страдалец земли русской!» Но надежда на то, чтобы слова писателя дошли до деревни, была слишком слаба: деревня была почти сплошь неграмотной. Зная, что грамотные люди сравнительно чаще встречаются среди старообрядцев, Герцен пытался через них изданием «Общего вече» дойти до крестьянской массы. С этой целью в «Общем вече» перепечатывались статьи «Колокола» в популярном изложении. Скоро и журнал «Общее вече» также выполнил свою задачу: издатели стали получать письма от старообрядцев.

Лондонские издатели разоблачали грабительский характер крестьянской реформы 1861 года. Так, одна из статей Герцена и Огарева названа «Народ обманут царем». Если в первые годы издания «Колокола» у Герцена временами появлялись колебания в сторону либерализма, то теперь Герцен окончательно встает на путь демократизма. «Колокол» говорит о необходимости поддерживать крестьянские восстания.

В 1865 году издательство было переведено из Лондона в Женеву, ставшую в это время центром русской эмиграции. В 1867 году выход «Колокола» прекратился, хотя еще в 1868 году было напечатано несколько номеров на французском языке. Герцен решил прекратить это издание, так как связи с русскими корреспондентами ослабли, материалов поступало мало, и издатели поняли, что дело «Колокола» сделано. В связи с новой волной реакции, начавшейся в России после покушения Каракозова на царя, связи России с эмигрантами, и в частности с Герценом, стали прекращаться.

Кроме периодических изданий издательство Герцена выпустило также значительное количество отдельных книг, в том числе сочинения Герцена (под псевдонимом Искандер) «Былое и думы», «С того берега» и др.; запрещенные стихи русских поэтов; «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева; записки

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ.

VIVOS VOCO!

Выходитъ ежемѣсячно въ Лондонѣ, — цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, W. C.

No. 1.

1 Іюля 1857.

У Трюбнера & Co. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго, 39, Rupert Street, Haymarket, London. Price six-pence.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Россія тягостно молчала,
Какъ изумленное дитя,
Когда неистово гнета
Одна рука ее сжимала;
Но тотъ, который что есть силъ
Ребенка мощнаго давилъ,
Онъ съ тупоуміемъ капрала
Не зналъ, что передъ нимъ лежало,
И мысль его не понимала
Какая есть въ ребенкѣ сила;
Рука—ее не задушила,
Сама съ натуги замерла.

Въ годину мрака и печали,
Какъ люди русскіе молчали,
Гласъ вопіющаго въ пустынѣ
Одинъ раздался на чужбинѣ;
Звучалъ на почвѣ не родной—
Не ради прихоти пустой,
Не потому, что изъ боязни
Онъ укрывался бы отъ казни,
А потому, что здѣсь языкъ
Къ свободномыслію привыкъ
И не касалася окова
До человѣческаго слова.

Привѣта съ родины далекой
Дождался голосъ одинокой,
Теперь юнѣй, сильнѣе онъ...
Звучитъ, раскачиваясь, звонъ,
И онъ гудѣть не перестанетъ,
Пока—спугнувъ ночные сны—
Изъ колыбельной тишины
Россія бодро не воспрянетъ
И крѣпко на ноги не станетъ,
И непорывисто сильна—
Начнетъ торжественно и стройно,
Съ сознаньемъ доблести спокойной,
Звонить во всѣ колокола.

Полярная Звѣзда выходитъ слишкомъ рѣдко, мы не имѣемъ средствъ издавать ее чаще. Между тѣмъ событія въ Россіи несутся быстро, ихъ надобно ловить на лету, обсуживать тотчасъ. Для этого мы предпринимаемъ новое повременное изданіе. Не опредѣляя сроковъ выхода, мы постараемся ежемѣсячно издавать одинъ листъ, иногда два, подъ заглавіемъ Колоколъ.

О направленіи говорить нечего; оно тоже, которое въ Полярной Звѣздѣ, тоже, которое проходитъ неизмѣнно черезо всю нашу жизнь. Вездѣ, во всемъ, всегда, быть со стороны воли—противъ насилія, со стороны разума — противъ предразсудковъ, со стороны науки — противъ изувѣрства, со стороны развивающихся народовъ — противъ отстающихъ правительствъ. Таковы общіе догматы наши.

Въ отношеніи къ Россіи, мы хотимъ страстно, со всею горячностью любви, со всей силой послѣдняго вѣрованія, — **чтобъ съ нея спали наконецъ ненужные старые свивальники**, мѣшающіе могучему развитію ея. Для этого мы теперь, какъ въ 1855 году (*), считаемъ первымъ необходимымъ, неотлагаемымъ шагомъ:

освобожденіе слова отъ цензуры!
освобожденіе крестьянъ отъ помѣщиковъ!
освобожденіе податнаго состоянія отъ побоевъ!

Не ограничиваясь впрочемъ этими вопросами, Колоколъ посвященный исключительно русскимъ интересамъ, будетъ звонить чѣмъ бы ни былъ затронутъ — нелѣпымъ указомъ или глупымъ гоненіемъ раскольниковъ, воровствомъ сановниковъ или невѣжествомъ сената. Смѣшное и преступное, злонамѣренное и невѣжественное, все идетъ подъ Колоколъ.

А потому обращаемся ко всѣмъ соотечественникамъ, дѣлящимъ нашу любовь къ Россіи и просимъ ихъ не только слушать нашъ Колоколъ, но и самимъ звонить въ него!

Появленіе новаго русскаго органа служащаго дополненіемъ къ 'Полярной Звѣздѣ' не есть дѣло случайное и зависящее отъ одного личнаго произвола, а отвѣтъ на потребность; мы должны его издавать.

Для того чтобы объяснить это, я напомню короткую исторію нашего типографскаго станка.

Русская Типографія, основанная въ 1853 году въ Лондонѣ, была запросомъ. Открывая ее, я обратился къ нашимъ соотечественникамъ съ призывомъ, изъ котораго повторяю слѣдующія строки:

"Отчего мы молчимъ?
Неужели намъ нечего сказать?
Или мы молчимъ только оттого, что мы не смѣемъ говорить?

(*) Программа Полярной Звѣзды.

Рис. 81. Первый номер «Колокола» А. И. Герцена

декабристов Якушкина, Трубецкого, Пущина и других; стихотворения К. Ф. Рылеева.

В качестве авторов статей в изданиях Герцена кроме самого Герцена и Огарева выступали политические эмигранты, проживавшие в Лондоне. С ними Герцен никогда не порывал связи; в 1862 году при «Колоколе» Герцен основал денежный фонд, производился сбор денег на помощь пострадавшим от политических гонений. Многие из политических эмигрантов сотрудничали в редакции, работали в типографии Герцена.

Герцен начал типографское и издательское дело на собственные средства, не рассчитывая на прибыли, однако уже с первых изданий расходы на него были покрыты и в дальнейшем денежных затруднений издательство не испытывало. Для того чтобы переправлять издания Герцена в Россию, издательство установило связь с книжными торговцами. Провозили издания через границу контрабандным путем, посредством подкупа и обмана пограничных чиновников. Иногда в ящике, полном нелегальных изданий, было положено сверху несколько безобидных книг, вроде басен Лафонтена, и весь транспорт благополучно проникал в Россию. Бывали случаи, когда издания Герцена посылали в обложках от других книг. Однажды большое количество дамских шляп упаковали в отдельные листы «Колокола», которые потом были тщательно разглажены и подобраны.

Как «Колокол», так и другие издания Герцена расходились в России в очень больших количествах. Проникали эти издания и в реакционные круги общества, и даже к лицам, близким ко двору. Есть свидетельство о том, что об одном из преступлений, описанном в журнале «Под суд», было доведено до сведения правительства, которое, таким образом, вынуждено было привлечь виновных к ответственности. Высшие чиновники, которые вели подготовку крестьянской реформы, пользовались статьями «Колокола» по крестьянскому вопросу, так как в русской литературе, зажатой тисками николаевской цензуры, не могли появиться материалы, характеризующие истинное положение крестьянства. Тираж «Колокола» доходил до 3 тысяч экземпляров; он имел успех не только среди русских, но и среди передовых кругов Западной Европы. В Брюсселе в 1862 году начал издаваться «Колокол» в переводе на французский язык. В России некоторые номера «Колокола», содержавшие особенно интересные статьи, перепечатывались в подпольной типографии, организованной студентами Московского университета.

Царское правительство всеми мерами боролось с влиянием и распространением изданий Герцена. III отделение преследовало корреспондентов Герцена, найденные экземпляры изданий отбирались, а виновные в их распространении подвергались аресту и ссылке. Чтобы подорвать издательскую деятельность Герцена, царское правительство направило в Лондон своих тайных агентов и даже поручило им печатать за границей под видом неле-

гальных изданий литературу, направленную против Герцена. Но все меры борьбы царского правительства с Герценом были безуспешны: голос «Колокола» продолжал звучать попрежнему.

В 1912 году, к столетию со дня рождения А. И. Герцена, в нелегальной газете «Социал-демократ» появилась статья В. И. Ленина «Памяти Герцена». В этой статье Ленин дал блестящую оценку деятельности Герцена, охарактеризовав его, как создателя зарубежной революционной печати. «Герцен создал вольную русскую прессу за границей — в этом его великая заслуга. «Полярная Звезда» подняла традицию декабристов. «Колокол» . . . встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчание было нарушено»[1].

Освещая роль Герцена в русском освободительном движении, как представителя поколения дворян-революционеров, В. И. Ленин связывает Герцена с последующим движением революционных демократов и тем показывает большое значение его деятельности в освободительной борьбе русского народа.

Таким образом, вся деятельность Герцена связана с последующими периодами революционного движения.

§ 96. А. Ф. СМИРДИН

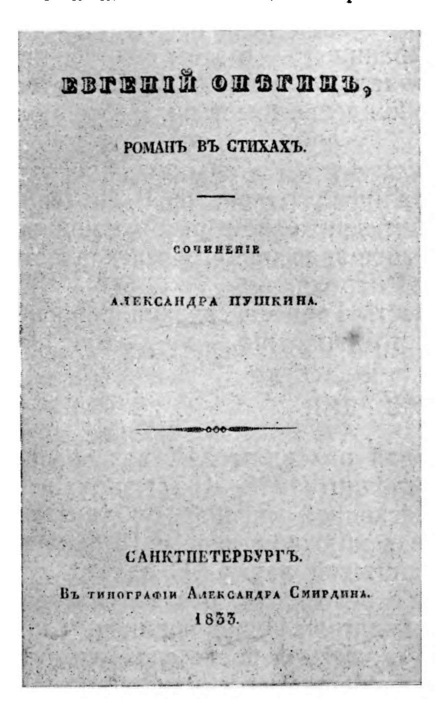
Среди книжных деятелей первой половины XIX века выделяется Александр Филиппович Смирдин (1795—1857), крупнейший издатель и владелец превосходной личной библиотеки. Смирдин начал свою деятельность в книжном деле с 13-летнего возраста в должности мальчика книжной лавки. С ранних лет он впитал в себя любовь к книге и особенно к русской литературе. Владелец книжной лавки и издатель Плавильщиков, у которого Смирдин работал продавцом, завещал после своей смерти все свое дело Смирдину. У Плавильщикова накопились большие долги, которые Смирдин выплатил, и стал продолжать дело с большим успехом. Основная заслуга Смирдина состояла в том, что он начал издавать серию «Собрание сочинений русских писателей» — это были аккуратно напечатанные томики форматом в одну восьмую печатного листа в однотипных серых обложках. «Дотоле не умру, —любил говорить Смирдин, — пока не напечатаю всех русских литераторов». Значение этого дела можно оценить вполне только в том случае, если учесть обстановку того времени: читательские круги, по преимуществу дворянские, предпочитали переводные романы; русскую литературу читали в то время мало и знали плохо.

А. Ф. Смирдин издал около 70 собраний сочинений русских писателей. Кроме того, он выпустил сборник «Сто русских литераторов» в трех объемистых томах с портретами писателей и иллюстрациями (1839—1845). В 1834 году Смирдин основал

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 12.

журнал «Библиотека для чтения», ставший наиболее популярным журналом, широко обслуживавшим провинцию — в основном мелкопоместные дворянские круги. Журнал Смирдина имел небывалый успех. Уже на втором году своего существования он насчитывал 5 тысяч подписчиков в провинции, а позднее количество подписчиков дошло до 7 тысяч. По содержанию он предназначался именно для провинциального читателя. В нем помещались беллетристические произведения — русские и переводные, — поэзия, научно-популярные статьи, статьи по сельскому хозяйству и домоводству. В деревне, где каждая книга прочитывалась, как говорится, «от доски до доски», такого рода журнал был очень нужен: он давал материалы, удовлетворявшие все вкусы и все возрасты читателей.

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ,

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Александра Смирдина.

1833.

Рис. 82. Первое полное издание «Евгения Онегина»

Смирдин установил прочные связи с литераторами своего времени; он установил твердый авторский гонорар, что позволило многим писателям сделать свой труд профессией, а не занятием «в свободное время», как говорилось в XVIII веке. На рис. 82 показан титульный лист первого издания «Евгения Онегина» Пушкина. В таком оформлении выходили сочинения русских писателей в изданиях Смирдина.

Книжная лавка Смирдина и его библиотека были своеобразным литературным клубом того времени. Писатели заходили к Смирдину не только с той целью, чтобы купить или взять для чтения книгу, но и для того, чтобы поделиться литературными и политическими новостями. Когда в 1833 году Смирдин перевел свою лавку в новое помещение и устроил по этому случаю обед, приглашенные писатели поднесли ему в подарок свои произведения, из которых затем составился двухтомный альманах «Новоселье». Пушкин поместил в этом альманахе свое произведение «Домик в Коломне». Для титульного листа «Новоселья» художник Александр Брюллов нарисовал иллюстрацию — «Обед в книжной лавке Смирдина» (рис. 83). Среди гостей за столом сидят Пушкин, Крылов, Вяземский и другие. На титульном листе второго выпуска альманаха «Новоселье» изображена сама книжная лавка

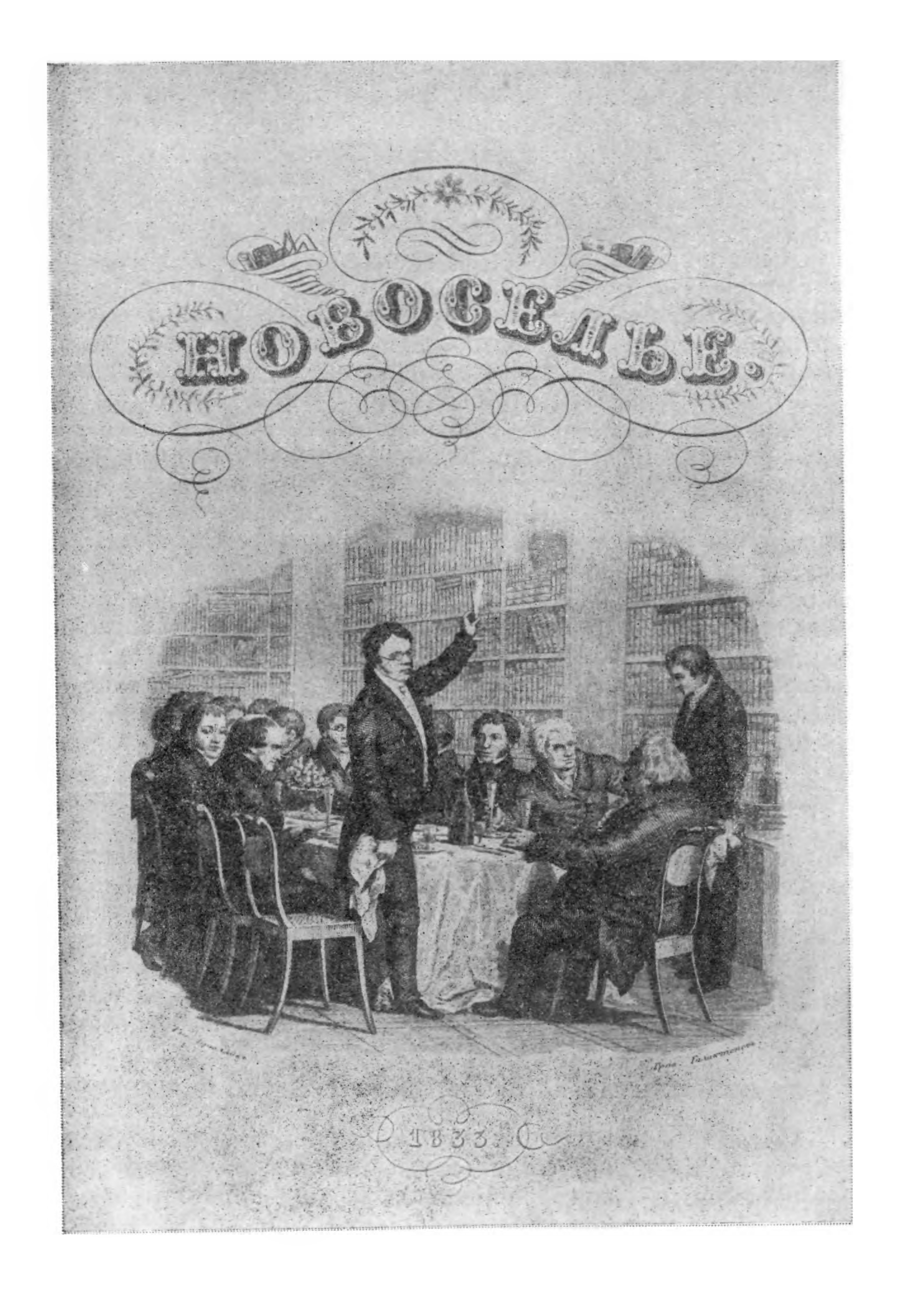

Рис. 83. Обед в книжной лавке Смирдина. Титульный лист альманаха «Новоселье»

Смирдина. На переднем плане стоит Пушкин, а в глубине, за конторкой, сидит хозяин лавки. Поэт Измайлов посвятил Смирдину следующее четверостишие:

Когда к вам ни придешь,
То литераторов всегда у вас найдешь.
И в умной дружеской беседе
Забудешь иногда, ей-ей, и об обеде.

Имея широкое знакомство среди литераторов, Смирдин не сумел привлечь подходящих людей в качестве редакторов «Библиотеки для чтения». Редактирование этого издания он отдал в руки реакционных литераторов Сенковского и Греча, которые стали вести журнал в крайне реакционном, угодном начальству духе. Будучи человеком слабовольным, Смирдин попал под влияние этих лиц и уже не был в состоянии освободиться от них. Широкий размах Смирдина при оплате авторского гонорара, далеко не совершенная отчетность в ведении дел и расходы, в которые вовлекли его Сенковский и Греч, привели наконец к тому, что финансовые дела Смирдина пошатнулись. Издательство его пришло в упадок и, обремененный долгами, он закончил издательское дело. Причина неудачи была заложена также в переоценке Смирдиным положения на книжном рынке: так как грамотность в России была еще слабо развита, то книга, несмотря даже на ее дешевизну, не стала ходким товаром. В 40-х годах страна переживала экономический кризис; повышение цен в результате неурожаев отразилось крайне неблагоприятно и на продаже книг — получилось затоваривание.

Значение деятельности Смирдина в распространении и популяризации русской литературы, в удешевлении книги, повышении тиражей, в создании круга провинциальных покупателей книг и подписчиков на журналы достаточно велико. В. Г. Белинский не раз отмечал заслуги Смирдина: «Благодаря Смирдину приобретение книг более или менее сделалось доступным и тому классу людей, которые наиболее читают и, следовательно, наиболее нуждаются в книгах. Повторяем: это главная заслуга г. Смирдина перед русской литературой и русскою образованностью»[1].

§ 97. ОФОРМЛЕНИЕ КНИГИ И ТЕХНИЧЕСКИЕ НОВОВВЕДЕНИЯ

По оформлению русская книга первой половины XIX века не только не уступала западноевропейской книге, но во многом превосходила ее. Хорошая печать, обилие гарнитур шрифтов, разнообразие приемов украшения и иллюстрирования создавали непревзойденные образцы оформления книги, сделавшиеся классическими.

Развитию искусства книгопечатания содействовало возникновение нескольких словолитен, снабжавших шрифтами все типо-

[1] В. Г. Белинский, Сочинения, т. IX, 1884, стр. 442.

графии. Некоторые словолитни выпускали такие образцы шрифтов и украшений, которыми они по праву могли гордиться. Из таких образцов шрифтов особенно известны: «Образцы литер, виньетов и политипажей[1], находящихся у Августа Семена» (М., 1818 и 1826) (рис. 84); «Образцы литер типографии и словолитни Семена Селивановского» (М., 1834) и «Образцы типов из словолитни Ревильона и Ко» (Спб., 1841). Все три словолитни отливали большое количество шрифтов, текстовых и титульных разных кеглей (размеров); каждому кеглю прямого шрифта соответствовал такой же шрифт курсивного (наклонного) начертания. Кроме русских шрифтов отливались латинские, готические (фрактура), греческие, армянские. Словолитни изготовляли также множество орнаментальных узоров, рамочек, линеек, мелких типографских украшений, комбинируя которые типографии могли создавать замысловатые узоры. В словолитне Ревильона производили подбор политипажей для типографий. Разнообразие политипажей, изготовлявшихся словолитней Ревильона, необычайно велико — свыше 700 рисунков; выполнение политипажей поражает изяществом рисунка и тонкостью гравирования.

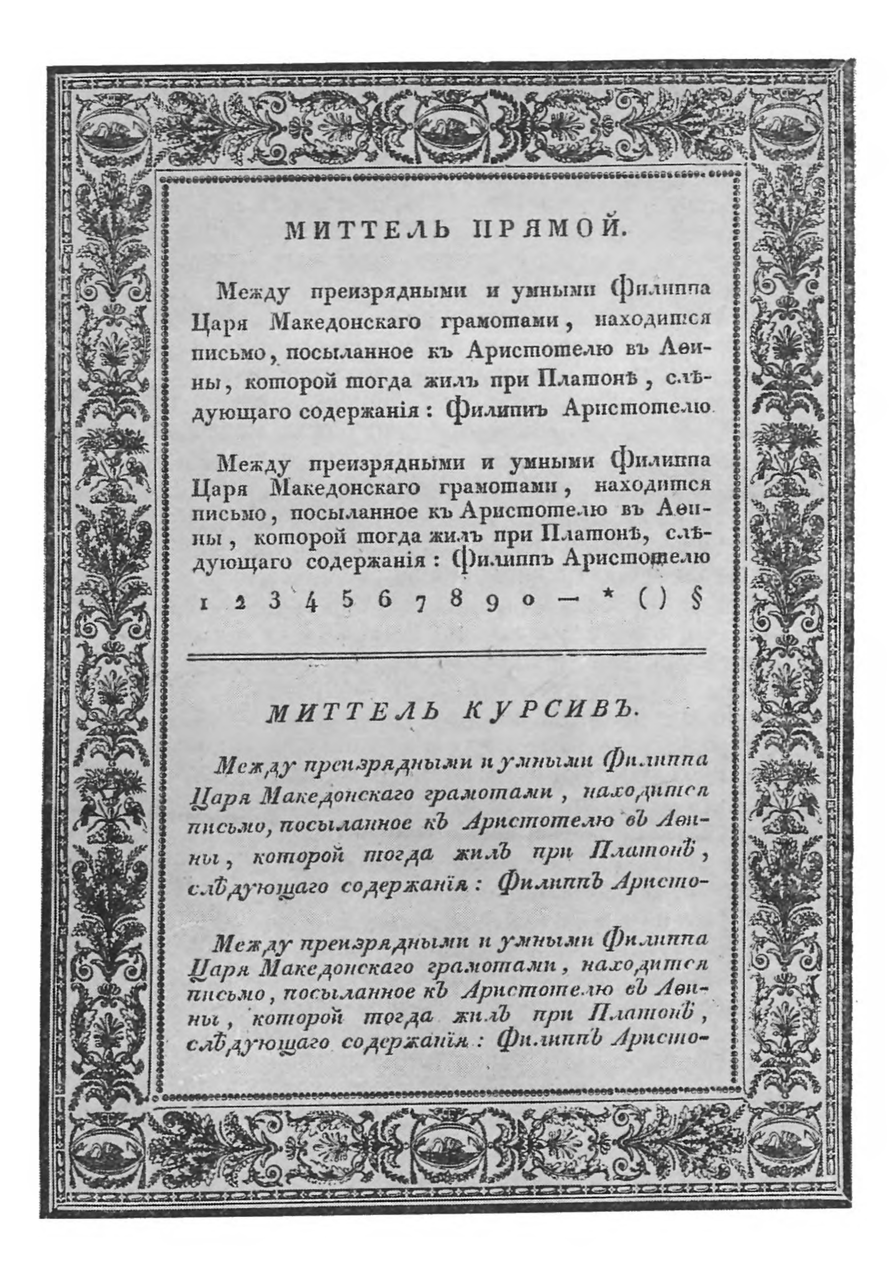
В 1838 году русский физик академик Борис Семенович Якоби (1801—1874) изобрел гальванопластику — способ получать металлические рельефные формы, скопированные с оригинала с помощью электролиза. Это изобретение нашло широкое применение в полиграфическом производстве для получения копии с гартовых, цинковых или с деревянных клише, а также для покрытия печатных форм из мягкого металла слоем более твердого металла (никеля, железа). Такое покрытие давало возможность получать большое число отпечатков.

В 30-х годах широко распространяются в книгопроизводстве новые способы воспроизведения иллюстраций — литография и торцовая гравюра на дереве. Оба способа были известны и раньше, но мало применялись в книге. Эти способы удешевили иллюстрирование книг, вытеснили дорогостоящую гравюру на меди, что способствовало появлению дешевых иллюстрированных изданий. В 1835 году начинает выходить первый в России иллюстрированный журнал «Живописное обозрение», организованный К. А. Полевым. Полевому не удалось получить разрешение цензуры на это издание, и потому «Живописное обозрение» выходило в издательстве упомянутого выше Августа Семена. Это журнал энциклопедического типа, щедро иллюстрированный гравюрами на дереве и дававший читателю самый разнообразный материал научно-популярного характера.

Новые идейные течения, возникшие в прогрессивных кругах общества, нашли отражение как в изобразительном искусстве,

---

[1] Политипажем называли изготовленную из типографского металла печатную форму, полученную путем копирования с деревянной гравюры; при помощи политипажей с одного деревянного клише можно было получить большое число металлических.

МИТТЕЛЬ ПРЯМОЙ.

Между преизрядными и умными Филиппа Царя Македонскаго грамотами, находится письмо, посыланное къ Аристотелю въ Аѳи-ны, которой тогда жилъ при Платонѣ, слѣдующаго содержанія: Филиппъ Аристотелю

Между преизрядными и умными Филиппа Царя Македонскаго грамотами, находится письмо, посыланное къ Аристотелю въ Аѳи-ны, которой тогда жилъ при Платонѣ, слѣдующаго содержанія: Филиппъ Аристотелю

1 2 3 4 5 6 7 8 9 0 — * ( ) §

МИТТЕЛЬ КУРСИВЪ.

Между преизрядными и умными Филиппа Царя Македонскаго грамотами, находится письмо, посыланное къ Аристотелю въ Аѳи-ны, которой тогда жилъ при Платонѣ, слѣдующаго содержанія: Филиппъ Аристо-

Между преизрядными и умными Филиппа Царя Македонскаго грамотами, находится письмо, посыланное къ Аристотелю въ Аѳи-ны, которой тогда жилъ при Платонѣ, слѣдующаго содержанія: Филиппъ Аристо-

Рис. 84. Страница из «Образцов шрифтов» словолитни А. Семена (Москва, 1826)

так и в книжном оформлении. Уже в 30-х годах в книжной иллюстрации проявляется реалистическое направление. Литература ставит своей задачей правдивое изображение окружающей действительности, и ту же действительность художники-иллюстраторы стремятся правдиво передать в своих рисунках. На 40-е годы приходится расцвет русской реалистической иллюстрации, связанной с деятельностью выдающихся художников-графиков и граверов — А. А. Агина, В. Ф. Тимма, П. А. Федотова, Р. К. Жуковского, Е. И. Ковригина, И. С. Щедровского, Е. Е. Бернардского, Г. Г. Гагарина, А. П. Сапожникова и других. Эти иллюстраторы создают замечательные памятники книжной графики. Во многих случаях иллюстрации надолго пережили те произведения, которые они украшали. Перед художниками встали новые задачи — правдиво изобразить действительную жизнь, показать живого человека, которого до тех пор заслоняло академическое искусство, требовавшее сюжетов, взятых из давно прошедших эпох или из мифологических сказаний. Эти новые задачи вызвали появление огромного количества всякого рода очерков, сопровождавшихся иллюстрациями, которые изображали представителей различных слоев общества, и главным образом представителей трудовых классов. Так, например, известный художник И. С. Щедровский создал альбом «Сцены из русского народного быта».

Количество книг, созданных в 40-х годах художниками-реалистами, очень велико. По высокому мастерству на первое место следует поставить произведения замечательного рисовальщика Александра Алексеевича Агина (1817—1875), работавшего в тесном содружестве с не менее замечательным гравером на дереве Е. Е. Бернардским. Иллюстрации этих двух мастеров к «Мертвым душам» Гоголя являются лучшими среди множества иллюстраций на ту же тему, а создание их — подлинный творческий подвиг. При жизни художникам не удалось издать все свои рисунки. Н. В. Гоголь отказался дать согласие на издание «Мертвых душ» с какими бы то ни было иллюстрациями, исходя из того взгляда, что художественное произведение должно говорить само за себя. Попытка Бернардского издать рисунки за свой счет не удалась; он был арестован по делу Буташевича-Петрашевского как один из участников его кружка. Ни Агин, ни Бернардский не получили никакой материальной выгоды от своего труда. Испытывая огромные материальные лишения, они продолжали трудиться над осуществлением своего замысла. Сто рисунков к «Мертвым душам» появились в печати впервые после смерти обоих мастеров в 1892 году.

По объему художественной продукции одно из главных мест занимает Василий Федорович Тимм (1820—1895), уроженец Прибалтики, получивший художественное образование в Петербурге. Тимм был прекрасным рисовальщиком и литографом. В многочисленных его иллюстрациях сильно заметно влияние западной,

особенно французской книги. Это влияние иногда доходило до прямого подражания. Тимм иллюстрировал знаменитое издание «Наши, списанные с натуры русскими», выходившее отдельными выпусками. По мастерству рисунка и гравюры на дереве иллюстрации к этому изданию стоят несравненно высоко, но сами рисунки являются прямым подражанием французской книге «Французы, нарисованные ими самими», незадолго перед тем вышедшей в Париже. В издании «Наши, списанные с натуры русскими» (1841) имеется несколько рисунков, правдиво отражающих русскую действительность; в них художник выступает обличителем существующего общественного строя. В первом выпуске «Наших» помещена иллюстрация к очерку «Водовоз» (рис. 85). Каждая деталь рисунка — и сам водовоз, и его лошаденка, и вся окружающая обстановка — вызывает чувство острой жалости. Художник дал такое реалистическое изображение нищеты, какое встречается лишь у позднейших реалистов-передвижников. Появление этого рисунка вызвало переполох в цензурном ведомстве: так как оснований для запрещения подыскать было нельзя, то оно отдало распоряжение скупать этот выпуск за деньги и уничтожать его. Тимм был вызван в III отделение, где ему сделали указание на недопустимость выпуска подобных рисунков.

Из числа отдельных произведений русской литературы, иллюстрированных Тиммом, наибольшей и вполне заслуженной известностью пользуются «Сенсации и замечания г-жи Курдюковой за границею, дан л'этранже» (1840) — сатирическая поэма И. П. Мятлева, написанная языком, представляющим смесь «французского с нижегородским» и высмеивающая увлечение некоторых светских кругов всем западным.

В 1851 году Тимм предпринял издание журнала «Русский художественный листок» (1851—1862), состоявшего почти из одних иллюстраций. Большинство этих иллюстраций выполнено самим художником способом литографии. Журнал является подробной художественной летописью современной жизни, в нем отражались все более или менее крупные события. Особенно интересны рисунки, относящиеся к Севастопольской обороне 1854—1855 годов, — зарисовки боевых эпизодов, сцены из жизни армии, портреты героев Крымской войны. Эти рисунки остаются до наших дней незаменимым памятником той эпохи.

Одно из лучших изданий 40-х годов — «Тарантас» Соллогуба (1845). Иллюстрации в книге были выполнены художником Г. Г. Гагариным, но они не имеют подписи. Эти рисунки развертывают целую картину провинциальной жизни того времени: тут и представители всех классов общества, и обстановка жилищ, постоялых дворов, и пейзажи, и дороги в бескрайних степях — одним словом, вся провинциальная жизнь, изображенная необычайно остро, подчас с гоголевской беспощадностью. Некоторые рисунки поданы карикатурно: таково изображение почтовой

18 НАШИ.

какъ мы здоровы: но въ полнѣйшемъ значеніи этого выраженія. Вспомните, что мы прячемъ безчисленныя и, можетъ-быть, довольно грязныя болѣзни, давно живущія въ братской связи въ тѣлѣ нашемъ, подъ мягкую фланель фуфайки, подъ лоснящееся сукно моднаго фрака, подъ бархатъ жилета и ратинъ пальто. Мы кутаемъ ихъ богатыми енотами; спокойно возимъ ихъ съ собою въ свѣтъ; безпечно старѣемся вмѣстѣ съ ними, и кто знаетъ, кто побожится, исправившійся-ли я или еще настоящій, хотя сѣдой шалунъ? Водовозу это невозможно: безпрерывныя усилія, ужасающая ходьба, въ снѣгъ, въ слякоть, въ жаръ и холодъ, прямое безперемежное вліяніе воздушныхъ перемѣнъ; горячая испарина, обильно извлекаемая тяжкимъ трудомъ и мгновенно изсушаемая вѣтромъ, обмываемая дождемъ, оледеняемая морозомъ, — не бархатъ, не ратинъ; они быстро и страшно разовьютъ въ немъ малѣйшее зерно всякой болѣзни, несомнѣнно убьютъ его въ нѣсколько дней; онъ не успѣетъ даже собрать консультаціи единственныхъ друзей человѣчества, богатыхъ и модныхъ медиковъ.

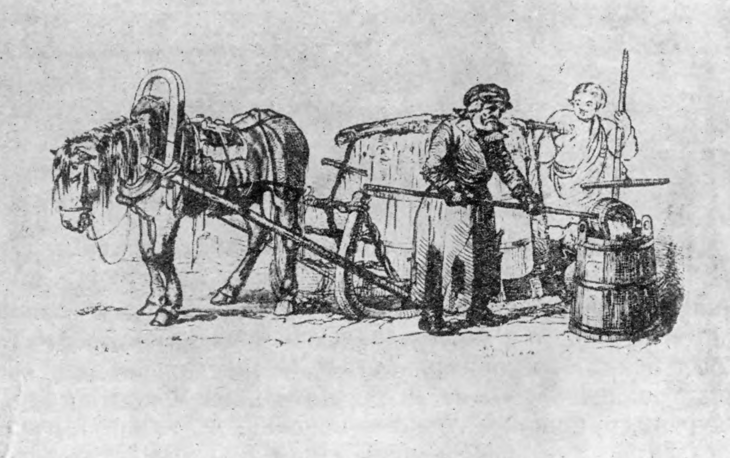

Рис. 85. Страница из книги «Наши, списанные с натуры русскими» с иллюстрацией В. Ф. Тимма

— 120 —

будто они были виноваты, что въ англійской каретѣ лопнула рессора.

— Эй, вы! закричалъ онъ довольно неучтиво подъѣзжающему тарантасу. — Помогите, пожалуйста.

«Стой!» закричалъ Василій Ивановичъ.

Иванъ Васильевичъ ахнулъ.

«Князь... Какъ это вы здѣсь... въ Россіи?»

Князь съ недовѣрчивостью взглянулъ на нежданнаго знакомца, и спросилъ сквозь дымъ сигарки: — А вы какъ

Рис. 86. Страница из книги «Тарантас» с иллюстрацией Г. Г. Гагарина

станции, где из-за красивого фасада в стиле греческого портика видны грязь, нищета и запустение. Современной критикой «Тарантас» был принят восторженно. В. Г. Белинский писал в «Отечественных записках»: «Вглядитесь в эти лица мужиков, баб, купцов, купчих, помещиков, лакеев, чиновников, татар, цыган — и вы согласитесь, что рисовавший их не только мастер рисовать, но и великий художник и знает Россию» (рис. 86).

Р. К. Жуковский оставил нам классические иллюстрации к сказке П. П. Ершова «Конек-Горбунок»; А. П. Сапожников — великолепные, чисто реалистические иллюстрации к басням Крылова. Сапожников известен также как автор серии иллюстраций к шутливой повести Казака Луганского (В. И. Даля)

«Приключения Виоль д'Амура и его Аршета». Рисунки с большим сочувствием изображали тяжелую жизнь неудачника-музыканта, и уже современниками было признано, что они намного превосходят текст самой повести.

Иллюстрации 30-х и 40-х годов высоко оценивал В. Г. Белинский, особенно отмечавший их национальный характер.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

КНИЖНОЕ ДЕЛО В ПЕРИОД КАПИТАЛИЗМА

§ 98. ЦЕНЗУРА И ПЕЧАТЬ

После крестьянской реформы 1861 года Россия вступила на путь капиталистического развития, которое до этого времени задерживалось существованием крепостного права.

После окончания неудачной для России Крымской войны правительство вынуждено было провести ряд буржуазных реформ и в других областях. Наступило некоторое облегчение и для печати. Бутурлинский комитет был упразднен. В 1865 году были изданы временные правила о цензуре. Согласно временным правилам от предварительной цензуры освобождались некоторые категории книг, как, например, сочинения классиков литературы, переводы античных писателей и т. п., а также допускалось без предварительной цензуры издание книг объемом выше десяти печатных листов. С одной стороны, это было выгодно авторам и издателям, так как избавляло рукопись от исправлений цензоров; с другой стороны, выпуск книг без предварительной цензуры был всегда связан с риском: в случае обнаружения чего-либо предосудительного, с точки зрения цензуры, весь тираж уничтожался, а издатель привлекался к судебной ответственности. Таким образом, ослабление предварительной цензуры усилило карательную цензуру. Большое количество лучших книг, вышедших в 60-х годах без предварительной цензуры, подверглось уничтожению, а издатели их — судебному преследованию. Среди книг, подвергавшихся преследованию, были такие капитальные работы, как «Душа человека и животных» В. Вундта (1865), «Рефлексы головного мозга» И. М. Сеченова (1866), Сочинения Д. И. Писарева, т. II (1867), «Клод Гё» В. Гюго (1867) и многие другие.

С 70-х годов началось издание списков книг, запрещенных к обращению в России. В течение 50—70-х годов цензурные преследования литературы и журналистики в зависимости от общеполитических условий то усиливались, то ослаблялись. Цензурные гонения особенно усилились после польского восстания 1863 года и каракозовского покушения на Александра II в 1866 году.

§ 99. Н. А. НЕКРАСОВ-ИЗДАТЕЛЬ

Выразительницей общественно-политического подъема явилась периодическая печать, получившая в ту эпоху значительное развитие. Вновь возникшие журналы откликались на все злободневные события и имели широкое распространение среди интеллигенции. Передовым журналом, к голосу которого прислушивалась вся Россия, был «Современник» — ежемесячный журнал, издававшийся в 1847—1866 годах.

Период развития передовых течений в связи с революционной ситуацией 1859—1861 годов в России отмечен расцветом издательской деятельности известного поэта Николая Алексеевича Некрасова (1821—1877), тесно связанного как с революционно-демократическим движением, так и с обличительно-реалистическим направлением в литературе. Строго хронологически первые издания Некрасова относятся еще к 40-м годам, но целесообразнее рассказать о них здесь, чтобы не разделять всей издательской деятельности Н. А. Некрасова. Несомненно, что главное значение имеет деятельность Некрасова в журнале «Современник» 50-х и 60-х годов. К 40-м годам относится несколько литературно-художественных сборников, являвшихся пробными опытами будущего выдающегося редактора и публициста.

Ряд этих изданий Некрасова открывает сборник под заглавием «Физиология[1] Петербурга, составленная из трудов русских литераторов» (1845). Кроме Некрасова в этом издании принимали участие В. Г. Белинский, Д. В. Григорович, И. И. Панаев. Весь сборник, как и последующие издания Некрасова, принадлежит к тем произведениям, которые рисуют жизнь обиженных и страдающих людей. Это та литература, которая была рассчитана на нового читателя — на разночинца. Великий русский критик В. Г. Белинский много способствовал пониманию нового реалистического направления, научив видеть в литературе не развлечение от скуки, а серьезное общественное дело.

На первом месте в сборнике помещен очерк Белинского «Петербург и Москва». Очерк Некрасова «Петербургские углы» с беспощадным реализмом рисует бедственное материальное положение рабочего и бродячего люда, обитателей «углов» и коек. Иллюстрировали сборник лучшие рисовальщики того времени: Е. И. Ковригин, В. Ф. Тимм, Р. К. Жуковский; гравюры на дереве исполнял Е. Е. Бернардский.

За первым сборником, изданным Некрасовым, последовали другие, не отступавшие от принятого направления. В 1846 году вышел «Петербургский сборник»; в нем участвовали Белинский, Некрасов, Панаев, Достоевский, Герцен, Тургенев. Среди материалов сборника выделяются «Бедные люди» Достоевского, посвященные той же теме несчастного человека. Шуточная поэма

---

[1] «Физиологиями» в тот период было принято называть произведения, посвященные литературному или графическому изображению быта.

Тургенева «Помещик» была иллюстрирована рисунками А. А. Агина, имевшими исключительный успех. Само произведение Тургенева давно забыто и не имеет важного значения в его литературном наследстве, но рисунки Агина живут и долго будут жить, как блестящий и выразительнейший памятник эпохи.

В следующем сборнике, названном «Иллюстрированный альманах» (1848), помещена повесть А. Я. Панаевой (под псевдонимом Н. Станицкий) «Семейство Тальниковых». Эта повесть, рисующая семейный деспотизм и уродливость воспитания детей, вызвала похвалу Белинского, но была запрещена цензурой. Из-за этой повести цензура не разрешила выпуск всего сборника. К сборнику были приложены напечатанные на отдельных листах литографии-карикатуры известного художника Н. А. Степанова. В иллюстрировании альманаха принимал участие и другой замечательный художник П. А. Федотов, давший иллюстрации к повести Достоевского «Ползунков». Интересно, что цензура на этот раз не разрешила печатать и карикатуры Степанова. Сами по себе карикатуры были вполне безобидного характера: они изображали мир артистов, но цензор объяснил причину запрещения выпуска альманаха тем, что от осмеяния артистов легко перейти к осмеянию более высоких представителей общества. Часть иллюстраций запрещенного «Иллюстрированного альманаха» Некрасов использовал в следующем издании — «Литературный сборник» (1849).

§ 100. ЖУРНАЛ «СОВРЕМЕННИК»

В 1846 году Н. А. Некрасов совместно со своим другом и литературным соратником И. И. Панаевым приступил к изданию журнала. Эту мысль горячо приветствовал В. Г. Белинский, вынужденный работать в таких журналах, общему направлению которых он не сочувствовал. Создать новый журнал в условиях николаевского режима было трудно: получить разрешение на открытие нового журнала было почти невозможно, поэтому приходилось перекупать уже существующие издания. Некрасов и Панаев остановились на журнале «Современник», в то время влачившем жалкое существование. «Современник» основал А. С. Пушкин в 1836 году. Поэт имел большие планы по расширению и укреплению журнала, хотел привлечь в сотрудники В. Г. Белинского, но смерть помешала ему привести эти планы в исполнение. После смерти Пушкина журнал был приобретен другом поэта П. А. Плетневым.

В 1846 году состоялась покупка «Современника» Некрасовым (рис. 87). В качестве главного редактора журнала был приглашен либеральный профессор А. В. Никитенко (Некрасову и Панаеву, как лицам политически неблагонадежным, не разрешалось занять место редактора). При новых издателях журнал начал выходить с 1847 года и сразу же завоевал ведущее

СОВРЕМЕННИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА И. ПАНАЕВЫМЪ и Н. НЕКРАСОВЫМЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
А. НИКИТЕНКО

ТОМЪ I

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА

—

1847

Рис. 87. Титульный лист первого тома журнала «Современник»

положение в русской передовой журналистике. Белинский перешел в «Современник», но из-за тяжелой болезни не смог долго сотрудничать в журнале. В 1848 году Белинский умер, смерть его была большой потерей для журнала. В беллетристический отдел Некрасов привлек лучших представителей современной литературы — Герцена, Толстого, Тургенева, Григоровича, Фета, Майкова.

После европейских революций 1848 года цензурные гонения на печать усилились; это отразилось и на «Современнике». Главный его редактор Никитенко получил предупреждение, что если направление журнала останется прежним, то редактор будет привлечен к ответственности. Никитенко отказался от редактирования журнала; после продолжительных хлопот было получено разрешение оставить главным редактором И. И. Панаева с условием строгой ответственности за содержание журнала.

В период деятельности Бутурлинского комитета журнал, сдавленный тисками «цензурного террора», начал постепенно хиреть, на страницах его стали появляться малоценные литературные произведения.

Новая эра началась для «Современника» с 1853 года, когда в редакции стал сотрудничать Н. Г. Чернышевский (1828—1889). Чернышевский, которому поручили отдел критики и библиографии, внес оживление в журнал. Настоящий расцвет «Современника» начался с 1856 года благодаря изменениям в политической жизни, связанным с окончанием Крымской войны и смертью Николая I. Чудовищный цензурный режим николаевского царствования даже самим цензорам начинает представляться нелепым и не достигающим цели, так как запрещаемая литература распространялась в рукописных копиях и читалась нарасхват. Наступает период некоторого ослабления цензуры, хотя устав 1828 года еще продолжает действовать.

Под влиянием Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова (1836—1861) — последний начал сотрудничать в журнале с 1856 года — «Современник» делается наиболее передовым журналом, основным органом революционно-демократического движения. Однако это положение журнал завоевал в результате продолжительной и острой борьбы внутри редакции. Обострение классовой борьбы в конце 50-х годов, накануне крестьянской реформы, отразилось и на редакции «Современника», в которой произошел разрыв между писателями — представителями либерального дворянства и писателями-разночинцами. Поводом к разрыву послужил выход знаменитой диссертации Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности». В ней автор доказывал, что подлинная красота состоит в изображении реальной жизни, что задача искусства — это служение людям, а не стремление унестись в какие-то высшие сферы. Перед Некрасовым, как издателем журнала, вплотную встал вопрос: к какой стороне примкнуть, так как становилось очевидным, что при обострив-

шихся отношениях дальнейшее сотрудничество в журнале обеих групп невозможно. По своим взглядам Некрасов стоял ближе к разночинно-демократическому лагерю, но как издатель боялся потерять ведущих сотрудников-литераторов. Когда же столкновение дошло до того, что ряд сотрудников-либералов потребовал удаления Чернышевского, Некрасов пошел на разрыв с известнейшими писателями, но сохранил Чернышевского. После этого из «Современника» один за другим ушли Толстой, Тургенев, Григорович, Майков, Фет. Предсказание насчет того, что с уходом известных беллетристов журнал пострадает материально, не сбылось; напротив, тираж журнала вырос, журнал все более и более завоевывал симпатии читателей. Руководство «Современником» и редакцию его вели совместно и в большом творческом согласии Некрасов, Чернышевский и Добролюбов. Пришли новые сотрудники: талантливый публицист Н. В. Шелгунов, великий сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин, поэт В. С. Курочкин. Идеи революционного демократизма, проводившиеся журналом, жадно воспринимались читателями. В этих идеях выражался протест против крепостничества и реакции.

После объявления «Манифеста 19 февраля 1861 года» вся правительственная и большая часть либеральной печати хором приветствовали «освобождение» крестьян. «Современник» встретил эту реформу полным молчанием, но это молчание было красноречивее слов. Читатели, привыкшие видеть на страницах журнала живой отклик на современные события, могли расценить и расценили это молчание в его истинном значении: журнал «Современник» отрицательно отнесся к реформе.

В 1861 году умер один из ведущих сотрудников и редакторов «Современника» — Н. А. Добролюбов, а в следующем году журнал был закрыт цензурой на восемь месяцев; затем был арестован Чернышевский. Положение журнала после возобновления выхода в свет сильно пошатнулось, но популярность его в среде читателей все более и более возрастала. Преследования цензуры усиливались, редакторы были вынуждены буквально обивать пороги цензурного комитета с постоянными хлопотами о разрешении напечатать тот или другой материал. В 1863 году в «Современнике» появился роман Чернышевского «Что делать?», написанный им в тюрьме и встреченный читателями с огромным сочувствием.

В 1865 году был введен новый цензурный устав, по которому журналы освобождались от предварительной цензуры, но всякий журнал мог быть закрыт после двух предупреждений. Положение «Современника», получившего одно за другим два предупреждения, сделалось критическим; сам Некрасов сравнивал его с положением безнадежно больного. В 1866 году Д. Каракозов покушался на жизнь царя Александра II, после чего правительственная реакция приняла небывалые размеры. Репрессии отразились также на печати; несколько журналов было закрыто. Эта же участь постигла и «Современник».

Близким к «Современнику» по направлению был в 1859—1866 годах журнал «Русское слово», в котором писал известный критик-публицист Д. И. Писарев. С 1859 по 1873 год поэт В. С. Курочкин и художник Н. А. Степанов издавали еженедельный журнал «Искра», посвященный общественной сатире. Один из участников «Искры», поэт П. И. Вейнберг, писал в своих воспоминаниях: «Нельзя себе представить, как жадно набрасывалась

Рис. 88. Объявление о выходе журнала «Искра» (1859)

публика на каждый номер «Искры», какой авторитет она завоевала себе на самых первых порах, как боялись ее все имевшие основание предполагать, что они могут попасть или под карандаш ее карикатуристов, или под перо ее поэтов и прозаиков, с какой юношеской горячностью, наконец, относились к своему делу и мы сами». Кроме постоянных сотрудников, к которым принадлежал Вейнберг (псевдоним «Гейне из Тамбова»), в «Искре» помещались иногда произведения Добролюбова, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Герцена. После двух правительственных предупреждений «Искра» в 1873 году была закрыта самим Курочкиным.

А. М. Горький считал, что распространение идей революционных демократов является большой заслугой «Искры». Рис. 88 изображает объявление о готовящемся выходе журнала «Искра».

§ 101. ПОДПОЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ ПЕРИОДА РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ 1859—1861 ГОДОВ

Конец 50-х годов, предшествовавших крестьянской реформе, так же как и первые годы после крестьянской реформы 1861 года, характеризуются обострением классовой борьбы. Такая «реформа», естественно, не могла удовлетворить крестьянские массы; они ждали другой, более справедливой воли. Восстания крестьян вспыхивали в разных областях страны и подавлялись правительством с большой жестокостью. Крестьянские волнения дали толчок к созданию революционных организаций среди передовой интеллигенции и главным образом среди учащейся молодежи.

Реформу 19 февраля 1861 года шумно встретила печать правой ориентации, но прогрессивные и демократические круги были лишены возможности высказать свое отрицательное отношение к ней в легальной печати. Такое отношение являлось подлинным отношением огромного большинства русского народа. Уже летом 1861 года стали появляться напечатанные тайно прокламации с требованием изменения крестьянской реформы. Первая из этих прокламаций называлась «Великорусс». Вышла она из среды либеральных кругов и содержала крайне умеренные требования правого буржуазно-демократического крыла освободительного движения 60-х годов. Авторы «Великорусса» считали справедливым дать крестьянам те земли, которыми они пользовались при крепостном праве, освободить крестьян от выкупных платежей. В противном случае, предупреждали авторы прокламации, может вспыхнуть всеобщее крестьянское восстание, и тогда помещикам будет плохо. В вопросах политического устройства авторы не шли дальше конституционной монархии; для выработки конституции требовали созвать представителей «образованных классов». За первым выпуском «Великорусса» последовали еще два. Полиции, в руки которой попалась прокламация, не удалось установить лиц, составивших и отпечатавших ее. Пало подозрение на сотрудников «Современника», но оно осталось недоказанным.

Гораздо более прогрессивную программу выставила другая прокламация — «К молодому поколению», напечатанная А. И. Герценом в Лондоне и распространявшаяся в России осенью 1861 года (рис. 89). Авторами ее были сотрудники «Современника» — Н. В. Шелгунов и М. И. Михайлов. Прокламация призывает к полному уничтожению остатков крепостного права, к национализации земли и передаче ее крестьянским общинам; требует общественного самоуправления, выборных административных должностей, свободы слова, уничтожения полиции, сокращения расходов на армию. Авторов не пугает возможность революции: «Если бы для осуществления наших стремлений, для раздела земли между народом, пришлось бы вырезать сто тысяч помещиков, мы не испугались бы этого». Но все же, отдавая дань либерализму, авторы прокламации надеются на возможность мирных реформ со стороны правительства.

КЪ МОЛОДОМУ ПОКОЛѢНІЮ.

ПЕЧАТАНО БЕЗЪ ЦЕНСУРЫ ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ, ВЪ СЕНТЯБРѢ 1861 ГОДА.

Я-ль буду въ роковое время
Позорить гражданина санъ,
И подражать тебѣ, изнѣженное племя
Переродившихся Славянъ?
Нѣтъ, не способенъ я въ объятьяхъ сладострастья,
Въ постыдной праздности, влачить свой вѣкъ младой
И изнывать кипящею душой
Подъ тяжкимъ игомъ самовластья.—
Пусть юноши, не разгадавъ судьбы,
Постигнуть не хотятъ предназначенья вѣка;
И не готовятся для будущей борьбы,
За угнетенную свободу человѣка.
Пусть съ хладнокровіемъ бросаютъ хладный взоръ
На бѣдствія страдающей отчизны
И не читаютъ въ нихъ грядущій свой позоръ,
И справедливыя потомковъ укоризны.
Они раскаются, когда народъ возставъ
Застанетъ ихъ въ объятьяхъ праздной нѣги
И въ бурномъ мятежѣ, ища свободныхъ правъ,
Въ нихъ не найдетъ ни Брута, ни Ріеги.

РЫЛѢЕВЪ.

Когда манифестъ о волѣ былъ уже готовъ и оставалось только объявить его, русское правительство прежде всего струсило; оно испугалось своего собственнаго дѣла,—ну а если вся Россія поднимется? если народъ пойдетъ на зимній дворецъ? И рѣшили объявить народу волю въ великомъ посту, а балаганы на время масляницы отнесли подальше отъ дворца—на царицынъ лугъ. О знаніе сердца человѣческаго! О знаніе русскаго народа! Вѣдь правительство думало, что оно осчастливитъ свой народъ? Гдѣ-же слыхано, чтобы человѣкъ счастливый пошелъ бить стекла и колотить встрѣчныхъ! Если-же правительство боялось народа, значитъ оно имѣло причины его бояться. И точно, причина была: Во первыхъ, государь обманулъ ожиданіе народа—далъ ему волю не настоящую, не ту, о которой народъ мечталъ и какая ему нужна. Во вторыхъ, онъ укралъ у него радость, объявилъ манифестъ въ великомъ посту, а не 19 Февраля. Въ третьихъ, организаціей коммиссій, составлявшихъ и разсматривавшихъ "Положеніе" государь показалъ полнѣйшее презрѣніе ко всему народу и къ лучшей, т. е. къ образованнѣйшей, честнѣйшей и способнѣйшей части русскаго общества—къ народной партіи: все дѣло велось въ глубочайшемъ секретѣ, вопросъ разрѣшался государемъ и помѣщиками, никто изъ народа не принималъ участія въ работѣ, журналистика не смѣла пикнуть—царь давалъ народу волю какъ милость, какъ бросаютъ сердящемуся псу сухую кость, чтобы его успокоить на время и спасти свои икры.

Все это не можетъ и не должно быть прощено правительству. Не народъ существуетъ для правительства, а правительство для народа. [illegible] правительство, которое не понимаетъ народа, не знаетъ его нуждъ и потребностей, которое, считая себя помѣщикомъ, дѣйствуетъ исключительно въ своекорыстныхъ цѣляхъ, которое наконецъ презираетъ народъ имъ управляемый—недостойно этого народа. Романовы вѣроятно забыли, что они свалились не съ неба, а выбраны народомъ, потому что ихъ считали способнѣе управлять Россіей, чѣмъ какихъ нибудь польскихъ и шведскихъ королевичей. Вотъ почему если они не оправдываютъ надеждъ народа—долой ихъ! Намъ не нужна власть, оскорбляющая насъ; намъ не нужна власть, мѣшающая умственному, гражданскому и экономическому развитію страны; намъ не нужна власть, имѣющая своимъ лозунгомъ развратъ и своекорыстіе.

Намъ нуженъ не царь, не императоръ, не помазанникъ божій, не горностаевая мантія прикрывающая наслѣдственную неспособность; мы хотимъ имѣть главой простаго смертнаго, человѣка земли, понимающаго жизнь и народъ, его избравшій. Намъ нуженъ не императоръ помазанный масломъ въ успенскомъ соборѣ, а выборный старшина, получающій за свою службу жалованье.

Освобожденіе крестьянъ и послѣдніе четыре года показали, что новое правительство, при своемъ настоящемъ составѣ и при тѣхъ правахъ, которыми оно пользуется, рѣшительно никуда негодится. Все та-же сіятельная тупость и подлость окружаютъ царя; все тѣ-же казнокрады, Адлерберги и Муравьевы стоятъ во главѣ правительства; Россіи правительство не знаетъ и знать не хочетъ; общественнаго мнѣнія для него не существуетъ, какъ не существуетъ для него русскаго общества, какъ не существуетъ для помѣщика мнѣнія его крестьянъ. Правительство наше знаетъ только себя и дѣлаетъ только то, что ему выгодно. Укажите намъ людей довольныхъ правительствомъ! Адлерберги да Муравьевы, наживающіеся добромъ, собраннымъ съ народа? Десять человѣкъ, изъ за которыхъ страдаютъ 60 милліоновъ? И это правительство и это императорская власть!

Мы не знаемъ ни одного сословія въ Россіи, которое бы не было оскорблено императорской властью. Обижены всѣ. Послѣдняя обида нанесена какъ разъ въ то время, когда императорская власть думала, что она творитъ великое дѣло, что она кладетъ первый камень великому будущему Россіи. Мы не отвергаемъ важности факта заявленнаго манифестомъ 19 Февраля; но мы видимъ важность его не въ томъ, въ чемъ видитъ его важность правительство. Освобожденіе крестьянъ есть первый шагъ или къ великому будущему Россіи, или къ ея несчастію; къ благосостоянію политическому и экономическому или къ экономическому и политическому пролетаріату. Отъ васъ самихъ зависитъ избрать путь къ тому или къ другому.

Моментъ освобожденія великъ потому, что имъ посажено первое зерно всеобщаго неудовольствія правительствомъ. И мы пользуемся этимъ, чтобы напомнить Россіи ея настоящее положеніе. Мы хотимъ напомнить ей, что наступила пора сдѣлать съ нашимъ правительствомъ то, что сдѣлали крестьяне одного имѣнья Тамбовской губерніи съ своими управляющими изъ нѣмцевъ. Когда манифестъ о волѣ былъ прочитанъ крестьянамъ, они запрягли лошадей въ телѣги, вѣжливо просили своихъ управляющихъ садиться, довезли ихъ до границы имѣнья и также вѣжливо просили ихъ вылѣзть: "мы вамъ очень благодарны за ваше управленіе, сказали крестьяне нѣмцамъ, но больше его не хотимъ; ступайте съ богомъ куда вамъ угодно, но ужъ къ намъ больше не возвращайтесь."

Правительство наше вѣроятно не догадывается, что положивъ конецъ помѣщичьему праву, оно подкосило свою собственную императорскую власть. Императоръ былъ крѣпокъ только помѣщиками и Екатерина II отлично понимала это, называя себя первой помѣщицей. Кончились помѣщики, кончилось и императорство—у него нѣтъ больше почвы, осталось имя безъ сущности, форма безъ содержанія.

Изъ всей русской исторіи мы знаемъ только одинъ случай, когда деспотизмъ явился на помощь народу, "хочу, чтобы крестьяне были свободны" сказалъ царь и сто тысячъ помѣщиковъ низкимъ поклономъ выразили полную готовность повиноваться волѣ монаршей. Но это была послѣдняя вспышка умирающаго деспотизма. Этимъ онъ кончилъ. Ему больше нѣтъ дѣла въ Россіи, ждать отъ него больше нечего. Сословія уже начинаютъ понимать, какую жалкую роль они играли до сихъ поръ, освобожденные крестьяне уже думаютъ о своемъ безвыходномъ положеніи—они недовольны. Недовольные вездѣ; всѣ ждутъ чего-то... императорская Россія разлагается.

Если Александръ II не понимаетъ этого и не хочетъ добровольно сдѣлать уступку народу—тѣмъ хуже для него. Общее неудовольствіе могло бы еще быть успокоено; но если царь не пойдетъ на уступки, если вспыхнетъ общее возстаніе, недовольные будутъ послѣдовательны — они придутъ къ крайнимъ требованіямъ. Пусть подумаетъ объ этомъ правительство, время поправить бѣду еще не ушло; но пусть же оно и не медлитъ.

Но съ другой стороны и мы должны помнить, что имѣемъ дѣло съ правительствомъ ненадежнымъ, съ правительствомъ, которое временными уступками будетъ успокоивать насъ и изъ личныхъ, временныхъ выгодъ готово испортить все будущее всей страны — для десяти подлецовъ ничего не значитъ счастье 60 милліоновъ.

Молодое поколѣніе! незабывайте этого. Незабывайте того, что мы обращаемся къ вамъ по преимуществу, что только въ васъ мы видимъ людей способныхъ пожертвовать личными интересами благу всей страны. Мы обращаемся къ вамъ потому, что считаемъ васъ людьми болѣе всего способными спасти Россію—вы настоящая ея сила, вы вожаки народа, вы должны объяснить народу и войску все зло сдѣланное намъ императорской властью, вы должны показать народу, что тутъ нѣтъ никакого помазанія, что Богъ познается въ дѣлахъ общаго блага, въ дѣлахъ добрыхъ, а гдѣ добра нѣтъ, тамъ дѣйствуетъ злая сила—духъ тьмы, и этотъ то духъ и есть русская императорская власть въ томъ видѣ, какъ она существовала до сихъ поръ.

Вы должны объяснить народу, что у него есть доброжелатели, что есть люди желающіе, чтобы онъ владѣлъ землей, а не находился въ вѣчной зависимости отъ землевладѣльцевъ; есть люди желающіе убавить ему подати и всякіе платежи, водворить правду въ судѣ, избавить народъ отъ лишнихъ нянекъ и опекуновъ.

Незабудьте и солдатъ. Объясните имъ, что и у нихъ есть доброжелатели, которые хотѣли бы убавить солдатамъ срокъ службы, дать имъ больше жалованья, избавить ихъ отъ палокъ.

Объясните все это народу и солдатамъ; но не забудьте прибавить, что помѣхой всему царь и его министры, для которыхъ это не выгодно.

Въ послѣднее время расплодилось у насъ много преждевременныхъ старцевъ, жалкихъ экономистовъ, вывшихъ свой теоретическій опытъ изъ нѣмецкихъ книжекъ. Эти господа не понимаютъ, что экономизмъ лишаетъ насъ въ духовномъ отношеніи, что онъ пріучаетъ насъ только считать гроши,

Рис. 89. Прокламация «К молодому поколению» (1861)

Среди множества прокламаций, вышедших из подпольных типографий, самую крайнюю революционную программу содержала прокламация «Молодая Россия», написанная студентом Московского университета П. Г. Заичневским и отпечатанная в тайной студенческой типографии в Рязанской губернии.

П. Г. Заичневский (1842—1896) и друг его, тоже студент, П. Э. Аргиропуло решили организовать тайную литографию; основной задачей их была пропаганда социалистических идей среди студенчества. Заичневский приобрел литографский станок, снял квартиру и нанял печатника, знакомого с литографским делом. Начали с печатания профессорских лекций, а затем стали печатать литературу по социальным вопросам. В мае 1859 года тайная литография напечатала в количестве 300 экземпляров статью Н. П. Огарева «Разбор сочинения Корфа», вышедшую в Лондоне. Это была первая книга, изданная тайной литографией. Сочинение М. А. Корфа, против которого выступил в печати Огарев, представляло собой злую клевету на декабристов. В следующем году отпечатали произведения Герцена «Былое и думы» и «Тюрьма и ссылка». Далее последовал выход в свет известных антирелигиозных сочинений — «Сущность христианства» Людвига Фейербаха и «Материя и сила» Карла Бюхнера; трудов социалистов-утопистов; «Что такое собственность?» анархиста Прудона; перепечатка «Колокола» и многих других изданий. Главным руководителем тайной типографии был П. Э. Аргиропуло. Будучи энтузиастом, горячо преданным делу человеком, он сам переводил, переписывал, раздавал переводы студентам, уплачивая им за работу из своих небольших средств. Когда нужно было собрать средства на организацию тайной типографии, устраивались сборы, и часто студенты жертвовали свои последние деньги, часы, кольца и т. п. Когда же от продажи книг стали получать прибыль, на нее организовали помощь бедным учащимся.

Полиции не удалось раскрыть литографию, может быть, потому, что в это время в Москве работало около 130 литографий и невозможно было уследить, откуда появляется неразрешенная литература. Тем временем руководители кружка решили организовать настоящую типографию и приобрели печатный станок и шрифты, но начать печатание книг не смогли, так как летом 1861 года Заичневский и Аргиропуло были арестованы за пропаганду против крестьянской реформы. В тюрьме Заичневский написал прокламацию «Молодая Россия» и переслал ее друзьям через часового.

Печатный станок Заичневского из осторожности был перевезен в Рязанскую губернию, в дом одного из участников кружка, и там весной 1862 года была отпечатана прокламация «Молодая Россия». Первую партию прокламаций отвезли в Петербург с целью замести следы, и лишь позднее их стали распространять в Москве. Прокламацию напечатали большим тиражом, она получила широкое распространение.

Когда Заичневского судили за пропаганду против крестьянской реформы, судьям не было известно, что он является автором нашумевшей прокламации «Молодая Россия», и он получил сравнительно легкое наказание. Аргиропуло умер в тюрьме до суда.

§ 102. ИЗДАТЕЛЬ Н. П. ПОЛЯКОВ

Подъем общественного движения в 60-х и 70-х годах под влиянием идей революционных демократов сказался в том, что повысился интерес к социально-экономической литературе и к естественным наукам. В ответ на растущий спрос издатели выпустили в свет большое количество переводной литературы по естествознанию. К этому времени относится выход в свет гениальных основополагающих трудов русских ученых — И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга» (Спб., 1863 и 1866); Д. И. Менделеева «Основы химии» (Спб., 1869) и др. Стали интенсивно развиваться также издательства некоторых научных обществ.

Одним из прогрессивных издателей, выпускавшим легально книги по общественным вопросам, являлся Николай Петрович Поляков (1841/42—1905). Деятельность Полякова как издателя продолжалась всего восемь лет (1865—1873), она отмечена высокой идейностью; при выборе книг для издания он руководствовался указаниями членов революционной народнической организации. Поляков издавал книги авторов, подвергавшихся преследованиям правительства, и вел неустанную борьбу с цензурой. Многие его издания по социальным вопросам конфисковались, сам он неоднократно привлекался к судебной ответственности и в конце концов разорился, так как цензура уничтожила его издания на сумму 65 тысяч рублей. Есть предположение, что Поляков только прикрывал своим именем кружок издателей-революционеров, связанных с К. Марксом.

Поляков издал 54 книги. Наиболее замечательное его издание — перевод первого тома «Капитала» К. Маркса. Вышел он в свет в 1872 году тиражом в 3 тысячи экземпляров (рис. 90). Перевод «Капитала» сделали два литератора-народника: начало перевел Г. А. Лопатин, остальную часть Н. Ф. Даниельсон (известный под псевдонимом Николай —он). В процессе работы Даниельсон вел переписку с Марксом и указал ему на Полякова, как на будущего издателя «Капитала». Цензура разрешила издание этого труда в расчете на его малодоступность. Однако, разрешив выпуск произведения, цензура запретила приложить к нему портрет К. Маркса, уже известного царской полиции в качестве руководителя Первого международного рабочего союза. Русский язык — это первый из европейских языков, на который был переведен «Капитал». Как уже указывалось, появление «Капитала» на немецком языке было встречено в печати молчанием. Напротив, русский перевод в издании Полякова не только разошелся, но и вызвал большое количество откликов и критических статей,

КАПИТАЛЪ.

КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

СОЧИНЕНІЕ

КАРЛА МАРКСА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

КНИГА I. ПРОЦЕССЪ ПРОИЗВОДСТВА КАПИТАЛА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ Н. П. ПОЛЯКОВА.

1872

Рис. 90. Обложка первого русского издания «Капитала» К. Маркса (Спб., 1872)

напечатанных в современных журналах. Через Даниельсона Поляков поддерживал связь с К. Марксом и даже предполагал одолжить ему необходимые средства для напечатания немецкого издания второго тома, в это время подготовлявшегося к печати. Этот проект, однако, не осуществился. Из других изданий Полякова следует отметить сочинение Н. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России» (Спб., 1869). К. Маркс приветствовал этот труд, так как в нем впервые указывалось на существование в России рабочего класса и сообщались результаты изучения условий труда и быта сельскохозяйственных и промысловых рабочих. Книгу конфисковала цензура, было предложено изъять ее из магазинов, но почти весь тираж уже успел разойтись. На некоторых книгах Полякова его имя как издателя в целях конспирации не ставилось; часть изданий не поступала в книжные магазины, а прямо из типографии распространялась членами революционных организаций, студентами и другими преданными революционному делу людьми. В 1873 году Поляков был разорен огромными штрафами и вынужден был прекратить издательскую деятельность.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

НАЧАЛО МАРКСИСТСКОЙ ПЕЧАТИ В РОССИИ

§ 103. РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПЕЧАТЬ 80-х ГОДОВ XIX ВЕКА

В 80-х годах XIX века начинают выходить книги об учении К. Маркса и Ф. Энгельса; идеи марксизма все глубже и глубже проникают в широкие круги. Выше говорилось о том, что первый том «Капитала» вызвал многочисленные отклики в русской печати. В 80-х годах в подпольной и зарубежной печати стали издавать марксистскую литературу, популяризирующую учение Маркса—Энгельса.

В 1883 году Г. В. Плеханов организовал первую марксистскую группу «Освобождение труда», начавшую издавать в Женеве книги Маркса и Энгельса, а также работы, популяризирующие идеи марксизма и способствующие их распространению в России. Русская революционная типография существовала в Женеве еще до организации группы «Освобождение труда» и издавала серию книг под названием «Социально-революционная библиотека», позднее переименованную в «Библиотеку современного социализма». В этой серии в 1882 году вышел новый перевод «Манифеста Коммунистической партии», выполненный Г. В. Плехановым (рис. 91). Впервые «Манифест» был переведен на русский язык М. А. Бакуниным и напечатан за границей в 1869 году. Этот перевод содержал много неточностей и произвольных толкований в духе анархизма, одним из вождей которого являлся Бакунин. Работа Плеханова над переводом «Манифеста» была известна

РУССКАЯ СОЦІАЛЬНО-РЕВОЛЮЦІОННАЯ БИБЛІОТЕКА

Книга Третья

МАНИФЕСТЪ

КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТІИ

Карла Маркса и Фр. Энгельса

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО ИЗДАНІЯ 1872.

Съ предисловіемъ авторовъ

ЖЕНЕВА

Вольная Русская Типографія

1882

Рис. 91. «Манифест Коммунистической партии» (Женева, 1882)

Марксу и Энгельсу, и они написали к русскому переводу специальное предисловие, которое и было напечатано в женевском издании 1882 года. «Манифест» был выпущен еще до оформления группы «Освобождение труда», но теми же людьми, которые образовали эту группу. Вслед за «Манифестом Коммунистической партии» участники этой группы — Плеханов, Засулич и Аксельрод перевели и издали еще несколько произведений Маркса и Энгельса: «Наемный труд и капитал», «Развитие социализма от утопии к науке» и другие. Сами они написали ряд произведений, популяризующих учение Маркса и Энгельса. В то же время они проводили борьбу с ошибочными взглядами народников, распространенными среди русской революционной интеллигенции. Особенно большую роль сыграли работы Плеханова «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Благодаря этим работам идеи марксизма получили широкое распространение среди участников революционных организаций, по этим произведениям учились русские марксисты.

В 1882 году студенты Московского университета организовали «Общество переводчиков и издателей», сильно содействовавшее развитию марксизма в России. Общество создало подпольное революционное издательство, использовав частную литографию Яновской, занимавшуюся печатанием университетских лекций. За два года работы «Общество переводчиков и издателей» напечатало в переводе несколько произведений Маркса и Энгельса: «Наемный труд и капитал» Маркса с биографией Маркса, написанной Энгельсом; «Заработная плата, цена и прибыль», «Гражданская война во Франции». Из трудов Энгельса «Общество» напечатало «Социализм научный и утопический», известный впоследствии под названием «Развитие социализма от утопии к науке», сокращенные переводы работ Энгельса «Анти-Дюринг», «Положение рабочего класса в Англии» и др. Переводчики поддерживали связь с Энгельсом путем переписки. «Обществом» перепечатывались издания группы «Освобождение труда», проникавшие в Россию в далеко не достаточном количестве.

В 1884 году в литографии Яновской были напечатаны неизвестным издателем «Сказки для детей изрядного возраста» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Во втором выпуске «Сказок» помещалось обращение писателя «К обществу» по поводу закрытия правительством журнала «Отечественные записки». Автор призывал читателей протестовать против произвола правительства.

В 1884 году «Общество переводчиков и издателей» предприняло издание журнала «Социалистическое знание». В журнале помещались переводы с обширными примечаниями, освещающими характер современной классовой борьбы. «Пролетариат овладеет государственною властью и обратит орудия производства в собственность государства», — говорилось в одном из таких примечаний.

Одно из редчайших уцелевших от истребления царской полицией изданий «Общества переводчиков и издателей» показано на рис. 92.

Развитие подпольной революционной печати способствовало возникновению и распространению новых технических способов размножения текста, так как приобрести типографский шрифт было трудно, типографское оборудование стоило дорого и технология типографского печатания являлась сложной. Литография также требовала громоздкого оборудования и опытных мастеров.

В 80-х годах для подпольных изданий начала применяться гектография[1], быстро получившая распространение в связи с развитием рабочей печати в крупных промышленных центрах. Способ гектографской печати состоит в следующем. Проваривают желатин с глицерином и водой, и полученную смесь выливают в широкий плоский сосуд. Застывая, смесь превращается в твердый упругий студень. Подлежащий воспроизведению текст пишут на бумаге чернилами особого состава и прижимают к поверхности желатина, после чего на него с бумаги переходит краска. Накладывая на желатинную поверхность гектографа чистые листы бумаги и прокатывая их оборотную сторону роликом, получают отпечатки в количестве до ста экземпляров, пока чернила окончательно не побледнеют. В 90-х годах появилась мимеография[2]. Печатание на мимеографе производится следующим образом. На металлическую пластинку, покрытую мелкой, очень острой насечкой, накладывают лист специальной провощенной бумаги и текст пишут металлическим штифтом (стилем). В местах нажима штифта выдающиеся точки насечки пробивают в бумаге мельчайшие дырочки, так что каждая линия состоит из ряда еле заметных на глаз отверстий. Краска через дырочки проникает на чистый лист и получается отпечаток текста. На мимеографе можно получить значительное число оттисков.

§ 104. РАБОЧАЯ ПЕЧАТЬ КОНЦА XIX И НАЧАЛА XX ВЕКА

В 90-х годах рабочее движение начинает оформляться в определенные организации. Появляются первые рабочие марксистские кружки. В 1895 году В. И. Ленин объединил все петербургские кружки в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». К этому времени относится и возникновение рабочей печати в России. В. И. Ленин писал об этом периоде: «С 1895—1896 года, со времени знаменитых петербургских стачек, начинается массовое рабочее движение с участием социал-демократии. Именно это время есть в собственном смысле слова время появления рабочей печати в России. Главными произведениями рабочей печати были тогда бесцензурные листки, большей частью не печатные, а гекто-

[1] Гектография — от греческих слов *гекто* — сто и *графо* — пишу.
[2] Мимеография — от греческих слов *мимеомаи* — подражаю и *графо* — пишу.

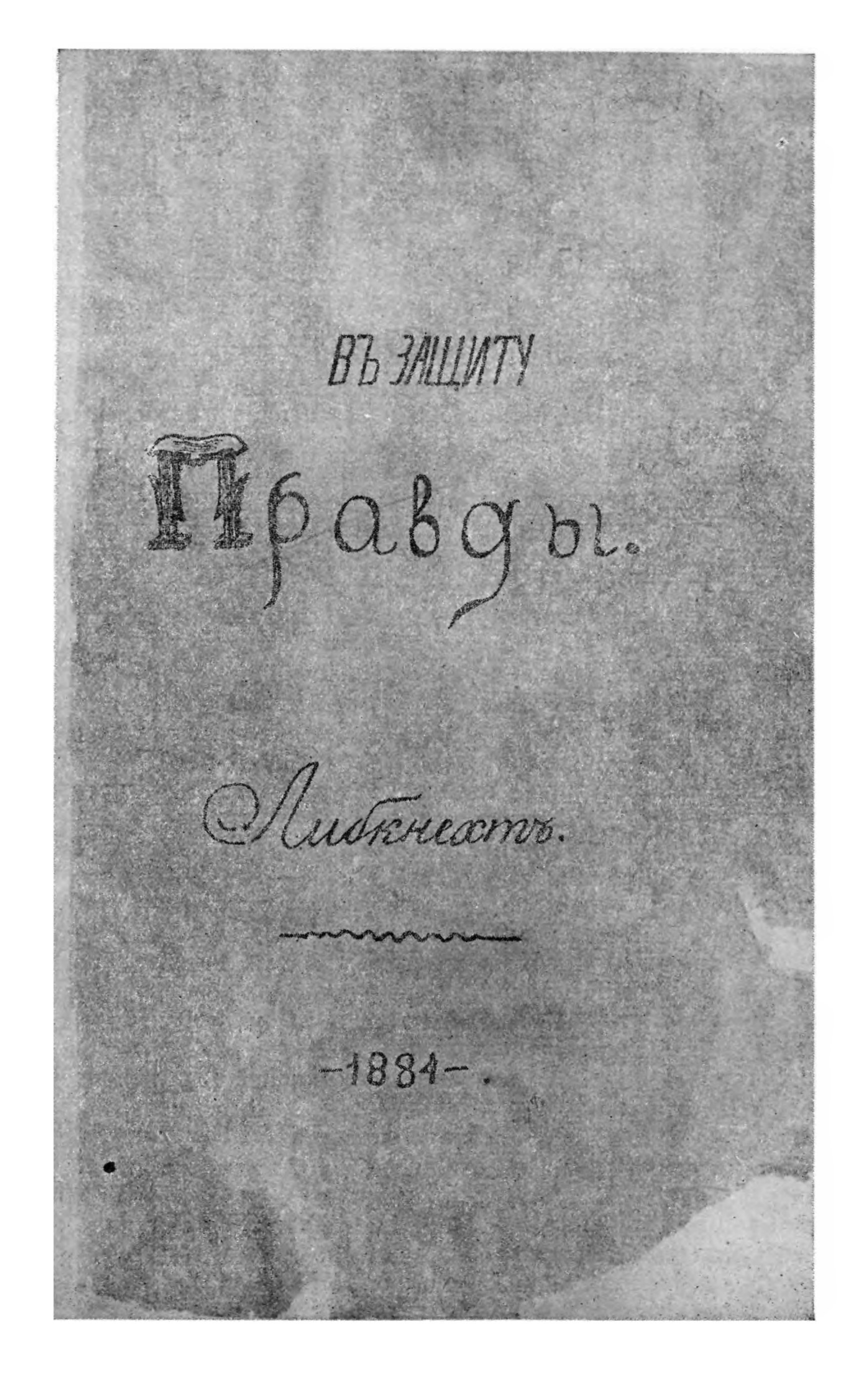

Рис. 92. Обложка одного из литографированных изданий «Общества переводчиков и издателей»

графированные и посвященные «экономической» (а также и неэкономической) агитации, т. е. изложению нужд и требований рабочих разных фабрик и отраслей промышленности. Разумеется, без самого активного участия передовых рабочих в составлении и распространении такой литературы она существовать бы не могла»[1]. Листки выходили от имени «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», а с 1898 года, после первого съезда социал-демократов — от имени «Социал-демократической рабочей партии». «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» выпустил около 70 листовок.

В 1894 году В. И. Ленин написал свой знаменитый труд «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» В этом сочинении Ленин закончил идейный разгром народничества, начатый еще Плехановым, и впервые выдвинул идею революционного союза рабочих и крестьян. Поводом для написания этой работы послужили выступления народников Михайловского, Южакова и Кривенко в легальной печати, в журнале «Русское богатство». В своих статьях авторы клеветали на марксизм и на русских марксистов.

Легальные журналы, руководимые либералами, охотно давали место на своих страницах для выступлений врагов марксизма, а легального органа, пропагандирующего учение Маркса, в то время быть не могло. Таким образом, напечатать этот замечательный труд В. И. Ленина можно было только нелегальным путем. Работа Ленина состояла из трех частей. В 1894 году ее напечатали на гектографе отдельными выпусками или частями. Выпуск первый издавался четыре раза: два издания было в Петербурге, третий раз первый выпуск был отпечатан в селе Горки, Владимирской губернии, и четвертый раз — в Петербурге. Выпуск второй был напечатан в Горках, выпуск третий — в Петербурге. На обложке первого выпуска фиктивно указывалось «Издание провинциальной группы социал-демократов». Делалось это с той целью, чтобы навести полицию на ложный след, если бы книга попала в ее руки. В столицах и крупных центрах члены марксистских организаций быстро распространили эту книгу; однако тиража всегда не хватало, поэтому началось переписывание текста от руки. В рукописном виде книга имела широкое распространение и делала свое большое дело.

Жестокие репрессии по отношению к тем, у кого при обыске находилась книга «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», систематическое уничтожение ее полицией, а также самими революционерами вместе с другой подпольной литературой, когда опасались обыска, привели к тому, что осталось всего несколько экземпляров этого произведения. При подготовке первого собрания Сочинений В. И. Ленина удалось разыскать только первый и третий гектографированные выпуски

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 225—226.

этого сочинения, выпуск второй пропал бесследно, и текст этой части неизвестен.

Большая потребность в популярной литературе по марксизму могла быть удовлетворена лишь подпольными типографиями. С течением времени многие революционные организации приобрели типографии и постоянно снабжали рабочие революционные кружки и организации листовками и брошюрами агитационного характера. В декабре 1895 года В. И. Ленина арестовали. В тюрьме он написал брошюру «О стачках» и листовку «К царскому правительству». Обе работы удалось передать из тюрьмы, их отпечатал в Петербурге «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Листовка «К царскому правительству» была размножена на мимеографе.

В 90-х годах издатели революционной литературы прибегали к таким способам распространения своих изданий: они маскировали эти издания под легальные. Так вышла, например, работа В. И. Ленина «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах». На титульном листе было обозначено: «Херсон, Типография Субботина, 1895» и на обычном месте на обороте стояло цензурное разрешение: «Дозволено цензурой. Херсон. 14 ноября 1895 г.». В действительности книга не проходила никакой цензуры, не существовала и типография Субботина. Издание было напечатано в подпольной Лахтинской типографии в Петербурге. Так как по заглавному листу книги нельзя было судить о ее содержании, в котором раскрывалась суть эксплуататорского закона, то, пока полиция не обнаружила обмана, книга разошлась, чего и добивались издатели.

В 1900 году В. И. Ленин вернулся из ссылки из села Шушенского, Минусинского уезда. В ссылке у него зародилась мысль о создании общерусской нелегальной марксистской газеты и был разработан ее план. Возвращаясь из ссылки, Ленин был в нескольких губернских городах, в которых существовали социал-демократические организации, где он совещался с товарищами относительно их будущего участия в газете, способов доставки корреспонденции, переписки и перевоза через границу отпечатанных номеров. Основная задача вновь задуманной газеты заключалась в том, чтобы сплотить и объединить отдельные марксистские кружки и организации. «Только через общерусскую нелегальную газету можно было при тогдашних условиях создать спевшееся ядро партии, способное связать воедино бесчисленные кружки и организации, подготовить условия идейного и тактического единства и заложить, таким образом, фундамент для образования действительной партии»[1]. Приехав за границу, Ленин немедленно взялся за осуществление своего плана издания газеты и договорился с группой «Освобождение труда» о совместной работе. 24 декабря 1900 года вышел первый номер газеты

---

[1] И. В. Сталин, Сочинения, т. 6, стр. 164.

«Искра». На рис. 93 дан снимок с № 21 «Искры», в котором помещен проект программы РСДРП. Эпиграф был взят из ответа декабриста А. И. Одоевского на послание А. С. Пушкина: «Из искры возгорится пламя». В первом номере «Искры» передовую статью «Насущные задачи нашего движения» написал Ленин. С № 1 и до № 51 включительно, пока газета не перешла в руки меньшевиков, Ленин являлся организатором, вдохновителем и руководителем «Искры». В № 4 газеты была помещена статья Ленина «С чего начать?», в которой он дал классическое определение роли газеты: «Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор»[1]. Вся редакционная работа в «Искре» велась под ближайшим руководством В. И. Ленина; он прочитывал все статьи, вел переписку с корреспондентами, подбирал материал для каждого номера. В «Искре» было напечатано около пятидесяти статей, написанных В. И. Лениным. Важное значение придавалось корреспонденциям с мест. «Искра» — первая газета, в которой помещались корреспонденции рабочих, письма с заводов, отражавшие условия труда и быта рабочих, рост революционной сознательности и интересы передовых рабочих. В осуществлении связи «Искры» с рабочими организациями оказывал помощь В. И. Ленину его ученик И. В. Бабушкин. В «Искре» печатались корреспонденции не только столичных фабрик, но также крупнейших провинциальных рабочих центров: Шуи, Иванова, Орехово-Зуева. При редактировании писем и заметок рабочих-корреспондентов Ленин старался сохранить их стиль. В «Искре» помещалось большое количество материалов о революционном движении в России, отмечались стачки, демонстрации; систематически печатались письма и корреспонденции о революционном движении в Закавказье. Печаталась «Искра» в разных местах: сначала в Лейпциге, затем в Мюнхене, в Лондоне и, наконец, в Женеве. При помощи марксистских кружков и социал-демократических организаций «Искра» доходила до рабочих и была популярна в их среде. Об этом говорят многочисленные письма рабочих в редакцию. Связи с читателями придавалось исключительное значение. Вследствие трудностей по перевозке газеты из-за границы и огромного интереса к ней рабочих масс приходилось прибегать к перепечаткам. Многие номера газеты перепечатывались в подпольных типографиях Москвы, Баку, Саратова, Одессы, Кишинева. Большую работу по организации газеты проводил Н. Э. Бауман — нелегальный агент газеты. Он неоднократно нелегально переходил границу, налаживая транспортировку «Искры». Обширная секретарская работа и вся работа по изданию и распространению «Искры» лежала на Н. К. Крупской.

«Из зажженной Лениным «Искры» разгорелось впоследствии пламя великого революционного пожара, которое сожгло дотла

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 10.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 21 — 1-го ІЮНЯ 1902 ГОДА. — № 21

ПРОЕКТЪ ПРОГРАММЫ РОССІЙСКОЙ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТІИ.

(Выработанный редакціей „Искры" и „Зари".)

Развитіе обмѣна установило такую тѣсную связь между всѣми народами цивилизованнаго міра, что великое освободительное движеніе пролетаріата должно было стать и давно уже стало международнымъ.

Считая свою Партію однимъ изъ отрядовъ всемірной арміи пролетаріата, русская соціаль-демократія преслѣдуетъ ту же конечную цѣль, къ которой стремятся соціаль-демократы всѣхъ другихъ странъ.

Эта конечная цѣль опредѣляется характеромъ буржуазнаго общества и ходомъ его развитія. Главную особенность такого общества составляетъ товарное производство на основѣ капиталистическихъ производственныхъ отношеній, при которыхъ самая важная и значительная часть средствъ производства и обращенія товаровъ принадлежитъ небольшому по своей численности классу лицъ, между тѣмъ какъ огромное большинство населенія состоитъ изъ пролетаріевъ и полупролетаріевъ, вынужденныхъ своимъ экономическимъ положеніемъ постоянно или періодически продавать свою рабочую силу, т. е. поступать въ наемники къ капиталистамъ и своимъ трудомъ создавать доходъ высшихъ классовъ общества.

Область господства капиталистическихъ производственныхъ отношеній все болѣе и болѣе расширяется по мѣрѣ того, какъ постоянное усовершенствованіе техники, увеличивая хозяйственное значеніе крупныхъ предпріятій, ведетъ къ вытѣсненію мелкихъ самостоятельныхъ производителей, превращая часть ихъ въ пролетаріевъ, суживая роль остальныхъ въ общественно-экономической жизни, и мѣстами ставя ихъ въ болѣе или менѣе полную, болѣе или менѣе явную, болѣе или менѣе тяжелую зависимость отъ капитала.

Тотъ-же техническій прогрессъ даетъ кромѣ того предпринимателямъ возможность все въ большихъ размѣрахъ примѣнять женскій и дѣтскій трудъ въ процессѣ производства и обращенія товаровъ. А такъ какъ, съ другой стороны, онъ приводитъ къ относительному уменьшенію потребности предпринимателей въ живомъ трудѣ рабочихъ, то спросъ на рабочую силу необходимо отстаетъ отъ ея предложенія, вслѣдствіе чего увеличивается зависимость наемнаго труда отъ капитала и повышается уровень его эксплуатаціи.

Такое положеніе дѣлъ внутри буржуазныхъ странъ и постоянно обостряющееся взаимное ихъ соперничество на всемірномъ рынкѣ дѣлаютъ все болѣе и болѣе затруднительнымъ сбытъ товаровъ, производимыхъ въ постоянно возрастающемъ количествѣ. Перепроизводство, проявляющееся въ болѣе или менѣе острыхъ промышленныхъ кризисахъ, за которыми слѣдуютъ болѣе или менѣе продолжительные періоды промышленнаго застоя, представляетъ собою неизбѣжное слѣдствіе развитія производительныхъ силъ въ буржуазномъ обществѣ. Кризисы и періоды промышленнаго застоя, въ свою очередь, еще болѣе разоряютъ мелкихъ производителей, еще больше увеличиваютъ зависимость наемнаго труда отъ капитала, еще быстрѣе ведутъ къ относительному или даже абсолютному ухудшенію положенія рабочаго класса.

Такимъ образомъ, усовершенствованіе техники, означающее увеличеніе производительности труда и ростъ общественнаго богатства, обусловливаетъ собою въ буржуазномъ обществѣ возрастаніе общественнаго неравенства, увеличеніе разстоянія между имущими и неимущими и ростъ необезпеченности существованія, безработицы и разнаго рода лишеній для все болѣе широкихъ слоевъ трудящихся массъ.

Но по мѣрѣ того, какъ растутъ и развиваются всѣ эти противорѣчія, свойственныя буржуазному обществу, растетъ также и недовольство трудящейся и эксплуатируемой массы существующимъ порядкомъ вещей, растетъ число и сплоченность пролетаріевъ и обостряется борьба ихъ съ ихъ эксплуататорами. Въ то-же время усовершенствованіе техники, концентрируя средства производства и обращенія и обобществляя процессъ труда въ капиталистическихъ предпріятіяхъ, все быстрѣе и быстрѣе создаетъ матеріальную возможность замѣны капиталистическихъ производственныхъ отношеній соціалистическими — т. е. той соціальной революціи, которая представляетъ собою конечную цѣль всей дѣятельности международной соціаль-демократіи, какъ сознательной выразительницы классоваго движенія пролетаріата.

Замѣнивъ частную собственность на средства производства и обращенія общественною и введя планомѣрную организацію общественно-производительнаго процесса для обезпеченія благосостоянія и всесторонняго развитія всѣхъ членовъ общества, соціальная революція пролетаріата уничтожитъ дѣленіе общества на классы и тѣмъ освободитъ все угнетенное человѣчество, такъ какъ положитъ конецъ всѣмъ видамъ эксплуатаціи одной части общества другою.

Необходимое условіе этой соціальной революціи составляетъ диктатура пролетаріата, т. е. завоеваніе пролетаріатомъ такой политической власти, которая позволитъ ему подавить всякое сопротивленіе эксплуататоровъ.

Ставя себѣ задачу сдѣлать пролетаріатъ способнымъ выполнить свою великую историческую миссію, международная соціаль-демократія организуетъ его въ самостоятельную политическую партію, противостоящую всѣмъ буржуазнымъ партіямъ, руководитъ всѣми проявленіями его классовой борьбы, разоблачаетъ передъ нимъ непримиримую противоположность интересовъ эксплуататоровъ интересамъ эксплуатируемыхъ и выясняетъ ему историческое значеніе и необходимыя условія предстоящей соціальной революціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она обнаруживаетъ передъ всей остальной трудящейся и эксплуатируемой массой безнадежность ея положенія въ капиталистическомъ обществѣ и необходимость соціальной революціи въ интересахъ ея собственнаго освобожденія отъ гнета капитала. Партія рабочаго класса, соціаль-демократія, зоветъ въ свои ряды всѣ слои трудящагося и эксплуатируемаго населенія, поскольку они переходятъ на точку зрѣнія пролетаріата.

На пути къ ихъ общей конечной цѣли, обусловленной господствомъ капиталистическаго способа производства во всемъ цивилизованномъ мірѣ, соціаль-демократы разныхъ странъ вынуждены ставить себѣ неодинаковыя ближайшія задачи какъ потому, что этотъ способъ не вездѣ развитъ въ одинаковой степени, такъ и потому, что его развитіе въ разныхъ странахъ совершается въ различной соціально-политической обстановкѣ.

Въ Россіи, гдѣ капитализмъ уже сталъ господствующимъ способомъ производства, на каждомъ шагу встрѣчаются еще остатки нашего стараго, до-капиталистическаго общественнаго порядка, который основывался на закрѣпощеніи трудящихся массъ помѣщикамъ, государству или главѣ государства. Въ сильнѣйшей степени препятствуя экономическому прогрессу, эти остатки не допускаютъ всесторонняго развитія классовой борьбы пролетаріата, содѣйствуютъ сохраненію и усиленію самыхъ варварскихъ формъ эксплуатаціи многомилліоннаго крестьянства государствомъ и имущими классами и держатъ въ темнотѣ и безправіи весь народъ.

Самымъ значительнымъ изъ всѣхъ этихъ пережитковъ и самымъ могучимъ оплотомъ всего этого варварства является царское самодержавіе. По самой природѣ своей оно враждебно всякому общественному движенію и не можетъ не быть злѣйшимъ противникомъ всѣхъ освободительныхъ стремленій пролетаріата.

Поэтому, Россійская Соціаль-Демократическая Рабочая Партія ставитъ своей ближайшей политической задачей низверженіе царскаго самодержавія и замѣну его республикой на основѣ демократической конституціи, обезпечивающей:

1. Самодержавіе народа, т. е. сосредоточеніе всей верховной государственной власти въ рукахъ законодательнаго собранія, составленнаго изъ представителей народа;

2) Всеобщее равное и прямое избирательное право при выборахъ какъ въ законодательное собраніе, такъ и во всѣ мѣстные органы самоуправленія для всякаго гражданина, достигшаго 20 лѣтъ; тайное голосованіе при выборахъ; право каждаго избирателя быть избраннымъ во всѣ представительныя собранія; жалованье народнымъ представителямъ;

3) Неприкосновенность личности и жилища гражданъ;

4) Неограниченную свободу совѣсти, слова, печати, собраній, стачекъ и союзовъ;

5) Свободу передвиженія и промысловъ;

6) Уничтоженіе сословій и полную равноправность всѣхъ гражданъ независимо отъ пола, религіи и расы;

7) Признаніе права на самоопредѣленіе за всѣми націями, входящими въ составъ государства;

8) Предоставленіе всякому гражданину права преслѣдовать всякаго чиновника предъ судомъ безъ жалобы по начальству;

9) Замѣну постояннаго войска всеобщимъ вооруженіемъ народа;

10) Отдѣленіе церкви отъ государства и школы отъ церкви;

11) Даровое и обязательное общее и профессіональное образованіе для всѣхъ дѣтей обоего пола до 16-ти лѣтъ. Снабженіе бѣдныхъ дѣтей пищей, одеждой и учебными пособіями за счетъ государства.

Какъ основного условія демократизаціи нашего государственнаго хозяйства, Россійская Соціаль-Демократическая Рабочая Партія требуетъ: отмѣны всѣхъ косвенныхъ налоговъ и установленія прогрессивнаго налога на доходы и наслѣдства.

Въ интересахъ охраны рабочаго класса отъ физическаго и нравственнаго вырожденія, а также и въ интересахъ развитія его способности къ освободительной борьбѣ, партія требуетъ:

1) Ограниченія рабочаго дня 8-ью час. въ сутки для всѣхъ наемныхъ рабочихъ;

2) Установленія закономъ еженедѣльнаго отдыха, непрерывно продолжающагося не менѣе 36 часовъ, для наемныхъ рабочихъ обоего пола во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства;

3) Полнаго запрещенія сверхурочныхъ работъ;

4) Воспрещенія ночного труда (отъ 9 ч. вечера до 5 ч. утра) во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства, за исключеніемъ тѣхъ, гдѣ онъ безусловно необходимъ по техническимъ соображеніямъ, одобреннымъ рабочими организаціями;

5) Воспрещенія предпринимателямъ пользоваться наемнымъ трудомъ дѣтей до 16-лѣтняго возраста;

6) Воспрещенія женскаго труда въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ онъ вреденъ для женскаго организма; освобожденіе родильницъ отъ работы въ теченіе 2-хъ недѣль до и 4-хъ недѣль послѣ родовъ;

7) Установленія закономъ гражданской отвѣтственности нанимателей за полную или частичную потерю рабочими способности къ труду, происшедшую вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ или вредныхъ условій производства, и освобожденія рабочаго отъ обязательства доказывать, что потеря эта произошла по винѣ капиталиста;

8) Воспрещенія выдачи заработной платы товарами; установленія еженедѣльнаго срока расплаты по всѣмъ договорамъ о наймѣ рабочихъ и выдачи заработка въ рабочее время;

9) Выдачи государственной пенсіи престарѣлымъ рабочимъ;

10) Увеличенія числа фабричныхъ инспекторовъ; назначенія инспектрисъ въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ преобладаетъ женскій трудъ; надзора выбранныхъ рабочими и оплачиваемыхъ государствомъ представителей за исполненіемъ фабричныхъ законовъ, а также за составленіемъ расцѣнковъ и браковкой товаровъ;

11) Надзора органовъ мѣстнаго самоуправленія, съ участіемъ выборныхъ отъ рабочихъ, за санитарнымъ состояніемъ жилыхъ помѣщеній, отводимыхъ рабочимъ предпринимателями, равно какъ за внутреннимъ распорядкомъ этихъ помѣщеній и за условіями отдачи ихъ въ наймы, — въ цѣляхъ огражденія наемныхъ рабочихъ отъ вмѣшательства предпринимателей въ жизнь и дѣятельность ихъ, какъ частныхъ лицъ и гражданъ;

12) Учрежденія правильно организованнаго санитарнаго надзора во всѣхъ предпріятіяхъ, употребляющихъ наемный трудъ и безплатной медицинской помощи для рабочихъ за счетъ предпринимателей;

13) Распространенія надзора фабричной инспекціи на всѣ отрасли народнаго хозяйства и на всѣ предпріятія, употребляющія наемный трудъ, не исключая и казенныхъ;

14) Установленія уголовной отвѣтственности нанимателей за нарушеніе законовъ объ охранѣ труда;

15) Запрещенія предпринимателямъ производить денежные вычеты изъ заработной платы по какому-бы поводу и для какого-бы назначенія они ни дѣлались (штрафы, браковка и проч.);

16) Учрежденія во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства промысловыхъ судовъ, составленныхъ поровну изъ представителей отъ рабочихъ и предпринимателей;

17) Возложенія на органы мѣстнаго самоуправленія обязанности учредить посредническія конторы по найму мѣстныхъ и пришлыхъ рабочихъ (биржи труда) во всѣхъ отрасляхъ производства съ участіемъ въ ихъ управленіи представителей отъ рабочихъ организацій.

Въ цѣляхъ же устраненія остатковъ крѣпостного порядка, тяжелымъ гнетомъ лежащихъ на крестьянахъ, и въ интересахъ свободнаго развитія классовой борьбы въ деревнѣ Партія будетъ добиваться:

1) Отмѣны выкупныхъ и оброчныхъ платежей, а также всѣхъ повинностей, падающихъ въ настоящее время на крестьянство, какъ на податное сословіе;

2) Отмѣны круговой поруки и всѣхъ законовъ, стѣсняющихъ крестьянина въ распоряженіи его землей;

3) Возвращенія народу денежныхъ суммъ, взятыхъ съ него въ формѣ выкупныхъ и оброчныхъ платежей; конфискаціи съ этой цѣлью монастырскихъ имуществъ и удѣльныхъ имѣній, а равно обложенія особымъ налогомъ земель крупныхъ землевладѣльцевъ-дворянъ, воспользовавшихся выкупной ссудой; обращенія суммъ, добытыхъ этимъ путемъ, въ особый народный фондъ для культурныхъ и благотворительныхъ нуждъ сельскихъ обществъ;

4) Учрежденія крестьянскихъ комитетовъ: а) для возвращенія сельскимъ обществамъ (посредствомъ экспропріаціи или — въ томъ случаѣ, если земли переходили изъ рукъ въ руки, — выкупа государствомъ за счетъ крупнаго дворянскаго землевладѣнія) тѣхъ земель, которыя отрѣзаны у крестьянъ при уничтоженіи крѣпостного права и служатъ въ рукахъ помѣщиковъ орудіемъ для ихъ закабаленія; б) для устраненія остатковъ крѣпостныхъ отношеній, уцѣлѣвшихъ на Уралѣ, на Алтаѣ, въ Западномъ Краѣ и въ другихъ областяхъ государства;

5) Предоставленія судамъ права понижать непомѣрно высокія арендныя платы и объявлять недѣйствительными сдѣлки, имѣющія кабальный характеръ.

Стремясь къ достиженію своихъ ближайшихъ политическихъ и экономическихъ цѣлей, Россійская Соціаль-Демократическая Рабочая Партія поддерживаетъ всякое оппозиціонное и революціонное движеніе, направленное противъ существующаго въ Россіи общественнаго и политическаго порядка, рѣшительно отвергая въ то же время всѣ тѣ реформаторскіе проекты, которые связаны съ какимъ-бы то ни было расширеніемъ или упроченіемъ полицейско-чиновничьей опеки надъ трудящимися классами.

Съ своей стороны, Россійская Соціаль-Демократическая Рабочая Партія твердо убѣждена въ томъ, что полное, послѣдовательное и прочное осуществленіе указанныхъ политическихъ и соціальныхъ преобразованій достижимо лишь путемъ низверженія самодержавія и созыва учредительнаго собранія, свободно избраннаго всѣмъ народомъ. . . .

Рис. 93. «Искра» 1902 года, № 21

дворянско-помещичью царскую монархию и буржуазную власть»[1]. Последним номером «Искры», который редактировал В. И. Ленин, был № 51 (октябрь, 1903), после чего большевики вышли из состава редакции, и газета сделалась органом меньшевиков. Ленин приступил к организации другой газеты, которая могла бы заменить «Искру». В январе 1905 года в Женеве вышел первый номер большевистской газеты «Вперед», продолжавшей выходить до мая 1905 года.

§ 105. РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПЕЧАТЬ В ЗАКАВКАЗЬЕ В 1900—1905 ГОДАХ

В период «Искры» началось идейное сотрудничество В. И. Ленина и И. В. Сталина. И. В. Сталин — организатор большинства нелегальных изданий в Закавказье. Благодаря его энергии и организаторскому таланту общее количество книг, брошюр, прокламаций, газет, выпущенных нелегальными закавказскими издательствами, значительно превышает все то количество изданий, какое выпускалось в России до этого времени.

В 1900 году была организована тайная типография в Баку, являвшемся центром нефтяной промышленности России. В 1900 году в Баку уже имелось несколько рабочих социал-демократических кружков. В январе 1900 года в Баку была организована подпольная типография, в которой работал Ладо Кецховели с двумя товарищами.

В типографии печатались листовки, воззвания, произведения Маркса и Энгельса, перепечатывались номера «Искры». Вся продукция типографии направлялась в Тбилиси и оттуда распределялась по местам.

По соображениям конспирации в этой типографии никогда не печатались местные бакинские материалы, для них существовала другая печатня.

В сентябре 1901 года начала выходить «Брдзола» («Борьба») — первая газета тбилисской социал-демократической организации на грузинском языке, которая последовательно проводила идеи «Искры» и, по отзыву В. И. Ленина, была лучшей марксистской газетой в России. Передовая статья в первом номере газеты была написана И. В. Сталиным.

В марте 1905 года газета «Брдзола» объединилась с армянской газетой «Пролетариат» и стала выходить в Тбилиси под названием «Борьба пролетариата»; объединение было произведено по постановлению первого съезда кавказского союза РСДРП.

Бакинская типография была хорошо известна среди социал-демократов; на условном, конспиративном языке ее называли «Нина». Кецховели с товарищами перепечатывали в этой типографии номера «Искры» с матриц, которые пересылались им из-

[1] «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс», стр. 25.

за границы. Однажды матрицы попали в руки полиции, и типографии грозило обнаружение или «провал», как тогда говорили. Кецховели спас типографию. Вначале ее хотели отправить в Россию, но это оказалось трудно выполнимым; тогда перевезли ее в новое помещение и на время остановили работу. Кецховели был арестован в сентябре 1902 года; полиции была известна его деятельность по печатанию запрещенной литературы. В 1903 году он был зверски убит в тюрьме. После временного прекращения работы Бакинская типография открылась вновь и продолжала выпускать литературу, являясь крупнейшей подпольной социал-демократической типографией накануне революции 1905 года. В 1905 году типографию привезли в Петербург, и там она работала легально, получив свое официальное название «Дело». В типографии «Дело» печаталась в 1905 году легальная большевистская газета «Новая жизнь». В годы реакции типографию перевезли в Финляндию, в Выборг, и она снова перешла на положение подпольной; в ней печаталась нелегальная большевистская газета «Пролетарий».

На Кавказе одновременно с бакинской типографией работала подпольная типография в Тбилиси, а в 1901 году И. В. Сталин, направленный тбилисской организацией в Батуми, наладил и в этом крупном рабочем центре подпольную типографию. В 1903 году в Тбилиси была организована знаменитая подпольная большевистская Авлабарская типография, показавшая блестящий образец организованности и бдительности пролетариата: несмотря на то что полиция знала о ее существовании, типография долгое время не была раскрыта и продолжала свою деятельность с 1903 по 1906 год. Типография являлась в полном смысле слова «подпольной» — она помещалась в глубоком подвале, выход из которого шел через колодец, находившийся под большим навесом вроде сарая. С другой стороны типографии шел запасный выход в дом, стоявший поблизости. Типография имела сложное оборудование и богатое шрифтовое хозяйство; там печатались листовки и брошюры на трех языках — русском, грузинском и армянском. С апреля 1903 по октябрь 1905 года в типографии издавалась газета «Борьба пролетариата», служившая продолжением бакинской «Борьбы» (рис. 94). В 1904 году вернулся из ссылки И. В. Сталин и стал во главе редакции. Газета печаталась на трех языках. Кроме газеты из Авлабарской типографии вышло много агитационной и марксистской литературы. Там были напечатаны работы В. И. Ленина «Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» и «К деревенской бедноте». В 1905 году Авлабарская типография напечатала брошюру И. В. Сталина «Коротко о партийных разногласиях». В этой работе Сталин развил учение о значении революционной теории в рабочем движении согласно с марксистско-ленинским учением и до конца разоблачил меньшевистскую теорию «стихийности» революционного движения. Брошюра была издана на русском и грузинском

Кавказскій Союзъ Росс. Соціальдемократической Рабочей Партіи.

БОРЬБА ПРОЛЕТАРІАТА

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ОРГАНЪ КАВКАЗСКАГО СОЮЗА РОССІЙСКОЙ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТІИ.

№ 2. 15 (28) ІЮЛЯ 1905 г. № 2.

ДЕМОКРАТИЧЕСКІЯ ЗАДАЧИ РЕВОЛЮЦІОННАГО ПРОЛЕТАРІАТА.

Соціальдемократія, какъ сознательная выразительница рабочаго движенія, ставитъ себѣ цѣлью полное избавленіе всѣхъ трудящихся отъ всякаго гнета и эксплуатаціи. Достиженіе этой цѣли, уничтоженіе частной собственности на средства производства и созданіе соціалистическаго общества, требуетъ очень высокаго развитія производительныхъ силъ капитализма и громадной организованности рабочаго класса. Безъ политической свободы немыслимо ни полное развитіе производительныхъ силъ въ современномъ буржуазномъ обществѣ, ни широкая, открытая и свободная классовая борьба, ни политическое просвѣщеніе, воспитаніе и сплоченіе массъ пролетаріата. Вотъ почему сознательный пролетаріатъ всегда ставитъ своей задачей рѣшительную борьбу за полную политическую свободу, за демократическую революцію.

Эту задачу ставитъ себѣ не одинъ пролетаріатъ. Буржуазіи тоже нужна политическая свобода. Образованные представители имущихъ классовъ давно выкинули знамя свободы; революціонная интеллигенція, происходящая главнымъ образомъ изъ этихъ классовъ, геройски боролась за свободу. Но вся буржуазія въ цѣломъ не способна на рѣшительную борьбу съ самодержавіемъ; она боится потерять въ этой борьбѣ свою собственность, которая привязываетъ ее къ существующему обществу; она боится слишкомъ революціоннаго выступленія рабочихъ, которые никогда не остановятся на одной демократической революціи, а будутъ стремиться къ соціалистическому перевороту; она боится полнаго разрыва съ чиновничествомъ, съ бюрократіей, интересы которой связаны съ интересами имущихъ классовъ тысячами нитей. Поэтому буржуазная борьба за свободу отличается робостью, непослѣдовательностью, половинчатостью. Одна изъ задачъ пролетаріата — толкать впередъ буржуазію, ставить передъ всѣмъ народомъ лозунги полнаго демократическаго переворота, браться самостоятельно и смѣло за осуществленіе этихъ лозунговъ, однимъ словомъ, быть авангардомъ, передовымъ отрядомъ, въ борьбѣ за свободу всего народа.

Русскимъ соціальдемократамъ въ цѣляхъ выполненія этой задачи приходилось вести войну уже не разъ съ непослѣдовательностью буржуазнаго либерализма. Напомнимъ, напримѣръ, какъ начиналъ г. Струве свою свободную отъ цензуры дѣятельность въ качествѣ политическаго борца за „освобожденіе" Россіи. Онъ началъ ее предисловіемъ къ „Запискѣ" Витте, гдѣ былъ выставленъ совершенно „Шиповскій" (говоря языкомъ нынѣшнихъ политическихъ дѣленій) лозунгъ: „права и властное земство". Соціальдемократія показывала всю отсталость, всю нелѣпость, всю реакціонность этого лозунга, требовала опредѣленной и рѣшительной демократической программы, сама выставляла такую программу, какъ нераздѣльную составную часть своей партійной программы. Соціальдемократія должна была бороться съ узкимъ пониманіемъ демократическихъ задачъ въ ея собственныхъ рядахъ, когда такъ называемые экономисты всячески принижали эти задачи, проповѣдывали „экономическую борьбу съ хозяевами и съ правительствомъ", настаивали на необходимости начать съ завоеванія правъ, продолжать политической агитаціей и лишь потомъ, постепенно (теорія стадій) переходить къ политической борьбѣ.

Теперь политическая борьба страшно разрослась, революція охватила всю страну, самые умѣренные либералы стали „крайними" и можетъ показаться, что такія историческія справки изъ недавняго прошлаго, какія мы сейчасъ привели, неумѣстны, не могутъ имѣть никакого отношенія къ живому, бурному настоящему. Но это можетъ показаться лишь на первый взглядъ. Конечно, такіе лозунги, какъ учредительное собраніе, всеобщее, прямое и равное избирательное право съ тайной подачей голосовъ (выставленные давно и раньше всѣхъ соціальдемократами въ их партійной программѣ) стали общимъ достояніемъ, приняты нелегальн. „Освобожденіемъ", вошли въ программу „Союза Освобожденія", стали лозунгами земцевъ, повторяются на всѣ лады легальной печатью. Прогрессъ русскаго буржуазнаго демократизма за послѣдніе годы и мѣсяцы несомнѣненъ. Буржуазная демократія учится у событій, отбрасываетъ примитивные лозунги (въ родѣ шиповскаго: права и властное земство), ковыляетъ вслѣдъ за революціей. Но она именно ковыляетъ за революціей; на мѣсто старыхъ противорѣчій между ея словами и дѣлами, между демократизмомъ въ принципѣ и демократизмомъ въ „реальной политикѣ" нарождаются новыя противорѣчія, ибо ростъ революціи все повышаетъ и повышаетъ требованія отъ демократіи. Буржуазная же демократія, повышая свои лозунги, всегда отстаетъ отъ событій, всегда тащится въ хвостѣ, всегда формулируетъ эти лозунги на нѣсколько градусовъ ниже, чѣмъ этого требуетъ дѣйствительно революціонная, дѣйствительная борьба за дѣйствительную свободу.

Въ самомъ дѣлѣ, возьмите этотъ ставшій уже ходячимъ, общепризнаннымъ лозунгъ: учредительное собраніе на основѣ всеобщаго и т. д. избирательнаго права. Достаточенъ-ли онъ съ точки зрѣнія послѣдовательнаго демократизма? Достаточенъ-ли онъ съ точки зрѣнія насущныхъ революціонныхъ задачъ переживаемаго момента? На оба эти вопроса нельзя отвѣтить иначе, какъ отрицательно. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только разобрать внимательно нашу партійную программу, которую, къ сожалѣнію, недостаточно часто вспоминаютъ, приводятъ и распространяютъ наши организаціи. (Какъ счастливое исключеніе, заслуживающее широкаго подражанія, отмѣтимъ недавнюю перепечатку программы нашей партіи въ листкахъ комитетовъ рижскаго, воронежскаго, и московскаго). Наша программа тоже ставитъ во главу угла лозунгъ всенароднаго учредительнаго собранія (словомъ: „всенародный" мы условимся обозначать для краткости всеобщее и т. д. избир. право). Но этотъ лозунгъ стоитъ у насъ въ программѣ не одиноко, а

Рис. 94. «Борьба пролетариата» 1905 года, № 2

языках и получила широкое распространение в большевистских организациях в Закавказье и в России, она проникла даже за границу. Авлабарскую типографию полиция раскрыла в 1906 году, в период начинавшейся реакции и ожесточенных преследований участников революционного движения.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

КРУПНЕЙШИЕ ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ФИРМЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

§ 106. УНИВЕРСАЛЬНЫЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА

После крестьянской реформы 1861 года в России начинается интенсивное развитие капитализма. Книгоиздательское дело принимает новый характер; книжные фирмы, развиваясь, захватывают целые области книгопроизводства и приобретают типичные для капиталистических предприятий черты. Крупнейшими фирмами второй половины XIX и начала XX века были М. О. Вольф, А. Ф. Маркс, А. С. Суворин в Петербурге, И. Д. Сытин в Москве. Все эти фирмы не имели ярко выраженной специализации, издавали преимущественно художественную литературу и научные книги общекультурного характера.

Маврикий Осипович Вольф (1825—1883), по национальности поляк, начал издательское дело в 1853 году и в том же году открыл книжный магазин в Петербурге, а затем и в Москве. Хорошо образованный, изучавший книгоиздательское дело Западной Европы, Вольф сумел создать крупное издательское дело и стать, как его называли, «первым книжным миллионером в России». Издания Вольфа были рассчитаны на буржуазию, чиновничество, дворянство. Ко вкусам и требованиям своих потребителей Вольф прислушивался и приспосабливался, имея постоянное общение с покупателями книг через свои книжные магазины. В общей сложности Вольф издал около 2 тысяч книг. Главные издания Вольфа — переводы с иностранных языков научной литературы, особенно литературы по вопросам естествознания. Интерес к этой литературе сильно возрос во второй половине XIX века, и поэтому издание ее было выгодно. Вольф издавал также много книг по художественной литературе, обычно нарядно и безвкусно оформленных, и множество детских книг типа «подарочных», хорошо иллюстрированных, в нарядных переплетах, сверкавших золотом. Как те, так и другие издания предназначались для представителей высших классов. Ярко проявлялась буржуазная идеология и в детском журнале «Задушевное слово», издававшемся Вольфом. Вольф редко издавал сочинения современных русских писателей, а предпочитал печатать авторов с установившейся литературной репутацией, при издании которых было меньше материального

СѢВЕРНАЯ РОССІЯ.

Крайній сѣверъ и сѣверовостокъ Европейской Россіи.

АРХАНГЕЛЬСКІЙ

ВОЛОГОДСКІЙ

ГУБЕРНІИ: АРХАНГЕЛЬСКАЯ И ВОЛОГОДСКАЯ СЪ БѢЛЫМЪ МОРЕМЪ, НОВОЮ ЗЕМЛЕЮ И СѢВЕРНЫМЪ ОКЕАНОМЪ.

Рис. 95. Страница из книги «Живописная Россия». Издание Вольфа

риска. В тех случаях, когда Вольф решался печатать сочинения или отдельное произведение современных авторов, в успехе произведения которого он был заранее уверен, он оплачивал ему гонорар, составлявший незначительную часть чистой прибыли издателя. Из числа русских писателей, изданных Вольфом, можно упомянуть А. Ф. Писемского, Андрея Печерского (Мельникова), Казака Луганского (Даля). В 1882 году Вольф издал полное собрание сочинений Адама Мицкевича в русских переводах. Это являлось серьезной заслугой Вольфа.

Не жалел Вольф средств на издание роскошных книг большого формата, украшенных многими иллюстрациями преимущественно западноевропейских художников. Так, например, он выпустил «Фауста» Гёте с иллюстрациями Лицен-Майера.

Вольф оценил талант французского иллюстратора Гюстава Доре, обещавший шумный успех и огромные прибыли. С его иллюстрациями он издал «Божественную комедию» Данте (1874—1879), которую цензура разрешила только под одним условием: цена за экземпляр должна быть не менее 20 рублей, то есть, чтобы книга была заведомо недоступна широким массам читателей. С иллюстрациями того же Доре выпустил Вольф французские сказки Перро в переводе И. С. Тургенева (1867). В оформлении своих изданий Вольф стремился подражать Западу, он был тесно связан с издательскими фирмами Западной Европы, от которых иногда получал использованные клише. Так, для сказок Перро Вольф получил подлинные деревянные доски из Парижа. Русских художников-иллюстраторов Вольф приглашал редко. Некоторые его издания украшены хорошими иллюстрациями Н. Н. Каразина; прекрасно оформлена хрестоматия «Родные отголоски» (1875), составленная П. Полевым и иллюстрированная И. Пановым.

Несмотря на ярко выраженный буржуазный характер большинства изданий, предназначенных для привилегированного круга читателей, Вольф сыграл большую роль как издатель русских книг, а изданные им в большом количестве переводы иностранной научной литературы принесли в свое время определенную пользу. Большой заслугой Вольфа было предпринятое в 1877 году монументальное издание «Живописная Россия». Всего вышло двенадцать томов (1879—1901). Для того времени это издание являлось исключительным; по мысли издателей оно должно было представлять полное и всестороннее описание России, как значилось в подзаголовке: «Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении». К участию в сборниках привлекались виднейшие представители научного, литературного и художественного мира. В качестве главного редактора Вольф пригласил известного географа и путешественника П. П. Семенова-Тян-Шанского. Книга обильно украшена иллюстрациями, выполненными гравюрами на дереве (рис. 95).

Совсем иной характер носила книжная фирма Адольфа Федоровича Маркса (1838—1904), поставившая целью снабжение широких кругов читателей, главным образом в провинции, занимательным чтением. Маркс стремился удешевить книгу путем увеличения тиражей и в этом достиг небывалых успехов. Первое и основное издание Маркса — еженедельный иллюстрированный журнал «Нива», выходивший с 1870 до 1917 года. Исключительно низкая цена журнала и интересный литературный и иллюстративный материал способствовали тому, что «Нива» стала наиболее распространенным журналом в России (рис. 96). Приступая к изданию «Нивы», Маркс предназначал ее в качестве «семейного журнала» — для чтения в свободные вечера в домашнем кругу. Этим Маркс сразу определил тот читательский круг этого журнала, на который он рассчитывал: круг средней и мелкой буржуазии и провинциальной интеллигенции.

№ 43. 1870

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.
Для иногороднихъ. За годовое изданіе . 4 р. За пересылку . . — » 60 к. За упаковку . . . — » 40 » Итого . 5 р.

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру (9000 экз.) по 6 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Б. Морской, № 9—13 д. Росмана. Заграничной подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца Б. Беръ, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

Ссылка.

(*Продолженіе*).

Во всемъ видѣлъ Дорнъ свое безсиліе. Все болѣе и болѣе овладѣвало имъ убѣжденіе, что его умышленно хотятъ уничтожить. Его обвиняли, не объявляя даже причины; ему отказывали въ правѣ, которое предоставляется даже преступнику предъ судилищемъ.

О примиреніи съ судьею не могло быть рѣчи при его вспыльчивомъ нравѣ — тѣмъ болѣе что въ этомъ случаѣ Ульманъ самъ нанесъ себѣ пораженіе, котораго никогда не проститъ себѣ. Дорну предстояла страшная борьба; оружіе и силы были неравны, но онъ все-таки рѣшился не отступаться отъ своихъ правъ и еще менѣе того подчиняться произволу Ульмана.

Прошло нѣсколько дней.

Дорнъ видѣлся ежедневно съ Ульманомъ, но разговора между ними не было.

Дорнъ совершенно уединился и даже не посѣщалъ гостинницы. Онъ избѣгалъ общества, и не видѣлся съ Фарбригомъ, чтобы не обнаружить предъ нимъ своего раздраженія.

Хотя Фарбригъ заходилъ къ нему нѣсколько разъ, но никогда не заставалъ его дома.

Возвратясь однажды съ далекой прогулки домой, Дорнъ нашелъ у себя на столѣ приглашеніе отъ Берты, въ ея помѣстье, на вечеринку, чрезъ два дня. Съ послѣдняго вечера, у Фарбрига, онъ не видалъ ее. Его ссора съ Ульманомъ мѣшала ему думать о ней, да и лучше было бы для него забыть ее; однако по полученіи приглашенія ему яснѣе представалъ ея милый образъ. Онъ конечно отклонилъ бы всякое другое приглашеніе, но сердце влекло его къ Бертѣ — и онъ рѣшился ѣхать къ ней.

На другое утро пришелъ къ нему встревоженный Фарбригъ — и увидя Дорна, сказалъ:

— Наконецъ-то я нахожу васъ дома! Я былъ нѣсколько разъ здѣсь, справлялся въ гостинницѣ, но и тамъ васъ не находилъ. Вы кажется съ намѣреніемъ избѣгаете вашихъ друзей.

— Нѣтъ, возразилъ Дорнъ, — я много гулялъ, чувствуя необходимость въ уединеніи.

Фарбригъ вопросительно посмотрѣлъ на него:

— Г. ассесоръ, вы вѣрно имѣли непріятности на этихъ дняхъ? спросилъ онъ.

Дорнъ отвѣчалъ уклончиво.

— У васъ были непріятности съ вашимъ начальникомъ, продолжалъ Фарбригъ.

— Почему вы это предполагаете? спросилъ Дорнъ.

— Оттого что Ульманъ весьма недружелюбно выразился на вашъ счетъ, и потому что онъ не способенъ скрывать свои чувства, а тѣмъ менѣе относительно своихъ подчиненныхъ.

— Вы судите о немъ не совсѣмъ справедливо, замѣтилъ Дорнъ, — впрочемъ я могу васъ увѣрить, что не подалъ ему на то повода.

— Ваши увѣренія напрасны, г. ассесоръ, перебилъ Фарбригъ, — я пришелъ сообщить вамъ новый образчикъ грубости этого человѣка; хотя я предвижу, что это васъ оскорбитъ, но не могу умолчать.

— Не безпокойтесь, возразилъ Дорнъ, — съ нѣкотораго времени я сталъ привыкать къ непріятностямъ.

— Вы получили приглашеніе отъ Берты, на послѣ-

Рис. 96. Журнал А. Маркса «Нива» в первый год издания

Маркс предпринял издание «Нивы» с незначительными средствами. Вскоре он сумел выйти из материальных затруднений и, употребляя весь доход от изданий на расширение дела, создал крупнейшее в России того времени издательство универсального характера с собственной большой типографией и всеми необходимыми подсобными учреждениями. Одного за другим привлекал Маркс к участию в журнале известных русских писателей. В «Ниве» впервые появились произведения Лескова, «Гуттаперчевый мальчик» Григоровича, «Воскресение» Толстого с иллюстрациями Л. Пастернака, а также произведения многих других писателей. Особенно привлекали внимание читателей к журналу иллюстрации, помещавшиеся в «Ниве». В основном это были снимки с картин западноевропейских художников, но затем стали помещаться и репродукции с картин русских мастеров живописи, в том числе репродукции с многих произведений художников-передвижников. Для воспроизведения иллюстраций в «Ниве» долгое время применялась гравюра на дереве; позднее перешли на автотипию.

С 1891 года Маркс начал давать к «Ниве» большое количество разнообразных литературных приложений. Цена журнала, число подписчиков которого достигло 170 тысяч — небывалой до того времени цифры, была несколько повышена; зато к нему обязательно прилагалось полное собрание сочинений одного из крупнейших русских писателей. Так, подписчикам «Нивы» были разосланы сочинения Тургенева, Гончарова, Гоголя, Григоровича, Достоевского, Шеллера-Михайлова, Данилевского, Лескова, Писемского, Мельникова-Печерского, Жуковского, Фета и других писателей.

В последние годы к «Ниве» давались сочинения и некоторых западных писателей в новых переводах — Мольера, Гейне, Метерлинка, Ростана, Уайльда.

Кроме журнала Маркс издавал много книг научных и художественных. Учитывая большой интерес читателей к естествознанию, Маркс издал ряд работ научно-популярного характера по зоологии, ботанике, геологии, астрономии. Обычно эти издания, богато иллюстрированные и оформленные, были доступны по цене для покупателя среднего достатка. Понижения стоимости книг Маркс достигал увеличением тиражей и никогда при этом не ошибался, хорошо зная книжный рынок и спрос потребителя. Географические атласы Маркса являлись незаменимыми пособиями, по которым изучало географию не одно поколение. Маркс выпустил ряд книг по искусству и произведения русской и переводной классической литературы в роскошных изданиях. К числу их относятся «Фауст» Гёте с иллюстрациями Зейбертца (1889), «Лис Патрикеевич» Гёте с иллюстрациями Каульбаха (1902), «Потерянный рай» Мильтона с иллюстрациями Доре (1895), «Натан Мудрый» Лессинга с иллюстрациями Пахта (1897), «Мертвые души» Гоголя с иллюстрациями Далькевича (1900).

Наибольшее значение в издательской деятельности Маркса имеет распространение им сочинений классической русской литературы. Выписывая ряд лет «Ниву», можно было составить хорошую библиотеку классиков, что для провинции и сельских местностей имело огромное культурное значение.

К числу крупных издательств универсального характера относится издательство А. С. Суворина — владельца реакционной газеты «Новое время». Первым его изданием был «Русский календарь» (1872) — справочник по разным вопросам. Издательство выпустило большое количество книг по всем отраслям знаний, преимущественно гуманитарным. Некоторые его издания считались в свое время непревзойденными по качеству; например, книги по искусству, истории, истории литературы. Под фирмой «Новое время» Суворин открыл несколько книжных магазинов в Петербурге, Москве, Харькове, Одессе, Саратове. В конце XIX века типография издательства в Петербурге сделалась одной из лучших в России; она постоянно расширялась, обновляла свое оборудование, приобретая новейшие наборные и печатные машины, и достигла высокого технического совершенства. При типографии имелась школа для полиграфистов, печатались руководства по типографскому делу и графическим искусствам.

Суворин первым из русских издателей стал выпускать библиофильские или любительские издания, по образцу распространенных в издательской практике Западной Европы, особенно во Франции. К таким изданиям относятся «Бахчисарайский фонтан» (1892) и «Каменный гость» (1895) А. С. Пушкина. Оба издания безвкусно отпечатаны в два цвета. Такие издания могли удовлетворять вкус только богатых мещан.

Суворин издавал научные книги, а также календари и справочники всякого рода, как, например, адресные книги «Вся Россия», «Весь Петербург», «Вся Москва». Одним из лучших и полезнейших издательских предприятий Суворина была серия «Дешевая библиотека». Маленькие книжечки этой серии, стоившие обычно от 10 до 30 копеек, имели широкое распространение. В них представлены многие классики русской и иностранной литературы, особенно переводы античных авторов и русские поэты. Несколько дороже стоили томики «Новой библиотеки» Суворина, в которой помещались произведения русской и иностранной беллетристики.

Крупнейшим московским издателем конца XIX века являлся Иван Дмитриевич Сытин (1851—1934). Происходил он из крестьян Костромской губернии. Мальчиком он был привезен в Москву и отдан в обучение в книжную лавку Шарапова. Необычайно талантливый и энергичный, он с детских лет питал любовь к книге. Сначала Сытин с помощью Шарапова открыл в 1876 году маленькую литографию, предназначенную для печатания настенных лубочных картинок. Лубочные картинки в дореволюционной России имели широкое распространение в народе, особенно в кресть-

янской среде. В большинстве неграмотные, крестьяне, не имевшие возможности читать книги, охотно покупали печатные картинки. В конце XIX века производство такой печатной изобразительной продукции для снабжения деревни было широко распространено; существовали литографии в Москве, Петербурге и других крупных городах. От издателя к потребителю лубочные картинки (лубки) попадали через разносчиков, так называемых офеней. Уложив свой товар в короб, который назывался лубком, они разносили его по самым отдаленным уголкам страны. Название короба перешло и на название картинок. Сытин был связан с несколькими офенями; он снабжал их картинками, иногда в кредит, а они осведомляли его о характере спроса. По сюжетам лубочные картинки представляли собой изображения на религиозные темы, портреты царей и генералов и т. п.; самыми любимыми были иллюстрации к сказкам, песням, особенно к известным литературным произведениям Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Крылова. Излюбленным лубком в народе являлась иллюстрация к стихотворению Пушкина «Под вечер осени ненастной». Турецкая война 1877—1878 годов внесла в тематику лубочных картин новую струю: появились картинки, изображавшие военные эпизоды, виды театра военных действий, портреты героев. Не беда, что эпизоды рисовались тут же, в Москве, художниками, никогда не видавшими военных действий: непритязательный покупатель охотно брал и этот товар.

Угадывая спрос и умея выпустить продукцию в самый короткий срок, Сытин разбогател на лубочных картинках, изображавших военные события. В дальнейшем Сытин сумел, часто идя на материальный риск, увеличить производство лубочных картин, улучшить их качество и создать постоянные кадры продавцов-офеней. Постепенно к картинкам присоединяются книжки, тоже рассчитанные на широкие круги, главным образом, на деревню. При дальнейшем развитии своей деятельности Сытин в основном всегда оставался поставщиком книжной и изобразительной продукции деревни и удовлетворял ее запросы. До конца своей издательской деятельности он продолжал печатать лубочные картинки, календари, иллюстрации к песням и сказкам и т. п. Сытинские картины по качеству стояли значительно выше, чем листы других издателей. Сытин приглашал хороших художников, воспроизводил рисунки хромолитографией в несколько красок, не жалея затрат на производство. Благодаря миллионным тиражам он получал огромные прибыли.

Дешевые народные книжечки, которыми в таком большом количестве снабжал Сытин деревню через офеней, представляли собой буквари и книги для первоначального чтения, переделки — часто плохие — известных литературных произведений, песенники, сказки, романы о приключениях средневековых рыцарей, сонники, гадательные книжки и т. д. Наиболее распространенными были «Повесть о приключении английского милорда Георга»,

обычно называвшаяся просто «Милорд», далее «Битва русских с кабардинцами или несчастная магометанка, умирающая на гробе своего мужа» и «Подвиги генерала Блюхера» — прусского генерала, воевавшего против Наполеона. Собрания сказок и песен не являлись подлинными записями произведений народного творчества, а представляли собой литературно безграмотную их переделку. Это была как раз та литература, о которой Некрасов сказал в своей поэме «Кому на Руси жить хорошо»:

Придет ли времячко,
Когда (приди, желанное!)
Дадут понять крестьянину,
Что книга книге рознь?
Когда мужик не Блюхера
И не Милорда глупого —
Белинского и Гоголя
С базара понесет.

С такого рода литературой боролись многие прогрессивные писатели и издатели, но эта борьба была трудной, так как правительство покровительствовало производству и распространению лубочной литературы, видя в ней некоторый противовес изданиям революционных организаций; эти издания начали проникать в деревню.

В 60-х годах Н. А. Некрасов предпринял серию дешевых изданий для деревни под названием «Красные книжки», где помещал стихотворения, рисующие тяжелую долю крестьянина. В «Красных книжках» были напечатаны «Забытая деревня», «Огородник» и «Коробейники». Вслед за Некрасовым некоторые общественные организации пытались бороться с засильем лубка путем издания доброкачественных книжек для народа. Сытин, как умный человек, видел, что его продукция, с одной стороны, несет в деревню книгу, и, следовательно, грамотность, а с другой — наносит вред, пропагандируя скверную по качеству литературу. Когда представился случай, Сытин охотно пошел на совместную работу с организованным Л. Н. Толстым и В. Г. Чертковым издательством «Посредник» (1884).

Издательство ставило целью борьбу с лубочной литературой путем издания хороших дешевых книг для народа — произведений художественной литературы, книг по сельскому хозяйству, по медицине и санитарии, по борьбе с заразными болезнями, по уходу за детьми, а также религиозно-философской литературы. Чертков решил привлечь на свою сторону Сытина — своего самого серьезного врага, крупнейшего распространителя лубка, он убедил Сытина взять на себя печатание изданий «Посредника». Сытин пошел на такого рода содружество и принял все условия, поставленные «Посредником».

Так как издательство «Посредник» не было заинтересовано в извлечении прибылей, то его книги продавались по самой низкой цене. Оптовая продажная цена — 1 копейка за книгу и даже менее; при продаже на базаре или через разносчиков она увели-

чивалась на 2—3 копейки. Совместная работа Сытина с «Посредником» продолжалась в течение 15 лет.

Сознавая просветительное значение издаваемой литературы для народа, Сытин как капиталист не упускал из виду и прибылей. Печатая издания «Посредника», он продолжал издавать приносившие ему огромный доход сонники, гадательные книги и т. п.

Начав в 70-х годах с небольшого литографского предприятия, в котором он лично выполнял большую часть технической работы, Сытин за несколько лет создал одно из крупнейших издательств в России. Он основал книгоиздательское Товарищество и при новой организации добился еще бо́льших успехов, построил типографию, оборудованную по последнему слову полиграфической техники; начал издание книг, календарей, учебных пособий.

В дальнейшем Сытин издавал разнообразную научную, научно-популярную и художественную литературу; он выпустил сочинения крупнейших русских писателей, много детских книг, скромно, но хорошо оформленных и недорогих по цене, как, например, журнал для юношества «Вокруг света». Научные книги выпускал Сытин в серии «Библиотека для самообразования».

В начале XX века предприятие Сытина, неуклонно разрастаясь, поглощает постепенно своих конкурентов, издающих дешевые книги. Затем Товарищество Сытина захватывает и более крупные издательства; так, в последние годы перед Великой Октябрьской революцией издательство Маркса остается только по названию, основной капитал принадлежит Товариществу Сытина.

В 1918 году издательство и типография были национализированы, устаревшее оборудование заменено новым, поставлены машины советского производства, и бывшая частная типография Сытина превратилась в одну из наиболее крупных фабрик книги в СССР, получившую почетное название Первой Образцовой типографии. В 1948 году ей присвоено имя А. А. Жданова.

Несмотря на капиталистический характер деятельности И. Д. Сытина, он принес большую пользу, сумев распространить дешевую книгу в самых глухих уголках России, чем способствовал повышению культурного уровня темной и забитой деревни. Это значение издательской деятельности Сытина отмечали многие передовые люди. Так, А. М. Горький высоко оценивал деятельность Сытина, а писатель К. А. Тренев, вспоминая свое детство, писал самому Сытину: «Однажды к нам в землянку, затерянную в балке среди безлюдной степи, каким-то чудом зашел коробейник с книжками, на которых было имя «И. Д. Сытин». Считая по пальцам светлые дни своего темного, безрадостного детства, я включаю туда и этот день».

Из числа крупных капиталистических предприятий следует упомянуть еще петербургскую фирму Ефрон, тесно связанную с германским издательством Брокгауз в Лейпциге. Главное их издание — Энциклопедический словарь в 86 томах (1890—1907); к составлению и редактированию его были привлечены лучшие

ученые того времени. Большой известностью пользуются две серии, издававшиеся фирмой «Брокгауз — Ефрон».

Первая — «Библиотека великих писателей» под редакцией известного литературоведа и библиографа С. А. Венгерова; в этой серии последовательно вышли собрания сочинений Шиллера, Шекспира, Байрона и Пушкина. Эти издания были роскошно оформлены, имели огромное количество иллюстраций, принадлежавших разным художникам и разным эпохам, что лишало издание художественной цельности и единства оформления.

Вторая серия издательства Брокгауз—Ефрон — «История Европы по эпохам и странам в средние века и новое время» под редакцией известных историков Н. И. Кареева и И. В. Лучицкого. Многие выпуски этой серии представляли научную ценность.

§ 107. СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Наряду с крупными капиталистическими предприятиями общего характера существовало значительное количество коммерческих фирм, издававших специальную литературу по тем или иным отраслям знания. Одной из крупнейших была фирма К. Л. Риккера в Петербурге, основанная в 1861 году. Риккер начал издательскую деятельность с небольших изданий по медицине и фармакологии; со временем издательство расширилось, окончательно установило свою основную специальность — медицину и сделалось крупнейшим издательством медицинских книг.

Читательские круги, проявлявшие интерес к естествознанию и точным наукам, заставили Риккера расширить тематику своих изданий. Он стал выпускать книги по математике, физике, химии, естественным наукам, а затем и по истории и по литературе. Он печатал также несколько медицинских журналов как общего характера, так и посвященных отдельным отраслям медицины.

Другой крупный издатель, А. Ф. Девриен, начал издательское дело с 1872 года и специализировался на сельскохозяйственной литературе. Девриен издавал также большое количество детских книг, обычно хорошо оформленных: но славу создали ему капитальные труды по естествознанию и географии. Наибольшей известностью среди них пользуется переработка вольфовской «Живописной России», выходившей под редакцией П. П. Семенова-Тян-Шанского под заглавием: «Россия. Полное географическое описание нашего отечества»; с 1899 до 1914 года вышло девятнадцать томов, но издание не было закончено.

Многие роскошные иллюстрированные издания по естествознанию создали Девриену славу одного из лучших издателей. Из них можно назвать «Жизнь моря» Келлера (1897), «Атлас бабочек Европы» (1897), «Жизнь пресных вод» Ламперта (1900), «Животный мир Европы» (1900—1902, три тома). Печать и репродукционная техника, бумага, переплет — все в изданиях Девриена отличалось солидностью и доброкачественностью.

§ 108. ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Одновременно с крупными капиталистическими фирмами во второй половине XIX века появилось много частных издателей, которые ставили своей целью распространение в русском обществе просвещения путем издания научных, научно-популярных и литературных произведений и не считались с тем, приносят издания доход или убыток. Обычно коммерческая сторона таких издательств сводилась к самоокупаемости изданий в случае их распродажи; а так как продавались они крайне медленно и большая часть тиража залеживалась на складах, то часто такие издательства терпели убытки.

Среди издателей такого рода на первом месте хронологически и на одном из первых мест по размаху деятельности и качеству книг стоит московский издатель Козьма Терентьевич Солдатенков (1818—1901). Нажив огромное состояние на торговле текстильным сырьем и принадлежа к московским промышленно-финансовым «тузам», Солдатенков расходовал значительные суммы на просветительно-благотворительные дела, на издательство книг и на собирание личной библиотеки и картинной галлереи, которые по завещанию оставил Румянцевскому музею.

Изданием книг Солдатенков занимался в течение почти полувека. В конце 50-х годов он попал под благотворное влияние группы молодых деятелей литературы, близких к передовому общественному движению, — Н. Х. Кетчера, Е. Ф. Корша и других и начал издавать книги на первых порах в сообществе с Н. М. Щепкиным, сыном знаменитого актера М. С. Щепкина. В эти годы были изданы первое собрание сочинений В. Г. Белинского (1859, в двенадцати томах), сочинения Огарева, Грановского, стихотворения Полежаева, Некрасова, Кольцова. В дальнейшем Щепкин отошел от издательской деятельности, и Солдатенков продолжал ее один.

В выборе книг для издания он пользовался указаниями и советами профессоров Московского университета; в его издательстве появились труды таких известных русских ученых, как Т. Н. Грановский, В. О. Ключевский, М. М. Ковалевский, и других. Книгоиздательство регулярно приносило Солдатенкову убыток; единственной доходной книгой оказались стихотворения А. В. Кольцова.

Издания Солдатенкова были посвящены главным образом гуманитарным наукам: истории, социологии, истории литературы, истории искусства.

Солдатенков напечатал множество переводов превосходных научных книг и немало способствовал ознакомлению русского общества с лучшими произведениями западноевропейской науки. В его издательстве вышли такие общеизвестные классические труды, как «Всеобщая история» Лависса и Рамбо (восемь томов 1897—1903), «Древняя история народов Востока» Г. Масперо

(1895), «Римская история» Моммзена (пять томов, 1885—1887), серия «Библиотека экономистов»; много трудов по истории литературы разных народов: древнегреческой (Магаффи), французской (Лансон), итальянской (Гаспари), испанской (Тикнор), скандинавской (Горн). Неоднократно издания Солдатенкова конфисковала цензура; такая участь постигла, например, один из томов знаменитой «Истории литературы XVIII века» Г. Геттнера и один из томов «Искусства в связи с общим развитием культуры» М. Карьера. С 1885 до 1893 года Солдатенков издавал «Всеобщую историю» Георга Вебера в пятнадцати томах. Перевод был поручен Н. Г. Чернышевскому, проживавшему последние годы жизни в Астрахани. Сочинение Вебера Чернышевский снабдил собственными примечаниями.

К последнему десятилетию XIX века относится возникновение в Москве издательства, принадлежавшего другому крупному московскому фабриканту и финансисту, Михаилу Васильевичу Сабашникову (1871—1944). Оно существовало около 30 лет под фирмой «М. и С. Сабашниковы» и являлось как бы продолжением издательства К. Т. Солдатенкова в улучшенном и расширенном виде. Начало этому издательству было положено в 1891 году, когда Сабашниковы с помощью своих друзей студентов подготовили и издали ряд книг по естествознанию; позднее профиль издательства стал исключительно гуманитарным.

Сабашниковы специализировались на издании серий, которые всегда подбирались с исключительной тщательностью. Основная серия — «Памятники мировой литературы» содержала лучшие произведения литературы и памятники народного творчества всех стран в переводах современных писателей. Превосходно с научной стороны были изданы русские былины, скандинавский народный эпос «Эдда», карело-финский народный эпос «Калевала» и многие другие произведения; особенное внимание уделялось античным авторам.

Из других серий издательства следует отметить «Страны, века и народы», «История», «Пушкинская библиотека», «Ломоносовская библиотека» и т. д. Большую ценность для истории русской литературы представляет многотомный сборник, составленный и редактированный М. О. Гершензоном под названием «Русские Пропилеи». Советское правительство оценило заслуги издательства Сабашниковых перед наукой и просвещением: оно продолжало работать несколько лет после Великой Октябрьской социалистической революции, пользуясь предоставляемыми ему Советским правительством льготами. Из числа изданий Сабашниковых в советское время особенную известность приобрела серия «Записи прошлого», в которой опубликовывались мемуары, дневники, письма и другие исторические материалы, как «Дневник С. А. Толстой», «Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта» П. В. Долгорукова, «Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей» П. И. Бартенева и др.

Все издания Сабашниковых выделялись своим строгим, красивым оформлением, тщательно подобранными шрифтами, бумагами, обложками, особенно заметными среди многих безвкусных и неряшливых изданий частных издателей.

Из числа петербургских издательств просветительного направления наибольшую популярность завоевал Флорентий Федорович Павленков (1839—1900). Начало его издательству было положено в 60-х годах, но полного расцвета оно достигло в последние два десятилетия XIX века.

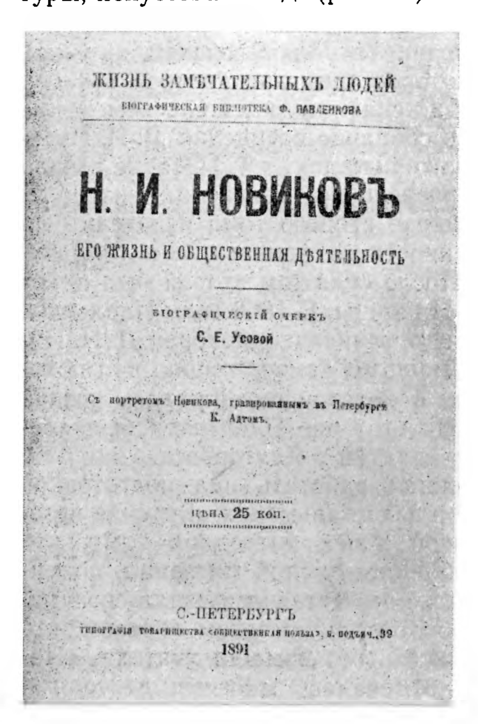
Павленков получил образование в Михайловском артиллерийском училище и состоял некоторое время на военной службе, а затем начал пробовать свои силы в издательском деле. В 1866 году он решил выпустить собрание сочинений Д. И. Писарева, блестящим талантом которого он увлекался. Издание вышло в свет без предварительного разрешения согласно цензурным законам того времени; но по выходе второго тома издатель был привлечен к судебной ответственности за помещение антиправительственных статей Писарева. После суда том второй был изъят и из него вырезаны крамольные страницы. В 1868 году Павленков вновь подвергся преследованию за организацию похорон Д. И. Писарева, которые превратились в мощную демонстрацию. На похоронах Павленков произнес речь, в которой содержалась резкая критика существующего строя. На этот раз Павленков был арестован и выслан сначала в Вятку, а затем в Ялуторовск.

В Вятке Павленков продолжал работать над подготовкой к изданию книг. Здесь он собрал и издал альманах «Вятская незабудка» (1877), имевший большой успех благодаря тому, что в нем был помещен местный публицистический материал, поданный остро и своевременно. Здесь же он составил и издал свою известную «Наглядную азбуку», обработанную таким образом, что по ней можно было научиться читать без помощи учителя. «Наглядная азбука» положительно отмечалась многими деятелями педагогики и издавалась много раз.

Вернувшись после ссылки в Петербург, Павленков энергично принялся за издание научно-популярной литературы и беллетристики, имевшей общественный уклон. В характере Павленкова соединялись большая деловитость с бескорыстным служением делу распространения дешевых книг в народе. Годы, на которые приходится развитие его деятельности, характеризуются ростом грамотности, появившимся в результате стремления широких масс крестьян к учению. Этому способствовало и увеличение количества школ, открытых земством.

Книги, изданные Павленковым, предназначались для широких кругов читателей. В большом количестве он издавал научно-популярную литературу и дешевые издания произведений классиков. Павленков создал новый тип издания — однотомник произведений классического писателя. Эти однотомники, очень скромные по оформлению, но хорошо напечатанные, пользовались большим

спросом вследствие своей доступности и по содержанию, и по оформлению, и по цене. Однотомники Пушкина, Лермонтова, Гоголя и других писателей выходили ежегодно и быстро раскупались. Особенную известность приобрел Павленков выпуском биографической серии «Жизнь замечательных людей», состоявшей из небольших книжек, посвященных описанию жизни и деятельности знаменитых людей в области политики, науки, литературы, искусства и т. д. (рис. 97). Биографии замечательных людей составлялись на основании лучших научных источников и популярно излагались. Каждая книжка была снабжена портретом и стоила 25 копеек.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

Н. И. НОВИКОВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ
С. Е. Усовой

Съ портретомъ Новикова, гравированнымъ въ Петербургѣ
К. Адтомъ.

ЦѢНА 25 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА», Б. ПОДЪЯЧ., 39
1891

Рис. 97. Обложка одной из книг серии «Жизнь замечательных людей»

Почти все книги, изданные Ф. Ф. Павленковым, пользовались любовью читателей, но самый большой успех выпал на долю его однотомного энциклопедического словаря. Словарь содержал большое количество слов с кратким, но точным объяснением каждого слова, причем многие объяснения сопровождались иллюстрациями. Этот словарь выдержал более 30 изданий и сделался настольной книгой каждого грамотного читателя, не имевшего возможности пользоваться большими энциклопедическими словарями.

Павленков высоко ставил роль книжного издателя. Он понимал, какое значение имеет выбор литературы для удовлетворения культурных запросов народа; он учитывал воспитательное значение своей деятельности и моральную ответственность за качество выпускаемых книг. Может быть, поэтому он помещал свое имя не внизу обложки и титульного листа, как это было принято, а наверху. «Жизнь замечательных людей. Биографическая серия Ф. Ф. Павленкова». Павленков 20 лет занимался напряженной и плодотворной издательской деятельностью, которая была отмечена многими прогрессивными деятелями и писателями его времени.

Близким по направлению к издательству Павленкова являлось издательство Лонгина Федоровича Пантелеева (1840—1919).

Пантелеев был одним из активных участников первой русской революционной организации народников — общества «Земля и воля» 60-х годов, а по некоторым сведениям даже одним из первых организаторов этого общества. В начале 60-х годов он был исключен из Петербургского университета за участие в студенческом движении. Вскоре его арестовали и в 1865 году приговорили к шести годам каторжных работ. После освобождения Пантелеев работал на Урале, сначала в качестве сотрудника, а затем и совладельца крупной фирмы золотопромышленников. Вернувшись в Петербург в 1876 году обладателем большого состояния, он в 1877 году основал издательство. В 1901 году Пантелеев был вторично выслан, но издание книг под его именем не прерывалось. Печатал Пантелеев почти исключительно научную литературу, русскую и переводную, сначала по вопросам естествознания, а позднее главным образом по истории социологии и экономике.

Издательство О. Н. Поповой в Петербурге, начало которого относится к 1894 году, известно как одно из наиболее прогрессивных. По общему характеру оно напоминает издательство Павленкова. Попова издала много наиболее передовой и современной популярно-научной, научной и беллетристической литературы. Ее издательство выпустило большое число каталогов, отличавшихся от каталогов других издательств тем, что все перечисленные книги снабжались хорошими аннотациями, то есть примечаниями, раскрывающими содержание и характер книги. Основательно поставлены были выбор книг для издания и редактирование. Издания по отдельным научным дисциплинам возглавлялись крупными учеными: так, например, отделом естественных наук руководил К. А. Тимирязев. В 1900 году в издательстве О. Н. Поповой вышла книга Сиднея и Беатрисы Вебб «Теория и практика английского тред-юнионизма» в переводе с английского В. Ильина (псевдоним В. И. Ленина).

В 1898 году в Петербурге возникло новое издательство, вскоре завоевавшее широкую популярность в передовых кругах читателей. Это было товарищество «Знание», одним из главных руководителей, участников и авторов которого являлся А. М. Горький. «Знание» выпускало преимущественно произведения современных русских писателей реалистического направления — Горького, Куприна, Серафимовича, Скитальца, Гусева-Оренбургского, Гарина и многих других. Наибольшую известность приобрели литературные «Сборники товарищества «Знание», в 1903—1913 годах их вышло сорок томов. В «Сборниках» помещались по большей части еще не опубликованные произведения: так, например, в сборниках XVI—XIX 1907 года была напечатана повесть Горького «Мать».

Уже в деятельности «Знания» дореволюционного периода выявилось настойчивое стремление Горького ознакомить русских читателей с лучшими творениями мировой литературы путем издания хороших переводов. В это время «Знание» издало некоторые

греческие трагедии, «Фауста» Гёте в точном переводе прозой П. И. Вейнберга; трехтомное собрание сочинений Шелли; поэму Лонгфелло «Песнь о Гайявате», представлявшую собой обработку народного эпоса североамериканских индейцев; «Иридион» польского классика Зигмунта Красинского; собрание сочинений Т. Г. Шевченко; переводы произведений многих современных авторов.

Товарищество «Знание» выпускало также научные книги — по искусству (известный труд Мутера «История живописи в XIX веке» с дополнительным томом, посвященным русской живописи), по естественным наукам, педагогике, экономике, социологии.

В сентябре 1905 года «Знание» заключило договор с Центральным Комитетом партии большевиков на издание серии политических брошюр под названием «Дешевая библиотека товарищества «Знание». Выбором книг руководила редакционная комиссия, в которую входил В. И. Ленин. Печатание и распространение этой литературы производилось издательством «Знание» наравне с другими своими изданиями. Таким образом, этот отдел «Знания» являлся неофициальным партийным издательством.

В годы реакции «Знание» потерпело большой материальный ущерб: цензура уничтожила произведения Маркса, Энгельса, Лафарга, Бебеля, запретила к продаже тома «Сборника» с произведениями Горького «Мать» и Вересаева «На войне». В 1909 году был конфискован «Кобзарь» Шевченко.

Издательство «Знание» прекратило свое существование в 1913 году после ареста и последующей эмиграции Горького и других его руководителей.

§ 109. ТЕХНИЧЕСКИЕ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ И ОФОРМЛЕНИЕ КНИГИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Конец XIX века был временем широкого введения механизации в полиграфическое производство. К этому времени относятся многие изобретения и усовершенствования в области полиграфического производства, созданные русскими изобретателями. Крупнейшими из них были наборная машина П. П. Княгининского и способ цветной печати И. И. Орлова.

Петр Петрович Княгининский являлся изобретателем первой в мире автоматической наборной машины. Приехав в Петербург в 60-х годах, Княгининский сблизился с известным издателем Л. Ф. Пантелеевым. Пантелеев и друзья Княгининского, зная о его работе по созданию наборной машины, помогли ему собрать необходимую сумму для поездки в Париж. Здесь на одном из заводов Княгининскому удалось построить машину, и он привез ее в Россию в 1870 году. Машина демонстрировалась на Всероссийской мануфактурной выставке в Петербурге. О ней много

говорили, называли изобретение Княгининского гениальным, но использовать его не сочли нужным. Казенные типографии не могли расстаться со старыми способами производства, капиталистические фирмы боялись затрат на постройку машины, боялись также того, что наборщиков трудно обучить работать на ней Изобретение осталось неиспользованным и было забыто, как это случилось со многими замечательными изобретениями в царской России. В своих воспоминаниях Пантелеев сообщает, что Княгининский умер в 70-х годах в крайней бедности.

Изобретение Ивана Ивановича Орлова относится к репродукционной технике. В 1896 году Орлов сделал доклад в Русском техническом обществе об изобретенном им новом способе многокрасочной печати. Способ заключался в следующем: краски, нанесенные на печатные цилиндрические формы, передавались на соответствующие эластичные цилиндры, а с них на одну общую печатную форму, и уже с этой общей формы изображение передавалось на бумагу. Это изобретение предвосхищало офсетную печать тем, что Орлов применил промежуточную эластичную поверхность.

В 1895 году в Петербурге открылась первая Всероссийская выставка печатного дела, устроенная Русским техническим обществом. На выставке демонстрировались лучшие образцы печатной продукции казенных и частных типографий, а также русская книга в ее историческом развитии, начиная от Ивана Федорова. Показав как достижения в области производства книги, так и многие недостатки, выставка повысила интерес к издательскому делу, полиграфии и оформлению книги. Последнему в русском книгопроизводстве, бывшем в основном крупнокапиталистическим, уделялось мало внимания.

В различных элементах оформления русской книги второй половины XIX века можно обнаружить много замечательного, но обычно в нем отсутствует единство творческого замысла и строгость художественного вкуса. Бросается в глаза хорошее качество бумаги и печати; на большой высоте стояла репродукционная техника. В большинстве типографий имелось значительное количество разнообразных шрифтов иногда красивого рисунка. Отрицательным моментом было то, что наборщики и метранпажи плохо умели пользоваться наличным ассортиментом шрифтов, особенно в акцидентных работах. В иллюстративной технике применялось много различных способов одноцветной и многоцветной репродукции, начиная со старых — торцовой гравюры на дереве и литографии, до последних изобретений в области фотомеханики. В 70-х и 80-х годах широко применялась литография, особенно цветная, в 90-х годах — автотипия и фототипия.

Долгое время было принято считать, что вторая половина XIX века в области книжной иллюстрации является периодом упадка. В это время большие мастера-иллюстраторы не участвовали в украшении книги. Одной из причин этого являлась

капиталистическая система книгопроизводства: хорошие иллюстрации удорожают издание, что невыгодно издателям. Проще и дешевле было пригласить посредственного художника; еще проще закупить использованные клише за границей, как делал, например, Вольф. Художники в свою очередь не стремились к иллюстрированию книг. Большинство художников этого периода воплотило свои замыслы в полотнах, писанных масляными красками; их не привлекала книжная графика, обычно ограниченная небольшими размерами рисунков и одноцветной черной печатью.

Рис. 98. Рисунок И. Е. Репина к рассказу Лескова «Лев старца Герасима»

Некоторые издатели делали попытки создать хорошие иллюстрации к известным литературным произведениям, но эти попытки не всегда приводили к хорошим результатам. Выше говорилось о дорогих, но малохудожественных изданиях Вольфа и Суворина. Московский книгопродавец В. Г. Готье издал «Евгения Онегина» (1893) и «Капитанскую дочку» (1891) с иллюстрациями П. Соколова. Эти издания являются типичным подражанием французским библиофильским изданиям. Весь их роскошный облик мало подходит к реалистическим произведениям Пушкина, а дорогая цена делала их доступными лишь для богатых буржуазных собирателей. Иллюстрации выполнены гравюрой на стали («Капитанская дочка») и фототипией («Евгений Онегин»); в некоторых экземплярах они даны в особенно богатом оформлении. Роскошные переплеты сделаны из цельного сафьяна, с внутреннею отделкой, с золотым теснением и золотым обрезом.

Издательство «Посредник» привлекло знаменитого художника И. Е. Репина к иллюстрированию своих дешевых книжек. На рис. 98 воспроизведена иллюстрация к рассказу Н. С. Лескова «Лев старца Герасима». Репин сделал к этому рассказу два замечательных рисунка, выполненных затем литографией. Эта книжечка, простая и дешевая, является замечательным памятником творчества великого русского художника.

Перелом в области книжной иллюстрации начался с 1891 года, когда вышло трехтомное собрание сочинений Лермонтова в издании Кушнерева и Прянишникова. К иллюстрированию произведений Лермонтова были привлечены лучшие современные художники: И. К. Айвазовский, В. М. и А. М. Васнецовы, М. А. Врубель, В. А. Серов, К. А. Коровин и другие. Хотя это издание в целом страдает отсутствием единства и оставляет впечатление стилистического разнобоя, тем не менее иллюстрации к отдельным произведениям Лермонтова превосходны. Издание сочинений Лермонтова создало поворот в самом отношении к иллюстрации со стороны как издателей, так и публики; после него начали непрерывно появляться хорошие иллюстрированные издания. Спустя несколько лет после выхода сочинений Лермонтова появилось собрание сочинений Пушкина в издании П. Кончаловского, также с иллюстрациями ряда крупных художников.

В конце века появилось новое течение в изобразительном искусстве, органом которого являлся художественный журнал «Мир искусства», начавший выходить в 1899 году. Возникнув в годы общественного подъема, общество «Мир искусства» заняло крайне реакционную позицию, провозглашая вновь лозунг «искусство для искусства». Пропаганда ухода от жизни в область «чистого» искусства, естественно, привела к реакционной тематике — к фантастике, мистике, уходу в прошлое. Художники «Мира искусства» оставили, однако, несколько памятников высокохудожественного оформления книги. Таковы издания «Пиковой дамы» и «Медного всадника» А. С. Пушкина с иллюстрациями А. Н. Бенуа, иллюстрации И. Я. Билибина к сказкам Пушкина и к русским былинам, иллюстрации Е. Д. Поленовой к русским сказкам.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

КНИГА ОТ 1905 ДО 1917 ГОДА

§ 110. ПЕЧАТЬ ПЕРИОДА РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА

В период подготовки революции 1905 года и в самую революцию выпускалось огромное количество социально-экономической литературы. Повышение политической сознательности и активности рабочих масс создало большой спрос на популярную дешевую политическую брошюру. Некоторые частные издательства,

принадлежавшие людям, сочувствовавшим революции, перешли почти исключительно на издание политической брошюры; возникло много новых издательств, специализировавшихся на выпуске этой продукции. Даже некоторые типично капиталистические издательства включили в свои планы издание политической брошюры.

Вспоминая об этом времени, В. И. Ленин писал: «Миллионы дешевых изданий на политические темы читались народом, массой, толпой, «низами» так жадно, как никогда еще дотоле не читали в России»; и далее: «Купцы бросали торговать овсом и начинали более выгодную торговлю — демократической дешевой брошюрой. Демократическая книжка стала *базарным* продуктом»[1].

Одновременно с этим быстро возрастал спрос со стороны интеллигенции на научную книгу по социальным и экономическим вопросам; в особенности это касается книги марксистской. Произведения Маркса и Энгельса печатались многими издательствами легально и нелегально и жадно расхватывались читателями.

Растерявшееся правительство было не в силах бороться с наплывом политической, часто революционной литературы. Книги изымались из продажи, их конфисковывали и уничтожали.

Особенно жестоко преследовалась политическая книга, рассчитанная на массового читателя.

Однако революционный подъем рабочих масс и сочувствие всех работников книги, начиная от типографских рабочих и кончая продавцами магазинов и библиотекарями, помогали обойти цензуру и распространить любое издание.

После царского манифеста 17 октября, обещавшего среди других «свобод» и свободу слова и печати, большинство издателей и типографий перестало считаться с цензурой и не представляло ей рукописи на предварительное рассмотрение: книги подвергались конфискации и преследованию в судебном порядке уже после выхода в свет.

В борьбе с цензурой свободолюбивая печать выработала целую систему своеобразных приемов и уловок. Так, например, в издательствах наряду с фактическими редакторами и руководителями имелись особые фиктивные редакторы, предназначенные «для отсидки», то есть для несения ответственности перед властями. Издатель подговаривал за определенную плату специальное лицо, зачастую не имеющее никакого отношения к литературе, которое официально утверждалось в должности главного редактора издательства или периодического органа печати и, следовательно, несло ответственность за выпускаемую печатную продукцию. При возбуждении судебного преследования этот подставной редактор представал перед судом и в случае осуждения

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 286.

подвергался тюремному заключению. Ввиду того что многие из активных деятелей печати были людьми, скомпрометированными в глазах властей, «неблагонадежными», то привлечение их к суду за напечатание революционной литературы могло повлечь за собой более строгий приговор или же предъявление им более тяжелого обвинения, что могло надолго вырвать их из революционного движения. Благодаря комбинациям с фиктивными редакторами фактические редакторы и издатели оставались незатронутыми и могли спокойно продолжать свое дело.

Другой прием борьбы с цензурой состоял в том, что в цензуру сообщались преуменьшенные сведения о тираже, а экземпляры сверх этой цифры тиража немедленно по изготовлении разносились из типографии по надежным местам и распространялись через верных людей.

Периодические издания в случае запрещения возобновлялись под слегка измененным названием, как будто это было совсем другое издание.

Крупнейшими издательствами политической брошюры были: «Молот» и «Колокол» в Петербурге, «Труд» в Москве, «Буревестник» и «Вперед» в Одессе.

Много брошюр выпускало издательство «Донская речь» в Ростове-на-Дону. Здесь кроме политической литературы выходили массовыми тиражами дешевые книги для крестьян и рабочих, много художественной литературы прогрессивного направления.

В большом количестве «Донская речь» выпускала отдельные рассказы Горького и других передовых писателей. Многие издания «Донской речи» подверглись конфискации, а в 1907 году издательство было закрыто правительством.

Издательство «Знание», которым руководил А. М. Горький и которое до сих пор издавало исключительно произведения новейшей русской литературы и небольшое число научных книг, тоже перешло на издание дешевой политической литературы. Это изменение профиля издательства было сделано по предложению Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии. «Знание» начало выпускать серию «Дешевая библиотека товарищества «Знание», в которой печаталась политическая, преимущественно марксистская литература. Попытка выпустить в этой серии «Манифест Коммунистической партии» закончилась неудачей — книга была конфискована. Однако издательству удалось спрятать весь тираж в своих книжных складах, где он и пролежал до 1917 года, и после февральской революции его выпустило с новой обложкой партийное большевистское издательство «Жизнь и знание».

В 1905 году зарубежная и подпольная революционная печать частично получила возможность легализоваться. Большевистскую литературу охотно печатали многие издательства: «Буревестник» в Одессе, «Молот» в Петербурге и другие. Однако

вполне удовлетворить спрос на наиболее нужную в данный момент книгу эти частные издательства не могли, да и печатали они политическую литературу отчасти по соображениям прибыльности. Как на пример беспринципности в издательском деле можно указать на издание «Манифеста Коммунистической партии», предпринятое издательством «Молот». Чтобы сократить расходы по изданию, текст «Манифеста» был искажен и так сокращен, что он уместился на 32 страницах (двух печатных листах).

В Москве существовало издательство «Колокол», печатавшее некоторые книги по заданиям Центрального Комитета партии большевиков. С марта 1906 года «Колокол» открыл отделение в Петербурге.

В период революции 1905—1907 годов стала ощущаться настоятельная необходимость создать центр большевистской легальной печати, и в первую очередь легальную большевистскую газету В октябре 1905 года была основана первая легальная большевистская газета «Новая жизнь».

Находясь в это время еще за границей, В. И. Ленин руководил оттуда организацией газеты. В ноябре в связи с подготовкой вооруженного восстания Ленин приехал в Петербург и стал руководить газетой.

В «Новой жизни» печатались многие статьи Ленина, служившие руководством в повседневной работе партии. Ленин принимал непосредственное участие в редактировании газеты, давал руководящие указания сотрудникам. Ленин указывал на необходимость помещения в газете только строго проверенных фактов; он призывал газетных работников к тому, чтобы изжить практику буржуазных газет, помещающих на своих страницах кричащие, но недостоверные факты. После Декабрьского вооруженного восстания газета «Новая жизнь» была закрыта правительством.

В мае 1906 года организовалось легальное партийное издательство «Вперед», одним из руководителей которого был В. Д. Бонч-Бруевич. При издательстве был открыт книжный магазин и обширный книжный склад, в котором сосредоточивалась политическая литература, выпускавшаяся другими издательствами. Склад занимался распределением марксистской литературы по провинциальным магазинам. В издательстве «Вперед» впервые зародилась мысль напечатать собрание Сочинений В. И. Ленина, но сам Владимир Ильич не захотел выпускать собрание всех своих сочинений, а предложил ограничиться сборником избранных работ под названием «За двенадцать лет». Однако издательству «Вперед» не удалось выпустить этого сборника, и он вышел в 1907 году в издательстве «Зерно». Работа типографии издательства «Вперед», магазина и склада проходила в исключительно тяжелых условиях, в условиях начинавшейся реакции. Постоянное наблюдение полиции, частые налеты

и обыски в типографии и магазине создавали в работе большие трудности. Иногда удавалось ликвидировать нажим полиции путем подкупа.

Крупнейшим издательством в Москве, выпускавшим большевистскую литературу, являлось частное издательство «Труд». Под фирмой «Труд» существовали в Москве большой книжный магазин и склад. При начавшейся реакции издательство «Труд» было закрыто.

После выборов Советов рабочих депутатов в октябре 1905 года начала усиливаться подпольная печать, руководимая Советами. Хотя Советы, не считаясь с цензурой, осуществляли свободу печати, но ограничиться одной только легальной печатью в период подготовки вооруженного восстания было невозможно.

Требовалась тайная печать, роль которой заключалась в том, чтобы распространить массовую революционную литературу, призывающую к восстанию. Поэтому в этот период заметно умножились подпольные типографии в Москве, Петербурге, Екатеринославе (Днепропетровске), Костроме, Владимире, Ярославле, Иванове.

В подготовке московского вооруженного восстания большую роль сыграли московские подпольные типографии, находившиеся в ведении Московского Комитета Российской социал-демократической партии. В Москве в период революции 1905—1907 годов работало пять подпольных типографий. Энергичную деятельность в этой области развил Николай Эрнестович Бауман, направленный на работу в Москву заграничным большевистским центром. Бауману было поручено создать в Москве подпольную типографию для печатания большевистской литературы. С помощью рабочих-большевиков типография, организованная Бауманом, действовала непрерывно, несмотря на преследования полиции. Не раз работникам типографии приходилось, рискуя арестом, переносить на руках тяжелые шрифты.

Чтобы замаскировать тяжесть, работнику, несущему шрифт, приходилось прибегать к переодеваниям, иногда притворяться пьяным, идущим нетвердой походкой.

За период своей работы типография много раз меняла местопребывание. Чтобы заглушить шум, производимый печатной машиной, в передней комнате ставилось несколько швейных машин. Типография помещалась под вывеской швейной мастерской. Несмотря на исключительно тяжелые условия, в которых приходилось работать московским подпольным типографиям, они сумели наладить выпуск и распространение огромного количества агитационной литературы. Листовки Московского Совета рабочих депутатов выпускались тиражами до 30 тысяч экземпляров, в некоторых случаях тиражи повышались до 50 тысяч экземпляров. Воззвание большевиков перед выборами во вторую Думу вышло в свет в количестве 100 тысяч экземпляров. В условиях конспирации работа подпольных типографий могла проводиться только

с активной помощью рабочих. Московский Совет, руководимый большевиками, был крепко связан с рабочими организациями; вследствие этого он успешно проводил печатание и распространение нелегальной литературы. Доставка бумаги, передача оригиналов, наконец, вынос из типографии готовой продукции по заранее известным адресам — все это осуществлялось рабочими.

В период подготовки всеобщей Октябрьской стачки и Декабрьского вооруженного восстания значение нелегальной печати было огромно.

Одна из московских подпольных типографий, восстановленная после Великой Октябрьской социалистической революции, сохраняется до настоящего времени как замечательный памятник эпохи. Эта типография, открытая в августе 1905 года, находилась на Лесной улице под вывеской «Оптовая торговля кавказскими фруктами Каландадзе». Небольшая лавочка была заставлена ящиками с фруктами, причем фрукты лежали только сверху для декорации. Под лавочкой находился погреб, из которого замаскированный ход вел в помещение типографии — ход настолько низкий и узкий, что по нему можно было продвигаться только ползком. Помещение для типографии было так мало, что работать в нем мог всего один человек. Наборная касса ставилась на печатной машине, слабо освещенной керосиновой лампой. Когда набор заканчивали, кассу снимали и приступали к печатанию.

Несмотря на огромные трудности, эта типография выпустила большое количество прокламаций и листовок и даже печатала небольшую газету «Рабочий». Типография избегла разгрома в такой период, когда вся рабочая печать подвергалась яростным преследованиям, и была закрыта самими организаторами в июле 1906 года.

Кроме листовок в подпольных типографиях печаталась и научная социально-политическая литература. Так была издана нелегально работа В. И. Ленина «Шаг вперед, два шага назад», в которой развиты положения, «ставшие потом организационными основами большевистской партии»[1]. Книга вышла впервые за границей (Женева, 1904), а в 1905 году была перепечатана в нелегальных типографиях Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии в Петербурге и ее Московского комитета в Москве. В 1907 году на книгу наложил арест Петербургский комитет по делам печати. Также два раза перепечатывалась нелегально и другая знаменитая работа В. И. Ленина — «Две тактики социал-демократии в демократической революции», в которой Ленин заложил основы революционной тактики большевистской партии.

[1] «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс», стр. 45.

Во время всеобщей Октябрьской стачки появилась крайняя необходимость в печатном органе для освещения положения в стране.

Рабочие Москвы и Петербурга нашли выход: они начали применять «захват» типографий, закрытых во время всеобщей стачки. Ночью в бездействовавшую типографию, находившуюся под охраной нескольких дворников или сторожей, приходили рабочие с готовым текстом номера газеты. Сторожей отводили в изолированное помещение, а на их место становился один из рабочих. Овладев типографией, начинали быстро набирать газету, иногда успевали даже отлить стереотипы, с которых печатали номер газеты в необходимом количестве экземпляров. Наутро полиция и все население не могли объяснить, как появилась газета в такое время, когда бастуют все типографии. Несмотря на противодействие полиции, газеты жадно расхватывались. Вскоре от владельцев типографии полиция узнала о приемах печатания газеты и установила более тщательное наблюдение за типографиями. Были случаи, когда во время печатания газеты происходили налеты полиции и приходилось прерывать работу и спасать хотя бы часть готового тиража. «Захваты» типографий рабочими продолжались, но их стали производить каждый раз в другом месте, чтобы сбить полицию с толку. Выбирали такие типографии, где здание помещалось во дворе или выходило в глухой переулок, чтобы свет из окон не привлекал внимания снаружи. Таким образом рабочим удалось выпускать газеты в период наиболее напряженной революционной борьбы осенью 1905 года.

В то же время в Закавказье продолжали работать подпольные типографии под руководством И. В. Сталина; Авлабарская типография в Тбилиси выпускала газету «Борьба пролетариата»; в Баку подпольная типография усиленно работала в течение всего 1905 и в начале 1906 года.

В революцию 1905—1907 годов появился новый вид печатной продукции — юмористические журналы, в которых царские министры, придворная знать, царь подвергались злому и чрезвычайно остроумному осмеянию. Это была форма политической сатиры. Подавляющее большинство сатирических журналов находилось в руках буржуазной интеллигенции, оппозиционно настроенной к царизму.

Журналы носили краткие, но выразительные названия: «Пулемет», «Жупел», «Сигнал», «Пули», «Зритель» и т. п. Обычно эти журналы были недолговечны. Выходившие в 1905—1906 годах без предварительной цензуры номера журналов конфисковались по выходе, и журналы закрывались. Тогда тот же журнал начинал выходить под другим названием. Например, цензурой был закрыт журнал «Дятел». Обложка этого журнала была украшена изображением сидящего на стволе березы длинноногого дятла. После запрещения появился новый журнал под названием «Клюв». В той же манере вместо дерева на обложке

изображались стена тюрьмы и окно с решеткой. За решеткой сидит дятел, просунув через нее клюв. Тут же рядом объявление: «Ввиду закрытия полицией журнала «Дятел» подписчики будут получать журнал «Клюв».

В юмористических журналах помещались литературные произведения многих передовых писателей; оформляли журналы и рисовали карикатуры талантливые художники: Д. Н. Кардовский, И. Я. Билибин, Д. И. Митрохин, Е. Е. Лансере, молодой карикатурист Д. С. Моор, ставший затем крупным советским мастером плаката. Юмористические журналы помещали на своих страницах не только карикатуру и сатиру; в них находили свое отражение в литературной и художественной форме преступления царской власти. Так, в годовщину «Кровавого воскресенья» 9 января 1906 года все журналы были наполнены описаниями и изображениями ужасов этого дня. Некоторые журналы вышли с пятнами красной краски, производившими впечатление кровавых пятен. При начавшейся реакции, которая сопровождалась репрессиями, погромами и неслыханными жестокостями, в журналах по мере возможности помещались известия о злодеяниях правительства, вследствие чего эти журналы правительство закрывало.

С января 1906 года большевики начали выпускать иллюстрированный журнал «Наша мысль», но он был закрыт после выхода пятого номера.

§ 111. ПЕЧАТЬ В ГОДЫ СТОЛЫПИНСКОЙ РЕАКЦИИ

После подавления революции 1905 года наступили годы реакции. Начались непрерывные преследования свободной мысли во всех ее проявлениях — в общественной деятельности, в науке, в литературе, в печати. Часть интеллигенции отошла от революционного движения вследствие неверия в те возможности освободительной борьбы, которые были временно придавлены царской реакцией, но не уничтожены, и стала увлекаться реакционными идеями. Появилось несколько философских и социологических работ, ставивших задачу «критики» марксизма; на самом деле под этой как бы «научной целью» скрывалось стремление отвлечь массы от революции. Некоторая часть интеллигенции, отошедшая от марксизма, начала открыто проповедовать отказ от революционной борьбы, примирение с правительством, покорность «высшей воле». Из этой группы вышел литературный сборник «Вехи» (1909), в котором проводились реакционные идеи и утверждался отказ от политической борьбы.

В период реакции продолжают свою деятельность и усиливают ее книгоиздательства и периодические органы, проводящие идеи богоискательства, мистицизма, ухода от политической борьбы; в литературе они были проводниками и проповедниками символизма. Возникают и новые издательства подобного направления: «Скорпион», «Гриф» и «Мусагет» в Москве, «Шиповник»

и «Оры» в Петербурге. В области оформления книги ведущее положение принадлежало журналу «Мир искусства». Наряду с этим журналом появилось еще несколько художественных журналов, проповедовавших и культивировавших «чистое» искусство: «Старые годы» — журнал, посвященный старому искусству, «Светильник. Религиозное искусство в прошлом и настоящем» и другие. Наиболее характерным из этого рода журналов был издававшийся московским миллионером Рябушинским журнал «Золотое руно» (1906—1909). Издатель поставил цель — пропагандировать за границей русскую литературу и искусство, и потому «Золотое руно» выходило на двух языках — русском и французском. Внешнее оформление и иллюстрации выполнялись в журнале с невиданной до того роскошью. Расходы по изданию раза в четыре превосходили прибыль, получаемую от подписки и продажи. Это последнее обстоятельство особенно подчеркивалось издателем. В проспектах издания Рябушинский печатал денежный отчет, из которого видно, что издатель имел ежегодный убыток, выражавшийся в десятках тысяч рублей.

В Петербурге аналогичным периодическим изданием являлся «Аполлон». Такова была литература, предназначенная для интеллигенции, стремившейся игнорировать последствия революции и ужасы реакции.

Резкое изменение претерпела и книга, предназначенная для широких кругов. Частные издатели-дельцы стали засыпать книжный рынок всякого рода литературным хламом, в котором пропагандировались половая разнузданность, индивидуализм и беспринципность, а общественная деятельность и революция подвергались вышучиванию. Правительство, желавшее отвлечь народ от революционного движения, поощряло издание таких книг. Худшим видом этого рода литературы были детективные романы, широко распространявшиеся, в особенности среди учащейся молодежи. Книги, описывающие подвиги сыщиков, вроде «Ната Пинкертона», а также подвиги преследуемых ими авантюристов, воров и убийц, издавались миллионными тиражами. Выходили они отдельными выпусками по 1—2 печатных листа. Обычно первый выпуск раздавался читателям бесплатно, рассказ прерывался на самом интересном месте, и второй выпуск, появлявшийся дня через два-три, охотно покупался читателем. В годы реакции эта литература принесла молодому поколению большой вред. Напрасно боролась с ней передовая печать и педагоги; правительство смотрело на это антипедагогическое дело сквозь пальцы.

Из всех существовавших в то время партий только большевики не отступали перед реакцией. Несмотря на жестокие преследования, они сумели сохранить свою печать и издавать книги и газеты. Партия большевиков сочетала легальные и нелегальные формы работы. Вскоре после закрытия легальной газеты «Новая жизнь» типография «Дело» была переправлена в Выборг (Финляндия), где с августа 1906 года начала выходить газета «Проле-

тарий». Газета имела близкую связь с закавказской газетой «Борьба пролетариата», которой руководил И. В. Сталин. После вынужденного отъезда В. И. Ленина за границу издание «Пролетария» перешло в Женеву. В «Пролетарии» печатались многие работы Ленина, которые готовили рабочий класс к новой революции.

Кроме нелегальной печати большевики использовали возможности легального издания книг, газет и журналов как в целях пропаганды, так и для укрепления связи партийных организаций. В 1909 году в московском издательстве «Звено» вышел труд Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», в котором автор не только разоблачил всех «критиков» марксизма, но и дал теоретические основы марксистской партии.

В декабре 1910 года начала выходить легальная еженедельная газета «Звезда». При создавшихся в период реакции условиях газета подвергалась постоянным штрафам, конфискации и временным закрытиям. Вскоре после «Звезды» была основана другая газета, «Невская звезда», которая продолжала дело «Звезды», когда та бывала закрыта правительством. В «Звезде» печатались статьи Ленина и Сталина, мобилизовывавшие массы на борьбу с царской властью и капитализмом.

§ 112. ПЕЧАТЬ В ГОДЫ НОВОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА

События на Ленских золотых приисках в апреле 1912 года, вызвавшие в стране новый подъем революционного движения, нашли отклик во всей передовой и отчасти даже в буржуазной печати. При наступившем новом подъеме революционного движения выпуск газеты «Звезда» один раз в неделю становился недостаточным и не мог удовлетворить нужды рабочего движения. Необходима была ежедневная газета, которая могла бы своевременно освещать революционное движение в стране. Об этом писал из-за границы В. И. Ленин.

На VI (Пражской) партийной конференции в январе 1912 года решено было издавать ежедневную газету. Так возникла «Правда». Чтобы собрать средства на создание новой газеты, Центральный Комитет обратился к рабочим. На это обращение откликнулось свыше 7 тысяч рабочих организаций, и необходимая сумма была быстро собрана. Со всех концов страны поступали деньги и приветствия с пожеланиями успеха новому органу рабочей печати. Товарищ Сталин руководил организацией новой ежедневной газеты и был ее первым редактором. Первый номер «Правды» вышел 5 мая (22 апреля) 1912 года. С самого начала «Правда» стала последовательно проводить большевистскую агитацию и организовывать рабочие массы, сплачивая легальные организации вокруг подпольных центров. В. И. Ленин из-за границы руководил работой газеты и с этой целью переехал из Женевы в Краков, чтобы находиться поближе к России.

Так же как при издании «Искры», особенное значение придавалось связи газеты с рабочими организациями. Связь эта с течением времени крепла все больше и больше. В рабочих организациях «Правда» приобрела репутацию «своей» газеты, для которой каждый рабочий готов был идти на любые жертвы. За короткий период издания «Правды» (1912—1914) ее номера много раз конфисковались, на газету неоднократно налагались большие денежные штрафы, восемь раз она закрывалась совсем. Из всех этих бед газету выручали рабочие. Среди рабочих организаций собирались денежные средства на уплату штрафов; чтобы спасти номер от конфискации, рабочие шли в типографию и успевали вынести часть тиража за несколько минут до запрещения. Когда становилось известно, что номеру «Правды» угрожает конфискация, то до начала печатания во двор типографии и в близлежащие переулки собирались рабочие. Первый номер, вышедший из машины, отправлялся в цензуру, и пока там шло его рассмотрение, в типографии спешно продолжали печатать газету и готовые номера передавали ожидавшим на улице рабочим. В случае закрытия «Правда» меняла название и вновь выходила почти без перерыва. Она последовательно называлась: «Трудовая правда», «Рабочая правда», «Пролетарская правда», «Правда труда», «Путь правды», «За правду», «Северная правда», «Рабочий».

Тираж «Правды» доходил до 40 тысяч экземпляров, а временами до 60 тысяч; для того времени этот тираж был очень высоким. Основную массу подписчиков «Правды» составляли рабочие крупных промышленных центров.

В газете принимали участие В. М. Молотов, М. И. Калинин, Я. М. Свердлов, А. М. Горький. Большое участие в газете принимали также рабочие корреспонденты. Огромная задача, которую выполнила «Правда» в организации рабочих масс и в привлечении их на сторону большевизма, охарактеризована товарищем Сталиным в десятилетний юбилей «Правды»: «Правда» 1912 года — это закладка фундамента для победы большевизма в 1917 году».

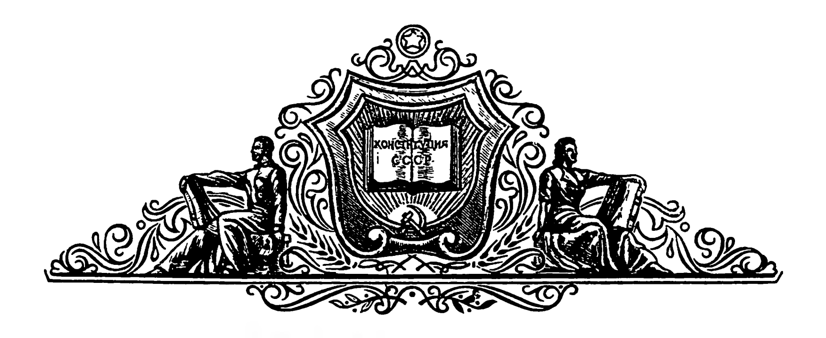
В 1914 году в Женеве Ленин возобновил издание газеты «Социал-демократ».

В 1911 году начал выпускаться большевистский литературно-научный журнал «Просвещение», издававшийся при участии В. М. Молотова. Литературный отдел возглавлял А. М. Горький. В «Просвещении» в 1913 году была напечатана работа И. В. Сталина «Национальный вопрос и социал-демократия» (в позднейших изданиях названная «Марксизм и национальный вопрос»). В следующем году эта же работа появилась отдельно в партийном издательстве «Прибой», но вскоре была конфискована и изъята из продажи.

В 1913 году большевики основали еще один журнал — «Вопросы страхования», начавший выходить в связи с законом

о страховании рабочих. Кроме материалов о страховании, больничных кассах и других вопросов улучшения условий труда и быта рабочих в журнале помещались также материалы в помощь самообразованию; здесь печатались, например, рекомендательные указатели книг для чтения.

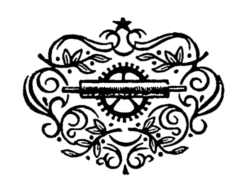
В связи с началом первой мировой войны 1914 года правительство предприняло яростный поход на рабочую печать. Была закрыта «Правда» и ее редакция арестована; закрыты журнал «Просвещение» и издательство «Прибой». Продолжал выходить только журнал «Вопросы страхования».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

СОВЕТСКАЯ КНИГА

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

СОВЕТСКАЯ КНИГА И ПЕЧАТЬ В ПЕРИОД СОЗДАНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

§ 113. ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И КНИЖНОЕ ДЕЛО

Пролетариат и крестьянство, руководимые партией большевиков, 25 октября (7 ноября по новому стилю) 1917 года свергли власть капиталистов и создали Советское социалистическое государство. Великая Октябрьская социалистическая революция впервые в мировой истории уничтожила эксплуатацию человека человеком и передала власть в руки трудящихся. Земля, банки, фабрики, заводы, железные дороги перешли в собственность народа.

Народным достоянием стали научные учреждения, музеи, библиотеки, театры, издательства. Вся культура, обслуживавшая до Великой Октябрьской социалистической революции преимущественно небольшую прослойку привилегированных классов, отныне становится на службу всему народу.

Рука об руку с Великой Октябрьской социалистической революцией идет культурная революция — создание новой общественной социалистической культуры. Задача культурной революции состояла в том, чтобы сделать обязательным для всех образование, повысить культурный уровень широких масс и вовлечь их в научное и художественное творчество. Происходит пересмотр всего культурного наследства, оставшегося от буржуазного строя, выделение, изучение и заботливое хранение всего лучшего и передового из этого наследства.

Одним из главнейших завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции и культурной революции является передача в руки государства тех средств, при помощи которых производится книга: типографий, бумажных фабрик и т. д. Свобода печати стала фактической свободой печати для широких народных масс. Созданы были новые условия для развития книгоиздательского дела. Книга в Советском социалистическом государстве получила принципиально новое значение. Если до Великой Октябрьской социалистической революции книга создавалась

главным образом для нужд буржуазии, а народ был почти сплошь неграмотен и вследствие этого не нуждался в книге, то теперь книга предназначалась для народа.

Перед книгоиздательством в Советском государстве встали новые задачи — дать народу такую книгу, которая пропагандирует великие идеи марксизма-ленинизма, несет знания в широкие массы, воспитывает строителей новой жизни, поднимает массы к сознательной творческой деятельности. Массовость, народность, высокая идейность отличают советскую книгу от книги дореволюционной.

§ 114. СОВЕТСКИЕ ГАЗЕТЫ И БОРЬБА С БУРЖУАЗНОЙ ПЕЧАТЬЮ

26 октября (8 ноября) 1917 года на Втором Всероссийском съезде Советов были приняты первые исторические декреты — «Декрет о мире» и «Декрет о земле», написанные В. И. Лениным. Оба декрета появились в «Известиях Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов» от 27 и 28 октября 1917 года.

С 27 октября 1917 года возобновился регулярный выход «Правды», закрытой при Временном правительстве. Вслед за этими первыми советскими газетами в большом числе стали возникать центральные и периферийные органы, и советская печать стала быстро расти и развиваться. Наряду с ней в первые месяцы советской власти продолжали существовать прежние газеты, находившиеся в руках буржуазии и могущие причинить молодой республике Советов немалый вред. 10 ноября Совет Народных Комиссаров принял «Декрет о печати» за подписью В. И. Ленина, согласно которому газеты, допускающие контрреволюционные выступления против рабоче-крестьянского правительства, подлежали закрытию. Были закрыты наиболее известные правые газеты — «Новое время», «Биржевые ведомости», «Газета-копейка». Несмотря на декрет о печати, некоторые газеты, поддерживаемые капиталистами, продолжали нарушать советские законы. 28 января 1918 года для борьбы с буржуазной печатью образовался «Революционный трибунал печати». Последовало массовое закрытие буржуазных газет. Советская власть использовала материальную базу этих газет, и в их типографиях стали печататься советские органы — «Правда», «Солдатская правда», «Деревенская беднота» и другие газеты.

Включение широких масс трудящихся в общественную деятельность, возможность активно участвовать в строительстве новой жизни порождали острую потребность в газете. Особенно была огромна потребность в центральных газетах, в которых отражались текущие события, но из-за недостатка бумаги приходилось снижать тиражи. Недостаток газет ощущался особенно сильно в годы гражданской войны. Советское правительство принимало все меры к тому, чтобы обеспечить типографии бумагой,

бумажные ресурсы были взяты на учет, и снабжение бумагой шло в строго плановом порядке. В первую очередь бумагу получали газеты. Но ввиду недостатка белой бумаги многие газеты выходили на желтой или серой (оберточной) бумаге; особенно это практиковалось на периферии.

В период гражданской войны появился новый вид печатной продукции — политический плакат. В царской России не существовало политического плаката, а выпускались только торговые и зрелищные. Единичные плакаты, появившиеся в начале империалистической войны 1914 года, не могут идти в счет. Теперь этот вид печати достиг широчайшего распространения. Агитационное значение его для того времени было особенно велико ввиду огромного количества неграмотных среди населения: хорошо сделанный плакат, в котором основная мысль выражена ярко и понятно даже без словесного сопровождения, был доступен и неграмотному. В создании плакатов приняли участие многие талантливые художники. Наиболее активными рисовальщиками политического плаката были Д. С. Моор, Н. В. Дени, М. М. Черемных и другие. Плакаты призывали трудящихся советской страны к разгрому интервентов и белогвардейцев, к восстановлению разрушенного транспорта, к труду, учебе, к культурной жизни. Каждое крупное политическое событие сейчас же находило свое отражение в политическом плакате.

Недостаток бумаги и полиграфических возможностей подсказал еще один вид изобразительной агитации — плакат, созданный ручным способом. Эти плакаты были названы их авторами «Окна Роста»[1]. «Окна Роста» изготовлялись на любой бумаге самым примитивным способом размножения; краска рисунка наносилась через прорезы в листе картона (трафарет). Большое удобство этого способа заключалось в быстроте выполнения, недостаток — ограниченная тиражность. Многие «Окна Роста» были созданы поэтом В. В. Маяковским, дававшим не только стихи, но и рисунки.

§ 115. ПЕРВЫЕ СОВЕТСКИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Тяжелое экономическое положение, в котором находилась страна в первые месяцы советской власти, отразилось и на производстве книги: резко снизилось количество и полиграфическое качество продукции. Полиграфическая промышленность находилась в полном упадке. В царской России не существовало производства полиграфических машин; все оборудование типографий выписывалось из-за границы. За четыре года первой мировой войны машины износились и требовали ремонта, замены частей, которые надо было выписывать также из-за границы. Не в лучшем положении находилась и бумажная промышленность. Многие

[1] Роста — Российское телеграфное агентство.

бумажные фабрики, оказавшиеся в районах военных действий, были эвакуированы и не работали; производство бумаги снизилось в несколько раз по сравнению с довоенным, вследствие чего в стране ощущался острый недостаток бумаги для самых неотложных нужд, например для выпуска газет. Некоторые частные издательства и типографии имели запасы бумаги, но расходовали ее на такие издания, которые в то время не являлись необходимыми. Бороться с этим неэкономным расходованием бумажных запасов в условиях напряженной борьбы с внешней и внутренней контрреволюцией было чрезвычайно трудно.

Издательства, находившиеся в руках частных лиц или акционерных обществ, не желали, а иногда и не имели возможности выполнять государственные задания: печатать большое количество политической агитационной литературы, необходимой для борьбы против контрреволюции. Эти издательства могли быть использованы лишь для печатания учебников, художественной литературы и т. п., что и поручалось им в первые месяцы после революции.

Постепенно появлялась необходимость создать новую форму книгоиздательского дела, до сих пор не существовавшую ни в одной стране, а именно: централизованное издательство, принадлежащее государству.

С целью издания агитационной литературы Советское государство организовало новые издательства: «Коммунист» при ЦК РКП(б), издательство Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов, а также Московского Совета. Продолжали выпускать книги большевистские издательства — издательство «Прибой» и кооперативное издательство «Жизнь и знание», работавшие в период подготовки Великой Октябрьской революции и возродившиеся после февральской революции (рис. 99). Издавали политическую книгу также некоторые вновь возникшие профсоюзные и кооперативные издательства.

В первые годы советской власти чувствовался огромный недостаток в учебниках. Старые учебники были непригодны для советской школы.

В 1918 году была проведена реформа орфографии, исключены устаревшие и не имевшие значения при произношении буквы: и с точкой (i), ять (ѣ) и фита (ѳ); изменено правописание некоторых грамматических форм. В связи с этой реформой требовалась смена всех учебников начальной школы.

Ряд мероприятий, связанных с осуществлением культурной революции, вызвал повышение спроса на книгу. Важнейшим из этих мероприятий была ликвидация неграмотности.

В декабре 1919 года был издан декрет Советского правительства «О ликвидации неграмотности». «Все население республики, — говорилось в декрете, — в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать или писать, обязано обучиться грамоте на родном или русском языке». Это мероприятие имело величайшее

Книгоиздательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНІЕ".
Петроградъ. Поварской пер., д. 2, кв. 9 и 10. Тел. 227—42.

Библіотека ОБЩЕСТВОВѢДѢНІЯ. ○ ○ ○ Книга 51-ая.

Н. Ленинъ (Вл. Ульяновъ).

АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ
ВЪ РОССІИ
КЪ КОНЦУ 19-го ВѢКА.

МОСКВА.—1918

Рис. 99. Обложка известной работы В. И. Ленина, выпущенной издательством «Жизнь и знание»

значение. Многомиллионная страна, имевшая до 80 процентов неграмотных, должна была в течение нескольких лет ликвидировать культурную отсталость. Основано было добровольное общество «Долой неграмотность», на стенах появились плакаты с призывом: «Грамотный, обучи неграмотного». Обучали неграмотных многие учащиеся и служащие.

Массы народа, впервые в истории получившие возможность учиться, с невероятной жаждой знаний устремились в кружки, на вечерние курсы и рабочие факультеты. Возникла новая форма образования — внешкольное образование с сетью клубов, библиотек, общеобразовательных и специальных курсов.

Рис. 100. Обложка одной из книжек серии «Народная библиотека»

Для вновь возникших видов народного образования, а также и для школ требовались учебники, новые книги, наполненные новым содержанием. Сначала издание учебников поручалось в качестве государственного задания бывшим частным издателям и владельцам типографий, позднее Государственному издательству. Общество «Долой неграмотность» имело собственное издательство с таким же названием. Издательство ставило своей целью выпуск учебников и книг для начального чтения, составленных по новым программам. Однако, несмотря на все мероприятия по созданию учебников, долгое время в них чувствовался острый недостаток.

Первый декрет советской власти о Государственном издательстве был опубликован 11 января 1918 года. Этот декрет объявлял издание произведений русских классиков монополией государства. Право на издание классиков передавалось Литературно-издательскому отделу Народного комиссариата просвещения. Небольшой отдел, возглавляемый П. И. Лебедевым-Полянским и имевший несколько сотрудников, составил ту первоначальную ячейку, из которой выросло в 1954 году Главное управление по делам издательств Министерства культуры СССР — величайший в мире издательский комбинат. Первое крупное издание, осуществленное Литературно-издательским отделом, — собрание сочинений великого русского сатирика Салтыкова-Щедрина, за ним последовали собрания сочинений Чехова, Глеба Успенского, Герцена.

Однако из-за недостатка бумаги не удалось развернуть издание собраний сочинений в тех масштабах, как было задумано. Литературно-издательский отдел начал выпускать отдельные произведения классиков, включив их в серию «Народная библиотека». К оформлению «Народной библиотеки» Литературно-издательский отдел привлекал лучших современных художников; это был первый в издательском деле опыт дать дешевую и художественно оформленную книгу (рис. 100). В этой серии вышли «Метель» и «Выстрел» Пушкина, «Тамань» Лермонтова и другие. Иллюстрировали серию «Народная библиотека» Д. И. Митрохин, Б. М. Кустодиев, А. Н. Бенуа, И. В. Симаков, Н. Н. Купреянов. Кроме этой серии выходили и другие: «Крестьянская библиотека», «Солдатская библиотека».

Наряду с государственными, советскими и партийными издательствами в 1917—1918 годы существовали многочисленные кооперативные издательства, развернувшие в широких размерах издание политических, научно-популярных книг и художественной литературы; таким было упомянутое выше издательство «Жизнь и знание». Некоторые из частных издательств прогрессивного характера субсидировались правительством, например издательство М. и С. Сабашниковых, издательство «Посредник», руководимое известным педагогом И. И. Горбуновым-Посадовым, и некоторые другие.

В ноябре 1918 года декретом правительства объявлялась национализация всех типографий, книжных складов и магазинов. Этим декретом был положен конец частным издательским предприятиям.

В мае 1919 года произошло слияние отдельных советских издательств в единый издательский центр. Пожелание о слиянии издательств было высказано съездом журналистов, состоявшимся в 1919 году. По предложению В. И. Ленина возник новый издательский центр — Государственное издательство (Госиздат); в него вошли Литературно-издательский отдел, советские, профсоюзные и кооперативные издательства. Организация Государственного издательства явилась мероприятием огромного значения; это издательство содействовало созданию новой книги, призванной служить орудием борьбы за построение социалистического общества. Одним из первых организаторов Госиздата и первым его руководителем был В. В. Воровский. В первые годы своей работы Госиздат издавал преимущественно агитационную и пропагандистскую литературу, уделяя внимание также научно-популярной и художественной литературе. В Госиздате выходил ряд серийных изданий — «Рабоче-крестьянская библиотека», «Библиотека политработника», «Речи и беседы агитатора», «Красная книжка» и т. д. (рис. 101).

Небольшое число специальных издательств сохранило самостоятельность в подборе изданий. Крупнейшим из них являлось издательство «Всемирная литература», созданное по инициативе А. М. Горького и находящееся под его непосредственным

руководством; организационно оно входило в систему Народного комиссариата просвещения, а затем в Государственное издательство. Издательство поставило цель дать русскому читателю наиболее значительные произведения мировой литературы в лучших переводах. Частные издатели, в руках которых находилось книгопроизводство в царской России, выпускали много переводов иностранной литературы, но при выборе руководствовались только занимательностью содержания и ходкостью книги, обеспечивающими высокую прибыль. Переводы западных писателей поручались малоквалифицированным переводчикам, иногда даже не знавшим языка подлинника, а переводившим с другого перевода или по подстрочнику, сделанному другим переводчиком. На книжном рынке в изобилии находились безграмотные переводы Диккенса, Мопассана, Гюго и других. Еще хуже обстояло дело с переводами писателей Востока: переводить их могли только специалисты-ученые, которых в стране почти не было; восточные авторы не были известны русскому читателю. Из прежних издателей только Сабашниковы выпускали в небольшом числе хорошие переводы индийских, персидских и других восточных писателей. «Всемирная литература» поставила задачу восполнить этот пробел. А. М. Горький привлек в число переводчиков крупнейших филологов, специалистов по иностранным литературам, лучших современных поэтов. Издательство работало успешно и за несколько лет перевело и опубликовало большое количество произведений западных и восточных писателей, вовсе не знакомых или мало знакомых русскому читателю. На рис. 102 дан снимок с обложки каталога издательства «Всемирная литература». Вступительная статья написана была А. М. Горьким, в ней разъяснялись задачи издательства.

Рис. 101. Обложка одного из изданий серии «Красная книжка»

Одна из первоочередных задач, возникших после Великой Октябрьской социалистической революции, состояла в том, чтобы снабдить книгой на родном языке многочисленные народы, жившие в Советском Союзе. Выполнение этой задачи тормозилось почти сплошной неграмотностью некоторых народностей, а также

тем, что около 40 народностей не имели своей письменности. Эта задача чрезвычайной важности была разрешена под руководством И. В. Сталина, бывшего с первых дней революции народным комиссаром по делам национальностей. Были выработаны алфавиты для народностей, не имевших письменности; появились печатные буквари для начального обучения родному языку. Нации, имевшие письменность, получили возможность печатать учебники для своих школ, произведения народного творчества, которые были под запретом в дореволюционной России. В некоторых республиках были основаны свои государственные издательства; первое республиканское издательство возникло на Украине в 1920 году.

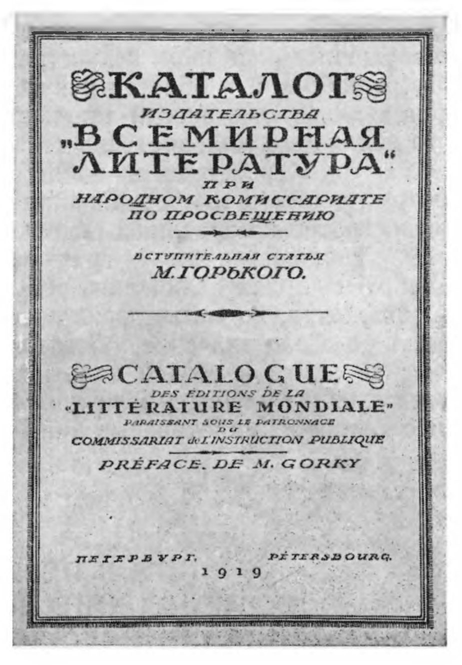

Рис. 102. Обложка одного из каталогов издательства «Всемирная литература»

В первые годы советской власти возникло много небольших местных издательств, которые занимались перепечатыванием агитационной литературы, директивных материалов и т. д. С течением времени эти издательства начали выпускать и художественную литературу. Пробужденный революцией народ стремился к знанию, к творчеству, во многих городах возникали литературные кружки, объединения и клубы. Иногда эти объединения занимались изданием книг. Не имея возможности печатать книги типографским способом, прибегали к старым ручным методам — литографии, гектографии, стеклографии, к трафарету и т. д. Иллюстрировали эти издания местные художники, применяя литографию, гравюру на дереве, гравюру на линолеуме. Многие известные советские поэты начали впервые печататься в таких изданиях полукустарного типа.

В период становления издательского дела в стране книги распространялись бесплатно. В декабре 1917 года было создано центральное агентство по распределению литературы — Центропечать.

Вследствие недостатка бумаги в первую очередь снабжались литературой учебные заведения, библиотеки, научные учреждения. В общую продажу через магазины шли остатки и нераспроданные издания со складов.

Оформлялась книга в первые годы советской власти весьма разнообразно. Государственное издательство привлекало к оформлению книги крупных художников — Б. М. Кустодиева, Д. И. Митрохина, В. М. Конашевича, Е. Е. Лансере.

Необходимо указать, что в оформлении советской книги в первые годы ее существования проявились формалистические увлечения художников-футуристов. Эта группа, возникшая в годы, предшествовавшие революции, объявила свои произведения искусством будущего в противовес культу прошлого, которое провозглашалось «Миром искусства». Многие представители футуризма работали в области искусства и после Октября. В оформление книги они внесли множество формалистических приемов, что делало его малодоступным.

В годы гражданской войны вследствие острого недостатка фотоматериалов и оборудования для фотомеханической печати иллюстраторы обратились к почти забытому способу воспроизведения иллюстраций — гравюре на дереве. Многие гравюры в ранних изданиях отличались резко формалистическими приемами изображения, но самый факт нового освоения гравюры на дереве имел большое значение, обогатив способы иллюстрирования советской книги и создав кадры художников-граверов, которые в последующее время сумели преодолеть формализм и создать большое количество прекрасных книг с гравюрой на дереве.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

КНИГА В ПЕРИОД БОРЬБЫ ЗА ВОССТАНОВЛЕНИЕ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ЗА СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЮ

§ 116. РОСТ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА В СВЯЗИ С ПЕРЕХОДОМ СТРАНЫ НА МИРНУЮ РАБОТУ

К концу 1920 года советский народ, руководимый Коммунистической партией, успешно закончил войну против иностранных интервентов и внутренней контрреволюции. Молодая Советская республика приступила к восстановлению народного хозяйства, разрушенного четырехлетней империалистической войной и почти трехлетней гражданской. В плане восстановления народного хозяйства и дальнейшего его развития стояли грандиозные задачи — электрификация страны, развитие тяжелой промышленности и ее основы — машиностроения, реконструкция народного хозяйства на базе высшей техники.

К 1926 году восстановление народного хозяйства было закончено, и страна вступила в новый период своего экономического развития — в период социалистической индустриализации. Исходя из жизненной необходимости обороны советской страны, находив-

шейся в капиталистическом окружении, ставилась задача превратить ее в кратчайший срок в могучую индустриальную державу. В 1926—1929 годах блестяще осуществлены планы индустриализации страны, закончено строительство ряда гигантских заводов и электростанций — Днепрогэса, Сталинградского тракторного завода, Уралмашзавода и других. В этот же период были решены важнейшие задачи культурной революции: успешно проводилась ликвидация неграмотности, развивалось строительство школ, открывались новые высшие учебные заведения, значительно расширилась сеть внешкольных учреждений — клубов, библиотек, лекториев.

Широкое распространение получает книгоиздательское дело. В течение всего восстановительного периода и периода социалистической индустриализации происходит неуклонный рост производства книг, журналов и газет, увеличивается число издательских учреждений, укрепляется и расширяется деятельность основного издательского центра — Государственного издательства. Восстановление полиграфических предприятий и бумажных фабрик, увеличение производства шрифтов, бумаги и других полиграфических материалов способствует увеличению издания книг.

С 1922 года вводится платность произведений печати, что укрепляет финансовую базу Государственного издательства, расширяет и оживляет книжную торговлю. Центропечать, производившая до 1921 года распределение печатной продукции, ликвидируется. При Государственном издательстве организуется Торговый сектор, обслуживающий широкую сеть книжных магазинов. Работе книжных магазинов уделяется большое внимание советской общественностью.

В период новой экономической политики в стране возникает ряд частных издательств. Некоторые из них развили интенсивную издательскую деятельность, выпуская главным образом переводы современной западноевропейской беллетристики; ее печатали издательства «Время», «Мысль», «Пучина» и другие. Их продукция, выпускаемая из чисто коммерческого расчета, не имела просветительного значения и быстро исчезла. Возникли при нэпе и небольшие библиофильские[1] издательства, печатавшие малотиражные любительские издания: «Петрополис», «Аквилон», продолжало работать издательство «Геликон».

§ 117. ОТРАСЛЕВЫЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА И ОРГАНИЗАЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА В 1922—1929 ГОДАХ

В 1921—1922 годах из Государственного издательства начинают выделяться отраслевые государственные издательства. Возникают новые специализированные издательства. Политическую

[1] Библиофил — от греческого слова *библион* — книга и *филео* — люблю. Библиофил в обычном значении — любитель книги за ее внешний вид.

и экономическую литературу издает «Красная новь»; военную литературу — Военгиз; техническую литературу — Гостехиздат; медицинскую — Госмедиздат; педагогическую — «Работник просвещения»; потребности транспорта обслуживала Транспечать; вопросы труда — Гострудиздат; юридическую литературу — Госюриздат. Юношескую литературу издает «Молодая гвардия» — издательство при ЦК ВЛКСМ. Художественную литературу в этот период издает несколько издательств, среди них государственные издательства, акционерные товарищества, кооперативные издательства. Крупнейшим литературным издательством была «Земля и фабрика», выпускавшая классиков и современных советских писателей, а также много переводной литературы. Другое литературное издательство, «Academia», специально издавало классическую переводную литературу, продолжая дело, начатое издательством «Всемирная литература».

Рис. 103. Обложка одного из серийных изданий Государственного издательства

Государственное издательство сохранило универсальный характер в выпуске книжной продукции. В Госиздате печатаются книги политические, научные, художественная литература, учебники. Учебники, детскую литературу и научно-популярные книги выпускает только Государственное издательство. Научно-популярная литература выходит сериями: «Библиотека педагога», «Классики русской литературы», «Библиотека агронома», «За рабочим станком», «Наука для всех», «Изба-читальня» и др. (рис. 103). Эти серии сыграли большую просветительную роль в период восстановления народного хозяйства страны. Они значительно отличались от серий, выпускавшихся Государственным издательством в первые годы его деятельности. Книги серии Государственного издательства скромно оформлены, напечатаны на хорошей бумаге, с тщательно выполненными иллюстрациями, таблицами, чертежами.

В последующие годы частноиздательский сектор постепенно вытесняется. Отдельные отраслевые издательства начинают снова входить в состав единого Государственного издательства как

специализированные секторы; это слияние специализированных издательств с Государственным издательством диктовалось необходимостью в централизации планирования, снабжения и т. д.

В эти годы расширяется сеть республиканских и областных издательств; большой размах приобретает работа Ленинградского отделения Госиздата. Успешно продвигается книга в самые отдаленные города республики.

С распространением грамотности печатаются книги на языках народов СССР. Для этой цели создается специальный издательский центр — Центроиздат.

§ 118. ЛУЧШИЕ ИЗДАНИЯ, ВЫШЕДШИЕ В СВЕТ В ПЕРИОД 1922—1929 ГОДОВ

Восстановительный период и период борьбы за социалистическую индустриализацию характеризуются повышением интереса к изучению произведений классиков марксизма-ленинизма. Предпринятое в 1920 году первое издание Сочинений В. И. Ленина в 20 томах было закончено в 1926 году; но задолго до окончания печатания Собрания сочинений первые тома были распроданы и остро чувствовалась необходимость в их переиздании. Второе и третье издания Собрания сочинений начали выходить после смерти Ленина, с 1925 года, по постановлению XIII съезда партии. К этому времени в Москве организуются два научно-исследовательских учреждения: Институт Маркса и Энгельса — в 1921 году и Институт Ленина — в 1923 году. Институт Ленина согласно специальному постановлению правительства был сделан единственным государственным хранилищем всех рукописей В. И. Ленина.

В дальнейшем произведения классиков марксизма-ленинизма издаются только этими двумя научно-исследовательскими учреждениями.

Второе и третье издания Собрания сочинений Ленина начали выходить одновременно с расчетом на разную тиражность. Второе издание вышло с объявленным тиражом 20 тысяч экземпляров, третье — 30 тысяч. Однако эти тиражи оказались недостаточными, и пришлось допечатать прежде вышедшие тома; тираж второго издания повысился до 50 тысяч экземпляров, а тираж третьего — до 100 тысяч экземпляров. В докладе на XIV съезде партии И. В. Сталин сказал: «Это наше счастье, что нам удалось выпустить несколько изданий сочинений Ленина . . . Этот факт является одной из основных гарантий того, что с пути ленинизма наша партия не сойдет»[1].

В 1928 году выходят впервые тома Собрания сочинений Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Качество издания, подготовленного в Институте Маркса и Энгельса, стояло на высоком

---

[1] И. В. Сталин, Сочинения, т. 7, стр. 342.

научном уровне. Институт приобрел архив Маркса и Энгельса и благодаря этому располагал подлинными рукописями произведений великих основоположников марксизма. В 1926 году издаются избранные произведения И. В. Сталина под заглавием «Вопросы ленинизма».

Научную литературу по другим отраслям знаний издавали специализированные издательства. Появляется большое количество работ, посвященных социалистической реконструкции народного хозяйства. Одной из первых книг в этой области была книга И. И. Скворцова-Степанова «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства» с предисловием В. И. Ленина (Москва, 1922).

Расширяется издательская деятельность Академии наук. Вопросы восстановления народного хозяйства и социалистической индустриализации, исследование производительных сил страны, изыскание полезных ископаемых становятся в центре внимания многих научных учреждений, появляются печатные работы, посвященные этим вопросам. Печатаются труды великих русских ученых Н. Е. Жуковского, И. П. Павлова, К. А. Тимирязева, И. В. Мичурина, В. Р. Вильямса, С. А. Чаплыгина и других.

В эти годы появляются замечательные произведения советской литературы: «Чапаев» Д. Фурманова, «Железный поток» А. Серафимовича, «Тихий Дон» М. Шолохова, поэмы «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо» В. Маяковского, «Жизнь Клима Самгина» М. Горького, «Цемент» Ф. Гладкова. Издательства выпускают много современной советской литературы, однотомные и многотомные собрания сочинений русских классиков.

Большое политическое и научное значение получают различные публикации издательства «Советская энциклопедия». Энциклопедии дореволюционного периода не соответствовали требованиям, предъявляемым к такого рода изданиям со стороны советского читателя, научного работника. Предназначенные для буржуазных читателей, они давали тенденциозные объяснения, в них содержалось большое количество ненужных и устаревших терминов и понятий. Новейшие открытия науки не нашли в ней отражения, так как многие тома энциклопедии вышли почти полвека назад.

Была предпринята первая попытка создания советской энциклопедии: стали продолжать выпуск энциклопедии акционерного общества «Гранат», начатой и не законченной перед Великой Октябрьской революцией. Это издание также не могло удовлетворить советского читателя, так как различные темы, составленные в разные периоды, были лишены единого принципа в освещении фактов.

Большая Советская Энциклопедия (1929—1947, 66 томов) явилась пособием для читателя всех специальностей. Одновре-

менно с изданием Большой Советской Энциклопедии выпускается Малая Советская Энциклопедия (1928—1931, 10 томов) и ряд специальных энциклопедий — медицинская, техническая, сельскохозяйственная.

§ 119. РУКОВОДЯЩИЕ УКАЗАНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКОМУ ДЕЛУ

Новое направление в книгоиздательстве дает постановление ЦК ВКП(б) от 28 декабря 1928 года «Об обслуживании книгой массового читателя». В постановлении говорится о большом значении массовой книги в текущий период социалистического

Рис. 104 и 105. Массовые книги, выпущенные Государственным издательством

строительства, указывается, что издание массовых книг резко отстает от требований строительства и запросов широких масс. Поэтому издательства должны увеличить выпуск массовых изданий — политических книг и брошюр, книг, популяризирующих марксизм-ленинизм, массово-производственной литературы, научно-популярных книг. Следует также расширить издание художественной литературы, особенно произведений, развивающих актуальные темы современности. Для повышения качества массовой книги необходимо стремиться к максимальной доступности изложения. В качестве авторов надо привлекать квалифицированных специалистов, оказывать помощь начинающим авторам. И, наконец,

следует распространять массовую книгу кроме обычной торговой сети также и через комсомольские, профсоюзные и кооперативные организации. На рис. 104, 105 и 106 показаны образцы массовых книг Государственного издательства.

Рис. 106. Труд знаменитого русского физика П. Н. Лебедева, выпущенный Государственным издательством в серии «Классики естествознания»

Книга периода 1922—1929 годов так же, как и вся советская печать этого периода, выполняет большую и почетную задачу: она оказывает помощь в восстановлении и социалистической реконструкции народного хозяйства. В эти годы Коммунистическая партия упорно борется против буржуазных влияний в литературе и науке, указывает пути создания книги, действительно нужной народу. Книга этого времени является орудием мобилизации трудящихся на решение основных политических и хозяйственных задач — индустриализации страны, социалистической перестройки сельского хозяйства. Культурный подъем населения города и деревни предъявлял новые требования к книге; книга вошла в быт, сделалась необходимостью. Чрезвычайная дешевизна книги в Советском Союзе способствовала ее широкому распространению, все расширяющаяся сеть библиотек содействовала продвижению книги к читателю.

§ 120. ОФОРМЛЕНИЕ КНИГИ

Оформление и иллюстрирование книги в описываемый период начинает переживать ту близкую творческую связь с содержанием книги, которая дала блестящие результаты в последующие периоды.

Произведения советской литературы, ставшей на путь реализма, требуют и от оформления тех же приемов. Советские художники, оформители книги, работают над созданием реалистических иллюстраций; однако замечательные произведения советской литературы, вышедшие в свет, не нашли еще в то время своих иллюстраторов. Реалистические иллюстрации появились прежде всего в изданиях произведений классических писателей.

Так, замечательные иллюстрации создали Б. М. Кустодиев к «Штопальщику» Лескова (1922) и П. Я. Павлинов к его же «Человеку на часах» (1926).

В то же время в некоторых издательствах («Academia», «Земля и фабрика») продолжали появляться книги, в оформлении которых преобладали формалистические приемы. Особенно упорно держались приемы формалистического оформления в детской книге. Передовая советская литературная и художественная критика вела неустанную борьбу как с формалистическими приемами оформления, так и с увлечением упадочными настроениями, свойственными буржуазному искусству Западной Европы и США. Изжить окончательно эти нездоровые явления в книжном деле удалось только в последующий период.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

КНИГА В ГОДЫ ПРЕДВОЕННЫХ ПЯТИЛЕТОК

§ 121. ЗАДАЧИ КНИГОИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА В ПЕРИОД ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК

В 1929—1941 годах осуществлялись грандиозные планы строительства социализма в Советском Союзе. В этот период претворяется в жизнь задача сплошной коллективизации сельского хозяйства и на основе ее задача ликвидации кулачества как класса; этот переворот в сельском хозяйстве расценивается как один из величайших революционных переворотов в истории нашей страны. Одновременно происходит усиленными темпами вооружение сельского хозяйства новейшей техникой. В годы предвоенных пятилеток строятся или заново переоборудуются крупнейшие фабрики и заводы, железные дороги. Создаются новые отрасли промышленности, на первом месте стоит высокоразвитое машиностроение. Советское государство из отсталой аграрной страны превращается в передовую индустриальную державу. Свидетельством культурного роста трудящихся явилось возникшее сначала в угольной промышленности, а затем охватившее все области производства движение передовиков за повышение производительности труда и ускорение темпов строительства. Развитие этого движения свидетельствовало о сознательном, творческом отношении советских людей к труду, об огромном росте культуры среди широких масс.

В период величайшего экономического переворота в нашей стране чрезвычайно увеличивается значение книги. Из среды рабочих и крестьян, активно участвующих в строительстве социализма, выросла новая интеллигенция, которая нуждалась в книге. К издательствам предъявляются повышенные требования со стороны трудящихся на произведения классиков марксизма-

ленинизма и массово-политическую книгу. Для воспитания новых кадров нужны учебники; особая потребность появляется в технической литературе как в теоретической, так и в практических руководствах.

Во всех областях науки появляются созданные советскими учеными капитальные научные труды. Издать своевременно и на высоком уровне огромное количество самой разнообразной литературы — такова была задача государственных издательств.

Годы социалистической реконструкции народного хозяйства характеризуются ростом издательств, типографий, книжной торговли, огромным увеличением книжных фондов библиотек. Постоянное удешевление книги дает возможность каждому трудящемуся приобретать нужную ему литературу. В период завершения построения фундамента социалистической экономики увеличиваются планы издательских организаций, улучшается внешнее оформление книжной продукции. Ежегодный рост книжной продукции в 1930 году превысил объем продукции 1912 года в 2,5 раза.

Вместе с развитием советской промышленности создается и достигает больших успехов полиграфическое машиностроение. Типографии снабжаются печатными и наборными машинами отечественного производства, создаются сложные ротационные машины. Подготовка кадров для полиграфического машиностроения производится на соответствующих факультетах высших учебных заведений. Для разработки вопросов печати, книжного оформления, стандартов шрифтов и бумаги и вообще всего круга вопросов, связанных с улучшением производства книги, организуются научно-исследовательские институты.

§ 122. ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПЕРЕСТРОЙКА ИЗДАТЕЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ

В 1930 году по постановлению правительства 27 отдельных издательств объединяются в производственный комбинат — Объединение государственных издательств РСФСР (ОГИЗ). Это мероприятие диктовалось необходимостью планового руководства всей издательской работой при новых грандиозных масштабах книгоиздательского дела. Книжная торговля Советского Союза также объединяется в едином центре — Книготорговом объединении государственных издательств (КОГИЗ).

Это объединение издательств не нарушило отраслевого принципа, так как отраслевые издательства не сливались в единое издательство, а лишь организационно объединялись, сохраняя самостоятельность. В состав ОГИЗа — величайшего в мире объединения — входили не только издательства, но и ряд крупнейших типографий, средних учебных заведений, высшее учебное заведение (Московский полиграфический институт) и Всесоюзный

научно-исследовательский институт полиграфической промышленности и техники.

15 августа 1931 года публикуется постановление Центрального Комитета ВКП(б) «Об издательской работе», согласно которому производится реорганизация всего издательского дела в стране. В постановлении говорится: «Гигантский рост политического и культурного уровня рабочих и колхозников, происходящий на основе укрепления и расширения материальной базы социализма, предъявляет все новые требования на книгу во всех областях знания». Далее в постановлении отмечаются значительные успехи в издательской работе, но вместе с тем указывается, что подъем издательского дела отстает от быстро растущих потребностей на книгу. Вследствие этого Центральный Комитет партии постановляет: 1) выделить из системы ОГИЗа Массово-партийное издательство (Маспартиздат) и издательство социально-экономической литературы (Соцэкгиз) и создать издательство партийной литературы (Партиздат), которым передать издание массово-партийной литературы и теоретической литературы по марксизму-ленинизму; 2) выделить из системы ОГИЗа издание технической книги и организовать Объединение научно-технических издательств (ОНТИ) при Высшем Совете Народного Хозяйства (ВСНХ); 3) выделить из системы ОГИЗа издание книг на ряде языков народов СССР и передать его местным издательствам, в которых, как правило, имеются условия для развертывания этой работы. Для языков, на которых по разным причинам нельзя было осуществить издание литературы на местах, создаются национальные секторы в системе ОГИЗа вместо упраздненного Центроиздата.

§ 123. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРУПНЕЙШИХ ИЗДАТЕЛЬСТВ

Издание классиков марксизма-ленинизма в период предвоенных пятилеток растет в соответствии с повышением спроса. В 1931 году объединяются Институт Маркса и Энгельса и Институт Ленина в одно научно-исследовательское учреждение — Институт Маркса—Энгельса—Ленина (ИМЭЛ), в задачи которого входит собирание и хранение литературных памятников великих ученых, публикация их трудов и разработка теоретических вопросов марксизма-ленинизма. Издания произведений классиков марксизма-ленинизма в период первых пятилеток осуществлялось Партиздатом совместно с Институтом Маркса—Энгельса—Ленина. Продолжают издаваться Сочинения Маркса, Энгельса и Ленина со значительным увеличением тиража против объявленного при выходе первого тома. Издаются Сочинения Маркса и Энгельса и «Архив Маркса и Энгельса», а также их избранные сочинения. Кроме двух изданий Сочинений В. И. Ленина печатается много изданий отдельных произведений, а также «Ленинские сборники», в которых публикуются вновь обнаруженные

в рукописях или в печати произведения Ленина. В 1933 году начинается публикация «Философских тетрадей» Ленина.

В 1930 году Соцэкгиз выпустил восьмое издание «Вопросов ленинизма» И. В. Сталина тиражом в 575 тысяч экземпляров, а через год в Партиздате вышло девятое издание, тираж которого был уже почти миллион экземпляров. Это была первая политическая книга, вышедшая миллионным тиражом: до этого времени такой тираж не был известен в практике издательского дела всего мира. В 1938 году вышло первое издание «Истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс» (рис. 107). Огромное значение этого труда в овладении основами марксистско-ленинского учения отмечается в постановлении ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 года «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)». Эта книга делается настольной книгой каждого советского человека. За первым изданием следуют и другие, начались переводы этого произведения на языки народов СССР и на иностранные языки. В помощь изучающим «Краткий курс» издаются брошюры по отдельным вопросам, библиографические указатели.

За годы пятилеток все шире развертывается издательская сеть Академии наук. Печатаются труды современных советских ученых, переиздаются труды русских и западных классиков науки. Издательскую деятельность развертывают также Академия медицинских наук и Академия педагогических наук.

Большое количество литературы выпускают издательства, входящие в систему ОНТИ, и издательства сельскохозяйственной книги. Планы этих издательств несоизмеримо вырастают в период реконструкции народного хозяйства в ответ на растущие требования со стороны строителей города и села.

В 1939 году была открыта в Москве Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, явившаяся показом победоносного завершения социалистической реконструкции сельского хозяйства. Сельхозгиз выпускает к ее открытию большое количество замечательно оформленных альбомов, в которых показываются достижения сельского хозяйства отдельных республик и областей. В оформлении альбомов используется народный орнамент соответствующих республик и фотоснимки.

Новым видом книжной продукции этого периода являются книги и альбомы, посвященные вступающим в строй гигантам пятилеток: Днепровской гидростанции, Магнитогорскому металлургическому комбинату, Сталинградскому тракторному заводу, первым линиям Московского метро, а также альбомы, посвященные отдельным отраслям социалистического строительства и нового быта: охране материнства и младенчества, школьному, жилищному строительству, физкультуре и спорту в СССР. Вместе с развитием стахановского движения в промышленности и в сельском хозяйстве начали появляться книги нового содержания: книги по обмену опытом передовиков производства, книги,

ИСТОРИЯ
ВСЕСОЮЗНОЙ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
ПАРТИИ
(БОЛЬШЕВИКОВ)

КРАТКИЙ КУРС

☆

ПОД РЕДАКЦИЕЙ КОМИССИИ ЦК ВКП/б/

☆

ОДОБРЕН ЦК ВКП/б/. 1938 ГОД

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1938

Рис. 107. Обложка первого издания «Краткого курса истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)»

посвященные новаторам и знатным людям страны. Издают их Гострудиздат и Профиздат.

На большой высоте как в отношении подбора, так и по качеству изданий стоит деятельность Государственного издательства художественной литературы, входившего в систему ОГИЗа. Развитие советской литературы находит быстро отклик в издательских планах и практике Гослитиздата. Классики русской литературы издавались множество раз в прекрасном оформлении как в виде собраний сочинений, так и отдельными произведениями. Издавались также лучшие произведения западноевропейской и античной литературы в лучших переводах советских писателей. Расширяется тематика и увеличиваются планы издательства «Academia», которое в 30-х годах переходит от выпуска памятников мировой литературы к изданию произведений отечественной литературы. На рис. 108 изображена страница из «Русских народных сказок» А. Афанасьева, вышедших в издательстве «Academia». В 30-х годах издательства успешно осуществляют важное дело — издание большого числа произведений народного творчества и классических писателей народов СССР. Это издательское начинание имеет тем более важное значение, что большинство произведений народного творчества и произведения писателей отдельных национальностей находились под запретом в царской России. Издания Гослитиздата выходят в прекрасном оформлении; иллюстрации по большей части исполняются местными национальными художниками. В эти годы выпускаются в свет «Слово о полку Игореве» (несколько изданий в разном оформлении), русские былины, русские сказки, поэма великого грузинского поэта Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Поэма издается на грузинском языке и в русских переводах, в трех разных изданиях, с иллюстрациями художников М. Зичи, С. Кобуладзе (рис. 109) и И. Тоидзе. Следует отметить еще издание армянского народного эпоса — «Давид Сасунский» с иллюстрациями художника Е. Кочара (1939) и многие другие издания, выходившие как в Гослитиздате, так и в местных издательствах. Украинское государственное издательство выпускает в эти годы ряд замечательных изданий советских писателей Украины, а также классиков украинской литературы — Т. Г. Шевченко, Леси Украинки, поэму XVIII века И. П. Котляревского «Энеида, вывороченная наизнанку» с иллюстрациями украинского художника М. Дерегуса.

Советские издательства, откликаясь на памятные даты культурной жизни страны, в столетнюю годовщину со дня смерти А. С. Пушкина в 1937 году выпустили большое количество разных изданий сочинений поэта. Академия наук СССР начинает издание полного собрания сочинений А. С. Пушкина в шестнадцати томах; издание было прервано войной с фашистской Германией и продолжено в послевоенное время. В подготовке текстов и редакции полного собрания сочинений А. С. Пушкина участвуют крупнейшие

95—96. МОРОЗКО

95

ЖИЛИ-БЫЛИ старик да старуха. У старика со старухою было три дочери. Старшую дочь старуха не любила (она была ей падчерица), почасту ее журила, рано ее будила и всю работу на нее свалила. Девушка скота поила-кормила, дрова и водицу в избу носила, печку топила, обряды[1] творила, избу мела и все убирала еще до свету; но старуха и тут была недовольна и на Марфушу ворчала: «Экая ленивица, экая неряха! и голик-то не у места, и не так-то стоит, и сорно-то в избе». Девушка молчала и плакала; она всячески старалась мачехе угоровить[2] и дочерям ее услужить; но сестры, глядя на мать, Марфушу во всем обижали, с нею вздорили[3] и плакать заставляли: то им и любо было! Сами они поздно вставали, приготовленной водицей умывались, чистым полотенцем утирались и за работу садились, когда пообедают. Вот наши девицы росли да росли, стали большими и сделались невестами. Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Старику жалко было старшей дочери; он любил ее за то, что была послушляная[4] да работящая, никогда не упрямилась, что заставят, то и делала, и ни в чем слова не перекорила;[5] да не знал старик, чем пособить 52а

[1] Уборы, женские платья (Опыт обл. великор. словаря).
[2] Приноровиться, прийтись по нраву.
[3] Ссорились.
[4] Послушная.
[5] Не поперечила.

Рис. 108. Страница с заставкой из «Русских народных сказок» А. Афанасьева

специалисты; эта работа была начата под руководством А. М. Горького. Издательство «Academia» издает также сочинения А. С. Пушкина в шести томах, богато иллюстрированные советскими художниками В. Бехтеевым, Д. Шмариновым, Б. Дехтеревым, В. Конашевичем и снимками с иллюстраций старых мастеров — Репина, Серова, Билибина, Васнецова, Айвазовского.

В 1932 году столетие со дня смерти Гёте отмечается выходом нескольких изданий в новых переводах советских поэтов.

Много изданий выходит к 125-летию со дня рождения Т. Г. Шевченко и М. Ю. Лермонтова.

В 1933 году организуется издательство детской литературы (Детгиз) с целью издания детской литературы, которая призвана воспитать и подготовить будущих строителей коммунистического общества. В первые же годы самостоятельной работы Детгиз издает множество книг, рассчитанных на разные возрасты. Среди этих книг известные произведения детской литературы: «Конек-Горбунок», «Путешествие Гулливера», «Робинзон Крузо», разные издания русских сказок, русский фольклор (сборник «Гуси-лебеди»), произведения советских детских писателей С. Маршака, С. Михалкова, А. Барто и других. Детгиз сумел дать произведения детской литературы, в которых высокая идейность и принципиальность сочетаются с художественностью и занимательностью изложения. В оформлении книги Детгиз идет по пути реалистического искусства, окончательно изжив формалистический уклон в иллюстрировании детской книги.

В 1933 году принимается постановление о стабилизации учебников для средней школы. В результате большой работы, проделанной лучшими педагогами страны под руководством Центрального Комитета Коммунистической партии, организуется бесперебойный выпуск учебников. Издание учебников выполняет Учебно-педагогическое издательство (Учпедгиз).

В постановлении ЦК ВКП(б) об издательской работе указывалось, что за 14 лет со времени Великой Октябрьской социалистической революции создались новые условия для осуществления изданий на местах. Действительно, во всех союзных республиках выросли кадры писателей, научных работников, издательских работников, технической интеллигенции. Благодаря отечественному производству полиграфических машин и материалов стало возможно снабжать ими республиканские, областные и районные типографии. Издание книг в местных условиях получило все предпосылки для быстрого развития. На местах перепечатываются и переводятся произведения классиков марксизма-ленинизма, печатаются правительственные постановления, материалы съездов и конференций, местных и центральных, учебники родного и русского языков для местных школ, литература национальная и переводы классических русских писателей. К концу второй пятилетки в Советском Союзе печатались книги на 109 языках.

Рис. 109. Иллюстрация художника С. Кобуладзе к поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре»

§ 124. ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ И ИЛЛЮСТРАЦИЯ КНИГ

Оформление советской книги за период предвоенных пятилеток все время улучшается, вопросы оформления занимают прочное место в работе издательств, каждое издание осуществляется при участии художника-оформителя. Большую работу проводят издательства в области иллюстрирования.

Окончательно определяется характер советской иллюстрации, ставшей на путь социалистического реализма, по которому вместе с передовой литературой продолжают развиваться живопись и графика.

Иногда выпускаются издания со старыми иллюстрациями, ставшими классическими; таковы были иллюстрации Доре к «Дон Кихоту» Сервантеса и «Божественной комедии» Данте, иллюстрации Гранвиля к «Робинзону Крузо» Дефо, иллюстрации Фиса и Крукшенка к Диккенсу и др.

Советские художники также внесли свою долю в иллюстрирование произведений западноевропейских и античных литератур. В старой издательской практике вошло в обычай перепечатывать оригинальные иллюстрации из иностранных изданий. В противоположность этому советские художники подошли к иллюстрированию произведений мировой литературы с желанием показать свое новое понимание общеизвестных классических произведений.

В оформлении «Одиссеи» Гомера художник П. А. Шиллинговский (1935) в книжных украшениях использовал мотивы древнегреческого вазового орнамента. Мастерство художника проявилось в умении дать художественное сочетание этого орнамента с книжным набором. Этот же художник создал великолепные чисто реалистического характера форзацы к «Сельским поэмам» Вергилия (1933). Форзац, изображающий сельский пейзаж древнего Рима, сразу вводит читателя в тот мир, с которым он познакомится в процессе чтения.

Исключительно строго, скупыми графическими средствами сделан художником В. А. Фаворским портрет Данте к переводу «Новой жизни» (1934). Прекрасно выполнены иллюстрации К. Рудакова к сочинениям Мопассана (1936).

Наиболее интересными были иллюстрации Евгения Кибрика к роману Ромен Роллана «Кола Брюньон» (1936), о которых автор писал художнику: «Я приветствую Кибрика, мастера жизни и юмора, который сумеет быть в свои счастливые часы также и мастером красоты. Я благодарю его от имени моей Бургундии. Подобно великому садовнику Мичурину, он взял оттуда виноградный куст Шабли[1] и пересадил его на склоны СССР».

В годы пятилеток вышло много изданий классической русской литературы с новыми иллюстрациями советских художников.

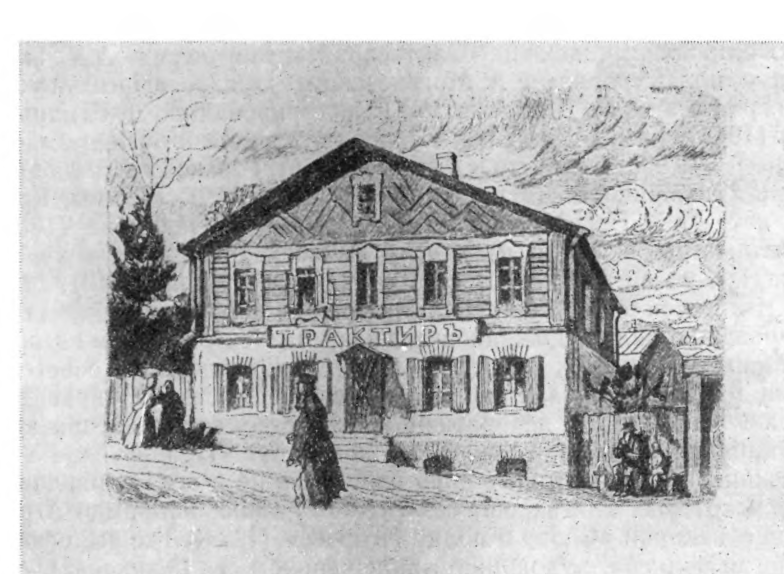
[1] Шабли — сорт винограда.

Таково, например, издание «Бахчисарайского фонтана» А. С. Пушкина с иллюстрациями А. Могилевского (1937), «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, иллюстрированное Д. Шмариновым (1941), расцвет таланта которого относится к последующему периоду. Можно отметить «Детство» А. М. Горького с иллюстрациями художника Б. Дехтерева (1936) (рис. 110), «Мороз, Красный нос» Н. А. Некрасова с иллюстрациями А. Пахомова (1938). Из иллюстраций к новым книгам превосходны рисунки художника Н. Жукова к книге «Воспоминания о Марксе» (1940).

Интересен опыт советских издателей, привлекших к иллюстрированию книг художников-палешан. Палех — село, в котором с давних пор жили и работали мастера-иконописцы. В советское время палешане начали проявлять свое искусство в украшении изделий из дерева, в декоративном искусстве, сохраняя при этом традиции старинного русского иконописания. Привлечение этих художников к иллюстрированию книг было не всегда оправданно, но в некоторых книгах оно безусловно удачно, например в роскошном издании «Слово о полку Игореве» (1934), где все оформление выполнено художником-палешанином И. Голиковым. Им сделаны иллюстрации в стиле древнего иконописания, орнаментика по рисункам древних рукописей; весь текст тоже был написан художником кириллицей в стилизованной манере и воспроизведен фотолитографией. Им же были сделаны рисунки для переплета и форзаца.

В хорошем оформлении выходят различные издания Конституции СССР. Особенно отличается издание Госполитиздата, выпущенное на шести главнейших мировых языках (по отдельному тому для каждого языка). Формат большой, бумага высокого качества, шрифты отлиты по специальному рисунку. Переплеты из темнокрасного сафьяна с металлическим гербом Союза Советских Социалистических Республик на передней крышке отличаются цельностью замысла и строгой простотой. На всемирной выставке в Париже это издание Конституции СССР получило высшую премию (рис. 111).

Большой шаг вперед в области книжной иллюстрации делает Детгиз. Ряд талантливых художников, специализировавшихся на иллюстрировании детской литературы, создают чудесные книги. К этим художникам следует отнести К. Кузнецова, мастера, чудесно изображавшего животных, и близкого к нему Ю. Васнецова. Созданный ими сборник сказок, пословиц и песенок «Гуси-лебеди» переиздавался множество раз и стал одной из любимейших книг советских детей. Непревзойденный художник-анималист Е. Чарушин, разносторонний график В. Лебедев, В. Конашевич, создавший блестящие иллюстрации к сказкам Андерсена, и многие другие способствовали расцвету советской иллюстрации в детской книге и создали в годы предвоенных пятилеток лучшие в мире книги для детей, указав путь, по которому должно идти их оформление.

V

К весне дядья разделились; Яков остался в городе, Михаил уехал за реку, а дед купил себе большой интересный дом на Полевой улице, с кабаком в нижнем каменном этаже, с маленькой уютной комнаткой на чердаке и садом, который опускался в овраг, густо ощетинившийся голыми прутьями ивняка.

— Розог-то! — сказал дед, весело подмигнув мне, когда, осматривая сад, я шел с ним по мягким, протаявшим дорожкам. — Вот я тебя скоро грамоте начну учить, так они годятся...

— 66 —

Рис. 110. Страница из книги А. М. Горького «Детство». Иллюстрации Б. Дехтерева

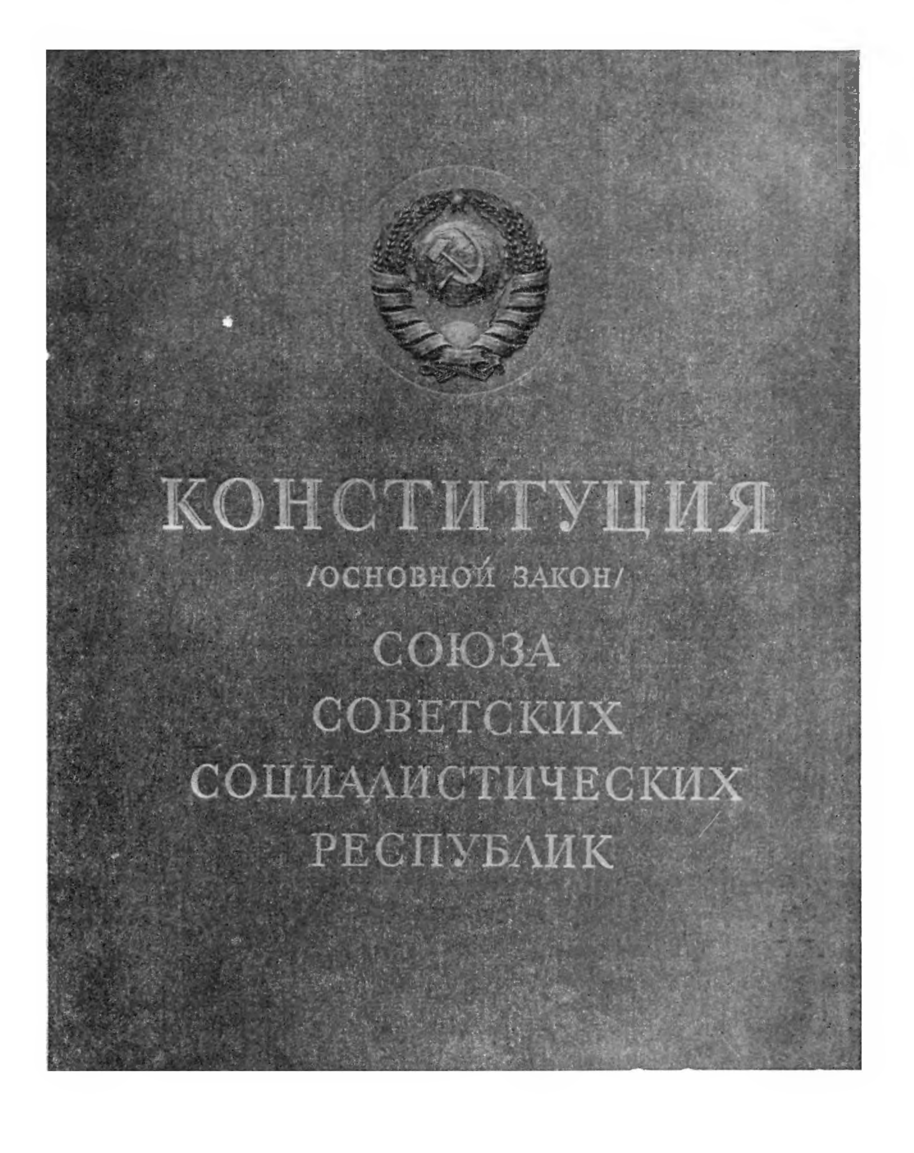

Рис. 111. Переплет «Конституции СССР», изданной Госполитиздатом в 1937 году

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

КНИГА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

§ 125. НОВЫЕ ЗАДАЧИ КНИГОИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА

22 июня 1941 года гитлеровская Германия без объявления войны вероломно напала на Советский Союз. Весь советский народ под руководством Коммунистической партии поднялся на защиту своей страны, показав пример высокого героизма, любви к Родине и морально-политического единства. Великая Отечественная война 1941—1945 годов, невиданная по своей жестокости, отличалась от предыдущих войн тем, что она происходила не только на фронтах, но и в тылу. В кратчайшие сроки требовалось перестроить все народное хозяйство страны на военный лад, что и сделали советские люди, создав крупнейшие предприятия оборонной промышленности. Фабрики и заводы переключились на производство вооружения и боеприпасов, транспорт — на перевозки, связанные с передвижением войск и снабжением армии, легкая промышленность — на производство обмундирования и продуктов питания. Вся жизнь тыла была подчинена призыву партии: «Все для фронта, все для победы».

Перед советской печатью, литературой, изобразительным искусством, театром, кино, радио возникает новая задача — воспитывать в советских людях высокие качества защитников Родины — мужество, стойкость, самоотверженность, ненависть к врагу и твердую уверенность в победе.

Советские издательства должны были дать народу книгу, необходимую для успешного ведения войны, книгу, проникнутую идеями высокого патриотизма и беззаветного служения Родине и своему народу. И советские издательства успешно выполнили эту новую задачу.

Война принесла издательскому делу страны огромные потери. Издательства, типографии, бумажные фабрики, находившиеся в районе военных действий или на временно оккупированной гитлеровцами территории, частью подверглись разрушению, частью были эвакуированы в тыл и на время прекратили работу. В связи с этим значительно сократился выпуск книг в стране, особенно в первые месяцы войны. Вместе с тем подверглись изменению планы издательств как в сторону сокращения объема, так и в сторону изменения тематики. Некоторые издательства временно приостановили большие многотомные издания и перешли на выпуск актуальной для данного момента литературы.

§ 126. КНИЖНАЯ ТЕМАТИКА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В период Великой Отечественной войны неизмеримо возрастает роль военной и военно-технической литературы; деятельность Государственного военного издательства сильно расши-

ряется и получает в книгопроизводстве страны ведущее значение. Военное издательство выпускает большое количество теоретической литературы по военному делу для командного состава Советской Армии. Это были книги по вопросам стратегии и тактики, подготовки вооруженных сил, взаимодействия всех родов войск в бою, по вопросам вооружения, снабжения армии, медицинской службы и другим важнейшим вопросам, связанным с ведением войны.

Для рядового состава Советской Армии требовались в большом количестве практические руководства. Солдат Советской Армии является активным и сознательным участником всех боевых операций, он имеет высокую военную подготовку и должен постоянно повышать знания в области военного дела.

Книгу, способствующую ведению войны и укреплению тыла, давали кроме Военного издательства и другие. Так, издательство Академии медицинских наук и Госмедиздат выпускают много книг по военной медицине, хирургии, санитарии, уходу за ранеными. Множество производственной литературы издают технические издательства в помощь труженикам тыла; это было тем более необходимо, что на предприятиях работало большое количество новых людей, заменивших рабочих, ушедших на фронт. С первых дней войны в промышленности возникает движение двухсотников и трехсотников, организуются бригады многостаночников, развертывается движение за совмещение профессий. Новые формы социалистического соревнования необходимо было обеспечить новыми книгами по обмену опытом, практическими руководствами.

Чем дольше длилась война, тем больше выходило книг, посвященных описанию отдельных военных операций и боевых эпизодов — о городах-героях, о героях Великой Отечественной войны, о славной работе партизан в тылу врага, о варварстве и зверствах фашистских захватчиков. Было отпечатано также много иллюстративного материала — зарисовки боевых эпизодов и фронтовой походной жизни. Из лучших следует отметить зарисовки Н. Жукова. Замечательна серия рисунков Д. Шмаринова «Не забудем, не простим!», изображающая зверства гитлеровцев во временно захваченных ими областях.

Большое развитие получает массовая брошюра, освещающая подвиги героев фронта и героические дела советских патриотов в тылу. Подвиги нашей армии в борьбе с фашистскими захватчиками вызывают всеобщее повышение интереса к прошлому русского народа, особенно к периодам борьбы страны за независимость и к выдающимся деятелям прошлого. В ответ на спрос появляются книги, посвященные великим русским полководцам прошлого — Александру Невскому, Дмитрию Донскому, Александру Суворову, Михаилу Кутузову, Денису Давыдову.

С первых дней Великой Отечественной войны большое значение получает агитационный плакат. Искусство плаката стояло

в СССР на большой высоте еще со времени гражданской войны. Плакаты создают талантливые художники, вопросы искусства плаката обсуждаются в печати, умению создать выразительный агитационный плакат придается большое значение. Плакаты, выпущенные в первые дни войны, отражают всенародный подъем на борьбу с врагом. Первые плакаты принадлежат Кукрыниксам (творческое содружество трех художников: Куприянова, Крылова и Соколова), Н. Долгорукову, В. Иванову, Д. Моору. Один из лучших — плакат Ираклия Тоидзе «Родина-мать зовет». Плакат времени Великой Отечественной войны чутко откликается на все события фронта и тыла. Вскоре появились вновь, как и во время гражданской войны, плакаты, размноженные трафаретом. Это были «Окна ТАСС», в оформлении которых принимали участие многие крупные художники (Кукрыниксы, П. Соколов-Скаля, Д. Моор, В. Дени, В. Иванов, Г. Нисский), а тексты писали известные поэты. Местные «окна» возникают в разных провинциальных городах — в Саратове, Мурманске, Нальчике. В Ленинграде художники-фронтовики выпускают серию плакатов «Боевой карандаш»; в нем принимают участие художники Н. Жуков, В. Курдов, В. Серов, Г. Верейский, Н. Тырса и другие. Большое место как в плакате, так и «окнах» занимала сатира, направленная против фашистов.

Не прекращается в годы войны издание научной и художественной литературы. Много замечательных книг печатают издательства ОГИЗа, ведомственные издательства, а также Академия наук.

В Ленинграде даже в дни блокады после некоторого перерыва налаживается издание газет, выходят книги. Художник А. Пахомов сделал зарисовки Ленинграда во время блокады, и с помощью рабочих-печатников ему удалось отпечатать литографским способом эти листы. По окончании войны они были включены в книгу Н. Тихонова «В те дни» (1946). Литографским способом печатались в Ленинграде и плакаты.

§ 127. КНИГА И ПЕЧАТЬ НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В планах всех советских издательств большой процент занимала книга, предназначенная для фронта. В первую очередь это политическая книга, которая в большом количестве издавалась Госполитиздатом. Это были произведения классиков марксизма-ленинизма, выступления руководителей партии и правительства, агитационная литература. Большое распространение получает изданная Госполитиздатом в 1942 году книга И. В. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза» — замечательный памятник всемирно-исторической победы советского народа в этой войне. В последующих изданиях книга содержит все выступления И. В. Сталина, начиная с обращения по радио 3 июля

1941 года и кончая обращением к народу 2 сентября 1945 года, в день победы над Японией.

Книга, газета, журнал сопровождают участников Великой Отечественной войны в течение всей походной жизни и даже в самой сложной боевой обстановке. Об этом свидетельствуют хранящиеся в наших музеях книги, простреленные вражескими пулями. Из писем, записок и дневников известно, как любили и ценили книгу бойцы Советской Армии, как носили с собой книги любимых писателей, читали их в минуты отдыха. Снабжением армии книгой ведали культпросветработники, находившиеся в армии.

Впервые в истории Советская Армия создала и широко распространила фронтовую печать. В армии были специальные кадры корреспондентов, при крупных фронтовых подразделениях существовали походные типографии, в которых печатались фронтовые газеты, листовки, сообщения о ходе военных действий и победах Советской Армии, речи и приказы Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина.

Появилась печать и в тылу врага. Партизаны устроили несколько подпольных типографий, в которых печатали речи и выступления руководителей партии и правительства, агитационные брошюры и листовки и даже газеты.

Особенно усиливается книгоиздательская деятельность в дни окончательного разгрома врага, в дни взятия Берлина. Очень интересны некоторые издания Военного издательства, созданные буквально в боевой обстановке, в условиях наступления на Берлин в конце апреля и начале мая 1945 года. В 1946 году Военным издательством была издана книга, получившая исключительную популярность, — поэма Александра Твардовского «Василий Теркин» (1946), выдающееся по печати и оформлению издание с иллюстрациями О. Верейского. На рис. 112 показана страница из этой книги с иллюстрацией.

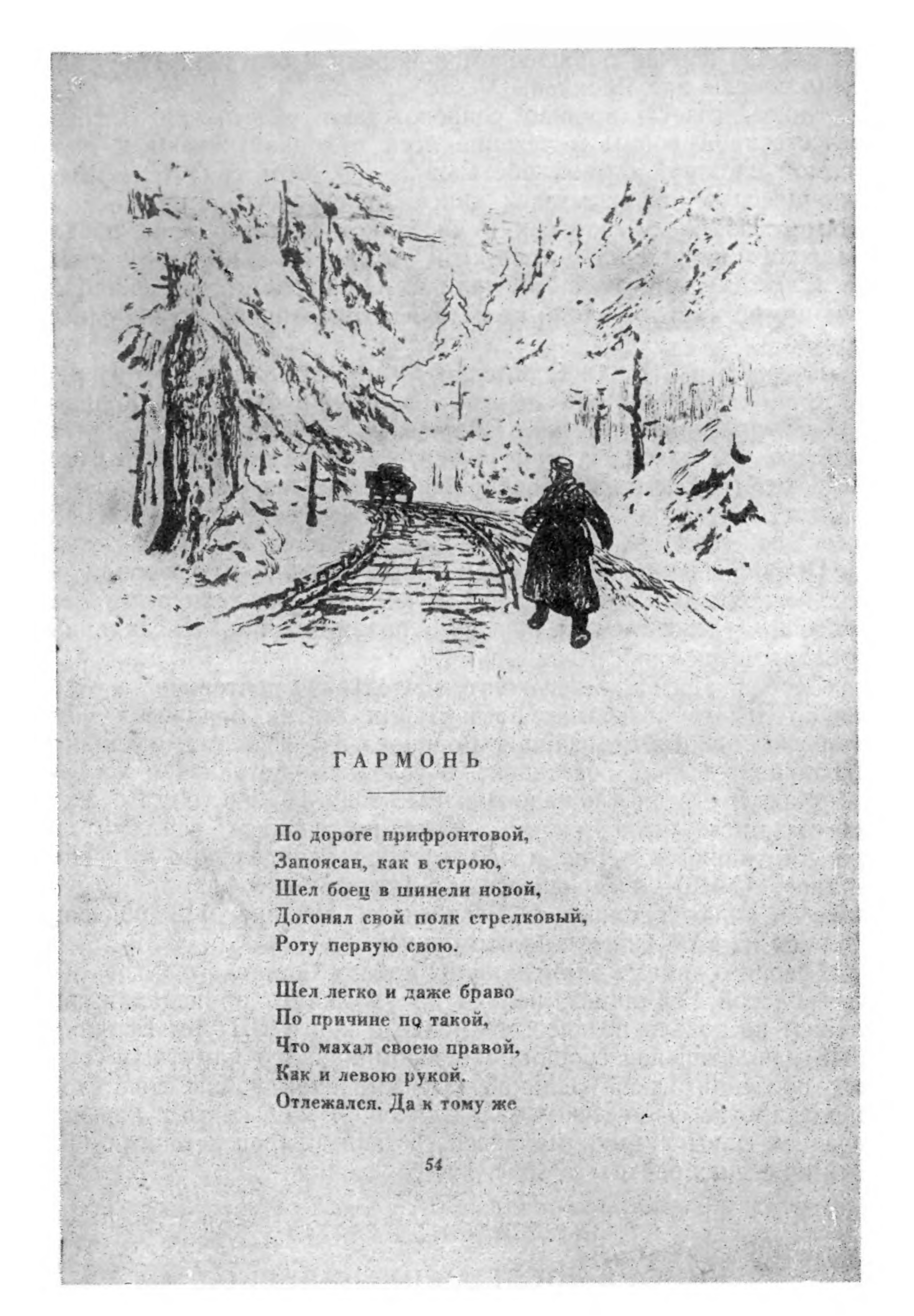
Говоря о книгах, знаменующих победу Советского Союза над гитлеровской Германией, нельзя не упомянуть об изданий, вышедшем несколько позднее, а именно о книге «Штурм Берлина» (1948), являющейся сборником воспоминаний о памятных событиях последних дней Великой Отечественной войны советского народа против фашистских захватчиков. В этой книге в качестве форзацев даны снимки надписей, оставленных советскими бойцами на стенах рейхстага (рис. 113).

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

КНИГА В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

§ 128. ЗАДАЧИ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

В 1945 году советский народ одержал блестящую победу над фашистской Германией и японским милитаризмом.

ГАРМОНЬ

По дороге прифронтовой,
Запоясан, как в строю,
Шел боец в шинели новой,
Догонял свой полк стрелковый,
Роту первую свою.

Шел легко и даже браво
По причине по такой,
Что махал своею правой,
Как и левою рукой.
Отлежался. Да к тому же

54

Рис. 112. Страница из поэмы А. Твардовского «Василий Теркин». Иллюстрации О. Верейского

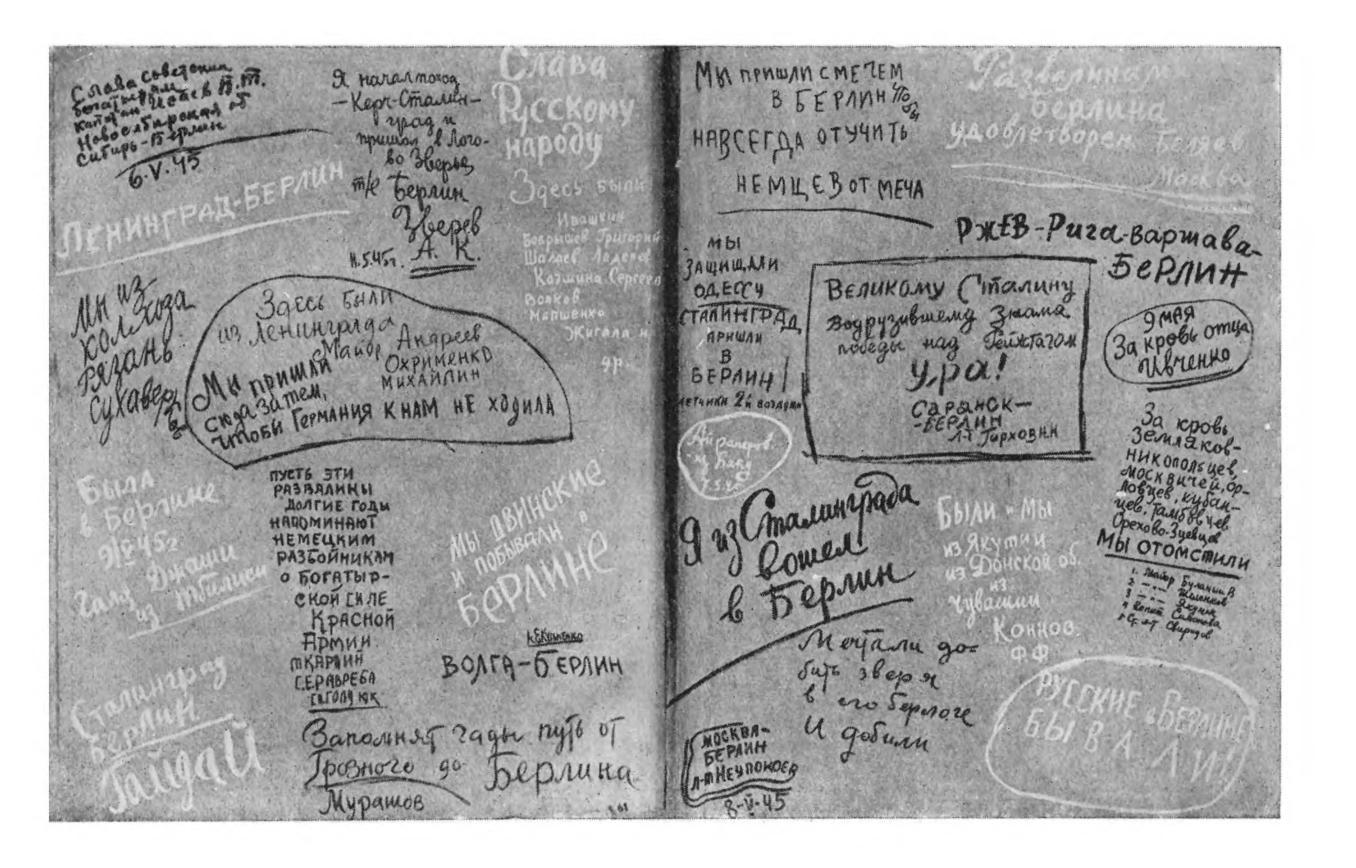

Рис. 113. Форзац книги «Штурм Берлина»

Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне еще более укрепила его мощь, победа эта показала всему миру моральное единство, дружбу народов и основанную на этом обороноспособность, могущую дать отпор любой попытке развязать войну.

Народное хозяйство и культура Советского государства сильно пострадали от нашествия варваров XX века. Были разрушены целые города с замечательными памятниками архитектуры, сожжены и уничтожены музеи, библиотеки, собиравшиеся веками и дорогие каждому советскому человеку. Сразу же после окончания войны советский народ приступил к восстановлению хозяйства.

В 1952 году состоялся XIX съезд нашей партии, на котором были подведены итоги побед и достижений страны и намечены пути дальнейшего развития и движения вперед к построению коммунистического общества. На этом пути неизмеримо вырастает общекультурное и воспитательное значение книги, что и было отмечено в докладах и резолюциях XIX съезда партии.

В директивах XIX съезда по пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 годы поставлены задачи — увеличить выпуск художественной и научной литературы, журналов и газет, для чего следует расширить полиграфическую промышленность и улучшить качество печати и оформление книги.

Коммунистическая партия и Советское правительство уделяют огромное внимание издательскому делу; в настоящее время издательства обеспечены материальными средствами, высокой техникой отечественного производства, могут привлекать в качестве авторов высококвалифицированных специалистов. Со стороны издательств повышается ответственность за качество выпускаемой книжной продукции, за идейное содержание книги, за ее высокое редакционное и полиграфическое выполнение. Большое значение для книгоиздательского дела имели принятые в 1946—1948 годах постановления Коммунистической партии по идеологическим вопросам — «О журналах «Звезда» и «Ленинград», «О репертуаре драматических театров и мерах к его улучшению», «О кинофильме «Большая жизнь», «Об опере Мурадели «Великая дружба». Эти постановления обязывают советские издательства не допускать к изданию книг безидейных, проповедующих эстетство и формализм, книг, извращающих советскую действительность. Советскому читателю нужны книги, воспитывающие в человеке качества строителя коммунизма, советская книга должна быть идейной, доступной по форме и содержанию, точной со стороны научного исследования. В великой борьбе за мир против поджигателей новой войны воспитательная и агитационная роль книги имеет особенно большое значение. Советские издательства должны обеспечить трудящихся такой книгой.

§ 129. СИСТЕМА ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА В СССР В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Как уже говорилось, книгоиздательское дело начало заметно расти уже в последний год войны; в послевоенный период издательские планы, количество выходящих книг и тиражность их увеличиваются с каждым годом. Издательское дело приобретает несколько иные организационные формы. Значительно расширяется сеть ведомственных издательств при министерствах и других учреждениях союзного и республиканского значения. Соответственно сокращается число издательств, входящих в систему ОГИЗа; теперь в это объединение вошли крупнейшие центральные издательства, такие, как Госполитиздат, Гостехиздат, Сельхозгиз, Географгиз, Государственное издательство «Большая Советская Энциклопедия» и другие, а также пятнадцать областных издательств.

Большое число издательств имеется при научных учреждениях, академиях, институтах, музеях. Крупнейшее научное издательство — издательство Академии наук СССР. Кроме того, существуют издательства партийные, комсомольские, профсоюзные, научных обществ и кооперативные.

В феврале 1949 года издательское дело реорганизуется. Вместо ОГИЗа создается новое учреждение — Главное управление полиграфической промышленности, издательств и книжной торговли при Совете Министров СССР (Главполиграфиздат). В ведение этого учреждения передается все производство и распространение книг в Советском Союзе.

С 1953 года все организации, учреждения и предприятия, связанные с производством книг и их распространением, переданы в ведение Министерства культуры СССР.

§ 130. КРУПНЕЙШИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА СССР И ИХ ПРОДУКЦИЯ

В послевоенные годы особенно растет спрос на политическую книгу, удовлетворяемый изданиями Государственного издательства политической литературы (Госполитиздата). В работе этого издательства наступает новый знаменательный период. Если в довоенный период отдельные произведения классиков марксизма-ленинизма издавались тиражами в полмиллиона и в миллион экземпляров, то теперь такие тиражи становятся постоянными для многих изданий. Впервые многотомные собрания сочинений осуществляются тиражами в несколько сот тысяч. В 1946 году Госполитиздат совместно с Институтом Маркса—Энгельса—Ленина предпринял издание Сочинений В. И. Ленина (четвертое издание) и И. В. Сталина тиражом в 500 тысяч экземпляров. В этих изданиях помещены обширные примечания, касающиеся обстоятельств возникновения и истории написания каждого произведения. По внешнему оформлению эти издания являются лучшими из вышедших до сих пор: для них были отлиты специальные шрифты,

изготовлена особая бумага высокого качества и материалы для переплета, оформляла их бригада художников-оформителей. На рис. 114 и 115 показаны художественные переплеты Сочинений В. И. Ленина и И. В. Сталина.

В 1948 году советская общественность отметила десятилетие выхода в свет «Краткого курса истории ВКП(б)». За десять лет книга издавалась 208 раз. На русском языке вышло 71 издание, остальные в переводе на 62 языках народов Советского Союза, в том числе таких, которые не имели письменности до Великой Октябрьской революции.

Научную литературу издают отраслевые издательства, находящиеся при соответствующих министерствах, Академии наук, научно-исследовательские институты, высшие учебные заведения. Самое крупное в Советском Союзе научное издательство Академии наук СССР осуществляет выпуск книг вместе с входящими в систему Академии наук институтами. Особенно большую работу по подготовке изданий научной литературы проводят: Институт истории, Институт экономики, Институт русской литературы, Институт языкознания, Институт геологических наук, Институт машиноведения. За послевоенные годы кроме огромного количества текущей советской научной литературы и трудов советских и западноевропейских классиков науки издательство Академии наук выпускает академические издания сочинений Ломоносова, Менделеева, Павлова, Сеченова. Закончены начатые перед войной полные собрания сочинений Пушкина и Гоголя. Издательство Академии наук издает интересную серию избранных трудов великих ученых «Классики науки». В этой серии вышли работы Ломоносова, Лобачевского, Павлова, Мечникова, Ньютона, Шампольона, поэма римского философа-материалиста Лукреция «О природе вещей». На рис. 116 показана одна из книг серии «Классики науки». В этом издательстве выходила также «Научно-популярная серия»; авторами книжек этой серии являются академики.

В последние годы огромное значение получает издание сельскохозяйственной литературы. Рост выпуска книг по сельскому хозяйству связан с выдвинутыми Коммунистической партией задачами мощного подъема всех отраслей сельского хозяйства и создания изобилия продуктов питания для населения и сырья для легкой промышленности. Книги по сельскому хозяйству издают как Государственное издательство сельскохозяйственной литературы (например, серия «Передовой опыт в сельском хозяйстве») и научно-исследовательские учреждения, так и республиканские, краевые и областные издательства.

Государственное издательство «Большая Советская Энциклопедия» приступило ко второму, переработанному изданию Большой Советской Энциклопедии. Новый энциклопедический словарь, начатый печатанием в 1949 году, будет представлять совершенно новую работу, свободную от многих ошибок первого издания.

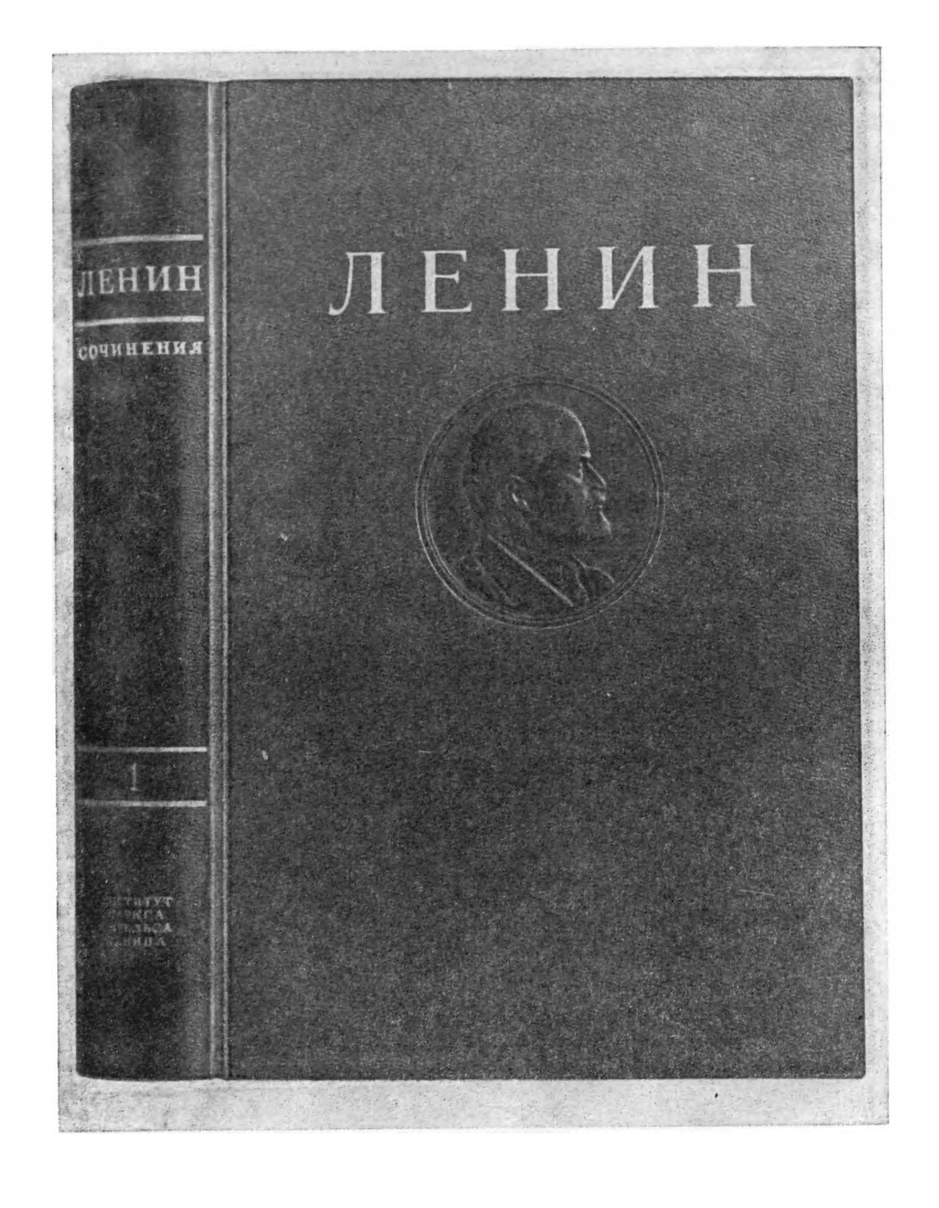

Рис. 114. Переплет к четвертому изданию Сочинений В. И. Ленина. Художник Г. К. Писманник

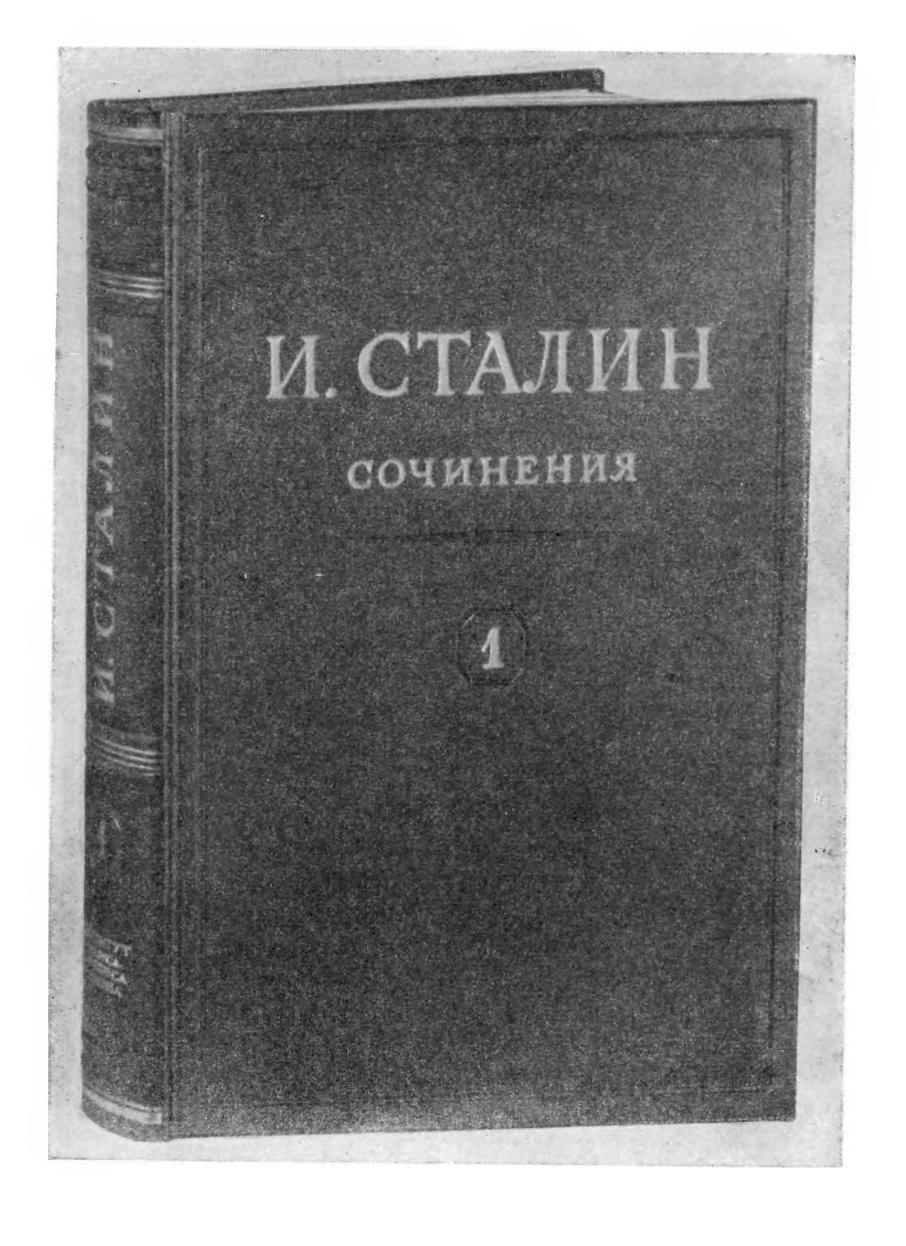

Рис. 115. Переплет к Сочинениям И. В. Сталина. Художник Н. А. Седельников

Он дает полную сводку современных научных знаний и взглядов, составленную наиболее выдающимися специалистами в соответствии с марксистско-ленинской теорией. Энциклопедия будет содержать до 100 тысяч слов.

В популяризации науки большую роль играют серии брошюр, хорошо составленные и оформленные. Помимо серий, издаваемых Академией наук, к ним относятся серии «Научно-популярная библиотека» Государственного издательства технико-теоретической литературы и «Научно-популярная библиотека солдата и матроса», издаваемая Государственным военным издательством. Профиздат выпускает серию по обмену опытом передовиков производства; книги этой серии представляют собой блестящий показ высокой культуры труда в СССР. Авторами их являются сами новаторы производства, рабочие фабрик, заводов, транспорта и сельского хозяйства.

Большое количество научно-популярной литературы издает Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний; для этой цели обществом основано издательство «Знание».

Рис. 116. Обложка книги Ж.-Ф. Шампольона из серии «Классики науки»

Художественную литературу выпускает несколько центральных и местных издательств; из них крупнейшие — Государственное издательство художественной литературы (Гослитиздат), издательство «Советский писатель», издательство иностранной литературы.

Гослитиздат выпускает собрания сочинений русских классиков с иллюстрациями советских художников, в прекрасном оформлении. Много избранных сочинений русских и западных классиков в однотомниках издано за годы первой послевоенной пятилетки. На рис. 117 показан переплет, выполненный художником В. Бехтеевым к однотомнику Бальзака (Москва, 1949). Рис. 118 представляет титульный лист к стихотворениям Роберта Бернса, выполненный гравюрой на дереве художником В. Фаворским. Замечательным достижением является выпуск дешевых изданий отдельных произведений классиков, выходящих в сотнях тысяч экземпляров, — «Массовая серия». В этой серии даются проверенные тексты, хорошая печать, выразительный красочный рисунок

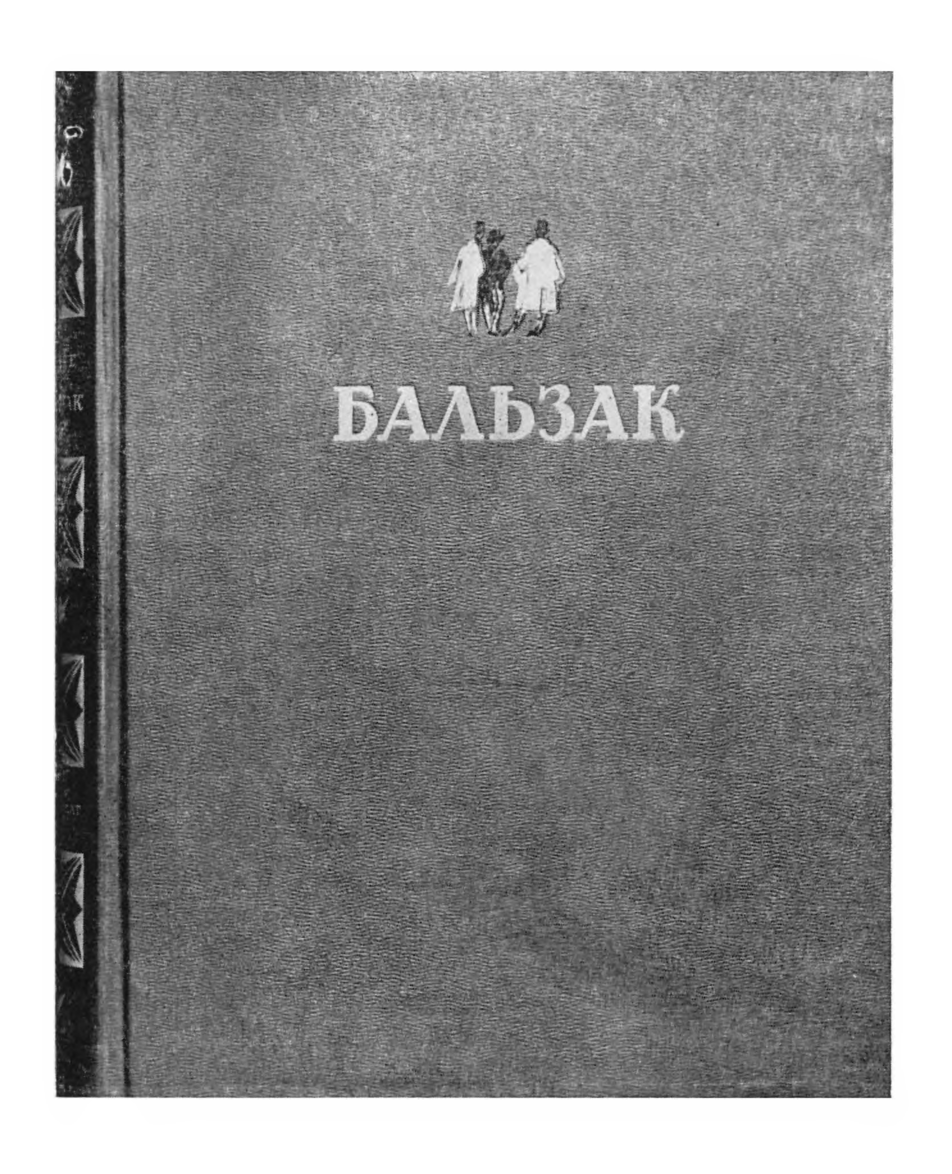

Рис. 117. Переплет к сочинениям О. Бальзака.
Художник В. Бехтеев

на обложке; часто имеются иллюстрации в тексте. Благодаря этому выпуску «Массовой серии» Гослитиздатом лучшие произведения русской классической литературы сделались доступными и дошли до самых отдаленных углов нашей обширной Родины. Гослитиздат издал за послевоенные годы собрания сочинений русских классиков Л. Н. Толстого, А. С. Пушкина, А. П. Чехова, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. Н. Островского, а также издания классиков литературы народов СССР в русских переводах, писателей стран народной демократии и классиков западноевропейской литературы. В Гослитиздате тиражи увеличились в десять раз по сравнению с довоенными годами. Тиражи «Массовой серии» доходят до полумиллиона экземпляров. Современную советскую литературу издает «Советский писатель».

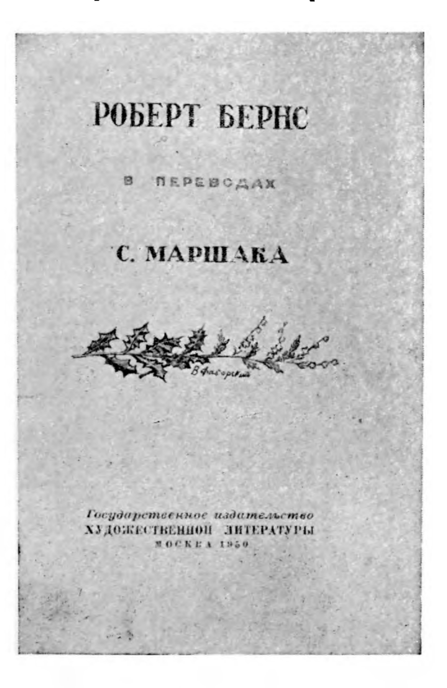

Рис. 118. Титульный лист художника В. Фаворского к собранию стихотворений Роберта Бернса

За последние годы издано много прекрасных книг по искусству. Их выпускали издательство «Искусство», издательство Академии наук совместно с Институтом истории искусства, Академия архитектуры. В 1954 году вышли в издании Академии наук первый и второй тома монументального издания «История русского искусства» с прекрасно выполненными иллюстрациями памятников древнерусской живописи, архитектуры и прикладного искусства. Государственное издательство «Искусство» выпускает несколько серий монографий, посвященных советским художникам.

Чрезвычайно выросло издание детской литературы, осуществляемое Государственным издательством детской литературы при Министерстве просвещения РСФСР. Кроме большого числа советских авторов, создавших такие замечательные книги для детей, как «Улица младшего сына» Л. Кассиля и М. Поляновского, удостоенная Сталинской премии, и другие, выходившие много раз высокими тиражами, Детгиз выпустил за последние годы много произведений русских классиков.

Советская общественность широко отмечает памятные даты, связанные с событиями из прошлого нашей Родины, и юбилейные даты ее великих людей.

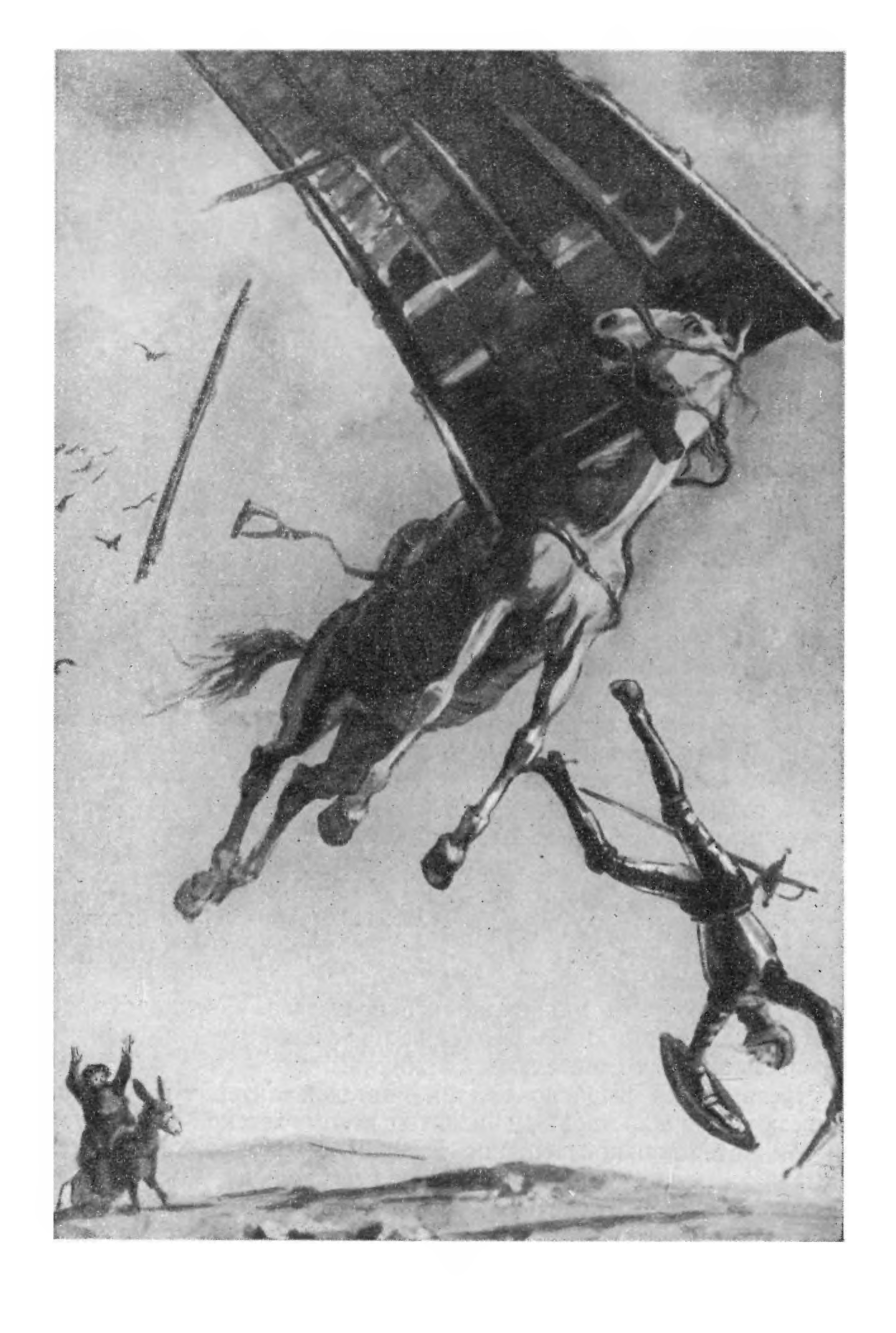

Рис. 119. Иллюстрация художников Кукрыниксов к «Дон Кихоту» Сервантеса

Рис. 120. Иллюстрация Е. Кибрика к «Тарасу Бульбе» Н. В. Гоголя

и отчетливее проступавшей из-под талого снега, ничто не говорит о близости человека.

Вот, наконец, и вершина земляного горба. Алексей, еле переводя дыхание и судорожно глотая воздух, поднял глаза. Поднял и тотчас же опустил — таким страшным показалось ему то, что открылось перед ним.

Несомненно, еще недавно это было небольшой лесной деревенькой. Очертания ее без труда угадывались по двум неровным рядам печных труб, торчавших над заметенными снегом буграми пожарищ. Кое-где сохранились палисадники, плетни, метелки рябин, стоявших когда-то у окошек. Теперь они торчали из снега, обгорелые, убитые жаром. Это было пустое снежное поле, на котором, как пни сведенного леса, торчали трубы и посреди — совсем уже нелепый — возвышался колодезный журавль с деревянной позеленевшей, обитой по краям железом бадьей, медленно

Рис. 121. Страница из книги Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке». Иллюстрация Н. Жукова

Празднование юбилейных дат сопровождается выходом в свет большого количества книг. За послевоенные годы отмечалось 150-летие со дня рождения Пушкина, 100-летие со дня смерти Гоголя, 100-летие со дня смерти Белинского, 150-летие со дня рождения Гюго.

Особенно торжественно отпраздновано было 300-летие воссоединения Украины с Россией в мае 1954 года. Это величайшей важности событие в жизни двух братских народов отмечалось изданием огромного количества книг. Наново переведены на русский язык и напечатаны произведения классиков украинской литературы Т. Г. Шевченко, Леси Украинки, Ивана Франко, М. Коцюбинского и советских украинских писателей. Академией наук издано трехтомное собрание документов, касающихся истории воссоединения.

§ 131. ОФОРМЛЕНИЕ И ИЛЛЮСТРИРОВАНИЕ СОВЕТСКИХ ИЗДАНИЙ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Оформление книги за последние годы явилось показом выдающихся образцов реалистического искусства в применении к книжной графике и иллюстрации. Улучшению внешнего вида книг в большой степени способствовало постановление ЦК ВКП(б) «О полиграфическом оформлении книг», принятое в июле 1945 года. В этом постановлении было отмечено наличие крупных недостатков в полиграфическом оформлении книг. Придавая важное значение качеству полиграфического оформления, Центральный Комитет обязал директоров издательств и типографий повседневно и лично заниматься вопросами оформления книг. Обратить внимание на качество материалов — бумаги, типографских красок, переплетных материалов. Привлекать авторов к обсуждению полиграфического оформления книг. Привлекать к оформлению книг высококвалифицированных работников изобразительного искусства, предоставив им инициативу в разработке различных типов оформления. Устраивать периодические книжные выставки. Привлекать широкие круги литераторов, художников, полиграфистов к обсуждению качества оформления. Ввести в практику премирование художников и полиграфистов за лучшее оформление. Организовать при художественных и полиграфических учебных заведениях отделения по подготовке высококвалифицированных оформителей книги.

Внимание Коммунистической партии к вопросам оформления книги сказалось на появлении огромного количества книг, стоящих на высоком уровне художественной культуры. Сказалось это и на оформлении научных книг, учебников и других видов книжной продукции. Кадры художников-оформителей и иллюстраторов, вдохновленные идеей сделать советскую книгу лучшей в мире, создают рисунки, проникнутые глубоким пониманием иллюстрируемого произведения и являющиеся образцами социали-

стического реализма. Такие иллюстрации дали художники Кукрыниксы к «Даме с собачкой» Чехова, к «Фоме Гордееву» Горького, к «Господам Головлевым» Салтыкова-Щедрина, к «Дон Кихоту» Сервантеса (рис. 119); Е. Кибрик — к «Тарасу Бульбе» Гоголя (рис. 120); В. Щеглов — к «Молодой гвардии» Фадеева; М. Клячко — к «Первым радостям» и «Необыкновенному лету» Федина; Н. Кузьмин — к «Железной воле» Лескова; В. Серов — к Некрасову; Н. Жуков — к «Повести о настоящем человеке» Полевого (рис. 121). Из числа детских книг следует отметить иллюстрации В. Лебедева к «Трем медведям» Л. Н. Толстого; А. Каневского — к «Золотому ключику» А. Н. Толстого. Над иллюстрированием книг для младшего возраста работают Е. Чарушин, А. Лаптев, А. Пластов.

Из изданий, вышедших к 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина, выделяются издания «Дубровского» с иллюстрациями Д. Шмаринова, «Сказка о царе Салтане» с иллюстрациями К. Кузнецова, «Сказка о попе и работнике его Балде» с иллюстрациями Б. Дехтерева. Из юбилейных изданий сочинений Гоголя художники Кукрыниксы иллюстрировали «Портрет» и «Шинель», дав образец почти непревзойденного мастерства и творческого проникновения в замысел писателя.

Оформители советской книги Н. Ильин, Н. Седельников, С. Телингатер, С. Пожарский, Е. Коган, Я. Егоров, И. Фомина стремятся достигнуть цельности в композиции всей книги как единого произведения, умеют создавать искусные сочетания шрифтов и бумаги, титульного листа и обложки, форзаца и переплета. Художники стремятся удовлетворить высокие требования, предъявляемые общественностью к советской книге. Всесоюзный научно-исследовательский институт полиграфической промышленности и техники ведет работу по стандартизации форматов, оформлению книг и усовершенствованию печатных процессов. В Научно-исследовательском институте полиграфического машиностроения изобретатели работают над созданием фотонаборных машин для шрифтов, над производством отечественных приборов для репродукционных процессов.

За тридцать семь лет советские издательства прошли славный путь в выпуске огромного количества книг. Советская книга по своему содержанию является лучшей книгой в мире. Советская книга — массовая книга, книга, созданная самим народом и имеющая назначение служить народу. Советская книга — одно из мощных орудий строительства коммунизма в нашей стране. Советская книга в великом деле всех людей доброй воли — в борьбе за мир — выполняет высокую и почетную роль. Советская книга и в будущем неизменно будет носительницей всего передового и могучим орудием прогресса человечества.

ЛИТЕРАТУРА

Ленин В. И., Из прошлого рабочей печати в России, Соч., т. 20.

Ленин В. И., Партийная организация и партийная литература, Соч., т. 10.

Ленин В. И., Памяти Герцена, Соч., т. 18.

Сталин И. В., Марксизм и вопросы языкознания, М., 1954.

Сталин И. В., К десятилетию «Правды», Соч., т. 5.

«История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс».

«О партийной и советской печати», сборник документов, М., 1954.

Авдиев В. И., История древнего Востока, изд. 2, М., 1953, стр. 100—103, 144—146, 280—283, 640.

Авдусин Д. А. и Тихомиров М. Н., Древнейшая русская надпись, «Вестник Академии наук СССР», 1950, № 4.

Арциховский А. В., Древнерусские миниатюры как исторический памятник, М., 1944.

Арциховский А. В. и Тихомиров М. Н., Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 года), М., 1953.

Арциховский А. В., Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 года), М., 1954.

Ашукин Н. С., Некрасов-издатель, «Книжные новости», 1938, № 1.

Бабкин Д. С., Процесс Радищева, М.—Л., 1952, стр. 27—38.

Базилева З. П., «Колокол» Герцена, М., 1949.

Берков П. Н., История русской журналистики XVIII века, М.—Л., 1952.

Булгаков Ф. И., Иллюстрированная история книгопечатания и типографского искусства, т. I, Спб., 1889.

Голубев В. З., М. Горький и «Знание», «Звезда», 1938, № 10.

Дацюк Б. Д., Русская журналистика в начале XIX века (лекция ВПШ), М., 1948.

Дацюк Б. Д., Журналистика времен декабристов (лекция ВПШ), М., 1948.

Жирнов В. Е., Развитие советской социалистической культуры, М., 1952.

Зернова А. С., Начало книгопечатания в Москве и на Украине, М., 1947.

Зернова А. С., Орнаментика книг московской печати XVI—XVII веков, М., 1952.

Зернова А. С., Памятник нижегородской печати 1613 года, «Сборник Публичной библиотеки СССР имени В. И. Ленина», т. I, М., 1928.

«Иван Федоров первопечатник», изд. Академии наук СССР, М., 1935.

Истрин В. А., Некоторые вопросы истории письма, «Вопросы языкознания», 1953, № 4.

«Книга в России», т. I—II, М., 1924.
Книжник И. (Ветров), Н. П. Поляков — издатель «Капитала» К. Маркса, «Вопросы истории», 1947, № 6.
Козьмин Б. П., Журналистика 60-х годов XIX века (лекция ВПШ), М., 1948.
Козьмин Б. П., Журнально-публицистическая деятельность А. И. Герцена (лекция ВПШ), М., 1948.
Костин А. и Кузнецов К., Сталинская газета «Брдзола», «Большевик», 1951, № 16.
Кузьмина В. Д., Возникновение периодической печати в России и развитие русской журналистики в XVIII веке (лекция ВПШ), М., 1948.
Левин Л. А., Издание и распространение произведений И. В. Сталина в дооктябрьский период, «Советская библиография», 1950, IV (29).
Левин Л. А., Произведения Маркса и Энгельса в царской России, «Труды Московского государственного библиотечного института», вып. I, М., 1938.
Лихачев Д. С., Возникновение русской литературы, М.—Л., 1952, стр. 14—24.
Лоукотка Ч., Развитие письма, М., 1950.
Макагоненко Д. П., Николай Новиков и русское просвещение XVIII века, М.—Л., 1951.
Маневский А. Д., Возникновение книгопечатания на Руси, М., 1939.
Муратов М. В., Книжное дело в России в XIX и XX веках, очерк истории книгоиздательства и книготорговли, М.—Л., 1931.
Назаров А. И., Очерки истории советского книгоиздательства, М., 1952.
Обнорский С. П., Язык договоров русских с греками, сборник «Язык и мышление», вып. V—VII, М.—Л., 1936.
Орлов Б. П., Полиграфическая промышленность Москвы, очерк развития до 1917 г., М., 1953.
Пекарский П. П., Наука и литература в России при Петре Великом, т. I—II., Спб., 1862.
Портянкин И. В., Ленин — создатель и руководитель «Искры», сборник «Ленинская «Искра», М., 1950.
Райнов Т. И., Наука в России XI—XVII веков, М.—Л., 1940.
Романовский И. С., Книга и жизнь, М., 1950, стр. 122—310.
Рыбаков Б. А., Ремесло древней Руси, М., 1948, стр. 684—692.
Светлов Л. Б., Издательская деятельность Н. И. Новикова, М., 1946.
Сидоров А. А., История оформления русской книги, М.—Л., 1946.
Смирнов И. С., Из истории строительства социалистической культуры в первый период советской власти, М., 1949, стр. 57—96.
Тихомиров М. Н., Начало московского книгопечатания, «Ученые записки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова», вып. 41, М., 1940.
Тихомиров М. Н., Первый печатник, М., 1934.
Чаушанский Д. Н., Белинский и русская реалистическая иллюстрация 1840-х годов, «Литературное наследство», т. 57, М., 1951.
Шицгал А. Г., Графическая основа русского гражданского шрифта, М.—Л., 1947.
Щелкунов М. И., История, техника, искусство книгопечатания, М.—Л., 1926.
Эйхенгольц А. Д., Из истории первых изданий произведений В. И. Ленина, «Книга и пролетарская революция», 1935, № 3.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОБЩАЯ ИСТОРИЯ ПИСЬМЕННОСТИ И КНИГИ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ КНИГИ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

СОВЕТСКАЯ КНИГА